

С.Э.Крапивенский

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ГУМАНИТАРНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

*Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов вузов
гуманитарно-социальных специальностей*

4-е издание, исправленное

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

ВЛАДОС

1998

Наманган Давлат 109
УНИВЕРСИТЕТ
ИЛМИИ КУТУБХОНА

Крапивенский С.Э.

К78 **Социальная философия: Учебник для студентов вузов. —**
М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. — 416 с.

ISBN 5-691-00053-5.

Сложность и неоднозначность современных социальных процессов ставит вопрос о новом уровне социального знания. Это предполагает генерацию нового поколения учебников по социальной философии. Сохраняя все рациональное, присущее формационному подходу к социально-философскому анализу общества, автор (победитель конкурса на учебники нового поколения по гуманитарным наукам) одновременно применяет и цивилизационный подход, что позволяет нетрадиционно осветить многие проблемы развития социума (место и роль технологического способа производства, предназначение и функции государства, специфика различных форм общественного сознания и т.д.).

Книга рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей высшей школы и на всех интересующихся данной проблематикой.

ББК 87.6

© Крапивенский С.Э., 1996
© «Гуманитарный издательский
центр ВЛАДОС», 1996
Все права защищены

Глава первая

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: НАУЧНЫЙ СТАТУС, ФУНКЦИИ, СМЫСЛ

1. Обществоведческий срез философии

Генезис философии

Возникновение философии, как и науки в целом, относится к тому этапу человеческой истории, когда обнаружилась

явная недостаточность эмпирических знаний для приспособления к социальной и биологической среде, а тем более для их преобразования. Можно предположить, что эта острая гносеологическая ситуация носила затяжной характер, поскольку для ее разрешения требовались определенные объективные предпосылки. Таким историко-бытийным фоном возникновения науки была эпоха перехода от доцивилизационной первобытности к цивилизации, которая, несмотря на всю свою незрелость, уже осуществила отделение труда умственного от труда физического и привела к появлению особой группы людей, профессионально занимающихся производством научных знаний.

Анализируя эпоху зарождения науки, в том числе и философии, Карл Ясперс ввел понятие осевого времени, подразумевая под ним эпоху резкого поворота в истории от мифологического сознания к научно-философскому осмыслению окружающего мира и места человека в нем. Удивительно, и этому еще не дано объяснения, что эта поворотная эпоха началась и протекала почти одновременно в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга (между 800 и 200 годами до н.э.). В это время в Китае жили и творили Конфуций и Лао-цзы, Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы, в Индии возникли Упанишады, жил Будда. В совокупности мыслителями этих двух стран были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма. В Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исая, Иеремия; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Геракли-

та, Платона, трагиков Еврипида и Софокла, историка Фукидида и механика Архимеда.

«Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, — заключает Ясперс, — сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели»¹.

Таким образом, уже тогда, на заре цивилизации появилась настоящая общественная потребность в *научных* (в том числе, в философских) знаниях об окружающем нас природном и социальном мире и месте человека в нем.

Речь, разумеется, идет не о формировании самостоятельной научной дисциплины — социальной философии, а только о ее генезисе. Вообще наука изначально могла возникнуть только в нерасчлененном, синкретичном виде, без деления, скажем, на физику, химию, биологию, социологию и т.д., не говоря уже о более дробной дифференциации. Причины такой цельности понятны: знаний о мире было накоплено еще сравнительно мало, да к тому же и проникновение в сущность явлений было довольно поверхностным. В этих исторических условиях наука включала в себя всю совокупность знаний о мире, в том числе и социально-философские представления. Наука и философия были до того слитны, что с таким же полным правом можно говорить о включении первоначальной философией в себя всей совокупности научных знаний, в том числе обществоведческих.

Но с самого начала возникновения науки начал действовать и один из основных законов ее развития — закон дифференциации научных знаний. Результатом дифференциации является последовательное выделение все новых, относительно самостоятельных отраслей научного знания, в том числе сужение предмета философии. Однако, отпочковывая от себя одну за другой конкретные научные отрасли, философия отнюдь не уподоблялась шекспировскому королю Лиру, который раздал все свое королевство дочерям, а сам остался ни с чем. С философией происходило обратное: чем больше отделялись от нее отрасли научного знания, тем богаче, плодотворнее, полезнее для общества становилась философия, ибо обретала свое собственное лицо, свой собственный, не совпадающий с другими пред-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 33.

мет исследования, иначе говоря — свои собственные функции, свое место в общественном сознании.

Научный статус социальной философии

Дифференциации в течение многих веков подвергалось и само философское знание, вследствие чего его структура претерпела существенные изменения.

Так, в ходе исторического развития от собственно философии отделились психология, формальная логика, этика, эстетика. Структуру философского знания, как оно выглядит на сегодняшний день, можно представить следующим образом (рис. 1).

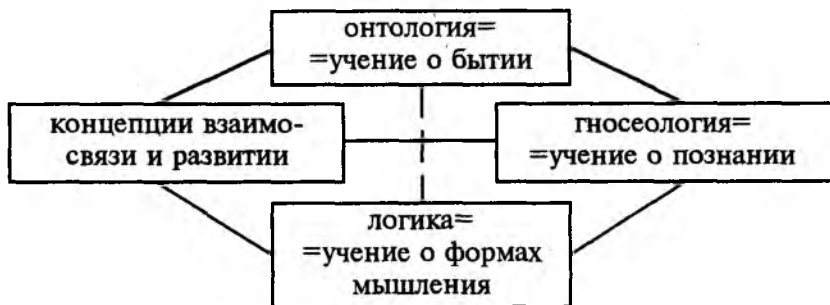

Рис. 1

Все структурные элементы философского знания между собой неразрывно связаны, что на схеме показано в виде непрерывных линий. Пунктир между онтологией и логикой означает, что в данном случае связь между структурными элементами опосредована и осуществляется через гносеологию и концепции взаимосвязи и развития.

Где же в этой структуре может быть определена ниша для социальной философии?

Сразу же оговоримся, что было бы опрометчиво рассматривать социальную философию в качестве сугубо самостоятельного, пятого структурного элемента философского знания в дополнение к онтологии, концепциям взаимосвязи и развития, гносеологии и логике. Если бы так почему-то случилось в ходе дифференциации философского знания, то философия перестала бы быть философией, т.е. совокупностью наиболее общих представлений о мире *в целом*, об *универсальных* законах его существования и развития. В качестве предметной области остался бы только мир природный да общие проблемы познания.

Правильней, очевидно, видеть в социальной философии обществоведческий *срез* философского знания в целом и большинства его структурных элементов в отдельности. В этом плане можно говорить о *социальной онтологии*, включающей в себя проблемы общественного бытия и его модификаций — бытия экономического, бытия социального в узком смысле слова, бытия экологического, бытия демографического. Соответствующим срезом концепций взаимосвязи и развития выступает *социальная динамика*, рассматривающая проблемы линейности, цикличности и спиралеобразности в общественном развитии, соотношения революционного и эволюционного в переходные эпохи, общественного прогресса. Есть еще один чрезвычайно важный структурный элемент социально-философского знания, представляющий собой срез гносеологии — *социальное познание*. В его поле зрения анализ общественного сознания, специфика применения при изучении социума общенаучных методов и форм познания.

Исключение в данном контексте составляет лишь такой элемент философского знания как логика. В силу своей предельной абстрактности и универсальности он вряд ли допускает какие-либо специфические срезы с себя, например, в виде социальной логики.

Мировоззренческая функция

Аристотель как-то заметил, что нет науки бесполезней, чем философия, но и нет науки прекрасней ее. Какими же функциями должна обладать наука, чтобы заслужить столь парадоксальную характеристику? Двумя основными *специфическими* функциями социальной философии, как и философии в целом, являются *мировоззренческая* и *методологическая*. Специфическими они называются потому, что в развитии и концентрированном виде присущи только философии.

Дадим рабочее определение мировоззрения, чтобы выявить мировоззренческую функцию философии. *Мировоззрение есть совокупность наиболее общих взглядов и представлений о сущности окружающего нас мира и месте человека в нем*. Для правильного понимания мировоззренческой функции философии необходимо учесть, по крайней мере, два момента.

1. Способы формирования мировоззрения у человека. Мировоззрение индивида может сформироваться либо в результате получения научных знаний в процессе образования (в том числе и самообразования), либо в стихийном процессе становления личности под воздействием социального окружения. При

этом возможны и смешанные, гибридные варианты, когда одни элементы мировоззрения индивида оказываются научно выверенными, а другие остаются на уровне расхожего обыденного мнения с его предрассудками и заблуждениями. Не погрешим против истины, если скажем, что никакая философская система, даже самая современная и совершенная, не гарантирует абсолютного отсутствия во взглядах индивида подобных предрассудков и заблуждений, хотя бы потому, что сама она не полностью свободна от них. И в то же время только систематическое философское образование способно свести «мифологическую» составляющую нашего собственного мировоззрения к минимуму.

2. Философия представляет собой все же не все мировоззрение, а «лишь» его ядро, поскольку в формировании мировоззрения участвуют все отрасли знания, все те учебные дисциплины, которые изучаются студентами в вузе (всеобщая история, психология, физика, языкознание и т.д.). Каждая из них в скрытом, а зачастую и в открытом, виде содержит в себе мировоззренческие выводы и, соответственно, вносит свой вклад в мировоззренческую подготовку будущего специалиста.

Опыт преподавания в средних и высших учебных заведениях показывает, что учащимися и студентами высоко ценится именно этот, мировоззренческий, аспект наших выступлений перед ними. Оно и понятно: этот аспект представляет собой наиболее основательный, наименее тленный слой знания, а факты, которые нанизываются на эту координату, на эту логическую канву, приобретают обоснованность, с которой их уже невозможно забыть. К тому же факты, хотя и «упрямая вещь», но по мере продвижения науки вперед постоянно обновляются и уточняются. И это происходит не по причине конъюнктурных соображений, разделяемых исследователем. Такова логика развития науки. Вспомним хотя бы, как был отброшен физикой двадцатого века «факт» существования эфира. Однако при этом следует отметить, что само отношение к интерпретации и к судьбе факта в немалой степени зависит от мировоззренческих позиций исследователя.

Методологическая функция

Как уже отмечалось выше, наряду с мировоззренческой функцией и в неразрывной связи с ней социальная философия выполняет методологическую функцию.

Философский метод есть система наиболее общих принципов теоретического исследования действительности. Принципы же эти, разумеется, могут быть совершенно различны. Можно, на-

пример, подойти к одному и тому же изучаемому явлению как развивающемуся, а можно подойти к нему как к неизменному, раз навсегда данному. В зависимости от этого и результаты теоретического исследования и практические выводы из него будут существенно различаться.

В истории философии прослеживаются два основных философских метода — *диалектика* и *метафизика*. Принципиальные различия между ними как двумя противоположными концепциями взаимосвязи и развития можно представить следующим образом.

1. Диалектика исходит из всеобщей, универсальной взаимосвязи явлений и процессов в окружающем нас мире; метафизика признает только связи случайные, возводя в абсолюте автономность, самостоятельность вещи.

2. Диалектика исходит из принципа развития, качественных изменений явлений и процессов; метафизика сводит все изменения в мире только к количественным изменениям.

3. Диалектика исходит из внутренней противоречивости, закономерно присущей любому явлению или процессу; метафизика же считает, что противоречия свойственны только нашему мышлению, но отнюдь не объективной действительности.

4. Диалектика исходит из того, что именно борьба внутренне присущих явлениям и процессам противоположностей представляет собой главный источник их развития; метафизика же переносит этот источник вне исследуемого предмета.

Философский метод выступает как отражение определенного уровня научного познания мира. Это становится очевидным, как только мы пытаемся ответить на вопрос: в чем причина, почему в истории философии диалектика и метафизика сменяли друг друга в качестве господствующих философских методов? Смена эта происходила закономерно, в связи с качественными изменениями в характере самой науки, и прежде всего естествознания. Так, античная диалектика, превосходившая метафизику в объяснении мира в целом вынуждена была уступить свое первенство, как только конкретные науки занялись детальным, скрупулезным исследованием каждого явления в отдельности и в его статике. На этом этапе (а он длился сотни лет) метафизика как нельзя лучше отвечала духу тогдашней науки. Но затем наступил новый этап, когда научное знание из описывающего, собирающего начало превращаться в сравнивающее, классифицирующее, систематизирующее (вспомним то, что сделали Карл Линней в виде системы растительного и животного мира, Дарвин своей эволюционной теорией, Менделе-

ев — периодической системой элементов и т.д.). Духу такого научного знания может соответствовать только диалектический метод.

Подытоживая, можно выделить следующие линии взаимодействия философии и частных наук:

а) на каждом историческом этапе развития науки философский метод синтезируется из достижений частных, конкретных наук, отражая дух науки своего времени, ее качественную специфику;

б) в свою очередь каждая из конкретных наук использует философский метод в качестве системы общих принципов подхода к изучению интересующих ее явлений и процессов.

Возникает вполне закономерный вопрос: если принципы философского метода действительно всеобщие и универсальные, то насколько мы вправе говорить о методологической функции *социальной философии*? Оказывается, вправе, ибо общеправильный философский метод преломляется в социально-философском срезе весьма специфически. Так, в ряде естественных наук к середине XIX в. уже утверждались основные принципы диалектического метода, между тем как в социальной философии еще господствовала метафизика. А ведь методологическая функция философии реализовывалась в отраслях обществоведческо-гуманитарного цикла, как правило, не непосредственно, а прежде всего через социальную философию. Еще один пример. В философии вообще идея объективной закономерности развития окружающего нас мира прослеживается с античных времен, однако, когда речь заходит об обществе, то и сегодня есть ряд течений (например, позитивизм), отрицающих объективный характер законов *общественного* развития. Вполне естественно, что социальная философия позитивизма оказывает существенное методологическое воздействие на представителей конкретных обществоведческих наук, о чем у нас еще будет повод поговорить подробнее.

Для удобства изложения мы четко и резко разграничили две функции социальной философии — мировоззренческую и методологическую. В действительности же они взаимопереходят, взаимопроникают. С одной стороны метод включен в мировоззрение, ибо наше знание об окружающем социальном мире в самых существенных моментах будет неполным, если мы отвлечемся от универсальной взаимосвязи и развития в нем. С другой стороны, мировоззренческие принципы (и прежде всего принципы объективности законов общественного развития,

принцип первичности общественного бытия) входят в состав философского метода.

Гуманистическая функция

Кроме рассмотренных выше основных *специфических* функций, т.е. таких функций, которые выполняет только философия, необходимо учитывать ее огромное значение и в реализации чрезвычайно важных *общенаучных* функций — гуманистической и общекультурной. Разумеется, и эти функции философия выполняет специфическим, только ей присущим способом — способом философской рефлексии. Подчеркнем также, что неспецифичность гуманистической и общекультурной функций отнюдь не означают их меньшей внутрифилософской, междисциплинарной и общественной значимости по сравнению со специфическими.

Гуманистическая функция философии направлена на воспитание личности, в нашем случае — личности студента, в духе гуманизма, гуманизма реального, научно обосновывающего пути освобождения человека, его дальнейшего совершенствования. Нам представляется, что эта гуманистическая функция философии очень хорошо выражена известным хирургом и кибернетиком Н.М.Амосовым в его книге «Мысли и сердце»:

«Смысл жизни. Спасать людей. Делать сложные операции. Разрабатывать новые — лучшие. Чтобы меньше умирали. Учить других врачей честной работе. Наука, теория — чтобы понять суть дела и извлечь пользу. Это мое дело. Им я служу людям. Долг.

Другое: Леночка (внучка. — С.К.). Каждый должен воспитывать людей. Это не только долг — это потребность. Приятно. Очень.

И есть еще мое личное дело: понять для чего все это? Для чего лечить больных, воспитывать людей, если мир в любую минуту может оказаться на грани гибели? Может быть это уже бессмысленно? Очень хочется поверить, что нет. Но вера — это не то. Я хочу знать. Хочу пощупать те расчеты, по которым предсказывается будущее».

Хорошо сказано: расчеты, по которым предсказывается будущее. Добавим: раз истинно предсказывается, то есть возможность приближения, созидания этого будущего по законам, понятным в их сущности, в том числе по законам справедливости и красоты. Собственно философия и началась с обдумывания смысла человеческой жизни и заявила об этом знаменитым античным афоризмом о Человеке как мере всех вещей. Сократ и

Платон, философы эпохи Возрождения, Ф. Бэкон и Гоббс, Спиноза, французские материалисты XVIII в., представители классической немецкой философии, Маркс и Энгельс, русские философы «серебряного века», экзистенциалисты — все они в фокус своего мировоззрения ставят человека как чувствующего, мыслящего и творящего субъекта. Каждый из классиков философии, развивая учение о человеке, по-новому высвечивал и проявлял какую-то важную для нас грань: то ли отношение человека к природе, то ли биологическую первоприроду человека, то ли зависимость человека от социальной среды и т.д.

В сумме своей это классическое наследие предстает перед нами как попытка всесторонне решить проблему «Человек и окружающий мир», ответить на три исчерпывающих эту проблему вопроса, которые Кант в «Критике чистого разума» сформулировал так:

- «1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?»

И Кант был абсолютно прав, утверждая, что в этих трех вопросах объединяются «все интересы моего разума (и спекулятивные и практические)»¹.

Общекультурная функция философия тоже выполняла с момента своего зарождения, и если сужался предмет философии, то с общекультурной функцией философии происходило скорее всего обратное: ее роль в жизни общества непрерывно возрастала. Уже Цицерон с полным правом заявлял, что «культура духа есть философия».

Тем более это справедливо для нашего времени. Без преувеличения можно сказать, что философия является сегодня важнейшим элементом духовной культуры человечества. «Мне представляется, — писал видный физик ФРГ, лауреат Нобелевской премии, Макс Лауэ, — что все науки должны группироваться вокруг философии как их общего центра и что служение ей является их собственной целью. Так и только так можно сохранить единство научной культуры против неудержимо прогрессирующей специализации наук. Без этого единства вся культура была бы обречена на гибель».

Итак, когда мы ставим перед собой вопрос «Что мне дает философия? Что мне дает ее изучение?», нельзя сбрасывать со

¹Кант И. Соч.: В 6 т. — М., 1964. — Т. 3. — С. 661.

счетов ее общекультурную функцию. Никогда не считался культурным человек, философски необразованный и неподготовленный. Тем более это относится ко времени, в котором мы живем. С другой стороны, в порядке, так сказать, обратной связи, заметим, что по отношению человека к философии можно судить и об его общей и его профессиональной культуре. И если он, подобно фонвизинскому Митрофанушке, вопрошает «А на что мне философия?», тогда его «культурный» уровень вполне очевиден.

* * *

Рассмотрев функции социальной философии, попытаемся вернуться к аристотелевской характеристике философии как самой бесполезной и одновременно самой прекрасной науки.

Да, она бесполезна в плане узко утилитарном, прагматическом, ибо философия не может научить выпечке пирогов, плавке металла, сапожному ремеслу и т.д. Более того — она не может подменить собой ни одну из конкретных наук, решая за них их специфические проблемы. Из истории философии известно, насколько бесплодными оказались многовековые попытки рассматривать философию в качестве «науки наук», втискивающей все остальные науки в прокрустово ложе общих схем и заменяющей собой эти науки. И только обретя свои специфические функции, философия перестает быть бесполезной: она дает конкретным наукам то, что они сами синтезировать не могут — мировоззрение и методологию, общегуманистический смысл и культурологическую значимость.

Что же касается «прекрасности» философии, то она слита воедино с ее полезностью в указанном высоком смысле. Действительно, что может быть прекраснее, чем приобщение к ценностям духовным, к пониманию смысла жизни, своего места в мире, своих взаимоотношений с другими людьми?! И реализуется это прекрасное прежде всего в гуманистической и общекультурной функциях философии, всегда являющейся духовной квинтэссенцией своей эпохи.

2. Место социальной философии в системе гуманитарного и всего научного знания

Социальная философия в органическом единстве с другими компонентами философского знания выступает в качестве мировоззренческого и методологического основания всех общест-

енных, а еще шире всех гуманитарных наук, включая психологию, лингвистику и т.д.

Доказательство выдвинутого положения начнем с анализа взаимоотношений социальной философии с социологией. Этот сюжет выбран нами для примера в силу двух обстоятельств. Во-первых, именно вокруг соотношения социальной философии (в ее традиционном тогда варианте исторического материализма) и получавшей тогда права гражданства прикладной социологии прошли бурные дискуссии в шестидесятые-семидесятые годы. Во-вторых, пример этот предельно нагляден и без особых трудностей может быть экстраполирован на другие отрасли гуманитарного, а также, мы вскоре увидим, и негуманитарного знания.

Социальная философия и социология

В упоминавшихся выше дискуссиях о соотношении социальной философии и социологии выявились три точки зрения.

1. *«Социальная философия равна всей социологии»*. Этот тезис о тождестве исторического материализма и социологии был явно направлен против прикладной социологии, ненужной и вредной в глазах приверженцев казарменного социализма и тоталитарных режимов: зачем еще какая-то прикладная социология, если исторический материализм (т.е. социальная философия марксизма) сам по себе способен исследовать и объяснить все общественные проблемы?

2. *«Социальная философия вне социологии»*. Сторонники этой точки зрения разделяли искусственным рвом социальную философию как философскую науку, как методологию от социологии как комплекса конкретных знаний об обществе. Если бы такой отрыв состоялся, социология оказалась бы во власти самого откровенного ползучего эмпиризма с его отказом от права на сколько-нибудь значительные обобщения общетеоретического порядка.

3. *«Социальная философия есть верхний, методологический этаж социологии»*. Такая позиция свободна от крайностей, присущих двум изложенным выше точкам зрения. Социальная философия — не вне социологии и не вся социология, а один из ее собственных слоев. Чтобы наглядней это понять, прибегнем к схеме. Любую науку можно представить в виде трехслойной структуры (рис. 2), верхний этаж которой составляет методологические и общетеоретические проблемы данной науки.

Методологические, общетеоретические проблемы
Теории среднего уровня
Прикладные научные исследования

Рис. 2

Социальная философия
Отраслевые социологические теории
Конкретные социологические исследования

Рис. 3

Далее идет этаж так называемых теорий среднего уровня (специализированных теорий), конкретизирующих положений общей теории применительно к более узким объектам. В физике такими теориями среднего уровня (средними не по их качеству, а по местоположению между двумя другими «этажами») будут физика твердого тела, физика элементарных частиц и т.д., в биологии — цитология, физиология высшей нервной деятельности, молекулярная биология и т.д. Еще ниже идет прикладной этаж науки, непосредственно связывающий ее с практикой.

Такая трехслойная структура характерна и для социологии (рис. 3). В качестве верхнего, методологического и общетеоретического этажа в данном случае выступает социальная философия,

далее идут отраслевые социологические теории (социология села, промышленная социология, социология личности, социология революции и т.д.). В качестве прикладного этажа выступают конкретные социологические исследования.

Социальная философия и история

Соотношение между социальной философией и социологией представляет собой тот предельный случай, когда социальная философия занимает весь верхний этаж здания данной науки. Соотношение же между социальной философией и другими общественными науками оказывается более сложным, в чем мы убеждаемся уже на примере такой близкой к социологии науки как история.

Здесь, в границах историко-научного знания, социальная философия не является уже монопольной владелицей верхнего этажа: она делит его с еще одной научной дисциплиной — методологией истории, или, как ее часто именуют, методологией исторического познания, которая имеет своим предметом общетеоретические проблемы, встающие перед исторической наукой. И хотя грань между социально-философскими проблемами и методологическими проблемами самой исторической науки весьма условна, но все же она существует. При этом методологиче-

ские проблемы истории нельзя рассматривать во всех случаях как конкретизацию соответствующих социально-философских проблем (например, исторические законы как конкретизацию законов общесоциологических), ибо в очень существенной своей части методология истории призвана заниматься и проблемами гносеологическими (проблема факта и его интерпретации, специфика восхождения к абстрактному знанию в исторической науке и т.д.).

Говоря о верхнем слое исторического знания, необходимо учитывать два обстоятельства.

1. В этот слой входит не социальная философия в целом, а лишь те ее концепции, идеи и понятия, которые в настоящее время востребуются исторической наукой в связи с ее собственным уровнем развития и решаемыми задачами. Остальное содержание социальной философии как бы составляет резерв этого слоя теории. Так, например, пока целые поколения видных отечественных исследователей Западной Европы (от И.В.Луцицкого, Н.И.Кареева, П.Г.Виноградова, М.М.Ковалевского, А.Н.Савина до Д.М.Петрушевского, Е.А.Косминского, А.И.Неусыхина, Н.П.Грацианского, С.Д.Сказкина) занимались преимущественно проблемами аграрной истории, во многом невостребованными оказывались понятия и выводы социальной философии, касающиеся психологического уровня общественного сознания. Сегодня же, когда ученики этих исследователей, углубляя исторический анализ, обратились к изучению систем ценностей и социально-культурных представлений людей той эпохи¹, верхний слой здания исторической науки заметно обогатился. Свидетельством этого служит происходящее на наших глазах вхождение в понятийный аппарат исторических исследований понятия «менталитет», обозначающего социально-психологический облик и настрой большой социальной группы (народности, нации, класса, сословия и т.п.).

2. Общетеоретические, методологические проблемы самой исторической науки уже для постановки, а тем более для своего решения, нуждаются в солидном философском обосновании. Выдающиеся русские историки всегда отчетливо это представляли. В 1884/85 академическом году В.О.Ключевский впервые в России прочитал спецкурс «Методология русской истории», озаглавив первый раздел первой лекции так: «Отсутствие метода в

¹См. об этом: Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 29.

нашей истории». Комментируя эту формулировку, Ключевский говорил: «Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия — она многое отработала; но я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его отработала»¹. Откуда же могут быть подчерпнуты исторической наукой соответствующие критерии и подходы, тем более в условиях нулевого уровня разработки собственных методологических концепций? Ясно, что таким первоначальным источником может выступать только философия, в том числе ее обществоведческий срез.

То, что сказано о соотношении социальной философии и истории, с известными коррективами (в каждом случае сугубо конкретными, учитывающими специфику данной науки) может быть экстраполировано на любую отрасль обществоведческого, гуманитарного знания.

Социальная философия и негуманитарное знание

Методологическую функцию социальной философии было бы неверно ограничивать только сферой гуманитарных наук. Как наука философская, социальная философия выполняет эту функцию по отношению ко всем наукам, в том числе

и к естествознанию. Многие проблемы и здесь могут быть решены только при методологическом обосновании с помощью законов, открытых социальной философией (например, периодизация истории той или иной науки, роль общественных условий в появлении и решении научных проблем; роль мировоззрения в научном творчестве; моральная ответственность ученого; классификация наук; превращение науки в непосредственную производительную силу общества и т.д.).

Кроме того, необходимо учитывать, что в современном естествознании есть множество отраслей, которые изучают объекты, относящиеся одновременно и к природе и к обществу. Достижения этих наук, для того, чтобы быть эффективными, должны опираться на знание не только законов природы, но и законов социологических потребностей общества и уровня общественного развития. Архитекторы, например, разрабатывая проекты жилых комплексов, должны учитывать тенденции развития быта (домашнего хозяйства, общественного питания), общественного воспитания детей и т.д. Большое значение имеет социаль-

¹Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. — М., 1989. — Т. 6. — С. 5.

ная философия и для медицины, поскольку болезнь есть явление не только биологическое, но и социальное.

3. Логика развития социальной философии

Возвращаясь к выводу о научном статусе социальной философии, отметим, что относительная самостоятельность социальной философии в системе философского знания все-таки существует. Обнаруживается она не только в заметной специализации одних философов и размежевании гносеологических и социально-философских произведений у других, но, прежде всего, во внутренней логике развития самой социальной философии, которая отнюдь не копирует логику развития философии в целом или отдельных ее частей (онтологии, гносеологии, концепций развития). Если, к примеру, концепции развития сменяли друг друга по известной триаде «наивная античная диалектика — многовековое господство метафизики — возрождение диалектики в философии Нового времени», то логику развития социальной философии схематично можно изобразить так (рис. 4):

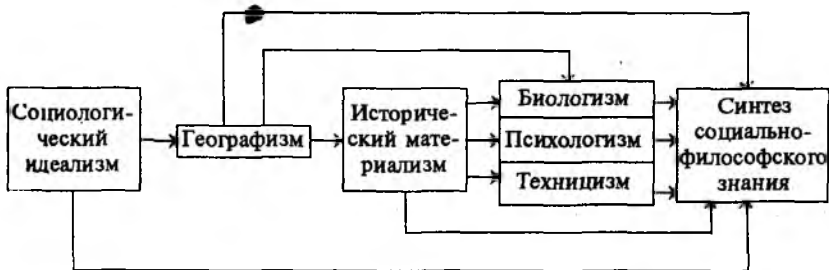

Рис. 4

Попытаемся вкратце охарактеризовать каждое из этих течений, выявляя при этом взаимосвязь их генезиса с общей логикой развития социальной философии.

Социологический идеализм

Идеализм в понимании общественной жизни безраздельно господствовал в философии вплоть до середины XIX в. То, что общественная жизнь представляет собой переплетение различного рода общественных отношений (политических, экономических, правовых, нравственных, семейных, религиозных и т.д.) социальные фи-

лософы домарксовского периода прекрасно понимали. Но не справившись с задачей систематизации и субординации этих отношений, по сути дела все они рассматривали общество как хаос отношений, как сплошное нагромождение случайностей. Исключение составлял лишь Гегель, но закономерный характер исторического процесса предопределялся у него не изменением производительных сил и производственных отношений, а развитием мирового духа.

Старая социология страдала и метафизичностью, рассматривая общество не как единый, цельный социальный организм, а как агрегат индивидов, их механическую сумму. Подобные концепции (Энгельс метко назвал их «теориями Робинзонад») за деятельностью отдельных людей, стремящихся к своим определенным целям, не видели их общественной «сцепки» между собой и подчинения хода истории внутренним общим законам. А коль скоро развитие общества есть агрегатное движение миллионов независимых, «самостийных» робинзонов, то верх в нем берут робинзоны наиболее выдающиеся — критически мыслящие личности, мнение которых и правит миром. Так метафизика и идеализм сливались воедино, рождая основной принцип субъективистской социологии: «сознание людей определяет их бытие».

Необходимо иметь в виду, что сопротивление господствующей идеалистической парадигме спонтанно зарождалось и нарастало внутри самого социологического идеализма. Так, глубочайшее противоречие между идеализмом и диалектическим методом мы обнаруживаем в «Философии истории» Гегеля. И если в целом здесь победил идеализм, то под влиянием диалектики в некоторых местах мы видим приближение Гегеля к важным материалистическим выводам. Такова, например, его характеристика предреволюционной Франции конца XVIII в.: «Хотя уже до французской революции знать была подавлена Ришелье и ее привилегии были уничтожены, но как духовенство, так и она сохранили все свои права по отношению к низшему классу. Все состояние Франции в то время представляет собой запутанный агрегат привилегий, вообще совершенно бессмысленных и неразумных, бессмысленное состояние, с которым в то же время соединялась крайняя испорченность нравов, духа, царство несправедливости, которое становится бесстыдной несправедливостью, когда начинает пробуждаться сознательное отношение к ней. Ужасы притеснения, которым подвергался народ, затруднительное положение правительства, не

ставшего как достать средства для роскоши расточительного дома, подали повод к недовольству. Новый дух сказывался: гнет побуждал к исследованию... Вся государственная система казалась несправедливой. Перемена неизбежно была насильственной, так как преобразование было осуществлено не правительством. А правительство не осуществило его потому, что двор, духовенство, дворянство, парламенты сами не желали отказаться от привилегий ни вследствие нужды, ни ради себя и для себя сущего права¹. Обратите внимание, Гегель анализирует здесь не саморазвитие мирового духа, а реальные исторические факты, не оставляя в тени и материальную жизнь общества.

Географический детерминизм

Первым внешним оппонентом социологического идеализма явился географизм или географическое направление в социальной философии. Географизм возник в начале XVIII в. в трудах Ш.Монтескье, а свое классическое выражение получил в XIX в. у Г.Бокля, Э.Реклю и др. Вообще-то вопрос о влиянии географической среды на общественно-политические процессы и нравы общества был поставлен уже античными авторами — Гиппократом, Геродотом, Полибием. Но историческими предпосылками возникновения цельной концепции географического детерминизма послужили великие географические открытия, вызвавшие бурное экономическое, а соответственно и социально-политическое развитие Европы. На этапе своего формирования географизм сыграл прогрессивную роль, ибо он явился альтернативой и теологическому объяснению социальных явлений и философскому идеализму — как объективному, объясняющему историю предопределением, сверхъестественным вмешательством, так и субъективному с его концепцией истории как случайного стечения обстоятельств. В противоположность им географизм за основу общественного развития принял фактор материальный. Но поскольку географический фактор в действительности является далеко не определяющим, то и концепция эта оказалась лишь слабым выражением материализма в социологии. И именно поэтому она очень часто сдавала и сдает свои позиции идеализму, и в политическом отношении оказывается нередко на вооружении реакционных сил.

Наглядным примером этого служит социально-философская школа, известная под названием *геополитики*. Возникнув в три-

¹Гегель Г. Соч. — М.-Л., 1935. — Т. 8. — С. 413—414.

дцатых годах нашего века в Германии, она выполняла определенный социальный заказ — оправдать агрессивную политику нацистского государства стесненными географическими условиями. Если Германия в течение XX в. дважды развязывала мировые войны, рассуждали они, то виноват в этом вовсе не общественный строй и политический режим, а недостаточная обеспеченность страны сырьевыми и энергетическими ресурсами. Геополитическое понятие «жизненного пространства» и сегодня широко используется реваншистскими элементами в Германии и определенными кругами в других странах для обоснования своих экспансионистских программ.

Предпосылки и сущность исторического материализма

Если великие географические открытия и первичные, лежащие на поверхности осмысления огромного фактологического материала, последствия сказались в философии зарождением и мощным всплеском географического детерминизма, то следствия глубинные, приведшие к эпохе революционной смены феодализма капитализмом в Западной Европе, создали предпосылки и для более глубокого философского проникновения в сущность социальных явлений. Речь идет о предпосылках возникновения исторического материализма.

Многовековое господство идеализма в социологии имело свои социальные корни, т.е. были объективные обстоятельства, не позволившие социальной философии придти к материализму на более ранних этапах исторического развития.

Во-первых, до периода капитализма история двигалась вперед крайне медленно и поэтому трудно было обнаружить поступательный характер развития общества, а тем более вскрыть закономерности прогресса и причины смены одних форм социального устройства другими. Человек рождался, умирал, а общественный строй оставался таким же, как при его дедах и прадедах. В таких условиях правомерной была мысль, что «так было и так будет» либо что жизнь это — «круговорот».

Во-вторых, до периода капитализма чрезвычайно замедленные темпы развития скрадывали и определяющую роль материального производства. Капитализм придал развитию общественного производства невиданный доселе темп. Только в этих условиях определяющее воздействие материального производства на политику, идеологию, на все стороны каждодневной жизнедеятельности людей стало очевидным. Тем самым ходом

общественного развития был подготовлен важнейший вывод исторического материализма.

В-третьих, до периода капитализма в связи с отсутствием массовых революционных потрясений действительно могло казаться, что мнения выдающихся личностей правят миром. Но падение Бурбонов, кратковременное торжество и низвержение ряда партий по ходу Французской революции, господство и падение Наполеона наталкивали на мысль о том, что в общественной жизни господствуют силы более могущественные, чем воля королей, мыслителей, полководцев. Тем самым исторически был подготовлен вывод об объективных законах развития общества, реализуемых благодаря активной деятельности людей, прежде всего — народных масс.

В-четвертых, до периода капитализма внутренняя связь между социальными процессами и их причинами была запутана, завуалирована и ее трудно было обнаружить. С развитием капитализма эта связь все более и более выявлялась, в особенности в связи с открытыми и массовыми социальными столкновениями. Ф.Энгельс писал: «Отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновении их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории»¹. Тем самым исторически был подготовлен вывод о роли классов и классовой борьбы.

К.Маркс и Ф.Энгельс впервые распространили материализм на объяснение самой сложной формы движения материи — социальной. Они сумели разобраться в кажущемся хаосе общественных отношений, четко подразделив общественные отношения на материальные и идеальные (духовные) и обнаружив первичность материальных отношений и вторичность духовных. В свою очередь материальные отношения предстали в их анализе, с одной стороны, как экономические, с другой — как внеэкономические (например, отношения в связи с воспроизводством человека). На огромном фактическом материале было доказано, что именно экономические отношения определяют собой и все иные материальные, и все идеальные отношения, т.е. жизнь общества в целом. Принцип первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания является коренным принципом материалистического понимания истории.

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 308.

Для решения основного вопроса философии применительно к обществу исторический материализм принципиально переработал категории «общественное бытие» и «общественное сознание».

Общественное бытие — это материальные условия жизни общества и материальные отношения людей друг к другу и к природе. Свойством материальных отношений является их объективность: они возникают в процессе становления и развития общества и существуют независимо от общественного сознания.

Структура общественного бытия выглядит следующим образом. В *материальные условия* жизни общества входят:

а) *материально-техническая база жизнедеятельности людей*. Под ней имеется в виду не только материально-техническая база самого непосредственного производства (орудия труда и предметы труда), но и соответствующие условия для удовлетворения материальных и духовных потребностей (средства общения, информации и т.д.);

б) *географические условия жизни общества* (богатство фауны и флоры, климат; энергетические ресурсы; запасы полезных ископаемых; количество и степень плодородия земли, пригодной для обработки); при этом географические условия подразделяются на *экономико-географическую среду*, искусственно созданную человеком на основе материального производства и *физико-географическую среду* как совокупность естественных компонентов нашего географического окружения;

в) *демографические условия жизни общества* (численность народонаселения, его плотность, темпы роста, удельный вес самодостаточного населения, степень удовлетворения материального производства рабочей силой, соотношение мужчин и женщин в структуре населения, состояние его здоровья).

В *материальные общественные отношения* входят:

а) *производственные отношения*, т.е. те отношения, в которые вступают люди в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ;

б) *материальные стороны других общественных отношений*. Дело в том, что во многих общественных отношениях сочетаются элементы и материальных и идеальных отношений. Примером таких «комплексных» отношений могут служить семейные. Такая их сторона как отношение по поводу воспитания детей несомненно является материальной в основе своей (биологической);

в) *экологические отношения* — отношения людей к природе, а точнее, отношения между людьми по поводу их отношения к природе.

Понятие общественного сознания выработано К.Марксом и Ф.Энгельсом в процессе материалистического объяснения истории и определяется в диалектической взаимосвязи с понятием общественного бытия. Подвергнув всю предшествующую историю научному анализу, К.Маркс и Ф.Энгельс пришли к выводу, что общественное сознание есть отражение общественного бытия: «Сознание (*das Bewusstsein*) никогда не может быть чем-либо иным, осознанным бытием (*das bewusste Sein*), а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»¹.

Общественное сознание — это сложная система чувств, взглядов, идей, теорий, в которых отражается общественное бытие. Подобно тому как общество не есть простая сумма составляющих его людей, так и общественное сознание представляет собой не сумму индивидуальных сознаний членов общества, а целостное духовное явление. В понятии «общественное сознание» мы отвлекаемся от всего индивидуального, личностного и фиксируем только те чувства, взгляды, идеи, которые характерны для данного общества в целом или для определенной социальной группы.

Общественное сознание как духовная сторона исторического процесса выполняет две основные функции, генетически и актуально связанные друг с другом. Во-первых, это функция *отражения общественного бытия*, по отношению к которому оно является вторичным. Преодолев созерцательность старого материализма, понимание им вторичности сознания как синонима его пассивности, исторический материализм четко выделил и вторую основную функцию общественного сознания — его *активное обратное воздействие на общественное бытие*.

Во второй половине XIX — начале XX вв. наряду с историческим материализмом (а в известной степени и в противовес ему) возникает ряд новых социально-философских парадигм, которые следует хотя бы вкратце рассмотреть особо.

**Биологический
детерминизм**

К биологическому детерминизму относятся учения и школы, возникшие во второй половине XIX в. в немарксистской социальной философии на единой

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 25.

принципиальной основе — понимание общественной жизни через законы и категории биологии.

Появление биологического направления в социально-философском знании имело вполне определенные общенаучные и историко-философские предпосылки. В качестве общенаучной предпосылки выступили выдающиеся успехи биологии, превратившие ее к середине XIX в. в лидера естествознания (открытие клетки, закона естественного отбора и борьбы за существование, достижения физиологии). Но дело не только в «триумфальном шествии» биологии. Это была своеобразная реакция на неудачи географизма: материализм в социологии не хотел мириться с этими неудачами и искал новые аргументы для доказательства материальной, натуралистической основы существования и развития общества. Отметим и то немаловажное обстоятельство, что ряд течений и школ в русле биологического направления возник и как реакция на марксистское, материалистическое понимание истории, протестуя не против подведения под историю материалистического обоснования, а против, как им казалось (и во многом справедливо) его одностороннего, сугубо социального толкования, не учитывающего биологическую природу человека.

Здесь можно выделить несколько школ.

1. *Социальный дарвинизм*, выдвигающий принципы естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных в качестве определяющих факторов общественного развития. В результате, социальные конфликты рассматриваются как естественные, вечные и неустранимые, вне их связи с антагонистическими общественными отношениями.

2. *Расизм* (расово-антропологическая школа), заявляющий о решающем воздействии расовых различий на историю и культуру отдельных народов и общества в целом. В действительности же расовые различия (формы черепа, цвет волос, разрез и цвет глаз, психические особенности) представляют биологические признаки десятистепенной важности, вызванные к жизни не социальными (экономическими или духовными), а природно-климатическими факторами, являются формой приспособления человека как биологического существа к этим факторам. В свою очередь, они и не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на общественное развитие. Убедительным аргументом в пользу этого может служить тот факт, что каждая из

грех основных рас внесла свой достойный вклад в развитие мировой цивилизации и культуры.

3. *Фрейдизм* (по фамилии основоположника этого течения, австрийского психиатра и психолога З.Фрейда) — течение, апеллирующее в объяснении поведения отдельного человека, больших социальных групп и общества в целом к бессознательной психической деятельности, к инстинктам (и прежде всего к половому инстинкту и инстинкту самосохранения). Нет смысла спорить с фрейдизмом по вопросу о том, сохраняются ли инстинкты в структуре психической деятельности человека: сохраняются, ибо человек есть существо биосоциальное. Но можно и нужно спорить по вопросу, какова их роль в индивидуальной и общественной жизни. В структуре психической деятельности современного, нормального, цивилизованного человека инстинкты действуют в преобразованном виде и играют подчиненную роль, находясь под контролем высших этажей сознания, социальных институтов, а еще шире — завоеваний общечеловеческой культуры.

4. *Мальтузианство и неомальтузианство*, с которыми мы познакомимся в главе «Общество и природа».

Однако, подобно географическому направлению, биологическое тоже является лишь слабым отражением материализма в социологии, причем отражением вульгарным, поскольку оно пытается свести более высокую форму движения материи (социальную) к более низкой (биологической).

Психологическое направление

В конце XIX в. совокупность основных направлений социальной философии пополнилась школами и течениями психологического толка. В каком-то плане появление *психологического направления* было реакцией социологической мысли на примитивизм географического и биологического объяснения общественной жизни, равно как и на некоторые погрешности марксизма — недостаточное внимание к проблемам общественной психологии.

Необходимо сразу оговорить, что под психологическим направлением мы имеем в виду те философские школы, которые ищут объяснение сложных социальных процессов в психологии больших социальных групп (классов, этнических общностей и т.п.). Что же касается попыток интерпретировать поведение личности и общества, исходя из индивидуальной психологии, то такие попытки вполне вписываются в русло биологического де-

терминизма с его гипертрофированием роли бессознательного, инстинктов и т.д.

У больших социальных групп действительно имеются отличительные психологические качества и они играют активную роль в общественной жизни. Исследовать эти качества — давняя философская, в том числе и марксистская, традиция. Но, обнаруживая идейные, духовные мотивы деятельности людей, надо идти дальше, вскрывать за этими духовными моментами их материальную первооснову. Представители психологического направления, например, пытаются объяснить главенствующую роль буржуазии в капиталистическом производстве и жизни общества в целом ее выдающимися волевыми и организаторскими качествами. В таком «объяснении» все поставлено с ног на голову, ибо, очевидно, капиталист не потому капиталист, что он организатор, а, наоборот, он становится организатором в силу владения средствами производства.

Техницистское направление

Самым «мблодым» среди основных течений социальной философии является *технизм*, возникший в двадцатые годы нашего века в работах американца Т.Веблена.

Технизм, подобно биологизму и психологизму, также в значительной степени возник как методологическая оппозиция историческому материализму, причем оппозиция весьма своеобразная.

Чтобы понять одну из его особенностей, необходимо иметь в виду, что с момента появления исторического материализма оппоненты пытаются представить его в качестве *экономического* материализма, т.е. такой социально-философской концепции, которая, якобы, отрицает активную роль любого из внеэкономических факторов (политического, морального, художественного и т.д.). Эти обвинения слышны и сегодня, но наряду с этим мы видим, как сами оппоненты в лице техницистов скатываются к чему-то похожему на экономизм, причем в его наиболее упрощенном варианте. Из двух сторон способа производства материальных благ техницисты обращают внимание только на одну — производительные силы, игнорируя производственные отношения. Но даже производительные силы берутся не в целостности: односторонне выпячивается роль техники (средств производства) и совершенно игнорируется человек как главная производительная сила общества.

Парадигма техницистского мышления уже с сороковых годов проникает в самые различные направления западной, в частности американской, социологии. На техницистском мировоззрении основывалась общеисторическая концепция «стадий экономического роста» У.Росту, которая наряду с теорией «единого индустриального общества» Р.Арона стала непосредственным и главным источником целого поколения концепций «индустриализации». «Постиндустриализм» 60—70-х годов несколько сглаживает техницистскую бескомпромиссность «индустриалистов» путем повышения внимания к явлениям политической жизни, культурно-историческим и духовным факторам. Однако «многофакторный» подход постиндустриалистов (Д.Белл, Дж.Гелбрайт, З.Бжезинский и др.) к социальной действительности оставляет в стороне такие решающие признаки общественного развития, как собственность, классовая структура, социально-экономический строй. Вот почему можно с полным основанием сказать, что социальные явления (в том числе эпохи перехода от одной формации к другой) интерпретируются не только глашатаями «нового индустриального», но и пропагандистами «постиндустриального», «технотронного» и «супериндустриального» общества главным образом с позиций технологического детерминизма. Он же дал начало и основным современным прогностическим теориям¹, независимо от того, рассматривают они технику как «злого демона», способного погубить цивилизацию или возлагают на нее радужные надежды.

Спору нет, анализ техники был важен всегда и особенно важен сегодня в условиях перехода к информационно-компьютерной цивилизации. Но известная абсолютизация роли и значения техники приводит к сужению понятия «материальная основа жизни и развития общества» до понятия «технические условия производства», к попыткам вывести коренные социальные изменения во всем объеме и во всех случаях прямо и непосредственно из научно-технической сферы. Укажем также на рельефно выраженное при этом смещение экономического базиса, на котором зиждется формация, с технико-технологическим базисом цивилизации.

**К синтезу
социально-
философского
знания**

Завершая краткий обзор основных течений современной социальной философии, можно уверенно сказать, что ни одно из них не в праве претендовать на

¹См., напр.: Тоффлер А. Третья волна // США. — 1981. — № 5—6; 1982. — № 1—2.

абсолютную истину в последней инстанции. Уже сами названия этих течений, широко употребляемые в философской литературе, — биологизм, географизм, психологизм, техницизм — свидетельствуют об их определенной односторонности, выпячивании, а то и абсолютизации ими какой-то одной стороны или условия жизни общества. Но поскольку эти стороны, элементы, условия действительно существуют и являются необходимым активным элементом социальной системы, то и рассматриваемые течения при всей их односторонности содержат в себе — каждое — значительную долю истины. Объяснение этих истин и составляет задачу современного социально-философского синтеза.

Сказанное полностью относится и к такому течению как исторический материализм.

Известно, что марксистское, материалистическое понимание истории возникало как открытая научная система, которая вобрала в себя все лучшее, что было достигнуто к середине XIX в. философским, экономическим, социально-политическим знанием. Будущим историкам небезынтересно, очевидно, будет узнать об огромном внимании основоположников исторического материализма к «перелопачиванию» достижений исторической науки. «...История — это для нас все, — писал Ф.Энгельс, — и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским течением, выше даже, чем Гегелем»¹. Общинная теория Г.-Л.Маурера, концепция развития семьи и собственности Л.Моргана; взгляды на классы и классовую борьбу Ф.Гизо, О.Тьерри, Ф.Минье; труды Л.Ранке по политической истории Европы XVI—XVII вв.; исследования демократии А.Токвилем, работы более чем двух десятков других крупных историков — вот круг исторических интересов Маркса и Энгельса. Не остались вне поля их зрения и труды классика географического детерминизма Ш.Монтескье, и теория происхождения видов Ч.Дарвина, заложенная упоминавшимися социал-дарвинистами в основание своей концепции.

И все же историческому материализму не удалось избежать значительной односторонности. В силу разных причин это отчасти было заложено уже в первоначальном варианте: поскольку материалистическое понимание истории возникало и формировалось в противостоянии с социологическим идеализмом, главное внимание его творцами было обращено на

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т.1. — С. 592.

обоснование экономической стороны в качестве материальной основы жизни общества и в то же время не всегда хватало времени, сил и доводов для выявления активной роли внеэкономических факторов — духовно-психологических, технико-технологических, географических, био-демографических и т.д. Если основоположники истмата признавали эти конструктивные недостатки и в какой-то степени пытались их компенсировать, то в дальнейшем, по мере утверждения в марксизме догматизма и начетничества дело дошло до прямой конфронтации с неэкономическими парадигмами общественного развития. З.Фрейд и техницисты, психологи и географисты вплоть до последних лет подвергались «зряшной», все отметающей критике, отвергавшей и то ценное, рациональное, что было присуще этим концепциям.

Материалистическое понимание истории вновь должно стать открытой системой, вбирающей в себя все лучшее из достижений современной социально-философской мысли. Этому способствуют все обстоятельства.

Во-первых, и биологизм, и техницизм, и географизм тоже по сути дела являются попытками материалистического объяснения истории. Прав был Бертран Рассел, считавший, что из философского материализма в равной степени вытекают и концепция фундаментальности экономических причин по отношению к политическим и духовным изменениям, и концепция Бокля о решающем значении климатических условий, и точка зрения Фрейда о сексуальной детерминированности общественных явлений¹.

Во-вторых, сегодня и представители субъективно-идеалистических течений в социальной философии (в том числе психологи) все больше осознают значимость экономического фактора в жизни социума. Показательна в этом отношении высокая оценка исторического материализма Жан-Поль Сартром, считавшим, что синтез исторического материализма с его экзистенциалистской концепцией человека позволит создать такую теорию социума, которая выдержит натиск любых оппонентов.

Синтез социально-философского знания, для совершения которого в конце XX в. созрели все предпосылки, позволит адекватно отразить сущность нашей непростой исторической эпохи, понять пути выживания человечества.

¹Russel B. The Practic and Theory of Bolshevism. — New York, 1964. — P. 75—76.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какое место принадлежит социальной философии в системе философского знания?
2. Чем отличаются специфические функции философии от ее неспецифических функций?
3. Каковы взаимоотношения между социальной философией и другими отраслями научного знания?
4. Возможен ли синтез социально-философского знания? Если да, то каковы его условия и предпосылки?

Глава вторая

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общепризнано, что история есть деятельность преследующего свои цели человека. Поэтому вполне логично начинать философско-социологический анализ общества с изучения природы человека. Правда, есть и другой вариант, апробированный во многих учебниках, когда анализ этот начинается с общества, поскольку с объективной необходимостью вписан в него человек множеством взаимосвязей и зависимостей. Нам более предпочтительным представляется первый вариант. Во-первых, раз история есть деятельность человека, необходимо прежде всего понять природу человека и характерные черты его деятельности. Во-вторых, как мы уже знаем, философия начиналась с проблемы человека, и логика учебника при данном варианте воспроизводит историю социально-философской мысли.

1. Человек и история

**Человек
как предпосылка
истории**

Человек в истории существует в двух основных ипостасях — как ее «предпосылка» и одновременно как ее «результат». И понять человека, его прошлое, настоящее, а в какой-то степени и будущее, его эволюцию и мотивы деятельности, равно как и понять историю, можно лишь в единстве этих двух отношений человека к объективному историческому процессу. Когда мы абсолютизируем одну из этих граней (человек как «результат»), человек превращается в марионетку, в пассивное существо, вылепленное волею обстоятельств. Когда же мы рассматриваем его только как предпосылку, он оказывается абсолютно автономным и абсолютно свободным от детерминирующего воздействия объективных законов общественного развития. До научного решения вопроса и в том и в другом случае бесконечно далеко.

Рассмотрение первой из этих ипостасей («предпосылка») невозможно без проникновения в сущность исторической причинности, без понимания той цепочки осознания и действий, которая что-то конкретно меняет в истории. Попробуем схематически изобразить эту цепочку, а затем прокомментировать каждое из ее звеньев (рис. 5).

Рис. 5

Итак, первичное историческое действие принадлежит индивиду, выступающему, разумеется, не в качестве Робинзона, а в качестве человека, включенного своим происхождением, воспитанием, сегодняшней принадлежностью в определенные социальные группы (большие и малые) и в общество в целом.

Что же побуждает индивида к конкретному самоличному действию или к соучастию в действии групповом, вплоть до общеклассового и общенационального? Основополагающим внутренним мотивом к такому действию является *потребность*, т.е. *нужда человека в определенных внешних условиях своего бытия*, причем нужда, вытекающая из его природы, наиболее значимых свойств. Чем развитей человек, тем шире круг его потребностей и тем

многообразнее формы их удовлетворения. Вся эта многоликость потребностей в порядке краткой классификации может быть представлена следующим образом:

1. *Потребности материальные и духовные*, первые из которых во временном отношении предшествуют вторым и в истории развития вида *Homo sapiens* в целом и в индивидуальном развитии каждого человека. Собственно говоря, потребность есть свой-

ство *всего* живого, но для подавляющего большинства этого «все-го», вплоть до высших животных, нужды ограничиваются материальными потребностями. На уровне человека эти потребности тоже сохраняются, причем не только в виде потребностей физиологических (в пище, в воде, в удовлетворении полового инстинкта), но и в виде потребностей, благоприобретенных в связи с биологической и социальной эволюцией (потребность в одежде и обуви, средствах передвижения и связи и т.д.). Над всем этим у человека надстраиваются потребности духовные — в эстетическом наслаждении, в нравственном комфорте, в повышении своей общей культуры и т.д.

2. *Потребности индивидуальные и общественные*, имея в виду, что последние не являются простой суммой индивидуальных потребностей, а содержат в себе нечто большее. В связи с этим на любой стадии развития общества массовидным является противоречие между индивидуальными и общественными потребностями. Вспомним хотя бы о волнующем всех нас сегодня противоречии между общественной потребностью в ускорении научно-технического прогресса и в буквальном смысле проеданием прибыли коллективами отдельных предприятий.

3. *Потребности коренные, стратегические, долговременные и сиюминутные, этапные*. О том, что такая дихотомия действительно существует и насколько она важна, свидетельствует печальный опыт так называемой «перестройки». Перестройка провалилась не только потому, что постепенно происходила подмена и перемена первоначально провозглашенного ее архитекторами курса, но и потому, что этот курс не получил мощной поддержки «снизу», не обнаружил под собой сколько-нибудь значительной социальной базы. Наши коренные потребности и интересы требовали кардинальной перестройки общества, ибо оно оказалось в состоянии застоя, в тупике, т.е. в таком общественном состоянии, которому может быть противопоставлено только одно — решительные и разумные попытки выкарабкаться. И вот здесь-то выяснилось, что у каждого из нас (индивида и отдельного слоя общества) есть и другого рода потребности и интересы — сиюминутные, насущные. Мы как-то притерпелись к тогдашней жизни, научились более или менее, всеми правдами и неправдами удовлетворять свои, разумеется, весьма скромные в сравнении с мировыми стандартами потребности, а ведь перестройка далеко не сразу обнаружила бы свои плоды. Как и всякая революция, она потребовала бы от всех нас существенных издержек (от номенклатуры — потери «теплого» места

и связанных с ним привилегий, от сокращаемого офицерского корпуса — адаптации и гражданским условиям, от работников ВПК — переквалификации, от всех нас — более интенсивного труда). Сиюминутные потребности и интересы взяли верх.

4. *Потребности здоровые и нездоровые*, не выражающие истинную нужду индивида и общества в нормальных условиях существования и развития. Более того, можно сказать, что нездоровые потребности, как правило, порождаются ненормальными условиями существования. Наглядной иллюстрацией этого являются такие социальные болезни как алкоголизм и наркомания.

Следующим звеном в рассматриваемой нами цепочке исторической причинности выступает *интерес как форма проявления потребности, ее более или менее отчетливое осознание*. Из такого определения интереса следует, что в отличие от потребности, которая характерна для всего живого, интерес — непосредственный продукт общественного развития. И именно как *осознанная* потребность интерес оказывается более непосредственной причиной человеческих действий — индивидуальных и групповых.

Таким образом, уже в этом звене («интерес») мы обнаруживаем неразрывное единство объективной и субъективной сторон исторической причинности, их перелив друг в друга. Субъективизация потребности в интересе наряду с этой положительной, побуждающей к действию, стороной имеет и теневую сторону. Заключается она в возможности появления под воздействием определенных идей интересов мнимых, неистинных. Достаточно вспомнить такие бредовые концепции как идею «Германия превыше всего», которую вдалбливали в головы миллионов, убеждая их, что «истинный» интерес требует продвижения на Восток (да и на Запад тоже). Конечно, История все расставляет по своим местам. «Идея», как заметил К.Маркс, неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса». Но нередко при этом она успевала причинять огромный вред индивиду, народу, человечеству в целом.

Как непосредственное ближайшее отражение интереса в сознании людей возникает *стимул — определенное побуждение к действию*, которое по своей природе может быть либо материальным, либо духовным (в том числе моральным), либо сочетанием того и другого. Правда, в связке со словом «стимул» прилагательное «духовный» звучит несколько иронически, ибо стимулом в Древнем Риме называлась заостренная палка, которой погоняли быков.

Общественная практика

Появление отчетливо выраженного стимула есть сигнал к конкретному акту деятельности. Из множества таких конкретных актов индивидов и складывается общественно-историческая практика.

Практика есть специфически человеческий способ отношения к миру, заключающийся в активном преобразовании объективно существующих в нем предметов и явлений. Оговорим сразу же различие между понятием «практика», вынесенным в заглавие, и понятием «деятельность». Второе понятие по своему объему шире первого: оно включает в себя как практическое, так и теоретическое отношение человека к миру. Таким образом, практика является одной из областей деятельности, самой древней, сохраняющей по сей день основополагающее, базисное значение по отношению к другим видам деятельности.

Отметим конспективно наиболее характерные черты практики:

1. Практика есть первичное, исходное отношение человека к миру. Понимание этого очень важно, ибо абстрагирующее, теоретическое отношение человека к природному и социальному миру появилось гораздо позднее, в результате третьего великого общественного разделения труда — отделения труда умственного от труда физического. Человек приходит в мир как практический деятель и только впоследствии становится и теоретиком. Отсюда следует, что:

2. Практика есть *активно-деятельностное* отношение человека к миру. Такое понимание практики представляет собой вызов двум диаметрально противоположным концепциям в истории социальной философии. Одна из них (выраженная, например, в антропологическом материализме Л.Фейербаха) исходит из пассивно созерцающего отношения человека к миру, другая же (субъективно-идеалистическая), признавая и подчеркивая активную сущность человека, абсолютизирует духовное начало в ней и отрывает ее от материального мира.

3. Практика человека является *общественной* по характеру. Уже Аристотель обнаружил, что человек есть «животное общественное». Это значит, что вступая в практической деятельности в соответствующие субъект-объектные отношения, т.е. становясь в качестве субъекта в определенное отношение к объекту своего труда и преобразования, индивид вынужден вписывать это отношение в сложный контекст отношений другого рода — субъектно-субъектных, т.е. вступать в сотрудничество (а порой и в противоборство) с другими индивидами по поводу

овладения предметами материального мира, их преобразования и использования достигнутых результатов.

4. Практика человека есть *сознательная*, целеполагающая деятельность. Здесь мы вновь возвращаемся к схеме исторической причинности, рассмотрение которой было нами прервано на звене «стимул». Дальнейшим осознанием потребностей, интересов и стимулов выступает *цель — предвосхищение в сознании (на уровне мышления) результата деятельности*. В соответствии с поставленной целью человек создает и *идеал — более или менее полный образ той цели, к которой он стремится*. Согласно И.Канту, единственным существом, действующим по «внутренней цели» и вырабатывающим в связи с этим идеальный образ, является человек. Продолжая эту мысль Канта, К.Маркс писал, что самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове.

**Человек
как результат
истории**

Итак, цепочка замыкается. Если человек правильно выбрал цель и определил идеал, если внутренние и внешние обстоятельства благоприятствовали ему, он достигает конечного результата. Этот результат, в свою очередь, порождает новую потребность (так, новые массовые потребности были порождены изобретением книгопечатания, кинематографа, телевидения) либо служит новым средством для удовлетворения уже имеющихся потребностей. Но в любом случае достигнутый результат выступает одновременно и как предпосылка для последующей практической деятельности.

Эта диалектика перелива предпосылки в результат, их взаимоперехода друг в друга полностью распространяется и на человека. Человек одновременно и предпосылка истории и ее результат. Его деятельность и деятельность множества других людей составляет содержание общественной практики, с другой же стороны, в ходе практики меняется, развивается сам человек. Об этом разительно свидетельствует историческое развитие общественной практики, обогащение ее старых форм и появление новых.

Исходной формой общественной практики является *материальная производственная деятельность*. Она и сегодня остается основой всех других видов практики. Но как изменилась эта форма практики, а вместе с нею и сам человек! Каждодневно и терпеливо совершенствуя традиционные орудия труда и созда-

вая принципиально новые (от топора из нешлифованного камня до электронного робота), наращивая арсенал предметов своего труда (от выкорчеванного участка леса до искусственно созданных материалов с заранее заданными свойствами), развивая энергетическую и информационно-транспортную инфраструктуру (от энергии ветра до энергии атома, от почтовых голубей до космических спутников связи), человек развивался и сам как производитель материальных благ — росло его профессиональное мастерство, повышались требования к его образовательному уровню, а вместе со всем этим расширялся и общекультурный кругозор.

Осуществляя материальную производственную деятельность, человек не может не выстраивать соответствующим образом свои отношения друг с другом по поводу этой деятельности, производственные отношения. Но поскольку производственные отношения нельзя развивать и поддерживать в отрыве от всех других общественных отношений, то можно говорить о такой относительно самостоятельной форме практики как *социальная практика*. В ходе социальной практики человек развивает себя как гражданин, общественный деятель, развивает себя опять-таки не как Робинзон на необитаемом острове, а в составе определенной социальной группы.

Одной из древнейших форм общественной практики является *художественная практика* — чувственно-предметная деятельность по созданию художественных образов. Какова по своему существу эта практика? Духовна она или материальна? Облегченного ответа по типу «да или нет» здесь быть не может, впрочем как и в отношении общественной практики вообще. Коль скоро практика в любой ее форме является сознательной, целенаправленной, осуществляющейся по «идеальному образу», она уже не может быть абсолютно материальной, включает в себя определенный духовный компонент. Тем более это относится к практике художественной. Будучи духовной по своему началу, по природе потребности, которую она призвана удовлетворять (потребность в прекрасном), по затрате интеллектуальных сил, художественная практика в то же время содержит и материальный компонент. Художественный труд выступает как игра физических и интеллектуальных сил человека, а само произведение искусства воплощается в материально-фиксированной предметности (в мраморе, в холсте и т.д.).

Страсть по прекрасному, способность воспринимать, а тем более творить его не унаследованы человеком от своих биоло-

гических предков. Общественная практика родила в человеке эти потребности и способности, она же подняла человека в его художественной ипостаси до небывалых высот.

Есть еще одна форма общественной практики — *научная практика*, возникшая позднее других, но успевшая сделать для развития человека и человечества, пожалуй, не меньше их. В особенности мы убеждены в этом сегодня, в эпоху бурного превращения науки в непосредственную производительную силу общества (этот вопрос будет рассмотрен в главе «Наука»). Под научной практикой имеется в виду не вся научная деятельность: наука в целом представляет собой отрасль духовного производства, ее фундаментальные отрасли «производят» абстракции, которые чрезвычайно важны сами по себе, но выходят на практику не непосредственно, а через соответствующие прикладные науки. Но наука для проверки полученных знаний прибегает к особому виду практики — к научному, в том числе к научно-производственному эксперименту. Таким образом, научная деятельность гораздо шире научной практики, также как деятельность вообще шире практики вообще. И человека развивает не только научно-экспериментальная практика и даже не только участие в любой сфере научной деятельности, но и активное освоение научных знаний. Меняется его быт, образ жизни, содержание общественного сознания.

Разумеется, результирующее воздействие на человека оказывает не только его участие в различных видах практики. Преобразуя объекты природного и социального мира, люди одновременно преобразуют и себя.

2. Биологическое и социальное в человеке

**Случайность
или закономерный
итог развития
Вселенной?**

«Много есть чудес на свете, человек — их всех чудесней», — поет хор в трагедии Софокла «Антигона», поставленной на афинской сцене почти две с половиной тысячи лет тому назад. Вдумаемся, о чем идет речь. Воспеваются два объекта — человек и космический мир («свет») вокруг него, уже известны некоторые «чудесные» свойства каждого из них, более того — свойства эти уже подвергаются сравнению. Подобное сопряжение человека и космоса составляло специфику греческой философии, завещанную ею европейской культуре в целом.

Что лежит в основе этого мира? Из чего произошло все, обнаруживаемое в нем? Как отношусь к нему я, человек, и как он относится ко мне? — эти вопросы люди вообще и философы в особенности, задают себе и по сей день. И не вина философии, что она, в силу сложности поставленных проблем, до сих пор не дала на них исчерпывающего ответа. Вот и сегодня нас продолжает волновать вопрос: как и почему возник биологический вид *Homo sapiens*? Закон или случай управляли его появлением?

На первый взгляд кажется естественным ответ, согласно которому только закон ответствен за возникновение человечества и развитие антропогеосферы. В русле такого ответа обнаруживаются серьезные и важные концепции как в естествознании, так и в философии. Так, полагая жизнь космическим явлением, академик В.И.Вернадский подчеркивал, что жизнь является не случайным явлением в мировой эволюции, но тесно с ним связанным следствием¹. Примерно в этом же духе выдержана и концепция П.Тейяра де Шардена, согласно которой эволюция в неорганической, а вслед за тем и в органической природе, обнаруживает своеобразный закон рекуррентности: мир движется в сторону усложнения, а усложнение это сопровождается появлением и все большей значимостью психического, сознательного².

Будучи верным в своей основе, такой ответ не учитывает роль случайности, значение которой в эволюции природы также огромно, в том числе и в процессе антропосоциогенеза. Это как нельзя лучше доказывается новейшими достижениями физики, космологии, теоретической биологии, синергетики. В результате вырисовывается *вероятностный* характер и антропосоциогенеза в целом, и отдельных его фаз. Открытия, сделанные в последнее время, показали, что начало выделения нашего непосредственного предка из мира животных было обусловлено действием целого ряда факторов, в том числе таких явно случайных, как радиоактивное излучение в районе обитания исходной, т.е. созревшей для гоминизации, формы антропоидов. Следовательно, процесс этот мог начаться только в определенное время и в локально ограниченном районе земного шара. Из расчетов, произведенных рядом исследователей, следует, что вероятность совокупного действия в этом направлении экологических, физических, космических и прочих факторов выражается довольно малой величиной (не более 1/20).

¹Вернадский В.И. Живое вещество. — М., 1978. — С. 43.

²Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1965. Историки, очевидно, знают этого автора и как археолога, одного из первооткрывателей синантропа.

Так почему же антропогенез все же состоялся? Очевидно, сыграли роль какие-то дополнительные факторы, природа которых подлежит исследованию в свете новых идей, выдвинутых в последнее время антропологами, философами, физиками, синергетиками, космологами. В частности, не может быть проигнорирована гипотеза об энерго-информационном поле нашей планеты как своеобразном накопителе информации, которая не пропадает бесследно после исчезновения различных живых организмов, в том числе индивидов. Физической основой такого поля могут служить открытые недавно микролептонные частицы и создаваемые ими «тонкие» структуры материи. Высказывается предположение, что именно это поле осуществляет коррекцию биосферы Земли в процессе ее развития.

Конечно, впереди еще долгий путь к истине. Но уже сегодня ясно, что актуализация антропогенеза, т.е. превращение его из вероятности в реальность, явилось следствием уникального переплетения факторов необходимых (закономерных) и случайных.

Философские споры о природе человека имеют многовековую историю. Часто природу человека объявляют бинарной (двойной), т.е. социальной плюс биологической, не акцентируя, как правило, внимания на том, какая же их этих составляющих является доминирующей. В других случаях говорят даже о тройственной природе человека — биопсихосоциальной. Эту концепцию попробуем сразу же отвести. Дело в том, что необходимо различать принципиально разные уровни психики, психического отражения внешнего мира. Есть уровни и формы психического отражения, присущие уже высшим животным (например, инстинкты, сложные безусловные рефлексы), но они не выводят их обладателей за пределы биологической формы движения материи. А есть такие уровни и формы, которые своим происхождением и развитием обязаны включенности человека в мир социальный и являются атрибутом социальной формы движения материи (высшие акты сознания). Таким образом, выдвигаемое в качестве третьей составляющей психическое в интересующем нас контексте без особых погрешностей покрывается биологическим и социальным. В силу этого все свое внимание в дальнейшем мы можем сосредоточить на анализе координационных и субординационных связей между биологическим и социальным.

Пожалуй, нас меньше всего может интересовать вопрос о том, что общего между «Человеком разумным» и другими вида-

ми рода «Ното», а его — с другими родами соответствующего отряда и класса млекопитающих в целом. Биологов этот вопрос может интересовать, но философский аспект в нем по сути дела не просматривается. Нас же волнует другое: какие особенности человеческого организма, жизненные процессы в нем и специфические биологические потребности оказали и оказывают существенное влияние на социальную жизнь?

Воспользовавшись списком, взятым из работ А.Розе (США) и Я.Щепаньского (Польша), укажем следующие наследственные особенности человеческого организма, которые оказывают влияние на общественную жизнь:

а) прямая походка как анатомическая особенность, позволяющая человеку лучше охватывать взглядом окружающую обстановку, освобождающая передние конечности даже по время передвижения и позволяющая лучше использовать их для труда, чем это могут сделать четвероногие;

б) цепкие руки с подвижными пальцами и противопоставленным большим пальцем, позволяющие выполнять сложные и тонкие функции;

в) взгляд, направленный вперед, а не в стороны, позволяющий видеть в трех измерениях и лучше ориентироваться в пространстве;

г) большой мозг и сложная нервная система, дающие возможность высокого развития психической жизни и интеллекта;

д) сложный механизм голосовых связок, строение гортани и губ, способствующие развитию речи, т.е. произнесению определенного количества дифференцированных звуков;

е) длительная зависимость детей от родителей, а следовательно, долгий период опеки со стороны взрослых, медленный темп роста и биологического созревания и поэтому долгий период обучения и социализации;

ж) пластичность врожденных импульсов и потребностей, отсутствие жестких механизмов инстинктов, таких, какие имеют место у других видов, возможность приспособления потребностей к средствам их удовлетворения — все это способствует развитию сложных образцов поведения и приспособлению к различным условиям среды;

з) устойчивость сексуального влечения, влияющая на формы семьи и на ряд других социальных явлений¹.

¹См.: *Rose A.M. Sociology.* — New York, 1956. — P.96; *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. — М., 1969. — С. 24—25.

Здесь перед нами такие анатомические, физиологические и психические особенности организма, которые наряду с другими (очевидно, менее существенными) составляют биологические основы деятельности человека как существа социального, его производительного труда и культурного творчества. Более того: только при их нормальном функционировании труд и творчество вообще становятся возможными.

Итак, человек несомненно принадлежит к существам биологическим, хотя и «шокирует» самого себя и своих сородичей, близких и отдаленных, рассмотренными выше особенностями. Эта несомненная биологичность человека лежит в основе многочисленных биологизаторских (натуралистических) концепций, пытающихся объяснить природу и поведение индивида, а порой и общества в целом. Некоторые из этих концепций уже упоминались в главе 1, с рядом других нам еще предстоит познакомиться.

Несводимость социального к биологическому

Чтобы понять, в чем ахиллесова пята биологизаторских концепций человека, целесообразно обратиться к выдвинутому и тщательно разработанному Ф.Энгельсом учению о соотношении высших форм движения к низшим. Сразу же обратим внимание, что речь идет о принципе, позволяющем объяснить гораздо более широкий круг вопросов нежели соотношение социального и биологического (например, такие важные для естествознания прошлого и настоящего проблемы, как соотношение механического и физического, физического и химического, химического и биологического).

При этом Энгельс исходит из четырех основных моментов.

1. *Высшие формы движения материи возникают из низших.* По отношению к взаимосвязи социального и биологического этот генетический принцип не является дискуссионным.

2. *Высшие формы движения материи включают в себя низшие.* Будучи существом социальным, человек сохраняет в себе в качестве фундамента биологическое, а посредством его и механическое, физическое, химическое (механическое перемещение человека по поверхности Земли и далеко за ее пределы; физические, в том числе электронные, процессы в организме человека; химические реакции, связанные с обменом веществ и т.д.).

3. *Высшие формы движения материи подчиняют себе низшие и преобразуют их.* Это означает, что низшее, включаясь в высшее, качественно отличается от того же явления в «свободном» со-

стоянии: оно существует и проявляет себя под воздействием высшего в преобразованном виде. Данный методологический принцип имеет важное значение для представителей любой отрасли знания, интересующегося человеком. Иначе мы можем получить извращенное представление об интересующем нас явлении.

В связи с этим вернемся еще раз к учению З.Фрейда о роли инстинктов в жизни человека и общества в целом. Напомним, что спорить с Фрейдом и фрейдистами следует не о том, присутствуют ли инстинкты в психической деятельности человека — они несомненно присутствуют, раз социальное включает в себя биологическое в качестве основы. Но подчинены ли эти сложные безусловные рефлексы социальному или они по-прежнему, как и в животном мире, определяют собой поведение человека? Общественная практика, равно как и данные физиологии и психологии высшей нервной деятельности, свидетельствуют, что в поведении людей, включенных в систему социальных связей, инстинкты отходят на второй план, уступая место социокультурным мотивам и находясь под их контролем. Впрочем, и сам Фрейд придает этому контролю («цензуре культуры», по его терминологии) важное значение, но считает главной функцией подобной цензуры не просто преобразование, а пагубное для психофизического здоровья человека подавление.

4. *Высшие формы движения материи не сводятся к низшим, т.е. наряду с содержанием, заимствованным у низших форм, в высшей обязательно встречается некоторое приращение содержания, добавочная сложность, свои специфические закономерности.* Вот это «дельта» (Δ)¹ и должна быть прежде всего принята во внимание, если мы хотим понять человека, его социальность. Что же представляет собой «дельта» в рассматриваемом нами сюжете?

Во-первых, появляются функции сугубо социальные, прежде всего труд и сознание; во-вторых, происходит социализация функций и черт по природе своей биологических. Насыщение пищей, утоление жажды, удовлетворение полового инстинкта — все это биологически определенное осуществляется современным нормальным человеком при нормальных условиях в очеловеченной, социализированной форме. Аналогичным образом обстоит дело и с чувственным отражением внешнего

¹Этой буквой греческого алфавита в формулах и уравнениях точных наук обычно обозначается приращение какого-либо фактора.

мира. Нынешние пять чувств человека — это результат всей предшествующей всемирной истории. Человеческий глаз, человеческое ухо воспринимают и наслаждаются иначе, чем глаз и ухо животного. Мы с полным правом говорим о музыкальном ухе, о чувствующем красоту формы глазе и т.п.. Соответственно, и тело человека — это не тело животного, но *человеческое* тело. Достаточно посмотреть на древнегреческую скульптуру и живопись Возрождения, чтобы понять разницу между тем и другим. Тело человека — культурный, социальный феномен, отнюдь несводимый к телесности приматов. Достижения спортсменов-олимпийцев воочию выявляют эту разницу уже в количественных показателях.

Индивидуальное и социальное

В сжатом, концентрированном виде вывод о социальной сущности человека был впервые сформулирован К.Марксом в шестом из его «Тезисов о Фейербахе».

Звучит он так: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹. Каково же отношение к этому выводу в современной социальной философии?

Этому вопросу была посвящена специальная секция XVIII Всемирного философского Конгресса (Брайтон, 1988), в ходе работы которой выявилось принципиальное совпадение взглядов исследователей из тогда еще существовавшего СССР и взглядов наших западных коллег. Никто из участников Конгресса не пытался отрицать великую заслугу Маркса в сведении индивидуального к социальному: впервые были преодолены мучившая мыслителей прошлого антиномия «индивид и общество» и метафизичность, в силу которой человек рассматривался как абсолютно автономная единица, а общество представлялось механической суммой, агрегатом индивидов.

В то же время, как справедливо отмечалось на Конгрессе, шестой тезис Маркса о Фейербахе нельзя абсолютизировать, ибо в таком случае неизбежен откат к вульгарному социологизаторству, к игнорированию того внесоциального, что тоже характеризует природу человека. Нельзя, в частности, рассматривать шестой тезис вне контекста «Тезисов» в целом, в отрыве от «Немецкой идеологии» и «Экономическо-философских рукописей 1844 года». И тогда становится ясно, что отражая совокупность общественных отношений, сущность человека отнюдь

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 3.

не сводится к этому отражению. Нельзя игнорировать антропологическое (биологическое и психическое) в этой сущности, в том числе этнопсихическое.

Участники Конгресса подчеркнули, что признание социальной сущности человека, вопреки мнению вульгарного социологизма, отнюдь не требует растворения индивидуального бытия во всеобщей социальной целостности, превращения общественных отношений в какую-то самостоятельную реальность в том смысле, что она существует якобы *помимо* индивидуальной деятельности людей и *над* ней. В действительности же *вся* индивидуальная жизнедеятельность *всех* людей данного общества и составляет фундаментальное, первичное содержание общественных отношений. Другое дело, что результаты этих действий, развертывающаяся при этом цепочка событий выходят из-под контроля индивидов, а зачастую и общества в целом.

3. Проблема смысла жизни

Имея в виду так называемые «вечные» философские проблемы, Бертран Рассел назвал, в числе других, следующие: «Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели?»¹. Все эти вопросы, как видим, отчетливо располагаются вокруг одной оси — смысла человеческой жизни.

Когда же человек-практик стал задумываться над этой проблемой, отрефлексированной затем философией? Очевидно, сначала должен был совершиться выход за пределы «первой программы» — программы удовлетворения минимальных (в основном, физиологических) потребностей, появиться потребности, а вместе с ними и ценности, более высокого, духовного

¹Рассел Б. История западной философии. — М., 1959. — С. 7—8.

порядка. Ибо вопрос о смысле и образе жизни — это прежде всего вопрос о наших ценностных предпочтениях, о субординации ценностей материальных и духовных. Так зародилась *аксиология* — социально-философское учение о природе ценностей, их месте в жизни общества и личности.

Вопрос о жизненных ценностях и о самом смысле жизни никогда так остро не стоял перед человечеством в целом, перед каждым мыслящим индивидом как сегодня. И, пожалуй, никогда ранее мы не ощущали так зримо в духовной атмосфере общества чувство утраты смысла жизни, называя эту утрату «экзистенциальным вакуумом», всемирно известный специалист по проблемам психологии личности Виктор Франкл (Австрия) пишет: «Когда меня спрашивают, как я объясняю причины, порождающие этот экзистенциальный вакуум, я обычно использую следующую краткую формулу: в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм)»¹.

Установка «иметь»

Вообще в истории социально-философской мысли, начиная с античной, прослеживаются две диаметрально-противоположные концепции смысла чело-

веческой жизни с точки зрения тех целей, которые ставит перед собой человек. Лаконично эта противоположность традиционно формулируется так: «Иметь или быть?». Оставляя за собой право вернуться позднее к субъективной стороне проблемы (насколько свободен индивид в выборе своей смысложизненной позиции?), отметим лишь, что само появление каждой из этих концепций, а тем более их массовидная распространенность в том или ином обществе, в ту или иную эпоху имеют зримые социальные, в том числе не в последнюю очередь экономические корни. Исторический опыт показывает, что в зависимости от характера общества в нем превалирует та или иная ценностная установка.

Разумеется, ни одна из этих установок не могла возникнуть в классическом первобытном обществе. Первая («иметь») — по-

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 25.

тому, что индивид не представлял собой собственника: таковым являлась община в целом; прежде же чем возникла вторая («быть») у человека должны были появиться хотя бы в зародыше духовные потребности.

Концепция «имения», «обладания» могла появиться только с появлением частной собственности, сама природа обладания вытекает из природы именно этого типа собственности. Обладание есть «палка о двух концах». С одной стороны, я — в порядке самооценки — и общество оценивают меня в зависимости от того, чем и в каком количестве я обладаю. Это для меня важнее всего, и я готов употребить любые усилия для возвышения собственного статуса обладателя, становлюсь одержимым. Характерно, что такая жизненная позиция не одобряется как светским гуманизмом, так и религиозными учениями. В буддизме этот способ поведения описан как «ненасытность», а иудаизм и христианство называют его «алчностью». Но у обладания есть и другая сторона. В порядке обратной связи принадлежащие мне вещи обладают мной, а они зачастую еще менее вечны, чем я, и их поломка, утрата и т.д. губительно сказываются на моем здоровье, прежде всего, — психическом.

И здесь невольно вспоминается психоанализ З.Фрейда, в котором прослеживается символическая связь между деньгами и фекалиями — золотом и грязью — и вводится понятие «анального характера», при котором жизненная энергия человека направлена в основном на обладание. Анальный же характер, по Фрейду, есть характер, застывший в своем развитии и не достигший полной зрелости. Рассматривая эти взгляды З.Фрейда, Э.Фромм заключает: «Важно то, что Фрейд считал, что *превалирующая ориентация на собственность возникает в период, предшествующий достижению полной зрелости, и является патологической в том случае, если она остается постоянной*. Иными словами, для Фрейда личность, ориентированная в своих интересах исключительно на обладание и владение, — это невротическая, больная личность; следовательно, из этого можно сделать вывод, что общество, в котором большинство его членов обладают анальным характером, является больным обществом»¹.

Тема «Больное общество» применительно к современности имеет множество аспектов (нравственный, геополитический,

¹Фромм Э. Иметь или быть. — М., 1986. — С. 110.

экономический и т.д.) и в силу этого архисложна, требуя специального, самостоятельного освещения. В какой-то степени это будет сделано в последующих главах. Сейчас же укажем на один из них — экономический — и сошлемся на мнение А.Печчи, крупнейшего теоретика Римского клуба¹, который с горечью констатировал, что человек, обладая способностью производить множество вещей, уподобился Гаргантюа, «развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию, производя все больше и больше, вовлекая себя в порочный круг роста, которому не видно конца»². В этом, очевидно, и кроется основная, если можно так выразиться, *индивидуализированная* причина переживаемого современным человечеством экологического кризиса.

Установка «быть»

Теперь обратимся к оппонировавшей смысложизненной концепции — «быть!». Быть — это значит реализовать для себя более высокую, чем обладание вещами, людьми, властью, программу жизнедеятельности, такую программу, которая бы отвечала духовным потребностям человека, его истинной сути. Выше мы говорили о социальных корнях установки на обладание. Есть у нее и биологически детерминированные корни: принцип обладания потенциально заложен в инстинкте самосохранения. Вытекает ли из этого фатальная неизбежность преобладания в обществе концепции «иметь»? Отнюдь нет, ибо эгоизму и лениности противостоят такие сугубо человеческие качества, как потребность в преодолении своего одиночества и общении с другими людьми; потребность в самореализации, в том числе в реализации своих духовных способностей; потребность в социальной активности; готовность жертвовать собой (не говоря уже о собственности) во имя общественных интересов. Эти качества не имеют рельефно выраженных аналогов в природе, они благоприобретены человеком, творящим своей деятельностью историю.

Таким образом, в каждом человеке, поскольку он существо биосоциальное, существуют в изначальном виде оба стремления (и «быть», и «иметь»). Какое же из этих двух стремлений

¹Римский клуб — международное объединение ученых, общественных деятелей, деловых людей, поставившее своей целью создание глобальной модели выхода человечества из нынешнего экологического кризиса.

²Печчи А. Человеческие качества. — М., 1980. — С. 37.

возьмет верх, определяется не только индивидуальными биопсихическими особенностями и спецификой непосредственного социального окружения (семья, приятельское окружение и т.д.), но прежде всего господствующими в данном обществе моральными нормами и ценностными установками, его общей культурой.

Конечно, пропагандируя установку на бытие, достойное человека, ни философия, ни религия (за исключением некоторых сект) не призывают к полному отрешению от земных благ и удовольствий, к аскетизму и абсолютному альтруизму, т.е. абсолютному забвению своего собственного «я». Никогда не призывал к этому и марксизм. «Мы вовсе не хотим разрушить подлинно человеческую жизнь со всеми ее условиями и потребностями, — писал молодой Ф.Энгельс, — наоборот, мы всячески стремимся создать ее»¹.

Между «быть» и «иметь» по сути дела нет антагонистического противоречия. Ведь для того, чтобы «быть», реализовывать лучшие человеческие качества, необходимо иметь определенное количество материальных благ в довольно широком наборе: это и еда, одежда, обувь, жилище, топливо; это и средства производства для обеспечения ими; это и такой способ потребления материальных благ, который не унижал бы человеческое достоинство, а, напротив, всячески бы его поддерживал. Многочисленные воспоминания очевидцев свидетельствуют, что деградация и распад личности узников в нацистских концлагерях осуществлялся не только посредством голодных пайков, искусственно создаваемой жажды, но и самими способами, которыми заставляли человека доставать и потреблять эти блага (отбирать у более слабых, пить из луж и т.п.). Установка «быть» не может в сколько-нибудь значительной мере и в массовом масштабе реализовываться и люмпенами — людьми, опустившимися на социальное дно в силу различных причин общественного и личностного свойства.

Речь, следовательно, должна идти не об отказе от материальных благ, а о таком оптимальном сочетании двух смысловых установок, при которой приоритет остается за ориентацией на воплощение лучших человеческих качеств. При этом человек рассматривает вещи не как предмет поклонения, а как своих слуг, помощников, позволяющих ему

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. — С. 554.

сберечь свое время, сэкономить силы для творческой жизни и быстро восстанавливать их. Однажды (а было это в двадцатые годы, когда вопрос о новом образе жизни стоял особенно остро) Владимира Маяковского спросили, как он относится к ношению галстука. «Видите ли, — ответил поэт, — все зависит от того, что к чему привязывается: галстук к человеку или человек к галстуку». Вряд ли можно более точно решить дилемму «иметь или быть».

Выход этой дилеммы в сферу реальных собственнических и распределительных отношений приобретает явное политическое и экономическое звучание. Могу ли я, приверженец установки «быть», во имя торжества принципов справедливости и абсолютного равенства требовать экспроприации «излишней» (по сравнению с моей) собственности у ориентирующихся на иной смысл жизни? Не будет ли это выражением заурядной черной зависти, т.е. такого феномена, который в гуманистическую концепцию «быть человеком» никак не вписывается? Зато он органически вписывается в то видение коммунизма, которое требует полного уравнивания в распределении материальных благ и которое Маркс назвал «грубым», «казарменным» коммунизмом, «отрицающим повсюду личность человека»¹.

Выбор и ответственность

Человек, как мы отмечали выше, не пассивное существо, не марионетка, которую объективные социальные условия дергают за веревки и заставляют совершать жестко фиксированные движения. В связи с этим перед ним и перед размышляющим о нем философом обязательно встает проблема выбора. Проблемой этой занимались многие философы, но, пожалуй, более всего она оказалась разработанной экзистенциалистами (Н.Бердяев, М.Хайдеггер, К.Ясперс, Ж.П.Сартр, А.Камю и др.).

К такому повышенному интересу экзистенциалистов обязывает сама суть их философской парадигмы, исходящей из вечного, неизбывного антагонизма между личностью и обществом, усугубленного в двадцатом веке «закатом Европы»² и мировой цивилизации в целом. Но восприняв от О.Шпенглера его исторический пессимизм, экзистенциалисты высту-

¹См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 114—115.

²Так называлась книга О.Шпенглера с пессимистическим прогнозом развития человечества.

пили с протестом против его фатализма, требовавшего от человека подчинения неотвратимой перспективе заката цивилизации. Экзистенциалисты оставили человеку *выбор*, высветив тем самым гуманистическую направленность своих философских установок.

Это сделал уже К.Ясперс в «Духовной ситуации эпохи» (1931). Нарисовав картину неотвратимого вырождения общества в «тотальный массовый порядок», предупредив о невозможности предотвращения этого процесса, поставив вопрос о том, «как жить в нем» (в таком обществе), Ясперс заключает: «Человек, который хочет не только просто существовать, решает, какой порядок будет избран и утвержден; в противном случае человек полностью отдается во власть существования и подчиняется его решениям»¹. С ним полностью согласен Сартр: ход вещей кажется фатально неотвратимым лишь тому, кто капитулировал перед миром, предал свои убеждения. Ни одно общественное явление, возникшее внезапно и увлекшее меня, — разъясняет Сартр, — не приходит извне: если я мобилизован на войну, это есть моя война, я виновен в ней, я ее заслуживаю. Я ее заслуживаю прежде всего потому, что я мог уклониться от нее — стать дезертиром или покончить с собой. Раз я этого не сделал, значит, я ее выбрал, стал ее соучастником.

И Сартр с основанием заявляет, что «это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление»². Выбор у Сартра неотделим от ответственности: я ответствен за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще.

Человек должен следовать своей цели, даже если она оказывается неосуществимой, даже (и тем более) в «пограничной» со смертью ситуацией, «пограничной» для отдельного индивида и

¹Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 338.

²Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Ф.Ницше, З.Фрейд, Э.Фромм, А.Камю, Ж.П.Сартр. Сумерки богов. — М., 1989. — С. 344.

для человечества в целом. Его деятельностный акт может быть экстагическим, как у Хайдеггера, может быть авантюристическим (по Сартру), но он все равно должен осуществляться. Более того, Сартр объявляет безрассудство «праздником существования», поскольку-де именно в нем реализуется необусловленный никакими историческими ситуациями жизненный проект индивида.

Вот тут-то и обнаруживается слабая сторона экзистенциализма. Его человек *абсолютно свободен*, и если свобода как таковая позволяет человеку быть личностью, осуществлять выбор и нести ответственность за него, то ее *абсолютность* начисто элиминирует человека из той сети социальных, биологических, психологических закономерностей, в которую он реально вписан. Экзистенциалистам представляется, что в этом отрыве свободы от необходимости и закономерности заключена сила их концепции, в действительности же все обстоит иначе: человек остается жалким, затравленным одиночкой, могущим рассчитывать только на выражение своей позиции по отношению к социальной среде, но отнюдь не на ее оптимизацию.

В свете этого становится понятным, почему такое большое место в философии экзистенциализма, занимает анализ «страха», «тоски», «тревоги», «заброшенности», не говоря уже о проблеме смерти. Повернув внимание современной культуры к проблеме смерти, экзистенциалисты вновь проявили себя как гуманисты, ибо то, что волнует индивида и человечество в целом (тем более в наш жестокий век) не может не волновать философа. Но в решении этой проблемы вновь ощущается бессилие экзистенциалистского человека, который уж очень часто помышляет о самоубийстве. И если А. Камю в «Мифе о Сизифе» осуждает самоубийство, то многие другие экзистенциалисты именно в этом акте видят наиболее достойный человека способ бунта против этого брэнного мира.

Очевидно, что во многом ценные, но во многом и не бесспорные, суждения экзистенциализма должны быть дополнены чем-то еще, а именно: пониманием того, каким образом человек, наделенный правом выбора и долгом ответственности, может повлиять на сложившуюся историческую ситуацию. И здесь встает вопрос: как сопрягается сознательная деятельность человека с объективной реальностью и ее законами?

4. Объективные законы общественного развития и сознательная деятельность людей

Специфика социологических законов

Законы общественного развития, как и законы природы объективны. Это означает, что они возникают, действуют и сходят с исторической арены независимо от воли и сознания людей. Какие закономерности возникают и действуют, а

какие прекращают свое действие и заменяются новыми, определяется объективными социальными условиями. В свое время рабовладельцам, а затем и феодалам очень хотелось отменить закон, в соответствии с которым происходит смена общественно-экономических формаций. Но это, как говорится, от них не зависело. С объективным характером законов общественного развития приходится считаться и тем, кто совершает революционное преобразование, созидает качественно новое социальное устройство. Так обстоит дело, например, с законом социальной преемственности. Нельзя развивать производительные силы, формировать новые производственные отношения, поднимать духовную культуру, совершенствовать политическую демократию, не опираясь на рациональное и прогрессивное наследие, накопленное человечеством. Всякий, кто пытается игнорировать это наследие, «созидать» на голом месте, делать «все наоборот», фактически оказывается утопистом, если не глупцом. Наш собственный послеоктябрьский исторический опыт показывает, как много бед наносит несохранение таких достижений цивилизации, как общечеловеческие моральные ценности, рынок и товарно-денежные отношения, разделение властей и т.д.

Существует, таким образом, единство законов общественного развития и законов природы, заключающееся в их объективном характере. И также, как мы не можем отменить закон свободного падения тел или закон Архимеда, мы не вольны отменить закон определяющей роли материального в жизни и развитии социума, закон стоимости и т.д. В то же время в одном существенно важном моменте — *механизме своей реализации* — законы общественного развития принципиально отличаются от законов природы.

Законы природы реализуются и тогда, когда в их действие не вмешивается человек. Реализация же законов общественного развития парадоксальна. Сразу же подчеркнем, что речь идет

не о логическом парадоксе, т.е. не о противоречии, существующем только в нашей голове. Речь идет о парадоксе реальном, возникающем в ходе исторической практики людей. С одной стороны, законы общественного развития, как уже отмечалось, возникают, действуют и сходят со сцены независимо от воли и сознания людей. С другой же стороны, *законы общественного развития реализуются только через деятельность людей*. И там, где людей нет или они есть, но ведут себя пассивно («сидят, сложа руки»), никакие социологические законы реализоваться не могут.

Учитывая и то общее, что есть у законов природы и социологических законов, и то, что их отличает друг от друга, К.Маркс характеризовал общественное развитие как *естественно-исторический процесс*. С одной стороны, этот процесс естественный, т.е. столь же закономерный, необходимый и объективный, как и природные процессы. И в то же время это процесс исторический в том смысле, что он представляет собой результат деятельности самих людей. Люди выступают одновременно и авторами и актерами всемирно-исторической драмы, именуемой историей. В этом и заключается парадокс, каждодневно возникающий и также каждодневно разрешаемый в ходе исторической практики людей.

О так называемых «исторических законах»

Очень часто в литературе наряду с терминами «социологический закон», «закон общественного развития» встречается понятие «исторического закона», причем употребляется оно в трех значениях: 1) как синоним первых двух понятий; 2) как конкретизация общесоциологических законов применительно к отдельным формациям; 3) как специфические, имеющие особый механизм реализации, законы. Правомерность синонимического употребления терминов вряд ли может оспариваться, а вот против второго и третьего варианта использования термина «исторический закон» приходится возражать.

Если исторические законы, как утверждал, например, М.А.Барг, есть форма проявления законов социологических в данном пространственно-временном континууме¹, то мы скорей всего получаем не какой-то особый исторический, а частный социологический закон.

¹См.: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. — М., 1984. — С. 183—184.

И, наконец, если специфические исторические законы все же существуют, то в чем может заключаться их особый механизм реализации? Есть мнение, что законы социологические реализуются — де независимо от воли и сознания людей, а действие исторических — прямо обусловлено сознанием и волей людей¹. Но мы уже выяснили, что *все* законы общественного развития реализуются через деятельность людей. На наш взгляд, *исторические законы суть законы сходных исторических ситуаций*. Поясним на примере из истории социальных революций. Опыт свидетельствует, что каждый раз контрреволюция для того, чтобы поколебать и свергнуть революционную власть, поддерживала наиболее близкую к крайней революционной партии оппозицию ей. Так было в английской буржуазной революции, французских революциях 1789—1848 гг., серии испанских революций XIX в., в германских революциях. Перед нами типичный закон сходных ситуаций, который может быть назван законом «ближайшей оппозиции».

**Субъективный
фактор
в истории**

В связи с рассмотренной спецификой социологических законов возникает необходимость различать *объективные условия*, без которых данное историческое событие произойти не может, и *субъек-*

тивный фактор его реализации.

Под *объективными условиями* имеются в виду те независимые от воли и сознания людей феномены и обстоятельства (прежде всего социально-экономического порядка), которые необходимы для порождения данного исторического явления. Но сами по себе они еще недостаточны. Произойдет данное историческое событие или не произойдет, ускорится его реализация или, напротив, замедлится, зависит от субъективного фактора, проявляющего себя на базе этих объективных условий. *Субъективный фактор — это сознательная, целеустремленная деятельность масс, классов, политических партий, отдельных личностей, направленная на изменение, развитие или сохранение объективных условий общественного развития*. По своей направленности субъективный фактор может быть соответственно как прогрессивным, так и консервативным и даже реакционным. Взаимодействие объективных условий и субъективного фактора находит свое выражение в том, что историю творят люди, но творят не

¹См. об этом подробно: *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. — М., 1989. — С. 41—43.

по своему произволу, а будучи вписанными в определенные объективные условия.

В структуре субъективного фактора различают в качестве основных *организационный* и *идеологический* компоненты. Это значит, что чем организованней выступают люди, чем глубже осознаются ими стоящие задачи и пути их решения, тем плодотворнее их практическая деятельность. Свобода есть познанная необходимость: чем лучше познал человек законы природы и общественного развития, тем свободней он в своей деятельности (разумеется, в рамках общей зависимости от этих законов).

Волюнтаризм Трудности теоретического овладения рассмотренным выше парадоксом исторического процесса приводят к тому, что мы зачастую в процессе наших размышлений (а затем и действий) осознанно или неосознанно разводим основополагающие стороны этого парадокса, а затем абсолютизируем одну из них.

И тогда в качестве одного из возможных вариантов «разрешения» парадокса появляется *волюнтаризм* (от лат. *voluntas* — воля), объявляющий просто несуществующей одну из сторон парадокса — объективный характер законов общественного развития. По сути дела перед нами феномен субъективно-идеалистического толка, который возводит в абсолют волю субъекта, его свободу и сводит к нулю необходимость, т.е. зависимость деятельности субъекта, ее результатов от объективных законов общественного развития. В истории революционного движения волюнтаристами были народники в России и других странах, эсеры, сегодня таковыми являются различного рода ультралевые, анархистские движения на Западе. Значительные элементы волюнтаризма встречались и до сих пор дают о себе знать в социально-политической практике нашей страны в виде игнорирования объективных условий и попыток волевого, произвольного решения назревших проблем. Так, именно на волевой основе, а не на основе экономической целесообразности, в течение многих десятилетий строились взаимоотношения государства с предприятиями, причем не только с так называемыми «общенародными», но и с колхозно-кооперативными. В результате подрывались условия для нормального производства, научно-технического прогресса и т.д.

Широкое распространение субъективно-идеалистических, волюнтаристских взглядов характерно для исторической науки, причем не только античной и средневековой, но и относящейся к

нашему времени. Особый всплеск в этом отношении мы наблюдаем со второй половины XIX в., когда под несомненным влиянием позитивизма появляется ряд школ, отрицающих наличие объективной закономерности в истории. В Германии это — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер, Э. Майер, в Англии — Б. Рассел, С. Федерн, Г. Тревельян, А. Тойнби, в Америке — Д. Дьюи, Э. Богардус, Г. Беккер-Чейз. По Арнольду Тойнби, исторические законы — это «гипотезы, которые до сих пор подтверждались»¹. Тойнби почти дословно повторяет юмовское отрицание объективной природы причинности, согласно которой общественные события никогда, нигде и ни в чем не повторяются, не воспроизводятся вновь.

Но, впрочем, в таком чистом виде отрицание исторических закономерностей встречается все же редко. Дело в том, что сторонники волюнтаристских концепций тоже вынуждены обращаться к прошлому историческому опыту, «использовать» его для подтверждения своих взглядов на настоящее и прогнозирование будущего. Отрицание исторической закономерности сочетается у них с признанием возможных аналогий в истории. Или, точнее, — отрицание исторической закономерности принимает форму аналогизма. Так, под влиянием известного кантианца Риккерта Эд. Мейер утверждал, что развитие человеческого общества не подчиняется объективным закономерностям, что немислимо выяснить причины его развития и гибели.

«В течение моих многолетних исторических исследований, — писал он, — мне не удалось открыть ни одного исторического закона, да и в сочинениях других историков мне до сих пор не попадались такие законы. Поэтому я могу смело сказать, что исторические законы существуют только в идеале, в качестве постулатов. Точно также в сфере массовых явлений, например, в экономической истории, нет никаких исторических законов, а есть лишь эмпирические обобщения, выведенные путем аналогии»². Отрицание исторической закономерности в форме аналогизма мы встречаем и у крупнейших из ныне здравствующих представителей зарубежной философии истории. (Исключение составляет, пожалуй, только П. Сорокин, выступивший против характерных для идей Риккерта — Дильтея отрицания исторической закономерности и возможности объективной социологии.)

¹А. Тойнби. *A Study of History*. Oxford. Univ. press. — Vol. 12. — 1961. — P. 237.

²Мейер Эд. *Теоретические и методологические вопросы истории*. — СПб., 1904. — С. 30.

Фатализм

Другой исторически известный вариант теоретического разрешения рассматриваемого парадокса — *фатализм* (от лат. *fatum* — рок, судьба), который в отличие от волюнтаризма совершенно исключает момент свободы, свободного выбора субъекта, активную роль деятельностного человека. Уж коль скоро существуют и действуют объективные законы общественного развития, рассуждают фаталисты, то ни о какой активности человека речи быть не может, ему остается пассивно ждать, когда эти законы автоматически возьмут свое. Не оказывались ли на фаталистических позициях мы, уповая на то, что стоит нам волевым решением «обобществить» средства производства — и дальше все пойдет «как по маслу»: на базисе такой «обобществленной» экономики сформируется социалистическое общественное сознание, а заложенные в социализме как системе объективные преимущества реализуются сами собой, автоматически? И это независимо от того, как мы будем действовать — интенсивно, целеустремленно или вразвалку; культурно или по-варварски; со знанием дела или дилетантски.

Фатализм в объяснении исторических событий и исторического процесса в целом — явление весьма распространенное. Причиной фатализма нередко считали неспособность человека познать законы истории. Таких оценок придерживался Л. Н. Толстой: «Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (т.е. тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее»¹. Впрочем сам Толстой понимал историю как процесс безличной деятельности народных масс, не приметно и бессознательно ее творящих. «Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодием»². Отсюда толстовский вывод о бесплодности деятельности выдающейся личности, способной только дать свое имя событиям, и некорректируемом ходе истории, поскольку она складывается из произвольных действий миллионов. Парадоксально, но эту же неспособность познать законы истории Толстой связывал со свободой (как и с фатализмом). В истории — отмечал он — нет ни грана свободы: то, что известно нам, мы называем законами необходимости; то, что неизвестно, — свободой³.

¹Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. — М., 1980. — Т. 6. — С. 10.

²Там же. — Т. 7. — С. 19.

³См. там же. — С. 352.

Иными словами, Толстой не связывал историю ни с необходимостью (фатальностью), ни со свободой (волюнтаризмом). История для него некий живой, событийный поток, принципиально неклассифицируемый, не подлежащий научному осмыслению как уникальный временной ряд. Таким подходом Толстой резко отрывался от всех предшествующих историософских схем, подчас предваряя философские идеи XX в.

**Роль
случайности
в истории**

Отношение к случайности в историографии и социальной философии встречается разное — от ее полного отрицания у Демокрита, Спинозы, Гоббса, французских материалистов XVIII в. до провозглашения истории простой игрой случайностей у старших французских просветителей, в особенности у Вольтера.

Между тем исторический опыт на каждом шагу убеждает нас, что общественной жизни, как и всему окружающему нас миру, присуще диалектическое взаимопроникновение необходимого и случайного: они слиты воедино в каждом феномене и процессе. Мы, кстати, уже имели возможность увидеть это при анализе антропогенеза.

Откуда же берутся случайности в общественной жизни? Какую функцию они выполняют?

Случайность нередко выступает как *форма проявления исторической необходимости*. Воспользуемся примером, приведенным в свое время В.Г.Белинским. Выход к морю, указывает он, был исторически необходим для дальнейшего развития России. А вот тот факт, что Петру I удалось впервые выйти к Балтийскому морю в районе устья Невы, а не на другом участке Балтики, с точки зрения той же самой необходимости является случайным. Короче говоря, сложились военные действия несколько иначе — незачем было бы строить Петербург, и столицей страны могли стать Ревель (нынешний Таллин) или Рига¹.

Случайность часто появляется в точке пересечения процессов, каждый из которых имеет необходимый характер. Великие географические открытия по праву можно рассматривать как необходимое следствие исторического развития средневековой Европы. Необходимым был и процесс развития народов Америки и Индии. А вот в точке пересечения этих двух необходимых процессов мы получаем явление явно случайное: появление европейских мореплавателей на берегах

¹См.: Белинский В.Г. Собр. соч.: В 3 т. — М., 1948. — Т. 3. — С. 648.

Америки и Индии отнюдь не вытекало из процесса развития здешних стран.

Момент случайности вносится в исторические события и деятельностью человека, имеющего, как мы видели, право на выбор. Знакомые с историей России, очевидно, помнят трагические повороты Семилетней войны, внезапное изменение ее хода после смерти Елизаветы Петровны (1761): Петр III, давний поклонник Фридриха II, немедленно заключил с ним мир, что оказало существенное воздействие на всю расстановку политических сил в Европе.

Анализируя причины исторического движения общества, Г.В.Плеханов указывал, что влияние общих и особенных причин дополняется в этом движении действием причин *единичных*, т.е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают свою *индивидуальную физиономию*. «Единичные причины, — указывал он, — не могут произвести коренных изменений в действии *общих* и *особенных* причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка»¹.

* * *

Когда лет двадцать назад в стране появились первые серьезные исследования по проблемам человека и его деятельности, а затем начался и самый настоящий бум литературы в этой области, многим он показался очередной модой: пресытимся, и мода пройдет. Но на поверку выяснилось, что интерес к этой проблематике вполне закономерен и нарастал он по мере того, как все больше заходила в тупик наша социальная действительность. Яснее и яснее становилось, что все зависит от нашей *деятельности*, от ее интенсивности, от нашего профессионализма, от уровня нашей культуры (производственной, моральной, политической и т.д.). Теперь, видно, настало время из этой истины сделать практические выводы.

¹Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. — М., 1956. — Т. 2. — С. 332.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы характерные черты общественной практики?
2. В чем проявляется несводимость социального к биологическому?
3. Возможно ли сопряжение установки «иметь» и установки «быть» в смысложизненной позиции личности?
4. Понятны ли Вам основные тезисы волюнтаризма и фатализма? Что бы Вы могли возразить на них?

Глава третья

ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА

1. Общественные отношения

К вопросу
о «клеточке»
социума

В социальной философии издавна идет поиск элементарной «клеточки» социальной системы, т.е. такого «простейшего образования», с анализа которого было бы правомерно начинать исследование системы в целом. Иными словами, философы и социологи давно ищут нечто аналогичное физическому атому или биологической клетке. Такой поиск несомненно оправдан. Но как осуществить его, с чего начать, что взять за основу, а что за критерий. Результатом поисков и исследований были различные предложения. Например, «социальный атом», сконструированный основоположником социометрии Я. Морено, который определял его как совокупность индивида и тех лиц, с которыми он эмоционально контактирует в каждый данный момент. Сразу же бросаются в глаза два существенных конструктивных порока «социального атома» — во-первых, его мимолетность, лимитированность «даным моментом», и во-вторых, сведение всех взаимодействий между индивидами только к духовным, а последних только к эмоциональным.

Если придерживаться исторического подхода, то в качестве такой «клеточки» в социальной философии последовательно выступали *индивид* (хотя изолированный индивид отнюдь не представляет собой социальное явление), *семья* (явление на самом деле весьма сложное в структурном отношении), *«самое примитивное, недифференцированное общество»* (но даже самое древнее из них — родовую общину — нельзя считать простейшим образованием) и уже упоминавшийся *«социальный атом»*.

Однако социальная философия пробовала себя не только в этих тупиковых направлениях. В середине XIX в., а затем в XX в. нашлись два течения, сумевшие прорваться к истине. Мы имеем в виду школу Карла Маркса и школу Питирима Сороки-

на. Первый из них во главу угла поставил общественные *связи* и складывающиеся на их основе *отношения* между людьми, противопоставив их в качестве «клеточки» обособленному индивиду. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»¹ — делает вывод Маркс. Оставив в стороне то, что различает две школы, мы обнаруживаем в принципе такой же подход у Сорокина. Индивид или даже миллион изолированных индивидов не составляют социального явления, не говоря уже о его простейшем образовании. «Индивид представляет собой лишь физический, биологический или психологический феномен»² — таков вывод Сорокина, а социальные связи и отношения обозначены у него как «*значимое человеческое взаимодействие*» и провозглашены в качестве «родового социального явления», т.е. такого общего для всех социокультурных явлений свойства, с которого и должно начинаться изучение структурного аспекта социума.

Итак, в обеих концепциях «клеточка» общества усматривается в общественных связях, взаимодействиях, отношениях.

Природа общественных отношений	В предыдущей главе были рассмотрены проблемы человека и его деятельности. Именно в ходе своей деятельности человек вступает в разнообразные и многомерные <i>отношения</i> с себе подобными, причем будучи порождены деятельностью, эти отношения, в свою очередь, являются ее необходимой общественной формой. Любое взаимодействие людей как общественных существ, по необходимости принимает общественный характер.
---	--

Надо сразу же оговориться, что понятие «общественные отношения» в литературе встречается в двух смыслах: в широком, когда имеются в виду все, любые отношения между людьми, поскольку они складываются и реализуются в обществе (в том числе и межличностные, даже интимные отношения), и в узком, когда под ними понимаются только отношения между большими социальными группами, имеющие непосредственно общественный характер (производственные, межклассовые и внутриклассовые, международные и внутривнутриполитические, межнациональные, экологические и т.д.). Впрочем, в двух смыслах употребляется в литературе и понятие «социальное» — как все

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. I. — С. 214.

² Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 190.

общественное и как относящееся только к одной из сфер общественного, к социальной сфере (социальное обеспечение, напр.).

В данной главе понятие «общественные отношения» будет употребляться в своем узком смысле, и тогда правомерно следующее определение: *общественные отношения суть многообразные формы взаимодействия и взаимосвязи, возникающие в процессе деятельности между большими социальными группами, а также внутри них.* И поскольку человек включен в каждую из этих групп (этнос, класс, слой внутри класса, сообщество граждан одного государства и т.д.), он выступает в качестве универсального субъектного элемента, или точнее — со-субъекта, ибо каждая такая группа есть совокупность индивидов.

Таким образом, с полным правом можно сказать, что человек выступает творцом своих собственных общественных отношений. Однако это — творение особого рода. Занимаясь необходимой для поддержания жизни и ее обустройства деятельностью, люди с такой же объективной необходимостью вступают в отношения между собой, «производят» их. Созидание отношений довольно специфично и сплошь и рядом служит наглядным подтверждением принципа «не ведаю, что творю». Как существа сознательные, люди осознают свои потребности, ставят перед собой конкретные цели, создают идеальную модель желаемого результата и в большинстве случаев его достигают: иначе ни о каком общественном прогрессе нельзя было бы говорить. Но это преобладающее совпадение цели и результата касается в основном *содержательной* стороны человеческой деятельности, у нас же сейчас речь идет о стороне *формальной*, поскольку общественные отношения, как об этом уже сказано выше, суть необходимая форма нашей деятельности. Осознавая, предугадывая содержательные результаты своей деятельности, люди в то же время, как правило, не могут предвидеть вызванную этой деятельностью эволюцию (а иногда и самую настоящую революцию) своих общественных отношений.

Происходит это, во-первых, потому, что каждое новое поколение застает уже сложившуюся систему общественных отношений, отражающую уровень развития технико-технологического базиса и степень овладения природой, меру цивилизованности общества, состояние его культуры и психологии. Понятно, что каждый конкретный тип общественных отношений зависит от перечисленных факторов в большей или меньшей степени.

Во-вторых, решая повседневную задачу «на минимум и максимум» в экономике (минимум затрат и максимум производи-

тельности труда), совершенствуя другие компоненты общественной жизни, люди тем самым порождают такую эволюцию своих общественных отношений, которая с самого начала выходит из-под их контроля. Яркую иллюстрацию к этой закономерности дает история Японии Нового времени. Япония долго сопротивлялась всяческим попыткам извне навязать ей заморский образ жизни. Ни расширение торговли традиционными товарами, ни военные демарши, ни миссионерство не помогли европейцам и американцам в осуществлении их планов вовлечения Японии в, как бы мы сейчас сказали, «единый цивилизационный поток». Троянским конем, позволившим взять эту крепость, оказалась новая техника и технология, в ввозе которой в страну японцы не видели ничего зазорного и опасного. В действительности же внедрение новой техники и технологии вылилось в промышленный переворот со всеми вытекающими из него последствиями — принципиальными изменениями производственных, социальных, семейных отношений.

Подводя итоги рассмотрению природы общественных отношений, можно сделать вывод: *общественные отношения представляют собой объективную реальность, независимую от воли и сознания людей, производящих и воспроизводящих их в процессе своей деятельности.* Объективный же характер их позволяет лучше понять уже анализировавшийся тезис, согласно которому человек в сущности своей есть совокупность (т.е. отражение) соответствующих общественных отношений.

**Отношения
материальные
и духовные**

Общество представляет собой сверхсложную систему разнообразных общественных отношений¹. Разобраться в этой многомерности очень важно как для понимания самих общественных отношений, так и для понимания социума в целом. Напомним, что открытию материалистического понимания истории, позволившему взглянуть на общество совершенно другими глазами, предшествовало создание Марксом и Энгельсом стройной типологии общественных отношений, сведение их в систему.

Все богатство общественных отношений может быть подразделено на два больших класса — класс материальных отношений и класс духовных (и в этом смысле идеальных) отношений. Поскольку вопрос о субординации двух классов отношений вкратце

¹См.: Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. — М., 1971. — С. 47—54.

уже рассматривался в главе первой, остановимся дополнительно на одном, на наш взгляд, весьма существенном моменте.

Дело в том, что объективной реальностью являются не только отношения материальные, но и духовные. Объективность отнюдь не тождественна вещественности (кстати, ни грана вещественности нет и в большинстве материальных отношений). Объективность означает только одно: данный феномен существует вне меня, отражаясь (или не отражаясь) моим сознанием. А разве не являются такой объективной реальностью духовные отношения, соответствующие уровню, содержанию и состоянию общественного сознания своей эпохи? Кстати, объективный идеализм Платона и Гегеля при всей ошибочности его основной посылки («первичность сознания») в своеобразной форме отразил тот несомненный факт, что общественное сознание, а тем более формирующиеся на его основе духовные отношения, в *определенной* степени представляет собой объективную реальность, детерминирующую и во многом объясняющую поведение индивидов и социальных групп. В определенной — потому, что общественное сознание есть одновременно и объективная и субъективная реальность, единство объективных и субъективных моментов. Этот парадокс детальней будет рассмотрен в главе «Духовное в жизни общества».

В чем же тогда принципиальное отличие духовных (идеальных) отношений от материальных? Вкратце его можно сформулировать так: материальные отношения возникают и складываются непосредственно в ходе практической деятельности человека, непосредственно отражают ее. Духовные же отношения формируются, предварительно «проходя через сознание» людей (индивидуальное и групповое). Вот эта их опосредованность сознанием многих смущает и вводит в недоумение. Наш читатель тоже может спросить: разве десятком страниц выше не утверждалось, что архитектор (в отличие от пчелы) пропускает непостроенное еще здание через свое сознание, создавая образ, модель будущего сооружения? Да, утверждалось, но это «пропуск» другого рода. Чтобы было ясно, о чем идет речь, прибегнем к схемам. Как складываются материальные отношения (рис. 6)? И как складываются духовные отношения (рис. 7)?

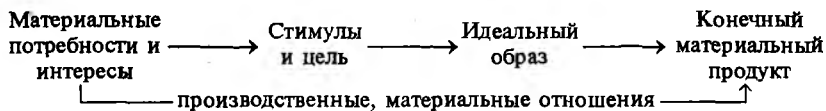

Рис. 6

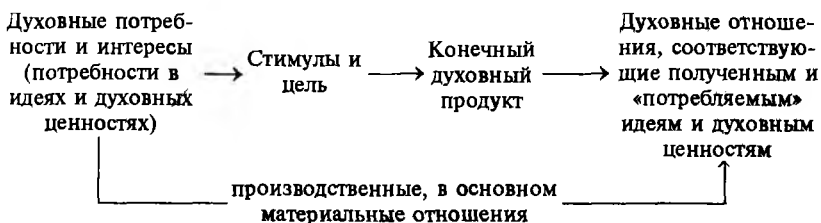

Рис. 7

В чем существенные различия между этими схемами?

1. В случае с материальным производством (рис. 6), через сознание «пропускаются», т.е. моделируются, только конечные продукты, на получение которых направлена наша целеполагающая деятельность. Материальные же *отношения* (прежде всего производственные) складываются не только вне нашего сознания, но и независимо от него. И только *духовные отношения* «пропускаются» через сознание, т.е. через идеи и духовные ценности, которые выступают в качестве первопричины, в то время как духовные отношения имеют статус следствия и как таковое должны соответствовать полученным в процессе духовного производства и «потребляемым» обществом (как в целом, так и отдельными группами и личностями) идеям и духовным ценностям.

2. Отношения же, складывающиеся в самом процессе духовного производства, в основном тоже представляют собой отношения по поводу производства, т.е. материальные отношения. Таковы отношения между представителями творческого труда и работодателем, внутри научного коллектива, между автором и издателем. И то, что было сказано о материальных отношениях вообще, распространяется, естественно и на материальные отношения в сфере духовного производства.

3. То, что для духовного производства является конечным продуктом (идеи и духовные ценности), присутствует и в материальной практической деятельности, но лишь как момент ее одухотворенности, как средство достижения конечного результата (духовные ценности, заложенные в целеполагание; идеальные модели).

Тезис о первичности материальных отношений и вторичности, производности духовных не следует понимать упрощенно, выводить духовные отношения прямо и непосредственно из материальных. Связь между ними носит опосредованный характер: как отражение материальных отношений в общественном

Другой исторически известный вариант теоретического разрешения рассматриваемого парадокса — *фатализм* (от лат. *fatum* — рок, судьба), который в отличие от волюнтаризма совершенно исключает момент свободы, свободного выбора субъекта, активную роль деятельности человека. Уж коль скоро существуют и действуют объективные законы общественного развития, рассуждают фаталисты, то ни о какой активности человека речи быть не может, ему остается пассивно ждать, когда эти законы автоматически возьмут свое. Не оказывались ли на фаталистических позициях мы, уповая на то, что стоит нам волевым решением «обобществить» средства производства — и дальше все пойдет «как по маслу»: на базе такой «обобществленной» экономики сформируется социалистическое общественное сознание, а заложенные в социализме как системе объективные преимущества реализуются сами собой, автоматически? И это независимо от того, как мы будем действовать — интенсивно, целеустремленно или вразвалку; культурно или по-варварски; со знанием дела или дилетантски.

Фатализм в объяснении исторических событий и исторического процесса в целом — явление весьма распространенное. Причиной фатализма нередко считали неспособность человека познать законы истории. Таких оценок придерживался Л. Н. Толстой: «Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (т.е. тех, разумность которых мы не понимаем). Чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас неразумнее и непонятнее»¹. Впрочем сам Толстой понимал историю как процесс безличной деятельности народных масс, неприметно и бессознательно ее творящих. «Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пыгается понять его, он поражается бесплодием»². Отсюда толстовский вывод о бесплодности деятельности выдающейся личности, способной только дать свое имя событиям, и некорректируемом ходе истории, поскольку она складывается из произвольных действий миллионов. Парадоксально, но эту же неспособность познать законы истории Толстой связывал со свободой (как и с фатализмом). В истории — отмечал он — нет ни грана свободы: то, что известно нам, мы называем законами необходимости; то, что неизвестно, — свободой³.

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. — М., 1980. — Т. 6. — С. 10.

² Там же. — Т. 7. — С. 19.

³ См. там же. — С. 352.

(муж и жена, учитель и ученик, два друга); б) между тремя индивидами (отец, мать и ребенок; муж, жена и любовник); в) между четырьмя, пятью и более индивидами; г) между одним индивидом и многими другими (между артистом или оратором и его слушателями); между многими и многими (между членами неорганизованной толпы)¹.

Особенно велика роль межличностных отношений в двух возрастных группах населения — в группе подросткового и раннеюношеского возраста и в группе пенсионеров. Причины этого явления в обеих группах в принципе одинаковы: в первом случае еще не завершен процесс социализации индивида, и молодой человек тяготеет больше не к тем большим социальным группам, в которые он объективно включен, а к малым неформальным объединениям типа приятельского; во втором случае в связи с выходом на пенсию ослабевает связь с большими социальными группами и вновь усиливается тяга к узкому, межличностному общению.

Противоречиво выглядит состояние межличностных отношений в переходные, кризисные для того или иного конкретно-исторического общества времена. С одной стороны, на длительный срок ослабевают непосредственно общественные связи, наблюдается долгосрочная апатия масс к партийной, национально-патриотической, избирательной и другим видам политического взаимодействия, а в обыденном сознании утверждается мнение, что опереться в борьбе за выживание можно только на себя и на свое ближайшее, семейное и приятельское, окружение. С другой стороны, трагедия кризисного времени включает в себя наряду с распадом одних и обострением других общественных связей также и широко распространенные распад межличностных, в том числе семейных связей. Вспомним социальные последствия первых послереволюционных лет в нашей стране: гражданскую войну как проявление экстремального обострения общественных отношений, деклассирование рабочего класса, интеллигенции, крестьянства, массовую детскую беспризорность. Впрочем, распаду подвергаются здоровые, нормальные межличностные отношения, и одновременно наблюдается всплеск и расцвет нездоровых связей, лежащих в русле социальной патологии: широкомасштабное «отклоняющееся поведение» членов общества порождает всевозможные аморальные, а то и противоправные, группировки и формирования, вплоть до организованной преступности.

¹См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 194.

Разграничение общественных и межличностных отношений, а тем более их противопоставление, носит в значительной степени условный характер.

Во-первых, межличностные отношения возникают и реализуются в обществе, между общественными индивидами, и поэтому, если иметь в виду понятие «общественные отношения» в его широком смысле, являются общественными отношениями, даже в том случае, когда они носят характер сугубо индивидуального общения.

Во-вторых, межличностные отношения выступают персонифицированной формой общественных отношений в узком смысле слова, что особенно зримо в малых социальных группах (семья, первичный трудовой коллектив). Такой перелив, взаимопроникновение подтверждают высказанную мысль о том, что общественные отношения, вопреки довольно распространенному мнению, отнюдь не являются безличными и надличными.

2. Социальные системы: структурно-компонентный анализ

**Трудный путь
к системному
подходу**

От одной исторической эпохи к другой методы, при помощи которых пытаются рассмотреть и объяснить общество, разительно меняются. Происходит это

в силу, по крайней мере, двух причин.

Во-первых, от эпохи к эпохе, по мере становления подлинной социальности и развития культуры, четко разграничивающей природное и социальное, претерпевает метаморфозы само понятие человеческого общества как на уровне обыденного, так и на уровне теоретического, философского сознания. В течение весьма длительного времени человек воспринимал природу и общество в нерасчлененном виде, как нечто единое и недифференцированное. Потребовались тысячелетия, чтобы социокультурное разделение общества и природы, с одной стороны, и прогрессирующее усложнение структуры самого социума, с другой, позволили увидеть в обществе самостоятельную целостность.

Во-вторых, от эпохи к эпохе, по мере развития науки менялись применяемые ею познавательные методы. Так, в века небывалых успехов классической механики (XVII—XVIII) приоритетным становится «механико-атомарный» подход к объектам

исследования. Ему придается статус универсальной значимости, о чем свидетельствуют, в частности, названия многих философских произведений («Этика, доказанная в геометрическом порядке» Б.Спинозы, «Человек-машина» Ж.Ламетри), а также попытки создания «социальной физики», которая математически точно объяснила бы сущность и структуру общества.

Позволяя осуществлять анализ и уточнять некоторые детали и второстепенные моменты, механистический подход вступал во все более очевидное противоречие с главным, с принадлежностью социального (равно как и биологического) к более сложным формам движения материи, нежели механическая. Вопрос встал даже шире: в результате успехов естествознания мир в целом предстал перед исследователями в необыкновенной и непредполагавшейся ранее сложности. И если ряд новых наук (теория вероятностей, статистическая физика) попытались овладеть этой сложностью количественно, то с точки зрения качественной она еще долго квалифицировалась как нечто дезорганизованное, лишенное какой-либо внутренней упорядоченности. Эта установка естествознания оказала соответствующее воздействие на обществоведение, где тоже надолго (вплоть до Гегеля) утвердилась парадигма хаотичности и случайности, якобы, характеризующих общество.

Гегель, с одной стороны, покончил с установкой на хаотичность функционирования и развития социума, а с другой, определил «механизм» как «поверхностный и бедный мыслью способ рассмотрения, который оказывается недостаточным даже по отношению к природе и еще более недостаточным по отношению к духовному миру»¹. В действительности же, продолжает Гегель, существуют три принципиально отличных друг от друга типа взаимодействия — «механизм», «химизм» и «организм». При взаимодействии по первому типу природа каждого из взаимодействующих объектов остается прежней, не меняется; взаимодействуя по второму типу (химическому), объекты качественно изменяют свою природу; третий же тип взаимодействия (органический) характеризуется принадлежностью объектов к единой системе, так что само это взаимодействие выступает необходимым условием их существования.

Разумеется, мысли Гегеля об организмическом типе взаимодействия, к которому относятся биологические и социальные саморазвивающиеся системы, как и его мысли о средствах их

¹Гегель Г. Энциклопедия философских наук. — М., 1974. — Т. 1. — С. 385—386.

познания, возникли не на голом месте. Достаточно сослаться на Лейбница, созданный которым категориальный аппарат был избыточен для механистической по своему духу науки XVII в., но предвосхищал некоторые наиболее общие особенности сложных и сверхсложных систем. И как бы труден и долговремен не был путь к системному познанию, середину XIX в. можно считать тем рубежом, когда начинается теоретическое освоение объектов, представляющих собой системный тип взаимодействия.

К чести социальной философии, она на сей раз не оказалась в отстающих. И заслуга здесь принадлежит К. Марксу. Уже сама гипотеза материалистического объяснения истории, как она была сформулирована в «Тезисах о Фейербахе», «Немецкой идеологии», предисловии к «Критике политической экономии», в известной степени исходила из идеи системности общества. Окончательно же системный подход к социуму был утверждён в своих работах «Капиталом», где данная гипотеза, благодаря скрупулезному анализу самого развитого общества — буржуазного, превратилась в строго доказательную научную теорию. Примечательно, что первый прорыв системного метода в биологию — создание эволюционной теории Ч. Дарвина — произошел, примерно, в то же время (сороковые — первая половина пятидесятых годов XIX в.). Эти два эпохальных прорыва взаимно обогатили друг друга, прежде всего методологически. С одной стороны, Марксом была разработана такая исследовательская стратегия познания систем, которая в принципе пригодна и в биологии (методика аналитического расчленения сложного целого на элементы и их последующего синтеза, метод восхождения от абстрактного к конкретному, сочетание логического и исторического подходов при изучении системы). С другой стороны, исследование Дарвином такой фундаментальной биологической системы как вид не только подтвердило диалектико-материалистическую методологию Маркса, но и позволило уточнить ряд ее подходов и выводов.

Возможны два подхода к определению социальной системы.

Социальная система и ее характерные черты

При одном из них социальная система рассматривается как упорядоченность и целостность множества индивидов и

групп индивидов. Такое определение дается по аналогии с определением системы вообще как «комплекса элементов, находящихся во взаимодействии», как формулировал Л. Берталанди, один из основоположников «общей теории систем». При

таком подходе взаимодействие превращается в прилагательное, что явно не учитывает специфику социальных систем и роль в них общественных отношений.

Но возможен и другой подход, при котором за исходную точку принимается рассмотрение социального в качестве одной из основных форм движения материи. В таком случае социальная форма движения материи предстает перед нами как глобальная социальная система. А что же фиксируется в общепринятых названиях основных форм движения материи? В них зафиксирована специфика присущего данной форме типа взаимодействия (например, специфическим типом биологического взаимодействия выступает обмен веществ). В то же время качественные границы между формами движения материи определяются по их материальному носителю (макротело, атом, электрон, биосистема, социальный коллектив и т.д.). Таким образом, традиционный подход к определению системы в принципе не нарушается, поскольку и «носитель» и «взаимодействие» в нем присутствуют, изменяется лишь их логическое положение в понятийном пространстве, что, на наш взгляд, позволяет лучше понять место человека в сложной сети общественных отношений, именуемых социальной системой¹.

При таком подходе в порядке рабочего определения можно сказать, что *социальная система есть упорядоченная, самоуправляемая целостность множества разнообразных общественных отношений, носителем которых является индивид и те социальные группы, в которые он включен*. Каковы же в таком случае характерные черты социальной системы?

Во-первых, из этого определения следует, что существует значительное многообразие социальных систем, ибо индивид включен в различные общественные группы, большие и малые (планетарное сообщество людей, общество в пределах данной страны, класс, нация, семья и т.д.). Коль скоро это так, то общество в целом как система приобретает *сверхсложный и иерархический характер*: в нем можно выделить различные уровни, — в виде подсистем, подподсистем и т.д., — которые связаны между собой соподчинительными линиями, не говоря уже о подчинении каждого из них импульсам и командам, исходящим от системы в целом. В то же время надо учитывать, что внутрисистемная

¹Впрочем, споры о подходе к определению системы (через отношение или через множество входящих в нее компонентов?) идут и в самой системологии. См. об этом: Садовский В.Н. Основания общей теории систем. — М., 1974. — С. 102—106.

иерархичность не абсолютна, а относительна. Каждая подсистема, каждый уровень социальной системы одновременно и не иерархичен, т.е. обладает известной степенью автономии, что отнюдь не ослабляет систему в целом, но, напротив, усиливает ее: позволяет более гибко и оперативно отвечать на поступающие извне сигналы, не перегружать верхние уровни системы такими функциями и реакциями, с которыми вполне могут справиться низлежащие уровни целостности.

Во-вторых, из этого определения следует, что поскольку в лице социальных систем мы имеем целостность, то главное в системах — это их *интегративное качество*, не свойственное образующим их частям и компонентам, но присущее системе в целом. Благодаря этому качеству обеспечивается относительно самостоятельное, обособленное существование и функционирование системы. Между целостностью системы и ее интегративным, сплачивающим всю систему качеством, прослеживается диалектическая взаимосвязь: интегративное качество генерируется в процессе становления системы целостностью и в то же время выступает гарантом данной целостности, в том числе за счет преобразования компонентов системы соответственно природе системы в целом. Такая интеграция становится возможной благодаря наличию в системе системообразующего компонента, «притягивающего» к себе все другие компоненты и создающего то самое единое поле тяготения, которое и позволяет множеству стать целостностью.

В-третьих, из этого определения следует, что *человек является универсальным компонентом социальных систем*, он непременно включен в каждую из них, начиная с общества в целом и кончая семьей. Появившись на свет, человек сразу же оказывается включенным в сложившуюся в данном обществе систему отношений, и прежде, чем он станет их носителем и даже сумеет оказать на нее преобразующее воздействие, сам должен вписаться в нее. Социализация индивида по сути дела есть его адаптация к существующей системе, она предшествует его попыткам адаптировать саму систему к своим потребностям и интересам.

В-четвертых, из этого определения следует, что *социальные системы относятся к разряду самоуправляемых*. Эта черта характеризует только высокоорганизованные целостные системы, как природные и естественноисторические (биологические и социальные), так и искусственные (автоматизированные машины). Сама же способность к саморегулированию и саморазвитию

предполагает наличие в каждой из подобных систем специальных подсистем управления в виде определенных механизмов, органов и институтов. Роль этой подсистемы чрезвычайно важна — именно она обеспечивает интеграцию всех компонентов системы, их согласованное действие. А если мы вспомним, что индивид, социальная группа, общество в целом всегда действуют целенаправленно, то значимость подсистемы управления станет еще зримей. Мы часто слышим выражение: «Система работает в разнос», т.е. саморазрушается. Когда такое становится возможным? Очевидно, тогда, когда начинает давать сбои, а то и вовсе выходит из строя, подсистема управления, вследствие чего наступает рассогласование в действиях компонентов системы. В частности, грандиозные издержки, которые терпит общество в период своего революционного преобразования, во многом связаны с тем, что образуется временной разрыв между сломом старой системы управления и созданием новой.

Компоненты социальных систем

Общественный организм есть множество сложных структур, каждая из которых представляет собой не просто совокупность, набор определенных компонентов, но их целостность. Классификация этого множества очень важна для постижения сущности социума и в то же время крайне затруднена в связи с тем, что множество это весьма солидно по своей величине.

Нам представляется, что в основу данной классификации могут быть положены соображения Э.С.Маркаряна, предложившего рассмотреть эту проблему с трех качественно различных точек зрения: «1. С точки зрения субъекта деятельности, отвечающего на вопрос: кто действует? 2. С точки зрения участка приложения деятельности, позволяющей установить, на что направлена человеческая деятельность. 3. С точки зрения способа деятельности, призванной ответить на вопрос: как, каким образом осуществляется человеческая деятельность и образуется ее совокупный эффект?»¹.

Как выглядит в таком случае каждый из основных срезов социума (назовем их субъективно-деятельностным, функциональным и социокультурным)?

1. *Субъективно-деятельностный срез* («кто действует?»), компонентами которого в любом случае являются люди, ибо в обществе никаких других субъектов деятельности быть не может.

¹Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества. — М., 1972. — С. 48.

Люди же в качестве таковых выступают в двух вариантах: а) как *индивиды*, причем индивидуальность действия, его относительная автономность выражены тем рельефней, чем больше развиты в человеке личностные характеристики (нравственная осознанность своей позиции, понимание общественной необходимости и значимости своей деятельности и т.д.); б) как *объединения индивидов* в виде больших (этнос, социальный класс, или слой внутри него) и малых (семья, первичный трудовой или учебный коллектив) социальных групп, хотя возможны объединения и вне этих группировок (например, политические партии, армия).

2. *Функциональный срез* («на что направлена человеческая деятельность?»), позволяющий выявить основные сферы приложения социально значимой активности. С учетом и биофизиологических и общественных потребностей человека обычно выделяют такие основные сферы деятельности: экономика, транспорт и связь, воспитание, образование, наука, управление, оборона, здравоохранение, искусство, в современном обществе к ним, очевидно, следует отнести и сферу экологии, а также сферу с условным названием «информатика», имея под ней ввиду не только информационно-компьютерное обеспечение всех остальных сфер человеческой деятельности, но и отрасль так называемых средств массовой информации.

3. *Социокультурный срез* («каким образом осуществляется деятельность?»), обнажающий средства и механизмы эффективного функционирования общества как целостной системы. Давая такое определение среза, мы учитываем, что в основном (в особенности в условиях современной волны цивилизации) человеческая деятельность осуществляется внебиологическими, общественно приобретенными, т.е. социокультурными по своей природе средствами и механизмами. К ним относятся феномены, казалось бы очень далекие друг от друга по своему конкретному происхождению, по своему субстрату, диапазону применимости и т.д.: средства материального производства и сознание, общественные учреждения типа государства и социально-психологические традиции, язык и жилище.

И все же рассмотрение основных срезов социума, на наш взгляд, будет неполным, если вне поля зрения останется еще один важный срез — *социоструктурный*, позволяющий продолжить и углубить анализ и субъекта деятельности, и средств-механизмов деятельности. Дело в том, что общество обладает сверх-

сложной социальной, в узком смысле слова, структурой, внутри которой можно выделить как наиболее значимые следующие подсистемы: *классово-стратификационную* (классы основные и неосновные, большие слои внутри классов, сословия, страты), *социально-этническую* (родо-племенные объединения, народности, нации), *демографическую* (половозрастная структура населения, соотношение самодеятельного и нетрудоспособного населения, соотносительная характеристика здоровья населения), *поселенческую* (селяне и горожане), *профессионально-образовательную* (деление индивидов на работников физического и умственного труда, их образовательный уровень, место в профессиональном разделении труда).

Накладывая социоструктурный срез общества на три ранее рассмотренных, мы получаем возможность подключить к характеристике субъекта деятельности координаты, связанные с его принадлежностью к совершенно определенным классово-стратификационным, этническим, демографическим, поселенческим, профессионально-образовательным группировкам. Возрастают наши возможности более дифференцированного анализа как сфер, так и способов деятельности в ракурсе их вписанности в конкретные социальные подструктуры. Так, например, сферы здравоохранения и образования заведомо будут выглядеть по-разному в зависимости от того поселенческого контекста, в котором нам предстоит их рассмотреть.

Несмотря на то, что структуры систем различаются между собой не только количественно, но и принципиально, качественно, до сих пор отсутствует сколько-нибудь стройная, а тем более завершенная, типология социальных систем по этому признаку. В связи с этим правомерно предложение Н. Яхиела (Болгария) выделить внутри класса социальных систем системы, обладающие «социологической структурой». Под последней имеется в виду такая структура, которая включает в себя те компоненты и отношения, которые необходимы и достаточны для функционирования общества как саморазвивающейся и саморегулирующейся системы. К таким системам относятся общество в целом, каждая из конкретных общественно-экономических формаций, поселенческие структуры (город и деревня)¹. Пожалуй, на этом можно и подвести черту, ибо даже такая система как экономика при всей своей значимости не обладает подобной «социологической структурой».

¹См.: Яхиел Н. Город и деревня. Социологические аспекты. — М., 1968. — С. 20.

3. Социальные системы: функциональный анализ

Анализ социальных систем, проведенный выше, носил по преимуществу структурно-компонентный характер. При всей своей важности он позволяет понять из чего состоит система, и в гораздо меньшей степени — какова ее целевая установка и что должна делать система для реализации этой цели. Поэтому структурно-компонентный анализ социальной системы должен быть дополнен анализом функциональным, а последний, в свою очередь, предварен рассмотрением взаимодействия системы со своей средой, ибо только из этого взаимодействия могут быть поняты интересующие нас функции.

**Социальная
система
и ее среда**

Общество принадлежит к так называемым «открытым системам». Это означает, что при всей своей относительной замкнутости и автономности по отношению к внешнему, социальная система испытывает на себе активное воздействие природного и социального окружения, оказывая на него в то же время свое активное воздействие, то ли в порядке обратной связи, то ли в порядке собственной инициативы. Ведь общество относится к разряду особых, адаптивно-адаптирующих систем, т.е. в отличие от систем биологических оно способно не только адаптироваться к окружающей среде, но и адаптировать ее соответственно своим потребностям и интересам.

И поскольку общество является открытой и к тому же адаптивно-адаптирующей системой, его функции могут быть адекватно поняты только в контексте его взаимодействия с окружающей средой. Под *природной средой* в ходе всего дальнейшего анализа будет пониматься та часть вселенной, которая находится в контакте с обществом и в значительной степени втянута в орбиту его деятельности. Внутри нее особо следует выделить т.н. «очеловеченную природу», или ноосферу (от греч. «ноос» — разум), как она была названа с легкой руки В.И.Вернадского, а затем Тейяра де Шардена. «Биосфера, — писал Вернадский, — перешла или, вернее, переходит в *новое эволюционное состояние — в ноосферу*, перерабатывается научной мыслью социального человечества»¹. *Социальной средой* для данной социальной системы, данного конкретного общества являются все другие

¹Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. — М., 1977. — Кн. 2. — С. 21.

социальные системы и внесистемные социальные факторы, с которыми она находится в разнообразных видах взаимодействия.

Очень важно учитывать, что сами по себе виды внешнего воздействия могут быть весьма различными, отличающимися друг от друга не только количественно, но и качественно. Представляется целесообразным классифицировать эти виды.

1. Воздействие на социальную систему других, органически с ней не связанных систем, а также разрозненных несистемных явлений. Здесь мы встречаемся с максимальным приближением к абсолютно внешнему, что не исключает (а может быть именно поэтому предполагает) порой чрезвычайные и даже катастрофические результаты взаимодействия.

2. Взаимодействие типа «внешняя среда — социальная система», представляющее собой, как правило, более устойчивый и упорядоченный, по сравнению с первым, тип взаимодействия. Это проистекает из тех обстоятельств, что как среда природная, так и социальная среда изменяются в нормальных условиях сравнительно медленно, создавая тем самым предпосылки для стабильной, долгосрочной, прочной адаптации социальной системы к своим внешним средам. Другой характерной особенностью данного типа взаимодействия выступает адаптирующее воздействие социальной системы на свою природную и даже социальную среду. Что превалирует (приспособление к среде или приспособление ее к своим здоровым и нездоровым потребностям) зависит от особенностей конкретного этапа взаимодействия. Скажем, диалектика взаимодействия общества со своей природной средой сложилась так, что развивавшаяся в течение многих веков чуть ли не в геометрической прогрессии адаптирующая, прибирающая природу «к рукам», функция привела на сегодняшнем этапе к расстройству адаптационных способностей общества.

3. Взаимодействие общественных систем, входящих в качестве элементов в более сложную целостность. Для каждой из систем, участвующих в этом взаимодействии, все остальные в своей совокупности выступают как ее *внутрисистемная среда*. Сущность данного типа взаимодействия, его принципиальное отличие от первых двух хорошо сформулированы у У.Эшби: «Каждая часть имеет как бы право вето для состояния равновесия всей системы. Никакое состояние (всей системы) не может быть состоянием равновесия, если оно неприемлемо для каждой из составляющих частей, действующих в условиях, создаваемых другими частями»¹.

¹Эшби У. Введение в кибернетику. — М., 1959. — С. 123.

Приведенная типология позволяет лучше понять происхождение и направленность функций, осуществляемых социальной системой. Ведь каждая из этих функций возникает и формируется в связи с необходимостью для социальной системы отвечать соответствующим образом на повторяющиеся (как правило, в определенном алгоритме) сигналы и раздражения природной и социальной, в том числе и внутрисистемной, среды. При этом большинство важнейших функций обязано своим существованием прежде всего воздействиям со стороны внешней среды, именно под определяющим влиянием этих воздействий происходит корреляция отношений каждого элемента социальной системы со своей внутрисистемной средой. Разумеется, бывают случаи внутрисистемного рассогласования, но они все же остаются на втором плане.

Основные функции социальной системы

Функция (от лат. *functio* — исполнение, осуществление) — это роль, которую выполняет система или данный элемент системы (ее подсистема) по отношению к ней как целостности.

Для сверхсложных самоуправляемых систем, к каковым относятся системы социальные, характерна *многофункциональность*. Это означает, что, с одной стороны, социальная система обладает множеством функций, но здесь есть и другой план: многофункциональность, «совмещение» функций характерно не только для системы в целом, но и для ее компонентов и подсистем. В социальной системе нет подобного тому, что мы встречаем в других системах, даже такой сложной, как головной мозг: строгой локализации функций. В этом плане можно говорить о наличии в социуме внутрисистемной солидарности: выполняя «свою» функцию, компонент (подсистема) берет на себя и часть других функций.

Все функции, реализуемые социальной системой, могут быть сведены к двум основным.

Во-первых, это *функция сохранения системы, ее устойчивого состояния* (гомеостаза). Все, что делает система, все, на что направлены основные сферы деятельности человека, работают на эту функцию, т.е. на воспроизводство системы. В связи с этим можно говорить о подфункции воспроизводства компонентов системы и прежде всего биологического и социального воспроизводства человека, подфункции воспроизводства внутрисистемных отношений, подфункции воспроизводства основных сфер деятельности и т.д.

Во-вторых, это *функция совершенствования системы, ее оптимизации*. Сразу же встает вопрос: оптимизации по отношению к чему? Очевидно, по отношению к природной, а также и к социальной среде. Не менее очевидна и органическая связь обеих основных функций, что предопределяется спецификой социальной системы как адаптационно-адаптирующей.

Ведь сама по себе окружающая нас природа изменяется очень медленно, катастрофы вроде оледенения или «всемирного потопа» в ней очень редки, и, если бы не динамичный характер социума, устойчивое равновесие между ним и природой устанавливалось бы «на долгие времена». Социум сам создает антропогенные факторы (локальные, региональные, глобальные) нарушения этого равновесия, а затем принужден искать средства и механизмы оптимизации своих отношений со средой, предварительно оптимизируя свое внутреннее состояние.

Что же касается взаимодействия системы со своей социальной средой, то вполне понятно, что возмутителем спокойствия здесь монопольно выступает фактор антропогенный. Так обстоит дело и в связях с внешней, внесистемной социальной средой, и со средой внутрисистемной. Сегодня, например, мы очень обеспокоены тем, как идет воспроизводство основных сфер деятельности общества (экономики, здравоохранения, экологии, воспитания, образования). Неудовлетворительно воспроизводясь и в количественном, и в качественном отношении, они влекут за собой сужающееся по своей массе и некачественное в биологическом и социальном отношении воспроизводство человека (ухудшение его психофизического здоровья, распространение в обществе т.н. «отклоняющегося поведения», рост алкоголизма и наркомании). При этом каждый компонент системы испытывает на себе негативное воздействие других компонентов, составляющих в совокупности его внутрисистемную социальную среду. Экономика, например, разваливается не только по причине разрыва традиционных хозяйственных и финансовых связей, но и из-за превратившегося в беспредел расширения государственного и общественного имущества, регресса здравоохранительной деятельности, рассогласования управляющей подсистемы и т.д. В своей совокупности функционирование «в разнос» каждой из подсистем, если таковое будет продолжаться, грозит вылиться во всеобщий распад социальности и самый натуральный геноцид.

По своей значимости и приоритетности функции, составляющие основное содержание деятельности в той или иной сфере

социума, исторически могут меняться местами. Так, в течение тысячелетий функция сохранения социума и его оптимизации реализовывалась прежде всего за счет экономики, все остальные сферы деятельности, включая экологию, в этом отношении были еще на периферии внимания. В этом была своя железная логика. Во-первых, нужно было развиваться самой экономике, прежде, чем могли бы занять свое достойное место здравоохранение, наука, природоохранная деятельность. Во-вторых, до поры до времени экологическими последствиями экономического роста можно было пренебречь, а демографические последствия стихийных явлений (например, неоднократное вымирание чуть ли не пол-Европы в результате эпидемий чумы) покрывались и перекрывались быстрым ростом численности населения. В XX в., в особенности в его второй половине, ситуация коренным образом изменилась. Сегодня, чтобы выжить земной цивилизации, на первый план должна выйти сфера экологической деятельности, потеснив все остальные, даже экономику. Подытоживая, можно сказать: если раньше негласно человечество реализовывало лозунг «Экономика — все, экологией можно пренебречь!», то сегодня оно вынуждено совершить поворот почти на 180° — «Экология — прежде всего, экономика — по возможности!».

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как решался в истории социальной философии вопрос о «клеточке» социума?
2. В чем принципиальное отличие материальных общественных отношений от духовных?
3. Каковы характерные черты социальной системы?
4. Каковы основные функции социальной системы?

Глава четвертая

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА

В предыдущей главе социум был представлен как сверхсложная и в структурном, и в функциональном отношении система общественных отношений. Тем самым была предопределена задача последующих глав — более или менее подробно высветить место и функциональную роль каждого из основных компонентов этой системы в жизни общества и индивида.

Но здесь встает вопрос, связанный с логической последовательностью анализа, а следовательно, и с логикой последующего изложения: с какого структурного элемента социума логичней начинать анализ? Помочь нам в этом отношении должно понятие «системообразующий компонент системы», о котором вкратце уже шла речь.

1. Материальное производство

Место в социуме и структура

Таким системообразующим компонентом социума, очевидно, может быть только сфера материально-практической деятельности людей, складывающиеся в ходе этого взаимодействия общественные отношения. Эта сфера не только исторически первая, она же и «прародительница» всех остальных сфер жизнедеятельности общества — социальной, политической, духовной, экологической. Именно экономическая сфера в качестве базиса интегрирует все остальные подсистемы общества в целостность.

Ключевым при изучении экономической жизни общества является анализ материального производства, ибо общество не может существовать без производства необходимых для жизни людей материальных благ. Производство средств существования и образует исходный пункт истории человечества, его первый исторический акт.

Говоря о материальном производстве, необходимо учитывать следующие моменты.

1. Нередко в философской и экономической литературе понятие материального производства отождествляется с понятием общественного производства. В какой-то степени это правомерно. Поскольку материальное производство является не только важнейшей, но и определяющей сферой совокупного общественного производства, то в той части, в какой другие общественные отношения непосредственно интегрируются с отношениями материального производства, они также выступают в качестве отношений материальных. Так, воспроизводство человека, коль скоро оно выступает воспроизводством его как собственника средств производства или как непосредственного производителя, регулируется экономическими законами. За пределами такого ограниченного смысла отождествление общественного производства с материальным теряет свою правомерность. Достаточно напомнить, что наряду с материальным производством и в сложных координационных и субординационных отношениях с ним функционирует производство духовное, с которым нам еще предстоит более или менее подробное знакомство. В систему общественного производства входят также производство и воспроизводство непосредственной жизни (самого человека) и производство и воспроизводство общественных отношений. Разумеется, в реальном процессе жизни общества все эти подразделения общественного производства взаимопроникают друг в друга в самой значительной степени, о чем уже приходилось говорить.

2. В структуре самого материального производства следует различать две взаимоопосредованные подсистемы. Имеются в виду, с одной стороны, технологический аспект производства, который мы обозначим как *технологический способ производства*, — способ взаимодействия людей с предметами и средствами своего труда и по этому поводу между собой в связи с технико-технологическими особенностями производства, а с другой — экономический аспект производства, или *экономический способ производства*, т.е. тот общественный способ взаимодействия производительных сил и производственных отношений, который позволяет обществу нормально функционировать на данной, конкретно-исторической ступени своего развития. Отметим, что подобная дифференциация, вычленение в структуре материального производства технологического и экономического способов производства не является пока общепризнанной. В связи с этим

то, что сейчас нами было обозначено как экономический способ производства, в литературе обычно именуется способом производства материальных благ, хотя в действительности последний включает в себя в качестве одной из подсистем и технологический способ производства. В следующих параграфах мы постараемся доказать, насколько важна проводимая нами дифференциация для многомерного видения исторического процесса.

Материальное производство как объект исторического исследования Экономическая сфера жизни общества исследуется многими науками. Изучению этой сферы (материального производства, законов его функционирования и развития) посвящает себя целиком политическая экономия, есть веер конкретных дисциплин, сосредоточенных на отдельных отраслях, сферах и сторонах материального производства (экономика промышленности, экономика строительства, основы маркетинга, финансы и кредит и т.д.). Число этих дисциплин постоянно растет, что позволяет не только познавать предмет исследования глубже и всесторонней, но и «заземлять» результаты научных поисков, придавать им все большую практическую значимость. Таково, например, назначение эргономики (от греч. «ергон» — работа), изучающей человека и его производственную деятельность с целью оптимизации орудий, условий и процесса труда. Под своим углом зрения рассматривает экономическую жизнь общества социальная философия. Материальное производство интересует философию не само по себе, а как компонент социума, причем компонент системообразующий, интегрирующий все компоненты в целостность.

Материальное производство в его историческом развитии является объектом исследования и исторической науки. Однако по-настоящему интерес к этому объекту истории стали обнаруживать сравнительно поздно, что объясняется уже известным нам многовековым господством идеализма в социальной философии, от парадигм которой истории, разумеется, не могли быть свободны.

Ситуация хронического невнимания или, в лучшем случае, пониженного интереса к освещению проблем экономической жизни общества может быть прослежена на примере отечественной исторической науки¹. Уже В.Н.Татищев в своей «Исто-

¹ Богатый материал по этому вопросу мы находим в книге Н.Л.Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941).

рии российской с древнейших времен» (первая половина XVIII в.) определил историю любой страны как историю судеб ее государственного строя. Тем самым было положено начало «государственному подходу», который стал традиционным для русских историков на последующие полтора — два века. Подход этот со временем усложнялся и обогащался. Так, М.М.Щербатов, а вслед за ним Н.М.Карамзин и М.П.Погодин предложили наряду с историей самодержавия и в связи с ним рассматривать историю дворянства; «государственная школа» в российской историографии (К.Д.Кавелин, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин) пошла еще дальше, попытавшись проанализировать историю государства в связи с историей народа. Но, во-первых, все эти дополнения — история дворянства, история народа — осмысливались все-таки в рамках «государственного подхода», а во-вторых, из поля зрения исследователей по-прежнему выпадала экономическая история страны.

В дореволюционной историографии первыми ласточками, возвестившими о пробуждающемся интересе исследователей к истории экономической жизни общества, были работы Н.Флоровского (В.В.Берви) «Положение рабочего класса в России», Н.П.Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси», труды Н.А.Рожкова, уже выделявшего экономический фактор как первичный и определяющий. Однако, в дальнейшем, на протяжении многих десятилетий экономическая история России представляла в нашей историографии в довольно искаженном виде. Сказывалось воздействие идеологических стереотипов и мифов, которые господствовали, конечно, над нашей исторической наукой в целом, но в особенности над исследователями промышленного, капиталистического развития России. Исходя, например, из известного тезиса о достаточной зрелости России для социалистической революции, многие исследователи-«региональщики» делали попытки обосновать закономерность социалистических преобразований в том или ином районе страны с обязательным «нахождением» здесь развитого противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Долгое время сказывалось отрицательное влияние концепции М.Н.Покровского, который, не обнаружив значительного развития в России промышленного капитала, предложил рассматривать в качестве главной движущей силы прогресса торговый капитал, сферу обмена. В период борьбы против так называемого космополитизма (сороковые — начало пятидесятых годов) появился и новый «социальный заказ» историкам — до-

казать приоритет России буквально во всех сферах общественного развития, в том числе и в технико-экономической.

Сказанное отнюдь не означает, что в те десятилетия не появлялось ценных исследований экономической истории России. Можно вспомнить труды Б.Д.Грекова, Н.М.Дружинина, А.М.Панкратовой и др. Но в целом история материального производства в России нуждается в существенном переосмыслении и более углубленном исследовании.

2. Технологический способ производства

Уже отмечалось, что в процессе материального производства возникают и формируются две системы отношений — технико-технологическая и экономическая. Обе системы отношений не просто связаны, но и взаимопроникают друг в друга, и таким «проникающим» элементом наряду с человеком является техника, занимающая достойное место и в экономическом, и в технологическом способах производства.

Концепции технологического детерминизма

Техника является древнейшим социальным феноменом. И можно вполне понять Эрнста Каппа, который свою книгу, возвестившую о появлении философии техники (1877 г.), препроводил эпиграфом: «*Вся история человечества при тщательном рассмотрении сводится в конечном счете к истории изобретения все лучших орудий труда*»¹. В первоначальном, древнегреческом варианте под техникой (от «тэхнэ») имелись в виду любые искусство, мастерство, умение. Со временем понятие «техника» отдифференцировалось от такого беспрельно широкого значения и стало обозначать *созданные людьми орудийные средства для осуществления процессов материального производства и обслуживания духовных, бытовых и других непроеизводственных потребностей общества*. С техники, пускай и примитивной, начался человек, развивая технику он становится животным и общественным, и разумным. В техническом творчестве проявляется уникальная способность человека материализовывать свое мышление, опредмечивать его. В своем техническом творчестве человек-изобретатель (*Homo faber*) не просто копирует природу, а именно изобретает, т.е. создает такие

¹Философия техники в ФРГ. — М., 1989. — С. 226.

артефакты¹, которые не имеют аналогов в природе (начиная с колеса и кончая лазером).

В истории отношения общества к им же создаваемой технике, оценки ее места и роли, прослеживаются периоды — эпохи — различные по своему социально-психологическому и идейному содержанию, по своим корням и истокам, по своей продолжительности.

Эпоха зарождения техники и ее первых великих успехов была и эпохой оптимистического отношения к технике. У человека не было еще опаски и тревоги, а тем паче страха перед техникой. Более того — в ней он видит мощнейшее и к тому же единственное средство своего возвышения. Этот важный элемент мироощущения и социально-психологического настроения древних запечатлен и в мифе о Прометее, и в мифе о Дедале и его сыне Икаре, и в ветхозаветном сюжете, связанном со строительством Вавилонской башни. Отношение к технике принципиально меняется в условиях Средневековья с его засильем церкви и религиозного сознания. Технотворчество — дело богохульное, ибо все, что возвышает человека, унижает Бога. Вот почему среди жертв инквизиции так много изобретателей, обвиняемых в союзе с «нечистой силой». Оптимистическая вера в технику вновь восстанавливается в своих правах с наступлением эпохи Просвещения. Технический прогресс представляется философам, в принципе отражавшим настрой обыденного сознания, непрерывно действующем и главным фактором совершенствования общества, его коренного преобразования. Начиная уже с «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона (1624) техника непременно присутствует во всех социальных утопиях в качестве материальной основы желаемого общества.

Надлом в долгосрочном технологическом оптимизме даст о себе знать в уже упоминавшейся книге О.Шпенглера «Закат Европы», где цивилизация с ее техническим прогрессом будет объявлена разрушающей стадией в развитии культуры. Правда, предупреждающие громы двух мировых войн вроде бы были забыты в первые десятилетия научно-технической революции (пятидесятые-семидесятые годы). Эйфория ее успехами, да и всеми предшествующими техническими инновациями, казалось, отодвинула на задний план опасения и тревоги. И это вполне объяснимо: ведь по сути дела при жизни одного поколения ши-

¹ *Артефакты* — «возникшие на основе умения», результаты технической деятельности.

роко вошли в производство, быт, науку и образование радио, автомобиль, самолет, телевидение, автоматизация, компьютерная, атомная и космическая техника.

Однако с семидесятых годов эта эйфория все больше сменяется технологическим пессимизмом, техника громогласно объявляется тем «злым демоном», который неподвластен человеку и неизбежно погубит его. Создается такое впечатление, что в течение многих веков философское, а тем более обыденное, сознание не обнаруживало объективных противоречий между обществом и человеком, с одной стороны, и техникой и технологией, с другой (мы имеем в виду наиболее распространенные представления, а не отдельные провидческие точки зрения). И вдруг — прорыв к пониманию, причем не просто противоречий, но самого настоящего антагонизма. В действительности же перед нами итог очень трудного процесса, познания ускоренного реалиями наших дней, т.е. экологическими и социальными последствиями научно-технической революции.

Относительная самостоятельность техники

Нетрудно заметить, что и технологический оптимизм и технологический пессимизм имеют одно философское основание — техницизм, при котором отношения между обществом и техникой предстают в превращенном виде, техника рассматривается как сила, неподвластная обществу, более того — как вершитель его судеб. В философской концепции техницизма преувеличивается и возводится в абсолют относительная самостоятельность феномена техники и закономерностей его развития.

Такая относительная самостоятельность действительно существует, ибо такова природа всех социальных феноменов: относительная самостоятельность становится их атрибутом, как только они появляются на свет. В чем же проявляется эта *самостоятельность*?

Во-первых, она проявляется в том, что в современной литературе получило название «встречного» характера техники. Техника осмысливается как результат встречи человеческого духа с природой, поэтому сущность техники не может быть локализована ни в субъекте (человеческом духе), ни в объекте (природе), взятых в отдельности, она обнаруживает себя как отношение между ними. Практически это означает, что в артефактах наряду со свойствами, заданными человеком, сосуществуют свойства, не входившие в программу изобретателя. Своим происхождением эти

свойства обязаны либо первозданной природе, либо тем повреждениям, которые человек ей причинил; по своим последствиям они могут либо приносить дополнительный положительный общественный эффект, либо оказаться «персоной нон грата» (ситуация индифферентности может не приниматься во внимание); с точки зрения познавательного процесса эти свойства могут либо выявиться неожиданно для автора в уже готовом изобретении, либо он предвидел их, но не был способен их избежать.

Во-вторых, созданная и введенная в эксплуатацию техника оказывает активное обратное воздействие на общество по принципу умноженного эффекта. Ярчайшими примерами в этом отношении сегодня являются автомобиль и телевидение, выступающие в качестве важных конституирующих элементов сегодняшнего общества — один прежде всего в сфере экономической и социальной, второй — в сферах духовной и политической. Возникнув как средство передвижения, т.е. для удовлетворения абсолютной, по Дж. Кейнсу, потребности (такой потребности, которую человек ощущает независимо от отношений с другими людьми), автомобиль в то же время стал средством реализации относительных потребностей, удовлетворение которых создает у человека ощущение превосходства над другими. В угоду этим нездоровым потребностям на автомобиль начинает работать значительная часть экономики, порой (в особенности в странах не очень развитых) даже в ущерб удовлетворению более важных потребностей¹; автомобиль становится одной из основных причин ухудшения экологической ситуации и одним из важных криминогенных факторов (преступления, связанные с угоном автомобилей, убийством их владельцев; дорожно-транспортные происшествия). По аналогичной схеме может быть оценен обратный социальный эффект, исходящий от телевидения. Будучи задуманным для удовлетворения коммуникационных (и прежде всего культурных) потребностей общества, телевидение сегодня наряду с этим служит средством манипулирования массовым сознанием в политических, нравственных и иных целях. Многочасовое времяпрепровождение у телеэкранов отвлекает людей от чтения и делает их малограмотными, наносит ущерб психофизическому здоровью (в том числе является одной из причин охватившей современное общество гиподинамии, а также разнообразных неврозов).

¹Так было в недавние десятилетия в Югославии, где автомобилестроение отгеснило на задний план более важную отрасль — жилищное строительство (см.: *Михайлович К.* Экономическая действительность Югославии. — М., 1986. — С. 50).

В-третьих, созданная многовековым творчеством человека техносфера может быть оптимизирована ее создателем (обществом) не на основе игнорирования техники и прекращения ее развития, а лишь благодаря осуществлению гигантских технических мероприятий.

И все же самостоятельность техники и технического развития остается *относительной* в рамках определяющего воздействия на них экономической подсистемы общества и социума в целом. В конечном счете от общества, от того как складываются в нем общественные отношения, в том числе отношения людей по поводу их отношения к технике, зависит в каких экономических, политических, нравственных целях будут использоваться инновации, какой темп будет придан развитию той или иной отрасли технического творчества и внедрению в практику ее достижений. Собственно говоря, отношение между обществом и техникой в этом плане принципиально тождественно отношению между обществом и любым другим составляющим ее как систему компонентом. Техника есть базис и одновременно продукт *цивилизации*, а как мы ее (технику) используем, зависит от нашей *культуры*.

Технические революции Как и многие системы, составляющие общество, техника знает и периоды эволюционных изменений, и скачки, качественно меняющие ее уровень, а то и характер. Речь идет о технических революциях, которые не раз совершались в истории.

Для понимания места и роли технических революций в истории очень важно выяснить соотношение понятий «экономическая революция» (переворот в экономическом способе производства) и «социальная революция» (переход всей социальной системы на более высокую историческую горизонталь) с понятием «техническая революция».

Анализ исторического процесса показывает, что при всей теснейшей взаимосвязи технической революции с экономическим переворотом и всем комплексом социальных преобразований вряд ли можно рассматривать техническую революцию как компонент социальной.

Во-первых, не всякая техническая революция приводит к смене одного экономического способа производства другим. Так, изобретение лука и стрелы, переход к шлифованию, пилению и сверлению камня (XIII—XIV тысячелетия до н.э.) означали лишь начало новой эпохи — неолита — внутри одного и того же пер-

вобытного общества, поскольку новые орудия труда не приводили к появлению прибавочного продукта и разложению на этой основе существующего общественного способа производства. Указанные явления связаны уже со следующей технической революцией (неолитической) — переходом к культурному земледелию и скотоводству и к металлическим орудиям труда.

Во-вторых, не каждый переход от одного экономического способа производства к другому обусловлен технической революцией (об этом уже говорилось выше на примере перехода от рабовладения к феодализму).

В-третьих, техническая революция в одних случаях может подготавливать революцию социальную (такую роль в развитых странах выполняет научно-техническая революция, подготовившая происходящие сегодня там крупномасштабные процессы радикального изменения всех сторон общественной жизни, их социализацию), но может выступать и как следствие социальной, как техническая основа ее завершения, окончательной победы над прежним экономическим способом производства и формирования основных классов нового общества (промышленная революция конца XVIII — начала XIX в. в Англии).

Подытоживая сказанное, мы обнаруживаем, что сама по себе техническая революция не входит в качестве компонента в социальную; связь ее с определенными типами социальных революций носит характер генетический, по принципу «причина — следствие» и «следствие — причина», а не системный — по принципу «часть — целое», «элемент — система». Этот вывод не ставит под сомнение тот непреложный и чрезвычайно важный факт, что именно качественные изменения в технике неоднократно приводили в истории к созданию новой материально-технической базы общества, что вызывало к жизни конфликты между производительными силами и устаревшими производственными (экономическими) отношениями. Но этим не ограничивается роль технических революций. Не менее важно, что каждая техническая революция приводит к смене господствующего *технологического* способа производства новым, более отвечающим возросшим потребностям общества.

Если мы под этим углом зрения бросим ретроспективный взгляд на историю, то обнаружим цепочку из четырех сменявших друг друга технологических способов производства: *присваивающего, аграрно-ремесленного, индустриального, информационно-компьютерного*. Каждый из них представляет собой единство определенной материально-технической основы и соответствующую

щих ей технологических отношений. О последних предстоит специальный разговор, сейчас же остановимся на наиболее существенных чертах, позволяющих отличить один технологический способ производства от другого.

1. Каждый технологический способ производства характеризуется специфическими, ему одному присущими орудиями труда. При присваивающем технологическом способе производства таковыми являются ручные орудия индивидуального и коллективного пользования для охоты, рыбной ловли, собирания насекомых и растений; при аграрно-ремесленном — железный плуг, скот, ветряная и водяная мельницы, гончарный круг; при индустриальном — машины; при информационно-компьютерном — автоматизированная техника. Весьма примечательно, что сосуществование различных технологических способов производства (а каждый предшествующий не исчезает с победой нового, он лишь теряет свое господствующее значение) отнюдь не приводит к тотальному технико-технологическому перевооружению древних отраслей. Так обстоит дело со сбором лекарственных растений, со многими видами ремесла, где главные орудия труда так и не изменились.

2. Специфические для данного технологического способа производства орудия труда определяют характер труда, предлагаемый данным способом производства человеку и обществу.

3. Каждый технологический способ производства характеризуется также системой организации труда.

Последние две черты будут рассмотрены в связи с анализом технологических отношений.

Технологические отношения

Вступая в самостоятельную практическую деятельность, люди застают не только определенное состояние техносферы и ее конкретное преломление в избранной ими отрасли, но и соответствующим образом сложившиеся по этому поводу отношения. При этом данные отношения, как форма, должны отвечать технической основе производства. Они будут разными в зависимости от того, идет ли речь о простой кооперации работников, вооруженных однопорядковыми орудиями труда; о ручной ли мануфактуре с характерной для нее специализацией орудий труда и самих тружеников или о фабрике в условиях машинного производства.

Во всех этих случаях перед нами *технологические отношения*, т.е. *складывающиеся на определенной технической основе отношения производителя материальных благ к предмету и средствам*

своего труда, а также к людям, с которыми он взаимодействует в ходе технологического процесса.

Технологическое отношение субъекта производства к *предметам своего труда* может быть прерывным или непрерывным во времени (в этом отношении разительно отличны друг от друга металлургический процесс и процесс производства зерновых и, соответственно, труд металлурга и труд хлебороба); может быть активным, совершенствующим и даже преобразующим предмет труда, а может быть пассивным, приводящим к истощению и даже исчезновению данного предмета.

Отношение субъекта производства к *средствам труда* в преобладающей степени зависит от характера труда, обуславливающего разделение функций между работником и средствами его труда. Исторически это разделение функций прошло четыре стадии. На первой из них (эпоха присваивающего хозяйства) производственный процесс движется исключительно мускульной силой человека, на второй (домашинная стадия цивилизации) человек остается главной механической силой, но в какой-то степени уже делит эту функцию с тягловым скотом, энергией воды и ветра. На следующей стадии (индустриальное общество) человек продолжает оставаться агентом производства, но окончательно перестает выполнять энергетическую миссию, все больше переключаясь на управленческую. И наконец, сегодня, в результате научно-технической революции и начавшегося перехода к стадии информационно-компьютерного общества человек выключается полностью из непосредственного производственного процесса, становится рядом с ним в качестве контролирующего элемента.

Есть свои закономерности и в отношении человека *к людям*, которые вместе с ним участвуют в данном производственном процессе. Техника и технология производства предопределяют как должны соорганизоваться люди в масштабе первичной трудовой ячейки и на более высоких уровнях для получения конечного продукта, насколько зависимы они друг от друга по горизонтали в связи с конкретным технологическим разделением труда, как должны строиться отношения по вертикали (между руководителями и подчиненными) и т.д.

3. Экономический способ производства

В процессе материального производства люди взаимодействуют друг с другом с целью эффективного воздействия на природу как источник изначальных средств существования и

область применения разнообразных предметов труда. Поэтому экономический способ производства включает в себя две стороны: *производительные силы*, выражающие отношение общества к природе, степень овладения ею, и *производственные (экономические) отношения*, выражающие общественные взаимосвязи и взаимодействие людей в процессе производства.

Производительные силы

В общем виде можно сказать, что *производительные силы есть система субъективных (человек) и вещественных (техника и предметы труда) элементов, необходимых для процесса материального производства*. Каждый из этих элементов мы уже рассматривали в их технологическом сцеплении. Однако особый интерес представляет их общественный смысл, выраженное в них взаимодействие общества и природы.

Человек является субъектом производства, решающим элементом производительных сил. Речь, конечно, идет не о человеке вообще, а о работниках, выступающих в качестве производителей материальных благ. Требования же, которым должны отвечать люди в социальной роли работника, по мере общественного прогресса растут. Еще недавно мы совершенно справедливо считали, что производители материальных благ — это люди, приводящие орудия труда в действие благодаря известному производственному опыту и практическим навыкам к труду. Сегодня в связи с проникновением науки в производство, в связи с научно-технической революцией этого уже недостаточно: для того, чтобы производить материальные блага по-современному, человек должен обладать не только производственным опытом и навыками к труду, но и определенным объемом научных знаний.

Средства труда — комплекс вещей, которые человек помещает между собой и природой для воздействия на нее. Среди всех средств труда, применяемых в ту или иную эпоху и типичных для нее, К.Маркс выделяет те, которыми человек непосредственно воздействует на природу — *орудия труда*. Они составляют, по выражению Маркса, костную и мускульную систему производства и выступают важнейшим показателем отношения общества к природе. В свою очередь орудия производства суть лишь часть всей *техники*, подразделениями которой являются также бытовая, транспортная, информационная техника.

Предметы труда — все то, на что направлен труд человека. Иногда можно встретить точку зрения, согласно которой предметы труда не должны-де включаться в понятие производитель-

ных сил. Аргументация при этом такова: предметы труда, в конечном счете, берутся человеком из природы, следовательно, включая их в состав производительных сил, мы включаем в это понятие и всю природу, стираем грань между природным и общественным. Доводы эти неубедительны, поскольку в качестве предметов труда мы включаем в понятие производительных сил только ту часть природы, те ее элементы, которые активно вовлечены человеком в процесс общественного производства. Скажем, якутские алмазы были элементом природы и тогда, когда мы о них ничего не знали, а элементом производительных сил нашего общества они стали только превратившись в предмет добычи и промышленной обработки. В этом смысле включение элементов природы в состав производительных сил ничем не отличается от включения в него людей или орудий труда. Если люди выключены из процесса производства (безработные, больные и т.д.), они не входят и в состав производительных сил. Если техника бездействует, ржавеет (а таких случаев, к сожалению, пока еще много), то она также отнюдь не является производительной силой общества.

Двадцатый век — век зримого и быстрого превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Закономерен вопрос: не появляется ли таким образом в лице науки новый, четвертый элемент производительных сил? Очевидно, нет. Процесс «онаучивания» производительных сил идет более сложным, органическим путем — путем внедрения, проникновения научных знаний и научных достижений в каждый из трех рассмотренных нами элементов. В результате качественно меняется образовательный и профессиональный уровень производителей материальных благ, появляются принципиально новые орудия труда, создаются предметы труда с заранее заданными, не имеющими природных аналогов, свойствами.

Прежде чем рассмотреть вторую сторону общественного способа производства, необходимо уточнить понятие и структуру материального производства. Оно и понятно: ведь структура *производственных* отношений в силу самой своей природы не может не отражать структуру производства.

Надо различать понятия «материальное производство» и «непосредственное производство», которые не являются тождественными, а соотносятся как целое и часть. Помимо непосредственного производства компонентами этой целостности вы-

ступают сферы распределения, обмена и потребления. Процесс производства не может считаться завершенным пока продукт не дошел до потребителя, т.е. не потреблен. Но для того, чтобы это произошло, требуется нормальное функционирование и остальных сфер производства. Любые сбои распределительного или обменного характера тут же вызывают «возмущение» в начальном и конечном пунктах производства и — в зависимости от степени своей существенности и продолжительности — могут привести к рассогласованию системы производства в целом.

Именно под этим углом зрения могут быть адекватно поняты экономические проблемы, стоящие сегодня перед нашим обществом. *В непосредственном производстве* — это прежде всего проблема резко замедлившегося в последние годы и ссузившегося по своим масштабам научно-технического прогресса; проблема монополизации производства; проблема расхищения средств труда и в промышленном; и в аграрном секторе. *В сфере распределения* мы сталкиваемся с нерешенностью традиционных проблем (например, с дискриминацией в оплате труда большинства работников умственного труда) и появлением проблем новых, перестроечных и постперестроечных — сведение к минимуму так называемых общественных фондов потребления; проедание трудовыми коллективами львиной доли получаемой прибыли; небывалый всплеск противоправного перераспределения в форме взяточничества, рэкета, спекуляции. *В сфере обмена* дают о себе знать такие болезненные феномены, как разрыв хозяйственных связей (если иметь в виду обмен деятельностью), отсутствие конкуренции, а также бартер, отбрасывающий нас от цивилизации к первобытности (если иметь в виду обмен результатами производства). *В сфере потребления* достаточно вспомнить хотя бы такую проблему как продолжающийся диктат производителя по отношению к потребителю или, скажем, проблему недопотребления, охватившего сегодня значительную часть населения.

Даже беглый взгляд на эти проблемы позволяет прийти к двум важным выводам. Во-первых, проблемы, обнаруживаемые в различных сферах производства, между собой неразрывно связаны (каузально-генетически либо функционально). Так, стагнация научно-технического прогресса в непосредственном производстве не в последнюю очередь связана с ростом непроизводственного потребления прибыли предприятий, ее проеданием. И во-вторых (и это вытекает из первого вывода), подход к разработке программ выхода нашей экономики из кризиса должен

быть системным, берущим проблемы, накопившиеся в различных сферах производства в их органическом единстве.

Итак, структура материального производства с учетом всего сказанного может быть изображена как на рис. 8.

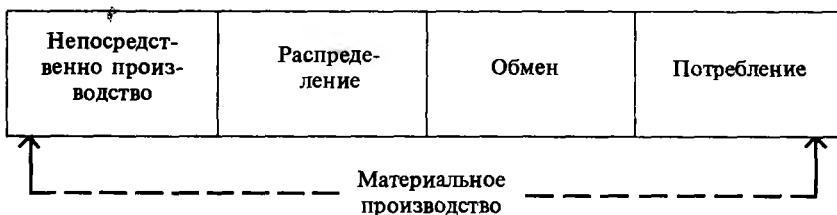

Рис. 8

Таким образом *производственные отношения суть экономические отношения, складывающиеся между людьми в процессе непосредственно производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.* От этих, производственно-экономических отношений надо отличать производственно-технологические отношения, которые обусловлены, как уже отмечалось, технико-технологическими особенностями производства и его организации.

Основное и исходное производственные отношения

Экономические (производственные) отношения представляют собой не конгломерат отношений, а сложную *систему*. Такая система многомерна и ее можно рассматривать не только по фазам воспроизводства, как было показано выше, но и под другими углами зрения: по субъектам отношений, по объектам присвоения, по степени близости и технологическому базису, по длительности существования в данной экономической системе и т.д. Но под каким бы углом зрения мы ее ни рассматривали, она всегда целостна, проникнута единым началом. Это значит, что в системе производственных отношений есть какие-то *коренные отношения*, которые ее цементируют, интегрируя в себе все ее стороны и аспекты, т.е. выступают как *системообразующие*.

Таким отношением прежде всего выступает *основное производственное отношение* — *отношение собственности на средства производства*. Конечно, в каждой экономической системе существует не одна, а несколько форм собственности на средства производства. Например, при капитализме существует капиталистическая собственность, собственность крупных землевла-

дельцев, мелкая трудовая собственность, различные формы кооперативной собственности. Но среди многообразных форм есть основное отношение собственности, на базе которого производится основная масса совокупного общественного продукта. Все другие формы собственности так или иначе подчинены основному отношению, зависят от него.

Основное отношение собственности определяет лицо экономической системы от ее начала и до конца. В зависимости от конкретной сущности этого основного отношения определяется специфический характер экономической системы, что конкретизируется в исторически известных *типах* производственных отношений — первобытнообщинных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических.

Среди специфических отношений данной экономической системы основное производственное отношение выступает как *первичное*, ибо оно есть «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям»¹, и следовательно, означает способ соединения вещественного и личного факторов производства. Глубже и фундаментальнее общественно-экономического отношения попросту уже нет. Все другие отношения выступают как вторичные, третичные и вообще производные экономические отношения. Так, при капитализме на базе первичного отношения (между капиталистом промышленником и наемным рабочим) складываются отношения между самими промышленниками; затем — между ними и торговцами; между промышленниками и торговцами, с одной стороны, и банкирами — с другой; в качестве самостоятельного агента производственных отношений все больше выступает и государство, а наемные рабочие, кроме того, вступают в отношения и друг с другом и т.д. Естественно, что все эти вторичные, третичные и тому подобные отношения происходят и зависят от первичного и сами оказывают на него активное обратное воздействие.

Небезынтересно отметить, что разработанная Марксом концепция роли и места отношения собственности в жизни социума получила сегодня широкое признание и в немарксистском общественном мнении. Сошлемся на мнение одного из крупнейших историков современности, общепризнанного лидера историографического направления «Анналы» Фернана Броделя, который пишет: «Маркс прав: разве тому, кто владеет средствами производства,

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25. — Ч. II. — С. 354.

землей, судами, (кораблями. — *Авт.*), станками, сырьем, готовым продуктом, не принадлежит и господствующее положение? Остается, однако, очевидно, что одних только этих двух координат, общества и экономики, недостаточно. Государство во множестве форм, будучи одновременно и причиной и следствием, навязывало свое присутствие, нарушало отношения, вольно или невольно вносило в них отклонения. Оно играло свою, часто весомую роль в тех сооружениях, которые с помощью определенной типологии можно сгруппировать в различные социоэкономики мира: одни — с рабством, другие — с сервами и сеньерами, третьи — с деловыми людьми и предкапиталистами. Это значит вернуться к языку Маркса, оставаться на его стороне, даже если отказаться от его точных выражений или слишком строгого порядка, при котором всякое общество должно было бы плавно переходить от одной из своих структур к другой»¹.

Будучи системообразующим, основное производственное отношение не может быть локализовано в какой-то *части* экономической системы, а составляет именно ядро, *основу*, вбирающую в себя не только моменты непосредственного производства, но и распределения, обмена и потребления.

Основное производственное отношение является для данной экономической системы исходным отношением, однако исходным — в широком смысле слова. В узком же смысле в качестве исторически и логически *исходного* выступает такое отношение, которое будучи самостоятельным, в то же время выступает как необходимая *форма* основного производственного отношения. А поскольку основное отношение является для данной экономической системы системообразующим, то и его форма оказывается в системе основной, господствующей и даже всеобщей формой организации хозяйства.

Истории известны три формы организации общественного хозяйства: *натуральное хозяйство, товарное хозяйство, планомерно-регулируемое хозяйство*. Эти три формы не только последовательно сменяют друг друга, но могут и сосуществовать, причем так, что одна из них непременно господствует. Ее господство как раз и предопределяется тем, что такова форма основного производственного отношения, а значит в такой же форме выступает основная масса совокупного общественного продук-

¹*Бродель Фернан*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. // Структуры повседневности. — М., 1986. — Т. 1. — С. 596. Что касается замечаний Ф. Броделя о государстве, то марксизм тоже не отрицает его активной роли, в том числе и в экономической жизни общества.

та. Так, к примеру, при феодализме натуральный характер повинностей крепостного крестьянина предопределял господство натуральной формы организации общественного хозяйства, хотя рядом с ней развивалась и усиливалась и товарная форма. При капитализме, наоборот, купля-продажа рабочей силы, товарная форма отношения между предпринимателем и рабочим, предопределяет господство в этой экономической системе товарной формы организации хозяйства.

Форма организации общественного хозяйства непосредственно отражает уровень производительных сил, общественного разделения труда, она, следовательно, генетически связана с соответствующим технологическим способом производства. Этим объясняется тот факт, что одна и та же форма организации хозяйства может обслуживать принципиально различные типы общественно-экономических систем. Например, натуральное хозяйство обслуживало все докапиталистические экономические системы. Но господство той или иной формы, как уже было сказано, предопределяется основным производственным отношением. Другими словами, форма организации общественного хозяйства имеет двойное происхождение: генетически она связана и с технологическим, и с экономическим способами производства. В свете этого становится понятным историческое место переходных форм организации хозяйства, когда наряду с господствующей формой возникает и постепенно усиливается ее собственная противоположность (см. рис. 9).

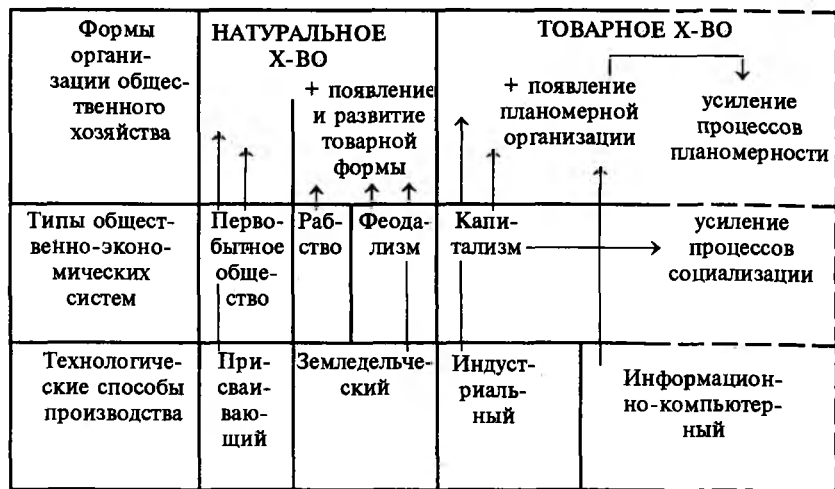

Рис. 9

Итак, два отношения выступают в экономической системе в качестве системообразующих: основное производственное отношение, раскрывающее наиболее существенное в самом *содержании* экономической системы, и исходное производственное отношение, раскрывающее наиболее существенное в ее *форме*. Ведущая роль содержания по отношению к форме объясняет субординацию этих двух системообразующих отношений. Так, о капитализме К. Маркс замечает: «Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства. *Во-первых*, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой... *Второе*, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства»¹.

Наличие в экономической системе двух определяющих черт, т.е. основного и исходного производственных отношений, сегодня признают многие влиятельные школы и в социальной философии, и в политической экономии. Кэмпбелл Р. Макконнелл и Стэнли Л. Брю, например, пишут: «Вообще говоря, индустриально развитые страны мира в основном различаются по двум признакам: 1) по форме собственности на средства производства и 2) по способу, посредством которого координируется и управляется экономическая деятельность»². Правда, способ этот цитируемыми авторами ставится в зависимость исключительно от вмешательства или невмешательства государства в экономическую жизнь общества, в действительности же, как мы видели, форма организации хозяйства определяется более фундаментальными факторами.

4. Законы общественного развития, генерируемые материальным производством

Закон соответствия производственных отношений характеру, уровню и потребностям развития производительных сил

Производительные силы данного общества в их исторически конкретном единстве с производственными отношениями образуют, как указыва-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25. — Ч. II. — С. 451—453.

²Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономика: принципы, проблемы и политика. Соч.: В 2 т. — М., 1992. — Т. 1. — С. 47.

лось, экономический способ производства. При этом производительные силы выступают как *содержание* его, а производственные отношения как та экономическая *форма*, в которой люди осуществляют производство. Коль так, то и взаимодействие между производительными силами и производственными отношениями подчинено общему диалектическому закону взаимодействия содержания и формы, согласно которому содержание играет определяющую по отношению к форме роль.

В общественной жизни это находит свое конкретное выражение в общесоциологическом (т.е. действующем во всех формациях) законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Объективная, материальная природа производственных отношений тем и определяется, что формируются они не по воле и желанию людей, а в соответствии с состоянием наличных производительных сил.

Общинная собственность в условиях первобытного строя господствовала именно потому, что соответствовала характеру тогдашних производительных сил: низкая производительность труда, равно как и неразвитость самого производителя материальных благ, могла компенсироваться только коллективистской организацией труда. В противном случае наши предки не обеспечили бы себе самые элементарные условия существования, не говоря уже о производстве прибавочного продукта. Правда, в последние десятилетия ряд историков первобытного общества выступили против упрощенного представления об образе жизни и результатах хозяйственной деятельности людей той эпохи. Они считают, что даже отсталые охотники и собиратели голодали далеко не так часто и занимались поисками пищи и ее добычей далеко не так много, как раньше считали, а в результате их труда образовывались даже определенные излишки по отношению к необходимому для жизнеобеспечения продукту. Но эти излишки («избыточный продукт») принципиально еще отличаются от того, что в политической экономии и во всем обществоведении известно как «прибавочный продукт» — производство излишков было нерегулярным и крайне незначительным по объему, в силу чего не могло стать основой для становления эксплуататорской системы производственных отношений и классовобразования¹.

¹См. об этом подробнее: История первобытного общества. Эпоха классовобразования. — М., 1988. — С. 115—116.

Новые производительные силы эпохи позднего первобытного общества, возникшие в результате неолитической революции (переход к бронзовым и, в особенности, к железным орудиям, к культурному земледелию и скотоводству) позволили перейти от присваивающего хозяйства к производящему, в десятки раз повысить производительность труда. И здесь мы встречаемся с разительным историческим примером того, о чем говорилось в предыдущей главе. Решая задачу повышения эффективности своего труда, последствия которого могли оцениваться, казалось бы, только положительно, первобытные люди не ведали, что произойдет с ними во всех других отношениях. В действительности же революция в технике и связанное с ней изменение типа хозяйствования явились поворотным пунктом истории человечества. Замена коллективистской собственности частной, коллективистской морали индивидуалистической, формирование общественных классов, переход к политической организации общества (появление государства), генеральная реконструкция семьи — пожалуй, никогда в последующие эпохи человечество не будет переживать такого кардинального переворота.

Из всех аспектов этого переворота нас сейчас интересует возможность и необходимость замены первобытно-коллективной формы собственности частной формой собственности. С одной стороны, возросшая производительность труда породила *возможность* все большей его индивидуализации, локализации производства в рамках семьи и даже отдельного индивида. С другой стороны, сохранение традиционных собственнических отношений тормозило дальнейший прогресс производства, в связи с чем возникает *необходимость* их замены на частную собственность, позволяющую придать новым видам организации труда соответствующую форму.

Перестройка собственнических отношений в эту эпоху знает свои этапы, свои переходные формы. Вначале собственность производителя на продукт с правом его обмена носит характер относительной обособленности в рамках данного коллектива, не сопровождаемая, как правило, эксплуатацией других его членов. Частная же собственность в полном смысле слова появляется как логическое завершение эволюции обособленной собственности.

Частная собственность лежит в основе трех последующих стадий исторического развития — рабовладельческой, феодальной, капиталистической. Это значит, что, начиная с разложения пер-

вобытного строя, характер производительных сил не менялся (они по-прежнему требовали частной собственности). Что же тогда должно изменяться, чтобы все-таки совершались такие радикальные ломки, как переходы к новым историческим стадиям?

Конечно, в каждом из этих конкретных случаев ответ должен быть своим, сугубо конкретным, хотя и лежащим в русле действия закона соответствия производственных отношений характеру, уровню и потребностям развития производительных сил. Процесс перехода от феодализма к капитализму был обусловлен качественным изменением *уровня* производительных сил и *потребностями* их дальнейшего развития. Иначе обстояло дело при переходе от рабовладения к феодализму. Историки техники затрудняются ответить на вопрос, какая техническая революция или по крайней мере качественно новый технический уровень послужили исходным пунктом кризиса рабовладельческих отношений. Таких изменений действительно не было. Но ведь потребности развития производительных сил не сводятся к потребностям развития только их вещественных элементов, прежде всего техники. Не менее важное значение имеют потребности развития личностного элемента производительных сил. Рабовладение на заключительном своем этапе не создало качественно нового уровня техники, но оно обнаружило *потребность* развития главной производительной силы — человека. Изменение социально-экономического статуса труженика выступало как предварительное условие технического, а на его основе и экономического прогресса. Статус труженика требовал коренного изменения еще в одном отношении: раб не имел семьи, и в связи с этим заходило в тупик воспроизводство рабочей силы.

Характер производительных сил вторично меняется лишь в процессе развития капиталистического общества: они вновь приобретают общественный характер и требуют принципиального изменения собственнических, распределительных, потребительных отношений. И такие изменения действительно происходят, наглядным подтверждением чего выступают процессы социализации, набирающие сегодня темп в развитых странах. Природа этих процессов совершенно ясна, если учесть то, о чем говорилось несколькими строчками ранее. Человек является не только носителем производственных отношений, но и «несущей конструкцией» в системе производительных сил. И тот, кто выступает в качестве организатора производства (истинно-

го, а не мнимого), кто действительно заинтересован в его эффективности, это обстоятельство игнорировать не может: оно сильнее его доброй или злой воли. Он вынужден — в своих собственных интересах! — проявить заботу о главной производительной силе, неизбежно приспособившая при этом всю систему производственных и в целом общественных отношений к потребностям развития производительных сил.

Сегодня, в условиях развития научно-технической революции, это более необходимо, чем когда бы то ни было. Современное производство предъявляет повышенные требования к психофизическому здоровью работника, его профессиональному и общеобразовательному уровню, культуре и нравственности. Эта объективная необходимость и лежит в мотивационной основе современной социальной политики в странах капитала. Как это ни парадоксально, частный интерес приводит к реализации социалистических по своему смыслу целей — достижению более человеческого «качества жизни», большей социальной справедливости. Можно сказать, что на этом этапе человек перестает быть только средством реализации основного закона капитализма — закона прибавочной стоимости. Разумеется, он не превратился в самоцель этого способа производства, но, во всяком случае, выступает уже в качестве подцели.

Закон активного обратного воздействия производственных отношений

Как и всякая форма, производственные отношения не просто пассивно воспринимают те импульсы к изменению, которые исходят от производительных сил: они оказывают активное обратное воздействие на их развитие. В наиболее общем виде механизм этого воздействия можно представить так. Производительные силы создаются и развиваются, сохраняются или выходят из строя в результате практической деятельности людей, движимых определенными мотивами и конкретным образом организованных для ведения общественного производства. Все это предопределяется существующими производственными отношениями.

Активное обратное воздействие производственных отношений на развитие производительных сил может быть двояким. Когда производственные отношения соответствуют характеру, уровню и потребностям развития производительных сил, они выступают в качестве *двигателя* их развития и ускорителя общественного прогресса в целом. Когда же производственные

отношения перестают соответствовать производительным силам, они превращаются в *тормоз*, т.е. существенно замедляют развитие их и социального организма в целом.

История каждой общественно-экономической формации предстает перед нами как история «сдвига ролей», выполняемых производственными отношениями в процессе обратного воздействия на производительные силы. Типичной в этом отношении является история капитализма. Вызвав невиданный рост производительных сил в эпоху утверждения и расцвета строя, пришедшего на смену феодализму (середина XVIII — конец XIX вв.), буржуазные производственные отношения затем все больше приходили в противоречие с общественным характером производительных сил. Две мировых войны, страшный экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов, отпадение России, а затем и многих других стран, рельефно обозначили феномен, известный в марксистской литературе как общий кризис капитализма.

Сегодня нередок вопрос типа «А был ли мальчик?»: «А был ли общий кризис?». Как нам представляется, вопрос этот, задаваемый теми, кто апеллирует к нынешним успехам развитых стран Запада, Японии и др., начисто игнорирует принцип историзма. Если мы желаем получить истинную картину, вопрос должен быть поставлен иначе: «Каким образом удалось капитализму преодолеть этот общий кризис, оздоровить экономику, прийти к более высокому "качеству жизни"?». И тогда, сопоставляя всевозможные факты и аргументы, мы поймем, что главная, генеральная причина лежит в русле оптимизации свойственных капитализму производственных отношений (осуществляемое в разумных пределах государственное регулирование экономики, социальное ориентирование рыночного хозяйства, создание массовидного собственника посредством акционирования капитала, внедрение т.н. «человеческих отношений» на предприятиях). В результате произошел новый «сдвиг ролей» — консерватизм и даже реакционность, еще недавно проявлявшиеся буржуазными производственными отношениями, все больше сменяются прогрессивным воздействием сегодняшних (далеко не «чисто» капиталистических) отношений на производительные силы и через них — опосредованно — на общественную жизнь в целом.

«Сдвиг ролей», выполняемых производственными отношениями в порядке обратного воздействия на производительные силы, можно проследить и в послеоктябрьской истории нашего

общества. Трагическая противоречивость развития страны, в том числе противоречивость сложившихся после 1917 г. производственных отношений могут быть правильно поняты лишь с учетом того, что у нас отсутствовала сформировавшаяся и нормально функционирующая экономическая система. Деструкция (слом старой системы) и конструкция (возведение новой) оказались разорванными во времени. В связи с этим нуждается в существенной корректировке термин «деформация социализма», которой в последние годы не раз встречался в публицистике и официальных документах. Точнее было бы говорить о *деформации переходных к социализму процессов*. Вот эта переходность, недостроенность и сделала производственные отношения тридцатых-семидесятых годов ущербно противоречивыми.

С одной стороны, в этих отношениях несомненно присутствовал значительный социалистический компонент. Государственная собственность в плане формально-абстрактном содержала в себе все возможности для функционирования в качестве общенародной; такой она и воспринималась массовым сознанием в течение длительного периода, порождая, пускай и не совсем обоснованное экономически, как выяснилось позднее, чувство хозяина своего предприятия, своей страны. Была создана солидная (если учитывать наши возможности) система социальной защиты населения, включавшая в себя бесплатное образование и здравоохранение, в целом удовлетворительное пенсионное обеспечение. Во всяком случае, эту систему изучали и во многом ее перенимали развитые страны, начиная у себя упоминавшиеся выше процессы социализации. Вот эта сторона производственных отношений, ее социалистический по своему смыслу компонент, порождали искренний энтузиазм масс — гражданский, трудовой, а в нужные моменты и боевой; поддерживали атмосферу дружбы и взаимопомощи в трудовых коллективах.

Но в наших производственных отношениях всегда присутствовала (и с годами все больше брала верх) и другая сторона — известная отчужденность государственной, да и колхозно-кооперативной, собственности от своего собственника де-юре — народа. В условиях деформации переходных к социализму процессов ее фактическим владельцем и — соответственно — субъектом управления ею стал не народ, а бюрократия, партийно-государственная номенклатура. Использование ею общественной собственности и всего национального богатства в корыстных целях, отчуждение человека от средств производства и

результатов своего труда, превращение его в казарменно-рядового исполнителя не могли не сказаться на темпах развития производительных сил, их обновлении на основе научно-технического прогресса, качестве выпускаемой продукции, которая в подавляющем большинстве случаев не отвечала мировым стандартам.

Такова печальная диалектика наших производственных отношений, тот «сдвиг ролей», в результате которого они из *двигателя* развития производительных сил превратились в *тормоз*.

Основной социологический закон

Если внутри экономического способа производства определяющую роль играют производительные силы, а внутри технологического — его техническая основа, то по отношению ко всей системе общественных отношений, идей, учреждений

такую роль выполняют оба способа производства в целом и в единстве, которое можно обозначить как «способ производства материальных благ». Кстати, если вернуться к определению технологического способа производства, то нетрудно обнаружить, что два способа производства, о которых идет речь, являются не рядоположенными, а в определенном смысле «помещенными» один внутри другого: ведь технологический способ производства есть ничто иное, как способ соединения, взаимодействия элементов производительных сил в связи с их технической основой, в то время как экономический способ производства представляет собой системное единство этих производительных сил с соответствующими им экономическими отношениями. На рис. 10 сделана попытка графически изобразить эту «помещенность».

Такое взаимопроникновение способов производства очень часто имеет своим следствием их *совокупное* воздействие на социальные, политические и духовные процессы. В дальнейшем мы не раз будем возвращаться к конкретизации действия этого закона при анализе отдельных сторон, состояний, процессов общественной жизни. Сейчас проследим его совокупное действие на примере такого социального института как *семья*.

Известно, что коллективистская, общинная собственность на средства производства обеспечивала социальное равенство мужчин и женщин. При этом во многих родовых коллективах и во главе общины в целом и во главе семьи стояла женщина. И если даже матриархат не был, как сейчас считают историки, всеобщим явлением, повсеместный переход к патриархату может

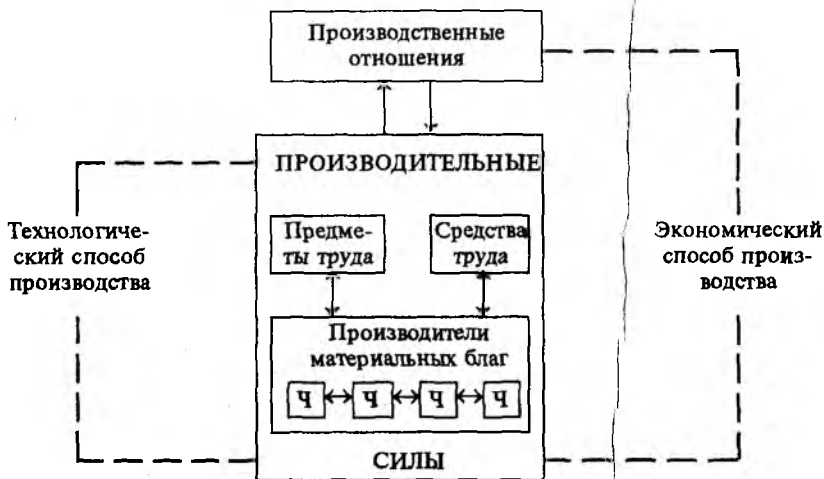

Рис. 10

быть объяснен научно только с учетом действия закона определяющей роли обоих способов производства в общественном развитии. Главенствующая роль женщины в семье и делах общины была характерной для тех общин, в которых основные средства существования давало собирательство, а не такие мужские занятия, как охота и рыболовство. Собирательство не требовало или почти не требовало употребления искусственных каменных орудий, «творцами» и владельцами которых были мужчины. Собирательство же было уделом женщин потому, что вскармливание и воспитание «подростающего поколения» не позволяло им удаляться далеко от поселения, как того требовали охота и рыболовство. В силу этих причин женщина была и хранительницей домашнего очага — не в образном, а совершенно реальном смысле слова: огонь должен был поддерживаться денно и нощно, ибо иначе могла наступить смерть от холода или голода. Все эти производственные функции, т.е. место в технологическом способе производства и выводили женщину на положение «первой среди равных».

Ситуация коренным образом меняется с переходом к новому технологическому способу производства — от собирательства к культурному земледелию и от охоты к скотоводству. Употребление тяжелых вспашных орудий, характерных для первобытного земледелия, требовало большой физической силы, и первым земледельцем становится мужчина. Первобытное ско-

товодство требовало удаления на большие расстояния от своего поселения, и первым скотоводом опять-таки становится мужчина. А поскольку именно земледелие и скотоводство дают теперь основные средства к существованию, то и главенствующая роль в семье и общине переходит к мужчине. Эта роль окончательно закрепляется в связи с появлением прибавочного продукта и частной собственности, т.е. с переходом к новому экономическому способу производства. Патриархальная семья становится и технологической, и экономической ячейкой нового общества, а главенство мужчины, его ведущее место в производстве прибавочного продукта закрепляется и юридически — в праве наследования имущества исключительно по мужской линии. Наступает то самое «всемирно-историческое поражение женщины», о котором писал Ф.Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Условия для эмансипации женщин начинают складываться в связи с переходом опять-таки к новому технологическому способу производства, возникающему в ходе машинного переворота. Заметим, что в плане экономическом этой эпохе соответствует определенная стадия развития капитализма. И вот здесь-то мы наблюдаем уже разнонаправленное воздействие каждого из способов производства на один и тот же процесс. Высокий уровень производительных сил, достигнутый в результате машинного переворота, позволяет женщинам участвовать в процессе общественного производства наравне с мужчинами, поскольку машина не требует большой физической силы. Но характер экономических отношений тормозит процесс эмансипации (еще долго будет сохраняться неравенство в оплате труда, в условиях получения образования и т.п.). Новый этап в продвижении к фактическому равенству женщины и мужчины открывается сегодня в связи с начавшимися в развитых странах процессами социализации многих сторон общественной жизни, причем в этом же направлении «срабатывает» и переход к информационно-компьютерному технологическому способу производства, позволяя автоматизировать домашнее хозяйство.

Есть, конечно, такие общественные процессы, состояния, институты, на изменение которых оказывает монопольное или почти монопольное воздействие какой-то один из способов производства. Так, требования, предъявляемые к общеобразовательному, профессиональному и культурному уровню производителя материальных благ, детерминированы прежде всего характером труда, свойственным данному технологическому способу

производства. Или другой пример: специфика средств труда предопределяет «ассортимент» профессиональных заболеваний — для конвейера как символа индустриально-машинного производства показателен прежде всего массовый физический травматизм, в автоматизированном производстве с его сложными пультами контроля преобладает уже травмирование нервно-психической системы человека.

Итак, *основой социологический закон*, действие которого прослеживается на протяжении всей истории человечества, *может быть определен как закон определяющего воздействия экономического и технологического способов производства на все стороны жизни общества.*

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем коренной методологический порок концепций технологического детерминизма?
2. Какие технические революции в истории общества Вам известны?
3. Уяснили ли Вы различие между основным и исходным производственными отношениями?
4. В каком случае производственные отношения выступают в качестве тормоза развития производительных сил?
5. Как Вы понимаете сущность основного социологического закона?

Глава пятая

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА

Понятие социальной структуры

Из предыдущих глав мы знаем, что человеческое общество не механическая сумма индивидов, а социальная система, фундамент которой составляет способ производства материальных благ. В рамках этой системы формируются и функционируют различные общности и группы, большие и малые — роды, племена, классы, нации, семьи, коллективы в разных сферах общественного производства и т.д.

Можно было бы начать изучение социальной структуры общества с классов, поскольку именно они являются наиболее важным элементом социальной структуры во всех послепервобытных обществах. Объясняется эта их роль тем, что классы непосредственно определяются способом производства и также непосредственно связаны с ним. Классовое деление общества накладывает свой отпечаток на развитие всех других социальных групп и общностей. В связи с этим социальная структура классового общества в литературе зачастую определяется как социально-классовая, что не совсем верно, ибо в какой-то степени затушевывает важность и существенность других компонентов (подсистем) социальной структуры общества: этнической, демографической, поселенческой, профессионально-образовательной.

Вполне понятно, что «набор» этих компонентов будет различным в зависимости от того, о какой ступени развития общества идет речь. В первобытном обществе, например, отсутствовала не только классовая, но и поселенческая структура, ибо ее появление связано с выделением города как центра ремесла и торговли, его отделением от деревни, равно как отсутствовала и структура профессионально-образовательная. Учитывая эту разновременность, мы предлагаем читателю *исторический* принцип подключения подсистем к анализу социальной структуры общества, т.е. рассмотрения их в том порядке, в котором они действительно возникали в реальном историческом процессе.

Если иметь в виду развитую ступень общественного развития, то социальную структуру общества схематично можно представить следующим образом (рис. 11):

Рис. 11

Расположение человека в центральной точке схемы хотя и очень условно, но отражает крайне существенный момент: индивид «вписан» в каждую из общностей, характеризующих компоненты социальной структуры. Он одновременно осуществляет свою жизнедеятельность и как член семьи, и как представитель класса и профессии, и как горожанин либо селянин, и как индивид, относящийся к определенной этнической общности.

Итак, в порядке рабочего определения можно сказать, что *социальная структура общества есть целостная совокупность всех функционирующих в нем общностей, взятых в их взаимодействии.*

1. Этническая структура общества

Все структуры, составляющие в своей совокупности и взаимодействии социальную структуру общества, имеют двойное происхождение. Две из них — этническая и демографическая — по своим корням связаны с биологической природой человека

и в самой значительной степени, хотя и под эгидой социально-го, представляют это биологическое в общественной жизни. Три других — поселенческая, классовая, профессионально-образовательная — социальны в полном смысле слова, т.е. цивилизационны, и сложились в результате трех великих общественных разделений труда, перехода к частной собственности и классово-образования.

Поскольку нами избран исторический подход к последовательности рассмотрения каждой из пяти структур, постольку вполне естественно, что рассмотрение это должно начаться со структур биосоциальных, а еще конкретней — с анализа этнической структуры общества, поскольку именно этнические образования (род, племя) представляли собой первоначальные социальные общности, а демографическая структура, в силу этого, была ничем иным, как демографической структурой этноса.

Доклассовое общество выработало свои, обусловленные в конечном счете экономическими причинами, формы общности людей — род и племя.

Род представлял собой объединение кровных родственников, обладающих общностью происхождения, общим местом поселения, общим языком, общими обычаями и верованиями. Род был основной ячейкой первой в истории общественно-экономической формации, причем ячейкой многофункциональной: не только этнической, но и производственной, и социальной. Экономической основой рода являлась общинная собственность на землю, охотничьи и рыболовные угодья. Такие производственные отношения (включая уравнительное распределение продуктов) соответствовали крайне низкому уровню производительных сил.

Более высокой исторической формой общности людей в пределах той же первобытнообщинной формации явилось *племя* — объединение вышедших из одного корня, но впоследствии отделившихся друг от друга родов. Как и род, племя продолжает оставаться этнической категорией, поскольку в основе ее продолжают оставаться кровнородственные связи. И в то же время образование племени уже положило начало расчленению единой многофункциональной общности. Поскольку племя несло лишь часть общественных функций (хозяйственной ячейкой оставалась родовая община), то тем самым было положено начало обособлению этнической общности от непосредственно хозяйственных функций. Когда возникла парная семья, появилась

тенденция к обособлению семейно-брачных отношений, кровнородственных связей от этнических общностей.

Народность В основу следующей, более высокой формы общности — *народности* — легли уже не кровнородственные, а территориальные, соседские связи между людьми. В.И. Ленин критиковал в свое время Н.К. Михайловского, не понявшего этого принципиального отличия народности от племени. По Михайловскому, народность есть просто разросшееся племя. Таким образом, он не видел распада предшествовавшего возникновению народностей родоплеменных связей и формированию на этой основе принципиально новой исторической формы общности людей — уже не сугубо этнической, а социально-этнической. Мы знаем немало таких народностей, которые образовались не только из различных этнических групп (болгарская, венгерская), но и различных рас (например, итальянцы). Процесс этот был очень длительным: «сосуществование» племен и народностей характерно для всего периода рабовладельческого общества, а своего развитого состояния народности достигают лишь при феодализме. *Народность — это исторически сложившаяся общность людей, имеющая свой язык, территорию, известную общность культуры, зачатки экономических связей.*

Далее мы проанализируем подробнее эту общность в ее взаимосвязях с нациями, проследим ее эволюцию в историческом процессе и т.д. Сейчас же укажем только на необходимость соблюдения принципа историзма при исследовании природы и сущностных черт народностей.

Во-первых, народности претерпевают в ходе своего развития самую настоящую метаморфозу, в связи с чем было бы ошибочно отождествлять народности эпохи рабовладения с народностями эпохи феодализма. Встречающееся в литературе предложение различать *первичную* народность, возникшую непосредственно в процессе разложения родоплеменных общностей, и *вторичную*, представляющую собой результат дальнейшего развития первичной, позволяет подойти к анализу народностей конкретно-исторически.

Во-вторых, народности принадлежит определенное историческое место между родоплеменными общностями и нациями под углом зрения такого критерия, как степень развития внутриобщностных экономических связей. В первобытных общностях господствовало натуральное хозяйство, для наций, как мы вскоре увидим, характерна экономическая целостность на базе

ную экономическую, политическую, духовную жизнь миллионов и десятков миллионов людей. Но этот, как и любой другой, признак нации нельзя абсолютизировать и рассматривать изолированно. Нередко случается, что один и тот же язык выступает в качестве национального языка нескольких наций (английский язык у англичан, североамериканцев, австралийцев, новозеландцев; немецкий — в ФРГ и в Австрии; испанский — у испанцев, мексиканцев, кубинцев). Общность языка должна обязательно рассматриваться в неразрывной связи с общностью территории, хотя и этих двух признаков самих по себе тоже недостаточно для вывода о рассматриваемой социально-этнической общности как нации. Эти признаки обязательно должны дополняться еще одним.

Таким третьим основным признаком нации является *общность экономической жизни*, заключающаяся отнюдь не в том, что вся нация производит один и тот же продукт. Мы уже говорили, что общность экономической жизни возникает на основе хозяйственной специализации различных районов страны и упрощения торгово-обменных связей между ними. Этот процесс специализации различных районов, их усиливающейся хозяйственной зависимости друг от друга и был одновременно процессом экономической консолидации наций.

На базе исторически длительной общности территории, языка, экономической жизни формируется четвертый признак нации — *общие черты психического склада, закрепленные в культуре данного народа*. Психический склад нации не является чем-то врожденным, он является отражением в сознании нации особенностей ее экономического и политического развития, взаимоотношений с другими народами, конкретных географических условий.

Психический склад нации проявляется в особенностях национального быта народа, в нравах, привычках, склонностях людей той или иной нации, в особенностях их песен, танцев, фольклора, живописи и т.п. Известна, например, такая особенность психического склада американцев, как непрерывная спешка, выработавшаяся как гипертрофированное следствие деловитости. Об этой черте мы встречаем у Ильи Эренбурга: «Несколько французов поспорили, почему американцы всегда куда-то спешат, решили проверить. Один француз подкараулил обыкновенного американца, когда тот в часов девять утра выскочил из подъезда своего дома. Француз последовал за ним. Задыхаясь от волнения, американец купил газету, не развернул ее, купил на лету сигару, ворвался в метро, расталкивая всех;

пробовал заглянуть в газету, но не мог — явно волновался, что опаздывает; выйдя из метро, помчался к одному из небоскребов; увидев, что лифт собирается взвиться вверх, переменял рысь на галоп; доехал, наконец, до своего тридцать шестого этажа и поспешно открыл ключом дверь в свою контору. Дверь была стеклянной; француз припал к стеклу. Американец лихорадочно повесил пиджак на вешалку, сел в кресло, закурил сигару, развернул газету и тотчас уснул. Дел у него не было, и торопился он только потому, что не умел не торопиться»¹.

Особо следует остановиться на таком нациообразующем признаке, как *национальное самосознание*, или сознательное отнесение себя к той или иной национальной общности, идентификация с ней. Данный признак, в отличие от всех уже рассмотренных, является субъективным по своей природе, и именно эта субъективность служит зачастую аргументом против его сущности. В действительности же о нации как реально существующей и нормально функционирующей общности можно говорить только в том случае, когда признаки объективные дополняются четко выраженным национальным самосознанием. В противном случае можно говорить только об этническом происхождении людей, а не об их национальной принадлежности. Имеются индикаторы, позволяющие довольно точно определять уровень и степень национального самосознания. Среди них — знание истории своего народа (историческая память), отношение к национальным традициям, праздникам и обычаям, отношение к языку своего этноса, чувство национального достоинства и т.д. Но главными, интегрирующими, очевидно, являются самодистанцирование, отличие себя от лиц иных национальностей, с одной стороны, и осознание неразрывных связей своего «я» с жизнью и судьбами данного этноса.

2. Демографическая структура общества

В качестве генеральной общности демографической структуры общества выступает *народонаселение* — непрерывно воспроизводящая себя совокупность людей. В этом смысле говорят о народонаселении всей Земли, отдельной страны, региона и т.д.

Народонаселение наряду с географической средой является первейшим условием жизни и развития общества, предпосыл-

¹Эренбург И. Соч. — М., 1961. — Т. 5. — С. 670.

кой и субъектом исторического процесса. Когда говорят «пустыня», независимо от того, ледяная она, песчаная или послечернобыльская, выражают главное — отсутствие народонаселения. Но суть вопроса не только в том, есть народонаселение на данной территории или его нет. Ускоренные или замедленные темпы общественного развития, прозябание или расцвет общества в значительной степени зависят от таких демографических показателей, как общая численность населения, его плотность, темпы роста, половозрастная структура, состояние психофизического здоровья, миграционная подвижность. К рассмотрению этих факторов мы сейчас и переходим.

Народонаселение и экономика

Народонаселение не просто заполняет собой все социальное пространство, но и неразрывно связано со всеми другими компонентами единого социального организма, прежде всего с экономикой.

Существуют две линии взаимодействия демографических и экономических процессов и состояний: население → экономика и экономика → население. Что касается последней, то она, во-первых, лучше отражена в литературе, а во-вторых, лежит ближе к поверхности вещей и потому легче улавливается обыденным сознанием. Например, никого из нас не затрудняет ответ на вопрос, касающийся показателей рождаемости: ясно, что на темпы здесь влияют прежде всего уровень материального благосостояния, обеспеченность жильем, степень вовлеченности женщин в общественное производство. Хотя и здесь не все просто, ибо в результате научного анализа выясняется, что темпы рождаемости чрезвычайно велики при низком экономическом и культурном развитии общества, резко снижаются в странах и регионах со средним уровнем благосостояния, а затем вновь обнаруживают тенденцию к некоторому повышению по мере перехода к обществу «массового потребления». И все же проблема «народонаселение → экономика» для читателя менее известна и более сложна, на ней мы и сосредоточим внимание.

Ускорение или замедление темпов экономического развития зависит уже от такого, казалось бы поверхностного, показателя, как *общая численность населения*. Так, оптимальное количество населения для хорошо интегрированного, единого производственно-рыночного пространства определяется сегодня специалистами примерно в 250 млн. человек: при гораздо меньшем народонаселении становится экономически невыгодной дальнейшая межгосударственная специализация и кооперирование

производства, при гораздо большем — резко возрастают расходы на транспортировку продукции. Заметим, что указанному оптимуму народонаселения отвечает Европейское экономическое сообщество, так же как отвечал ему и Советский Союз. В свете этого становится понятным, что ностальгия по Союзу, желание восстановить его хотя бы в плане экономическом имеет под собой, наряду с прочими, и демографические основания.

Заметное влияние на экономику оказывает и *плотность народонаселения*. В регионах с редким населением затруднено разделение труда, и доминирующей остается тенденция к сохранению натурального хозяйства, экономически невыгодным является наращивание информационно-транспортной инфраструктуры (строительство шоссейных и железных дорог, прокладывание кабельных коммуникаций и т.д.).

К числу наиболее активно воздействующих на экономику демографических факторов относятся *темпы роста народонаселения*, тем более, что это — фактор сложный, определяемый не только показателями естественного прироста населения, но и его половозрастной структурой, а также темпами и направлением миграции. Для нормального развития общества и прежде всего его экономики одинаково вредны и стремящиеся к минимуму и стремящиеся к максимуму темпы роста народонаселения. При крайне низких темпах роста воспроизводство личностного элемента производительных сил происходит на суживающейся основе, что сказывается и на величине совокупного национального продукта, а значит и национального дохода. Мы не говорим уже о явлениях депопуляции, когда смертность начинает превышать рождаемость, и над нацией нависает угроза исчезновения. Вот почему нас не может не тревожить начавшаяся в десятках регионов России депопуляция. При чрезмерно высоких темпах роста народонаселения развитие экономики тоже замедляется, ибо все более значительная часть совокупного продукта и национального дохода отторгается просто на физическое сохранение вновь родившихся.

Как уже отмечалось, темпы роста народонаселения во многом зависят от того, что представляет собой *половозрастная структура населения*. Любой перекоп в этом отношении (нарушение пропорций между мужской и женской частями населения; постарение населения, т.е. увеличение доли неспособных к деторождению возрастных групп) самым прямым образом сказывается на темпах роста народонаселения, а через них — и на развитии экономики. Но есть и другие каналы воздействия. Так, постарение населения означает увеличение удельного веса воз-

растной группы пенсионеров, содержание которых уменьшает долю совокупного продукта, направляемого на производственное потребление. Нарушение пропорций между мужской и женской частями населения приводит в одних случаях к «дефициту женихов» (так обстоит дело в наших текстильных центрах), в других — к «дефициту невест» (такова демографическая ситуация, которая еще совсем недавно была характерна для многих сельских местностей России). Результат в обоих случаях один — усиление миграции, наносящее ущерб экономике.

Разумеется, ущерб экономике наносит не любая миграция. *Миграционная подвижность населения* в целом есть феномен положительный, поскольку такая подвижность делает возможным более равномерное распределение населения в социальном пространстве, его перераспределение между трудоизбыточными и трудонедостаточными районами, способствует выравниванию профессионально-производственного опыта людей. Какой эффект — положительный или отрицательный — оказывает миграция в каждом конкретном случае, зависит от ее темпов, направленности и структуры миграционных потоков. Можно вспомнить, почему беспокоила нас миграция сельского населения в пятидесятые-семидесятые годы: темп миграции намного превышал темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве; миграция опустошала и без того трудонедостаточные регионы, поскольку мигранты направлялись в более благоприятные и в экономическом, и в природно-климатическом отношении края; в миграционном потоке преобладала молодежь — самая трудоспособная и образованная часть селян.

И наконец, *состояние психофизического здоровья населения* как фактор экономического развития. Наконец, по порядку рассмотрения, а не по значимости, ибо этот фактор среди всех является наиболее интегрирующим и, пожалуй, наиболее важным, в особенности в условиях научно-технической революции, предъявляющей повышенные требования к здоровью работающих. Ухудшение психофизического здоровья населения ведет к снижению производительности труда в народном хозяйстве, требует отвлечения дополнительных средств на здравоохранение и содержание инвалидов. Но самое страшное — если психофизическое здоровье населения ухудшается из поколения в поколение, начинается деградация генофонда нации, и это — наряду с депопуляцией — нависает над ней дамокловым мечом. Сокращение продолжительности жизни, наблюдающееся у нас, служит грозным предостережением.

**Народонаселение
и надстройка**

живалось, но надстройке здесь принадлежит отнюдь не последняя роль.

Самой чуткой в этом отношении из всех надстроечных сфер является, пожалуй, *мораль*. Любой сбой в демографических отношениях, а тем более в демографической структуре в целом, тут же откликается в практике нравственных отношений и — в рефлексированном виде — в нравственной психологии и этике. Достаточно вспомнить моральные последствия Отечественной войны, связанные с обвалом семейной структуры общества, распадом многих миллионов семей. В определенном смысле в этом же направлении воздействует и миграция, в особенности если она принимает гипертрофированный характер. Трудности профессиональной и социокультурной адаптации, бытовая неустроенность, выход из-под морального контроля прежней социальной микросреды и возможность (в особенности на первых порах) анонимного поведения в новой служат почвой и фоном для сексуальной распушенности, пьянства и уголовных преступлений.

Специфическое отражение демографических факторов мы наблюдаем в *политике и праве*. В отличие от сферы морали, где сначала под демографическим воздействием видоизменяется нравственная практика, а уже постфактум — моральное сознание общества вырабатывает осуждающие либо поощряющие нормативы, в политике и праве демографические деформации и изменение демографической ситуации в целом сначала должны быть осознаны и только после этого в политическую и правовую практику вносятся коррективы. Отслеживание демографических изменений и реагирование на них составляют важную часть политики (можно с достаточным основанием говорить о такой отрасли политики, как политика народонаселения) и права (что находит свое отражение в семейном праве, трудовом законодательстве и т.д.). В то же время демографические факторы врываются во все другие разделы политики как внутренней, так и внешней. На наших глазах, например, вносятся коррективы в законы о воинской службе, видоизменяются проекты военной реформы, поскольку нельзя не учитывать замедляющиеся тем-

пы роста народонаселения и ухудшающееся состояние психофизического здоровья молодежи.

Особенности демографического бытия данного общества находят свое концентрированное отражение в *общественной психологии*, в менталитете народонаселения. Имеются в виду и социально-психологические *сдвиги*, связанные с переходами к новому демографическому качеству, и социально-психологические *традиции*, тяготеющие над обществом и мешающие ему «вписываться» в новые условия.

Так, переход от локальных социумов (род, племя) к государственным образованиям означал возникновение «большого общества», т.е. такой по численности населения общности, при которой уже невозможна интеграция всех людей на прежней основе — визуальной, вербальной, эмоциональной. На первый план в большом обществе выступают более абстрактные интегративные формы — идеи типа «национальной идеи», известной формулы «православие, самодержавие, народность» и т.д. С переходом к большому обществу в общественной психологии постепенно формируется и новая устойчивая модель мироздания¹.

С другой стороны, социально-психологические традиции и ценности, сложившиеся в конкретных демографических условиях локального социума (например, общинное сознание, чувство единства с сородичами и соплеменниками и т.п.), тормозят формирование большого общества. Эти консервативные традиции не обошли стороной в свое время и такого великого мыслителя, как Аристотель, который считал, что число жителей каждого государства должно быть таким, чтобы все граждане могли знать друг друга. Даже в уже сформировавшемся большом обществе указанные психологические традиции выступают постоянно действующим дезинтегрирующим его фактором. Негативное действие этого фактора мы наблюдаем сегодня в Восточной Европе и на территории бывшего СССР.

И, наконец, демографические характеристики сказываются на облике общества в целом, облегчая его прогрессивное развитие, либо, напротив, вызывая его деградацию. Так, вслед за снижением численности населения до критического минимума общество становится неспособным воспроизводить социальные отношения во всей их полноте.

¹См. об этом подробнее: *Ахизер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. — 1993. — № 1.

**Законы
народонаселения:
биологичны
или социальные?/**

Мы рассмотрели вкратце воздействие демографических характеристик на различные стороны жизни общества. А какова же природа самих *законов* народонаселения, которые стоят за этими характеристиками, детерминируя их движение и принципиальные изменения демографической ситуации в целом?

Многие теории народонаселения основаны на утверждении о детерминированности всех демографических процессов исключительно биологическими факторами.

Наибольшее распространение среди этих теоретических течений имеет *мальтузианство* по имени английского экономиста и священника Томаса Мальтуса, который в 1798 г. выступил с попыткой обосновать «вечный закон народонаселения». Суть этого закона, по Мальтусу, состоит в «постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи»¹. Мальтус даже попытался придать своему закону математическое выражение, заключив, что численность населения из поколения в поколение растет в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8...), а количество средств существования лишь в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4), в результате чего народонаселение удваивается раз в 25 лет, а дефицит средств существования постоянно возрастает. Кстати, вывод об удвоении был сделан Мальтусом на материалах северо-американской статистики, относившихся к региону, в котором удвоение населения действительно наблюдалось, но не за счет естественного прироста, а за счет большого притока мигрантов. Удвоение же народонаселения раз в 25 лет наблюдалось в истории довольно редко в виде недолгосрочных и экстремальных по своему характеру демографических ситуаций.

По своему методологическому облику теория Мальтуса представляет яркий образец вульгарной социологии, не признающей специфики социального организма по сравнению с другими формами бытия. В живой природе действительно обнаруживаются и геометрическая с арифметической прогрессии, о которых говорил Мальтус, и «ножницы» между ними. Но для общества такой закономерности не существует: в частности, в развитых странах объем производимого продовольствия рос и растет быстрее, чем население.

¹Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. — СПб., 1968. — Т. 1. — С. 96.

Мальтус умер давно, и о нем можно было бы не вспоминать, если бы его идеи не продолжало бы развивать и распространять так называемое *неомальтузианство*. При этом надо иметь в виду, что рецепты Мальтуса по уменьшению роста народонаселения кажутся довольно невинными по сравнению с предлагаемыми его последователями. Исходя из того, что «жестокость во время войны прямо пропорциональна количеству избыточного населения», они видят магистральный выход из демографических трудностей, с которыми столкнулось человечество, в мировой термоядерной войне, а также в массовой стерилизации населения слаборазвитых стран.

Ненаучность и реакционность мальтузианского «вечного закона народонаселения» обнаруживается еще в одном чрезвычайно важном плане. Его «вечность» означает неизменность закономерностей воспроизводства вида не только при переходе от растительного и животного мира к обществу, но и при переходе самого общественного развития со ступени на ступень.

Законы народонаселения с необходимостью имеют исторический характер, поскольку демографические процессы находятся под определяющим воздействием социально-экономических факторов. В этом нетрудно убедиться, анализируя так называемую «демографическую революцию» (или «демографический переход»). Этот переход включает четыре периода. Для первого из них характерен высокий, близкий к физиологически предельному, уровень рождаемости и высокий уровень смертности. Прирост населения в этот период даже в годы отсутствия эпидемий и голода низок. Во втором периоде отмечается значительное снижение смертности, в то время как рождаемость остается на высоком уровне. В результате происходит быстрый рост населения. В третьем периоде смертность продолжает уменьшаться, однако темп снижения рождаемости опережает темп снижения смертности, в результате чего темпы роста населения замедляются. В четвертом периоде смертность стабилизируется на низком уровне (равно как и рождаемость), и темпы роста населения остаются невысокими. Вполне понятно, что хронологически переходы от одного периода к другому в различных регионах земного шара не совпадают: то, что в Западной Европе происходило в XVIII в., во многих странах Азии и Африке разворачивается только сегодня. И сравнивая эти процессы, нетрудно увидеть, что каждый раз переход к новому демографическому периоду был обусловлен развитием производительных сил, позволяющим обеспечить прогресс здравоохранения, и культурным возвышением общества (укажем

на интересующие нас в данном аспекте возвышение социально-гигиенической культуры и сознательное регулирование количества людей). Более того, оказывается, что в пределах одного и того же региона эти переходы совершаются по-разному в зависимости от конкретных исторических условий.

Итак, законы народонаселения представляют собой яркий пример того, как преобразуется биологическая форма движения материи, входя в состав социальной. В связи с этим законы народонаселения точнее было бы называть биосоциальными. Раскрытие их сложного содержания остается важной задачей междисциплинарных исследований, включающих в себя и философское осмысление взаимодействия «социум — народонаселение», и реконструкцию конкретного развития демографической структуры общества силами историков.

3. Поселенческая структура общества

Рассмотренные нами этническая и демографическая структуры общества биологичны по своему происхождению и первичным конкретно-историческим формам. В этом отношении поселенческая структура, будучи порождением причин сугубо социальных — общественных разделений труда — принципиально от них отличается.

Поселенческая структура есть пространственная форма организации общества. Это понятие выражает отношение людей к территории их обитания, а еще точнее — *отношения людей между собой в связи с их принадлежностью к одному и тому же либо к разным типам поселения* (внутрисельские, внутригородские и межпоселенческие отношения). Здесь мы обнаруживаем отличие, дифференцирующее поселенческую структуру от других структур: люди, принадлежащие к разным этносам, разным классам, разным возрастным и профессионально-образовательным группам, как правило, не оторваны друг от друга пространственно, напротив, именно сосуществование в едином пространстве делает возможным взаимодействие между ними и нормальное функционирование общества в целом. По поселенческому же принципу индивиды размежеваны в пространстве — они, в зависимости от типа поселения, являются либо горожанами либо селянами.

Комплекс знаний о поселенческой структуре общества чрезвычайно важен для глубокого понимания прошлой истории, современных процессов, прогнозирования будущего. Можно без

преувеличения сказать, что история цивилизации в самой значительной степени была историей взаимоотношений между городом и деревней, двумя основополагающими поселенческими общностями. К.Маркс по этому поводу определился еще более резко в своем выводе о том, что вся экономическая история общества резюмируется в движении противоположности между городом и деревней¹.

Город — деревня и город — может быть правильно понят только в условиях сопоставительного рассмотрения, при скрупулезном их сравнении друг с другом. При этом город может быть избран в качестве зеркала, в которое смотрится общество, чтобы понять, что оно приобрело и что потеряло в результате выделения городов из некогда абсолютно сельского социального пространства.

Вопрос о причинах появления городов до сих пор в исторической науке и социальной философии является дискуссионным или, скажем иначе, неоднозначно решаемым. И это несмотря на то, что данной проблемой в течение столетий занимались крупнейшие философы и историки (на Западе — Гегель, Г.Маурер, Г.Белов, К.Бюхер, М.Вебер; в России — В.О.Ключевский, П.Н.Милюков, Н.А.Рожков, М.Н.Тихомиров, Б.А.Рыбаков и др.). Основные конкурирующие между собой концепции возникновения городов можно свести к следующим:

— *вотчинная теория*, считающая, что города в Западной Европе возникают как центры крупных феодальных поместий. В отечественной историографии на этих позициях по сути дела стояли С.В.Бахрушин, П.И.Лященко и др., видевшие в русских городах до XV в. лишь феодальные центры, которые только в XVI—XVII вв. превращаются в центры ремесла и торговли;

— *общинная теория*, согласно которой город вырос из сельской общины на основе развития крестьянского ремесла, не связанного с феодальными крупными вотчинами. Как мы видим, общинная теория выводит возникновение городов из общественного разделения труда, отделения ремесла, а вместе с ним и торговли, от земледелия. В отечественной историографии таковы были позиции М.Н.Тихомирова («Древнерусские города», 1956) и Б.А.Рыбакова («Ремесло Древней Руси», 1949), пришедших в результате обобщения огромного фактического материала к выводу о высоком уровне развития ремесла на Руси уже в IX—XIII вв.

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 365.

Особого мнения, но все же в русле происхождения происхождения города из общественного разделения труда, придерживался В.О.Ключевский, правда, сильно преувеличивавший роль торговли в общественно-экономической жизни Киевской Руси;

— оборонная теория возникновения городов как укрепленных пунктов для защиты от внешнего нападения (К.Бюхер, Г.Маурер, М.Вебер);

— политико-правовая теория (Гегель, Г.Белов, представители «государственной школы» в русской историографии) отдающая приоритет среди причин возникновения городов факторам политического и правового характера: города возникают прежде всего как территориально-управленческие центры. Такова, в частности, была позиция П.Н.Милюкова, считавшего, что древнерусские города были явлением, искусственно насажденным сверху. «Раньше, чем город стал нужен населению, — писал Милюков, — он понадобился правительству», в силу чего «городское население приходилось создавать насильно»¹.

Мы обязательно погрешим против истины, если попытаемся решить проблему возникновения города с помощью одной из этих концепций, начисто отвергая все другие. В общем и целом процесс размежевания города и села, конечно, связан в первую очередь с отделением ремесла и торговли от земледелия, однако в каждом конкретном случае не могли не действовать и иные факторы, модифицировавшие этот процесс. В одних случаях города действительно первоначально могли возникнуть как пункты обороны и именно как таковые они сразу же начинали притягивать к себе нуждавшееся в защите ремесленное и торговое население. В других случаях города создавались как управленческие центры, но и в этом качестве они должны были притягивать к себе ремесленников и торговцев, находивших в таких поселениях состоятельных покупателей и благоприятные условия для рыночного обмена. Разнотипность городов по происхождению подтверждается, в частности, историей России. Если в городах Киевской Руси уровень развития ремесел был довольно высок уже в X в., то такого нельзя сказать о городах Северо-Восточной Руси, где даже в XIV—XV вв. еще не было ремесленных цехов².

Каковы же наиболее характерные черты, позволяющие городу дистанцироваться от другого основного типа поселения — села? Обычно среди этих черт называются следующие:

¹Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. — СПб., 1909. — Ч. 1. — С. 241, 243.

²См.: Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — М., 1959.

а) профессиональная занятость населения преимущественно несельскохозяйственным трудом, причем значимость этого показателя близка к абсолюту в крупных городах и стремится к минимуму в малых;

б) преобладание такого рода занятий, которые позволяют иметь урегулированное рабочее время и, следовательно, определенный объем свободного времени;

в) качественно иной уровень доступа к получению образования, особенно высшего, к приобретению желательной профессии, к потреблению духовных благ в связи с концентрацией в городах вузов, разнообразных профессиональных училищ, театров, музеев и т.п.;

г) большая по сравнению с селянами миграционная подвижность, что обусловлено целым комплексом причин, в том числе и непривязанностью к земле;

д) большая свобода в выборе микросреды (приятельского окружения, трудового коллектива), а также большая возможность в случае желания или необходимости изолироваться от нее;

е) большая политическая активность, что объясняется большей организованностью и концентрацией горожан по месту их профессиональной деятельности, более высоким образовательным уровнем, а также теми чертами, которые уже отмечались — большей подвижностью и большим объемом свободного времени;

ж) специфическая и качественно, и количественно городская семья — она отличается от сельской меньшей средней величиной и отпадением (либо ссужением) ряда функций, прежде всего хозяйственно-производственной.

Разумеется, демаркационная линия между городом и деревней в современных условиях оказывается довольно размытой. Разрыв между ними по всем указанным моментам в двадцатом веке значительно сократился, идет процесс идентификации образа жизни. Причем в нормальных общественных условиях сокращение разрыва достигается прежде всего за счет подтягивания деревни до уровня города, в экстремальных же — за счет деградации города.

**Город
и деревня в их
взаимоотношениях**

Взаимоотношения между городом и деревней прошли большой исторический путь в своем развитии.

Появление поселений с некоторыми признаками будущих городов (исследователи поздней первобытности называют их протогородами) означало возникновение различия между типами по-

селения. Тем самым была заложена основа для развитого противоречия между ними, связанная с тем, что горожане и селяне оказываются включенными в различные технологические способы производства. Отделение города от деревни обусловило формирование специфических сельского и ремесленно-городского образов жизни. В городе зачастую вместе с разделением труда разделялся и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает с прогрессирующим разделением труда, со все большим дистанцированием труда умственного от труда физического. В мануфактуре, а затем в индустрии рабочий все больше низводится до роли простого придатка к машине. Однако однобокое освещение городской, ремесленной среды и крестьянской жизни только с негативной стороны было бы неверным. Развитие аграрной культуры и ремесла вело к общему развитию труженика села и города, к появлению шедевров технического и градостроительного мастерства и достижений в скотоводстве и сельскохозяйственном производстве. Соответственно и различие культур носит взаимодополнительный характер, как и сам облик товаров производства села и города.

Впрочем противоположность между городом и деревней вырастает не только из причин технологического плана. На эту, можно сказать, технологическую канву накладывается воздействие, идущее от экономических способов производства, для которых характерно разделение общества на классы. При таком наложении неравномерность развития города и деревни превращается в *противоположность, т.е. в межселенческие отношения подчинения и эксплуатации*. Это, разумеется, не означает, что все горожане эксплуатируют всех селян или наоборот: эксплуататором выступает тот класс, который господствует в городе или деревне экономически и политически. Так, при феодализме город подчинен господствующему в деревне классу, который сдерживает развитие ремесленного производства, регламентирует торговлю, ущемляет политические права города и горожан. В дальнейшем гегемония в этом отношении переходит к буржуазии, и город и деревня как бы меняются местами. Именно тогда начинается массовое изгнание крестьян с земли, появляются пресловутые «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную продукцию и ценами на промышленные изделия и

т.д. Хотя дискриминация деревни с веками смягчалась, но она не исчезла и сегодня. Отсюда популярность (и не только в нашей стране) лозунга «Вернуть долги деревне!»¹.

Феномен противоположности между городом и деревней имеет и международный аспект, ибо продолжает существовать деление планетарного пространства на «мировой город» (условно: Север) и «мировую деревню» (условно: Юг). Пока эта противоположность сохраняется, международные отношения чреватые новыми катастрофами.

Урбанизация или рурализация?

Вся история цивилизации в интересующем нас сейчас аспекте может быть представлена как история урбанизации (от лат. *urbanus* — городской), т.е. как процесс возрастания роли городов, поглощения ими все большей доли народонаселения, приобщения даже тех, кто остается жить в деревне к материальным и духовным приобретениям городской культуры.

Если учесть то, о чем говорилось выше, объективная и субъективная подоплека процесса урбанизации становится легко объяснимой. С одной стороны, стремительный рост индустрии, который до самого последнего времени рассматривался как беспредельный по своим возможностям, с необходимостью поощрял миграцию в уже существующие города и в массовом масштабе превращал в крупные промышленные центры ранее безвестные села. С другой же стороны, действовал закон социального сравнения, причем селян привлекает в городе не какое-то одно из его реальных преимуществ, но превосходство города как среды обитания в целом. Бегством в город многие из них пытались приобщиться к городской культуре.

К тому же рост производительности труда в сельском хозяйстве, повышение урожайности в результате «зеленой революции», индустриальная организация животноводства и т.д. — все это делало избыточной основную массу фермерства. Даже искусственно сдерживаемое правительствами индустриальных стран бегство из села не отменяет того факта, что в наши дни достаточно 2—4% населения в сельской местности, чтобы обеспечить все население страны сельскохозяйственной продукцией. В этом плане, урбанизация — объективный процесс перераспределения трудовых ресурсов.

¹См.: Сен-Марк Ф. Социализация природы. — М., 1977. — С. 111—124.

Однако урбанизация постепенно высвечивала и негативные стороны городской жизни: превышающие всякие нормы загрязнения воздуха и воды, сведение к минимуму «зеленого пространства», превращение населения города по мере роста его численности и концентрированности в «толпу одиноких» в отличие от характерных для деревни тесных эмоционально-положительных связей между односельчанами; взлет нервно-психических и сердечно-сосудистых заболеваний в связи со сверхнапряженным городским темпом жизни, шумовыми помехами, отключенностью от физического труда и малоподвижностью. В связи с этим сегодня во многом справедливо говорят, что апогей городской цивилизации уже позади и наступил кризис города как традиционной формы поселения.

Но что это означает? И прежде всего: означает ли это, что процесс урбанизации однозначно сменится противоположным ему по направленности процессом рурализации (от лат. *rural* — сельский, деревенский)?

Конечно, речь не может идти о рурализации в полном смысле слова. Во-первых, подобная рурализация означала бы свертывание большинства индустриальных отраслей и возвращение массы трудоспособного населения к сельскохозяйственному труду, что вряд ли реально и прогрессивно. Во-вторых, подобная рурализация перечеркнула бы все то позитивное, что нес и несет в себе город.

Данный вопрос не может решаться по принципу «или-или», или урбанизация или рурализация. Если в процессы, как это не раз было в прошлой истории человечества, не вмешается политический и экономический субъективизм, результатом их явится синтез всего позитивного, что заложено в каждом из типов поселения. Уже сейчас, хотя синтез этот осязается только в зародыше, можно обнаружить его основные направления и тенденции: а) использование рекреационных возможностей сельской местности для краткосрочного (ночного и в конце недели) и долгосрочного (во время отпуска) отдыха горожан и их лечения; б) подключение горожан к сельскохозяйственному труду на собственных земельных участках, дачах; в) перенос из города многих учебных заведений; г) дальнейшая урбанизация — в оптимальном варианте — хозяйственной деятельности и социальной инфраструктуры в сохраняющихся сельских поселениях.

4. Классы и классовые отношения

**Классы
и экономические
отношения**

Учение об общественных классах возникло еще в домарксовский период. В письме к К. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К. Маркс отмечал: «что касается меня, то мне не принадлежит ни та за-

слуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов»¹.

Однако все домарксовские концепции классов страдали либо метафизичностью, отсутствием исторического подхода, и тогда классы превращались в вечную категорию, в естественный и непреходящий признак общества (у классиков английской политэкономии), либо идеализмом, неспособностью увидеть экономическую сущность классов (у французских историков). Сопоставляя свои взгляды с воззрениями предшественников, Маркс писал в упомянутом письме к Вейдемейеру: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве... что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*»².

Выяснилось, что классы не всегда существовали и не всегда будут существовать, что они связаны только с теми экономическими способами производства, которые основаны на частной собственности. С таким подходом, разумеется, не все согласны. Особо отметим различные *теории насилия*, согласно которым социологи ищут причины разделения общества на классы в политическом насилии, в покорении одних людей или народов другими. В действительности, и это объяснял еще Ф. Энгельс Е. Дюрингу, насилие может лишь ускорить и углубить классовое разделение общества там, где для этого существуют экономические причины, а не создать его. Насилие может передать имущество одного владельца другому, но не может создать частную собственность как таковую.

**Возникновение
классов**

Самая глубокая причина возникновения классов обусловлена прежде всего определенным уровнем развития производительных сил и характером соответствующих им производственных отношений. В основе образования классов лежит об-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 28. — С. 427.

²Там же.

ественное разделение труда, закрепление определенных видов деятельности за большими социальными группами. При этом имеется в виду не технологическое разделение труда (таковое в определенных формах существовало в первобытном обществе и сохранится в обозримом будущем), а разделение труда *общественное*, которое, в отличие от технологического, складывается не в процессе непосредственно производства, а в сфере товарного обмена. Именно обмен устанавливает связи между уже существующими, но пока еще довольно независимыми сферами человеческой деятельности, превращая их постепенно в кооперацию зависимых друг от друга отраслей совокупного общественного производства (земледелие, скотоводство, ремесло, торговля, умственный труд).

К процессу классовобразования «подключается» и институт частной собственности. Если общественное разделение труда закрепляет людей за определенным видом деятельности, то частная собственность разделяет людей по отношению к средствам производства и присвоению результатов труда, причем те, кто владеет средствами производства, имеет реальные возможности эксплуатировать тех, кто лишен их.

Конкретно-исторически образование классов происходило двояким путем.

1. *Выделение внутри общины или союза общин эксплуататорской верхушки*, состоявшей первоначально из лиц, облеченных важными общественными полномочиями (старейшин, жрецов, военачальников, надзирателей за орошением и т.п.), а потом и из более широкого слоя богатых людей. Ф.Энгельс указывал: «Нам нет необходимости выяснять здесь, каким образом эта все возрастающая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним; каким образом господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т.д.; в какой мере он при этом превращении применял в конце концов также и насилие и каким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции...»¹

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 184.

2. *Обращение в рабство сначала чужеземников, захваченных в плен, а затем и обнищавших соплеменников, попавших в долговую кабалу.* Это становилось возможным и целесообразным в новых экономических условиях, когда производство развилось уже настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее. Возможность присвоения прибавочного продукта стимулировала процесс классового расслоения общества.

Марксова концепция классов оказала неизгладимое влияние на всю последующую социально-философскую и социологическую мысль. Объясняя причины этого, Энтони Гидденс (Кэمبرидж) пишет: «Марксова концепция классов ведет нас к объективно структурированному экономическому неравенству в обществе, класс соотносится не с убеждениями людей, а с объективными условиями, которые позволяют иметь больший доступ к материальному вознаграждению»¹. Именно это стремление найти объективные критерии для выделения больших социальных групп и определения их общественного статуса и привело к тому, что все возникшие поздние концепции (включая учение о стратах М.Вебера) так или иначе учитывали Марксову, как показал Гидденс.

Определение классов

Наиболее полное в социально-философской литературе марксизма определение классов было дано В.И. Лениным в работе «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»².

Прежде, чем приступить к анализу выделенных В.И. Лениным четырех классовобразующих признаков, необходимо учесть следующее. *Во-первых*, В.И. Ленин относил классы к большим группам людей. Это — их родовой признак, поскольку в обществе имеются и другие большие группы — возрастные, половые, этнические, профессиональные и т.д. А дальше в ленинском определении перечисляются внутривидовые отличия клас-

¹ Giddens, Anthony. Sociology. — Cambridge, 1989. — P. 211.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 15.

сов друг от друга. *Во-вторых*, этими признаками, разумеется, не ограничивается характеристика того или иного класса: очень важны характеристики политических и психологических качеств классов. И если Ленин в своем определении ограничился только четырьмя главными *экономическими* признаками, то потому, что именно они являются базисными, первичными, а политические, психологические и т.п. надстроечными, вторичными.

В-третьих, все признаки классов надо рассматривать в их органическом единстве, в системе. Каждый из них, взятый отдельно, не только не дает законченную характеристику класса, но и способен исказить ее. Кстати, многие ненаучные теории классов построены именно на извлечении из стройной системы классовобразующих признаков какого-либо одного. Пример тому — *распределительная* теория классов, делящая людей на классы по размерам получаемой доли общественного богатства, хотя способы получения этой доли могут быть принципиально различными.

Теперь разъясним вкратце суть каждого из выделенных Лениным признаков. 1. *Место класса в исторически определенной системе общественного производства* — это место либо эксплуататора, либо эксплуатируемого. Перечислив рассматриваемые признаки, Ленин тут же добавил: «Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹. 2. *Отношение к средствам производства* может быть двояким: классовое общество знает классы, монополично владеющие средствами производства, и — соответственно — классы, лишенные таковых. 3. *Роль в общественной организации труда* также может быть принципиально разной. Одни классы в истории выполняли роль организаторов и руководителей производства (рабовладельцы, феодалы, буржуа), другие — рядовых исполнителей (рабы, крепостные, пролетарии). 4. *Способы получения доли общественного богатства* могут быть трудовые и нетрудовые, *размеры их* тоже колеблются в весьма зримых пределах.

Еще раз вернемся к анализу ленинского определения классов как *системы* признаков. Каждый раз, когда речь заходит о системе, возникает вопрос: а какой же из ее элементов является ведущим, основным, системообразующим? Такую роль в системе классовобразующих признаков выполняет «отношение к сред-

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 15.

ствам производства». Его стержневая, системообразующая роль обнаруживается в том, что все остальные классовообразующие признаки оказываются производными от него. От отношения класса к средствам производства зависит его место в системе производственных отношений (эксплуататор или эксплуатируемый), его роль в организации производства (организатор или рядовой исполнитель), способы получения (трудовые или нетрудовые) и размеры доходов (львиная доля, жалкие крохи, эквивалент трудовому участию).

Межклассовые и внутриклассовые отношения

На каждой ступени общественно-экономического развития, базирующегося на частной собственности, различают основные и неосновные классы. *Основными* классами такого общества являются классы, которые порождаются господствующим в нем способом производства и своими взаимоотношениями (как борьбой, так и сотрудничеством) выражают сущность данного способа производства, его основное противоречие. Таковы рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, буржуа и рабочие. Каждая классовая формация знает и *неосновные* классы, представляющие собой либо остатки прежних, либо зародыши нового способа производства. Таково, например, крестьянство в условиях капитализма. Если отношения между основными классами всегда являются антагонистическими (а следовательно, сами эти классы суть классы-антагонисты), то отношения между неосновными и основными классами складываются отнюдь не однозначно. Классовые противоречия между трудовым крестьянством и буржуазией при капитализме антагонистичны по своей сути, ибо происходит разорение крестьянства, его массовая пролетаризация; противоречия же между крестьянством и рабочим классом носят неантагонистический характер.

Отношения между классами (а следовательно, и противоречия между ними) представляют собой целостную систему, внутри которой можно выделить:

1. Отношения между классами по поводу собственности на средства производства и вся последующая цепочка отношений в непосредственном производстве, распределении, обмене и потреблении (*экономические отношения*).

2. Отношения между классами по поводу государственной власти и государственного управления (*политические отношения*).

3. Отношения между классами по поводу правопорядка (*правовые отношения*).

4. Отношения между классами в связи с реализацией нравственных норм (*нравственные отношения*).

5. Отношения между классами по поводу создания и потребления идеологических, художественных и иных духовных ценностей (*духовные отношения* в узком смысле слова).

При анализе социальной структуры общества очень важно учитывать не только межклассовые, но и *внутриклассовые различия*. Выделение слоев, составных частей, отрядов внутри того или иного класса позволяет лучше понять условия их общественного бытия и интересы, прогнозировать их социальное и политическое поведение. А противоречия эти в реальной социальной действительности, как показывает исторический опыт, оказываются весьма существенными (противоречия между финансовым капиталом и промышленниками, между малым бизнесом и корпорациями, между занятыми в производстве рабочими и резервной армией труда).

Устарел ли
классовый
подход?

В последние годы мы сталкиваемся с очередной попыткой отлучить от достижений мировой обществоведческой мысли классовый подход к анализу социальных явлений, подход, разработанный, как уже отмечалось, до марксизма, прогрессивными буржуазными учеными. Классовый подход (не к подбору кадров, не к распределению благ и т.п., а к анализу исторических ситуаций и феноменов) не есть простая выдумка «великой сортировочной машины» — человеческой головы, старающейся все разложить «по полочкам»: он адекватно отражает историческое прошлое и настоящее. Тем более нельзя рассматривать классовый подход в качестве простой выдумки марксистов. Как отмечалось в литературе, марксистская концепция классовой борьбы, социальных революций и диктатуры как способа решения социальных проблем возникла в контексте ценностей техногенной культуры¹.

Действительно, разве не была история в течение тысячелетий историей классов и классово й борьбы? Разве перестало быть классовым сегодняшнее западное общество, несмотря на явные тенденции к социализации? Возьмем для примера Великобританию, довольно типичную страну Запада. По данным на самый конец восьмидесятых годов, «верхушка» общества, составляющая 1% населения, владеет 21% объема всех личных

¹См.: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. — М., 1992. — С. 53.

состояний, в то время как 80% населения распоряжается лишь третью национального богатства¹.

Сам объективный процесс движения современного западного общества в направлении бóльшей социальной справедливости и нарастания демократических тенденций выступает в значительной степени *результатом* предшествующей классовой борьбы. Последняя, принимая сегодня все более цивилизованный характер, постепенно утрачивает свою разрушительную сторону и, наоборот, усиливается сторона созидательная, конструктивная. Партнерство — это тоже форма классовой борьбы, но борьбы в цивилизованной форме.

И, наконец, можно ли отбросив классовый подход, понять нашу советскую, а теперь уже и постсоветскую действительность, в частности, природу той силы, которая претендует сегодня на господствующее положение в системе экономических и политических отношений? По сути дела в отечественной литературе нет спора о классовости или неклассовости этой большой социальной группы. Есть лишь нюансы: одни говорят о классоподобном образовании, другие об уверенном многолетнем движении номенклатурного слоя (вкуче с дельцами вчерашней теневой экономики) в направлении окончательного превращения в класс, третьи — более категоричны в констатации его окончательной сформированности, в том числе за счет предпринимательской генерации последних лет. Создается впечатление, что попытка отторжения из научной методологии классового подхода имеет определенную цель: замаскировать наметившиеся и уже дающие себя знать классовые антагонизмы у нас. Между тем отрицание классовой борьбы в нашем заново формирующемся обществе может только затормозить движение к *цивилизованному* обществу с присущими ему *цивилизованными* формами разрешения конфликтов, в том числе и межклассовых.

5. Социальная стратификация

Мы рассмотрели социальную структуру общества в ее основных подструктурах. Однако этим социальная структура общества далеко не исчерпывается, ибо социальное пространство, в котором живет и действует человек, в действительности оказы-

¹См.: Yiddens, Anthony. Sociology. — Cambridge, 1989. — P. 217.

вается более чем пятимерным. Дело в том, что существуют и общности более подвижные и, как правило, менее существенные на первый взгляд, но в действительности играющие важную роль в жизни индивидов, а посредством индивидов — и общества в целом. Речь идет о «стратах» (от. *strata* — слой — термин, перенятый социологией из геологии). Определяя страты через их совокупность, П.Сорокин писал: «Социальная стратификация — это дифференциация некоей данной совокупности людей (населения) на классы в их иерархическом ранге. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»¹.

В отечественной социальной философии и социологии проблемы социальной стратификации в течение десятилетий не только не исследовались, но и открыто третировались как проблемы, исследуемые буржуазной социологией, «направленной против марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы»². В рамках господствовавшей в нашей политической и идеологической жизни доктрины «два класса — один слой» (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция) реальная структура общества, механизм ее формирования и развития не могли получить объективного научного отражения. Конечно, само по себе изучение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, если оно проводится по нормам, обязательным для научного исследования, представляет большой интерес. Но в рамках этой доктрины не оставалось места стратам, феномену горизонтальной и вертикальной неоднородности, т.е. выяснению таких сторон социальных отношений, которые подчас не менее важны, чем классовые. Более того, доктрина эта наносила огромный вред общественному сознанию (и разумеется, общественной практике), укореняя в нем на основе идей «полной однородности», «стирания различий» ошибочное мнение о закономерности примитивной социальной структуры нашего общества.

Нельзя сказать, что в марксистской традиции слои совершенно не принимались во внимание, однако речь шла только о слоях *внутри* того или иного класса (мелкая, средняя и крупная

¹Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 302. Под классами Сорокин имеет в виду фактически те большие группы, которые составляют страты (см. там же, с. 303).

²Советский энциклопедический словарь. — М., 1979. — С. 1259.

буржуазия; бедняки, середняки и кулачество в крестьянстве и т.д.). Между тем множество страт, как мы увидим далее, или не имеют прямого отношения к классовому делению общества или имеют межклассовый характер. Это не отменяет того обстоятельства, что все страты при глубоком их познании оказываются все равно порождением социальной макроструктуры данного общества. Примечательно, что одна из первых (веберовская) попыток подойти к обществу под углом зрения его стратификационной структуры исходила из марксова анализа классов, но стремилась расширить веер классовых различий, рассматривая и такие из них, которые напрямую не связаны с собственностью — профессиональное мастерство и квалификация, социальный престиж (статус), партийная принадлежность.

Социальная стратификация — функционально необходимая, а потому и обязательная черта любого общества. При этом наблюдается такая закономерность: чем организованней общество, чем нормальной оно функционирует, тем оптимальней выглядит его стратификационная характеристика. И наоборот, примитивно организованному обществу (а таковыми являются и первобытные образования, и современные деспотии) соответствуют либо примитивное, либо сверхсложное, деформированные стратификационные пространства.

Итак, сегодня в отечественной социологии и социальной философии наблюдается когнитивный кризис, связанный,

Страты в нашем обществе

во-первых, с дефицитом достоверных

знаний о социальной стратификации общества и, во-вторых, с трудностями их «добычи» в связи с деформированностью нашего общества. В таком обществе деформационной коррозии подвержено все, в том числе и стратификационная структура.

В связи с этим исследования стратификационной структуры нашего общества приобретают первостепенную значимость, в особенности в контексте политики реформ. Необходимо, с одной стороны, выяснить специфику каждого из социальных слоев и его отношение к реформам, а с другой — степень возможного воздействия каждого из этих слоев на масштабы и саму вероятность свершения указанных процессов.

Как уже отмечалось, стратификационная структура населения — понятие многомерное, что связано с многообразием выполняемых индивидом ролей и соответственно возможностью его изучения, характеристики и типологизации страт с почти беспредельного числа сторон. Трудность каждый раз заключа-

ется в том, чтобы выбрать такие основания для структурных срезов, которые оказались бы достаточными для достижения целей и решения задач, стоящих перед исследованием.

В качестве примера приведем типологию оснований, разработанную под руководством автора для проведения исследований социальной стратификации российского села (1991—1992 гг.):

1. Место в системе собственнических отношений.
2. Характер труда.
3. Размеры доходов и источники их получения.
4. Наличие (или отсутствие) властных функций.
5. Доступ к дефицитным благам.
6. Протекционистские связи.

Напрашиваются некоторые комментарии к этой типологии. Во-первых, стратообразующие признаки 1 и 3 совпадают с соответствующими классообразующими, что подтверждает сделанный выше вывод о взаимосвязях одних и других. Во-вторых, признаки 5 и 6 — специфически «наши», отражающие деформированность нашего общества. Указание на эти признаки, а тем более их учет не встречается в мировой социологической литературе, ибо нормально функционирующие социально-экономические системы не знают проблемы дефицита (тем более острого) элементарно необходимых благ, равно как и не знают широкого распространения протекционистских связей. У нас же протекционизм распространяется и на производственную и на непроизводственную сферу, в особенности на селе. Получение искомой должности, новой техники, лучшего земельного надела, закрытие наряда и подведение годовых расчетов, доступ к потребительским благам и многое другое очень часто зависит именно от протекционистских (семейно-родственных, приятельских, земляческих, а то и чисто коррупционных) связей. Изучение протекционизма как социального феномена важно потому, что его реализация в столь массовых масштабах оказывает серьезное негативное воздействие на все стороны нашей жизни.

Разумеется, в исследованиях, посвященных другим сюжетам, используются и иные основания для выделения страт. Так, если нас интересует вертикальная стратификация в зависимости от профессиональной принадлежности, социальный престиж разных профессиональных групп, то целесообразно использование таких оснований, как размеры легитимных доходов, приходящихся на одного представителя данной группы; размеры жилплощади и т.д.

В докапиталистических общественно-экономических системах классовое деление общества дополнялось и в силу этого в известной степени затушевывалось делением людей на сословия, а в ряде стран Востока — на касты. Во многих своих существенных чертах сословия и касты напоминают нам страты, однако отличаются от них своей строгой, однозначной оформленностью, как правило, либо юридической, либо религиозной.

Сословия — это социальные группы, обладающие закрепленными в обычаях или законах и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Сословное деление, складываясь на базе классового, в то же время не соответствует ему полностью, поскольку привносит в него специфическую иерархию юридических привилегий. В дореволюционной России, например, со времен феодализма существовало сословное деление на дворян, духовенство, купцов, мещан и крестьян, которое, как мы видим, не совсем совпадает с границами классов — буржуазии, феодалов, пролетариев, крестьян. Капиталистический способ производства, там, где он сложился в относительно чистом и классическом виде, упростил социальную структуру общества, упразднив (по крайней мере в принципе) сословное деление. Пережитки же сословной системы до сих пор встречаются в разных странах. Например, в Великобритании сохраняется практика присвоения наследственного титула пэра, дающего право быть членом палаты лордов, за выдающиеся успехи в бизнесе, управлении государством, в науке и культуре.

Касты (от лат. castus — чистый) представляют собой замкнутые группы людей, выполняющие специфические, передающиеся по наследству, социальные функции. Уже в определении мы обнаруживаем весьма зримые различия между сословиями и кастами. Сословия не замкнуты в себе, ибо не запрещены межсословные браки, равно как существует индивидуальная мобильность их членов, что делает возможным переход из одного сословия в другое. Каста же эндогамна и начисто отрешена от какого-либо подобия вертикальной, межкастовой мобильности.

Есть еще одно существенное различие: у каст по сравнению с сословиями гораздо резче выражена вертикальная иерархия. Это особенно рельефно обнаруживается в возрастающем «запрете на профессии» по мере исследовательского движения сверху вниз по социальной пирамиде кастового общества. Так, в Индии право на занятия воспитанием и преподаванием, исполнением богослужения и совершением жертвоприношений, благотворитель-

ностью, сбором урожая принадлежало только высшей касте — брахманам. Уже следующая за ними каста кшатриев, как менее чистая, лишалась права на преподавательскую и церковную деятельность; у касты вайши отнималось право на занятия в сфере управления и армии. Что же касается касты неприкасаемых (шудра), то они должны были служить трем чистым кастам и выполнять только самые непрестижные работы. Кастовое деление общества коррелировалось в разных странах (Древний Египет, Перу, Индия во все исторические времена и др.) различными факторами, в том числе принадлежностью к определенной этнической или религиозной общности.

6. Профессионально-образовательная структура

В том, что профессионально-образовательная структура рассматривается последней среди подструктур общества, есть своя внутренняя логика.

Во-первых, профессии и образование в строгом смысле слова появились позднее рода, племени, семьи, классов, в условиях уже постепервобытного общества. Разумеется, появились не из ничего, а из тех предпосылок, которые были уже наработаны нашими предками: профессии — из выделения ремесел (гончарного, кузнечного и т.д.), торговли, обособления труда по управлению общинными делами и по осуществлению культурных функций; образование — из тех зачатков трудового обучения, которые обязательно присутствовали в воспитании молодежи. Общество приобретает профессионально-образовательную структуру лишь с окончательным утверждением трех великих общественных разделений труда — отделением скотоводства от земледелия, ремесла и торговли от сельского хозяйства, труда умственного от труда физического.

Во-вторых, в философской и социологической литературе нет однозначного решения вопроса о статусе интеллигенции — чрезвычайно важном компоненте в профессионально-образовательной структуре общества. В одних работах интеллигенция определяется как класс¹, в других — как слой или прослойка. В связи

¹Было в истории российского революционного движения такое течение («махаевщина» — по имени его лидера В.К.Махайского), которое пыталось объявить интеллигенцию не просто классом, но даже классом паразитическим, живущим за счет труда рабочих и готовящим «грядущее мировое господство интеллигенции». (См. об этом: *Сыркин Л.Н. Махаевщина.* — М.-Л., 1931.)

с этим попытки уточнения понятия «интеллигенция» могут быть плодотворными только в том случае, если само это понятие соотносится с уже известными читателю понятиями «класс» и «слой».

Воспроизводственная роль образования

Образование выступает как необходимый компонент воспроизводства общественного человека, его социализации. В связи с этим целесообразно сделать три замечания.

1. Процесс воспроизводства общественного человека является комплексным и системным по характеру, включая в себя воспроизводство индивида как участника производства (собственника, производителя, потребителя), как гражданина, как семьянина, как природопользователя, как художника, т.е. личность, способную воспринимать мир и воздействовать на него по законам красоты. Следовательно, образование дабы эффективно реализовывать свою воспроизводственную функцию тоже должно с необходимостью принимать комплексный и системный характер. И любой сбой в этом отношении, любой перекос в практике образования ведет к нарушению нормального процесса воспроизводства. Достаточно вспомнить многолетние дискуссионные выражи вокруг проблемы «физики или лирики?», завершившиеся такой махровой технизацией нашего среднего и — в особенности — высшего образования, которые сегодня требуют почти чрезвычайных мер для восстановления его гуманитарного компонента.

2. Процесс воспроизводства общественного человека усложняется от эпохи к эпохе. Речь идет не только об увеличении количества воспроизводственных сфер, но и о принципиальных изменениях механизма воспроизводства, который становится все более опосредованным. В результате — исторически менялось соотношение между школой повседневной жизни и школой как учебным заведением. Пока образование было менее значимо по сравнению с непосредственным наблюдением за практикой родителей, сверстников, соседей и возможностью по сути дела без особой предварительной подготовки включаться в эту практику, оно — образование — оставалось на задворках общественной жизни. Но исподволь (а на некоторых этапах — и очень динамично) нарастал разрыв между поколениями не только в плане моральном и политическом, но и в плане производственно-профессиональном: научно-технический прогресс в корне меняет многие традиционные технологические процессы

да к тому же порождает новые профессии, которые еще вчера обществу были неизвестны. От вступающих в самостоятельную жизнь в связи с этим требуется не только специальная профессиональная подготовка, но и грамотность и необходимый общекультурный уровень. Образование выходит на авансцену, видоизменяются цели образования и идеал образованности. Двадцатый век в этом отношении оказался переломным: еще в прошлом веке преобладала неграмотность (всеобщее начальное образование стало вводиться лишь в восьмидесятых годах XIX в. и только в развитых странах), сейчас же в мире грамотно более 80% населения.

3. По отношению к образованию в обществе, как правило, всегда существуют два «лагеря». С одной стороны, прогрессивная часть общества редко когда бывает удовлетворена существующей системой образования, с другой же стороны, не прекращают раздаваться голоса если не о ненужности образования («собрать все книги бы, да сжечь»), то, по крайней мере, о его избыточности. Между тем исторический опыт свидетельствует, что избыточного образования не бывает, ибо обществу каждый раз для очередного социально-экономического и научно-технического взлета требуется солидный «запас» образованности. После запуска Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли (1957) президент США создал специальную комиссию, и она пришла к выводу, что основа советского приоритета в освоении космоса заложена в оптимальной системе образования, прежде всего в его всеобщности, позволяющей легче находить ньютонов и ломоносовых. На основе этого была задумана и осуществлена самая крупная в истории США реформа образования¹. Специалисты, изучавшие истоки послевоенного «японского чуда», также высоко оценили предваряющую роль образованности населения в его свершении.

Не может быть избыточным для общества и высшее образование. Хотя, как справедливо заметил Торстейн Веблен, «высшее образование в стадии его зарождения является занятием праздного класса»², но даже в тех условиях оно не являлось

¹Обидно, что именно в эти годы мы начали неоправданную экономию на просвещении и быстро сошли с «пьедестала почета». С 60-х годов в США доля расходов на образование быстро увеличивалась, у нас постепенно снижалась: в 1950 г. она составляла в СССР 10% национального дохода, в США — только 4%. Сегодня США тратят 12%, а мы только 7%. (Мировая экономика и международные отношения. — 1990. — № 7. — С. 38.)

²Веблен Торстейн. Теория праздного класса. — М., 1984. — С. 337.

избыточным, а реализовывало прогрессивную функцию формирования такой социальной группы, которая в силу своей образованности может двигать вперед все стороны общественной жизни. Речь, разумеется, идет об интеллигенции.

Хотя слово «интеллигенция» по своему корню латинского происхождения (*intelligens* — понимающий, мыслящий, разумный), но своим рождением в качестве термина оно обязано русскому писателю П.Д.Боборыкину (60-е годы XIX в.) и уже затем из русского языка перешло в другие языки.

Почему интеллигенция не класс? Давайте вспомним основной классовобразующий признак — отношение к средствам производства. Подавляющее большинство интеллигентов, конечно, не владеет средствами материального производства, если же отдельные интеллигенты и владеют, то уже не как интеллигенты, а в принципиально ином социальном качестве, делающем их представителями определенного класса. В то же время было бы неправильно определять интеллигенцию как класс эксплуатируемых только на том основании, что она не является владельцем средств производства. Положение различных отрядов интеллигенции в этом отношении весьма различно. Если говорить о представителях так называемых свободных профессий (писатели, художники, артисты и т.д.), то они в меру своего таланта являются во многих странах владельцами интеллектуальной собственности, но если иметь в виду интеллигенто-служащих (например, отряд инженерно-технической интеллигенции), то они очень близки по основным социально-экономическим параметрам к классу наемных рабочих. В целом же интеллигенция ни в одном обществе, — а она существует, начиная с эпохи рабовладения, — не является классом, ибо не занимает самостоятельного места в системе материального производства.

В каком смысле интеллигенция является слоем? Конечно, это не внутриклассовый слой. Не занимая, как мы только что выяснили, самостоятельного места в системе материального производства, интеллигенция в то же время обслуживает интересы каждого из классов — производственные, идеологические, политические. Есть и такие отряды интеллигенции, которые обслуживают интересы общества в целом: в науке, управлении, образовании, здравоохранении, обороне страны, искусстве.

В нашей философской и социологической литературе широко была распространена и версия, согласно которой интелли-

генция является прослойкой. Прослойкой чего? Возможны, очевидно, два варианта ответа.

А. Прослойка между классами, скажем, в капиталистическом обществе между буржуазией и рабочими. В таком случае интеллигенция должна выполнять либо роль буфера между основными классами, либо являться каким-то переходным от одного к другому, маргинальным образованием. Отметим, что в истории ничего подобного не наблюдалось и не наблюдается.

Б. Прослойка внутри каждого из классов. Казалось бы, для положительного ответа на этот вопрос есть внушительные основания, поскольку, как мы видели, существуют отряды интеллигенции, «специализирующиеся» на обслуживании конкретного класса, реализации его интересов в той или иной сфере. Известно, например, что три российских революции подготавливались идеологически и осуществлялись под политическим руководством довольно многочисленной интеллигенции т.н. народнического толка. В плане социально-экономическом эта интеллигенция отнюдь не может быть причислена ни к крестьянам, ни к рабочим. Другое дело — план духовно-психологический. Народническая по своим чаяниям и устремлениям интеллигенция (в том числе и марксисты) многое впитала из менталитета народных масс. Как отмечали в свое время авторы «Вех», это и любовь к уравнительной справедливости, доминирование интересов распределения и уравнивания над интересами производства и творчества, и «утилитарно-аскетическое отношение к философии» и другим духовным ценностям и т.д.¹ Но выступая в качестве идеологов масс, эти интеллигенты отнюдь не превращались в какой-то слой (прослойку) соответствующего класса, ибо, как заметил однажды Маркс, чтобы выразить интересы лавочников, необязательно самому быть лавочником.

Таким образом, интеллигенция не является ни классом, ни внутриклассовым слоем, ни межклассовой прослойкой. Как же в таком случае нам определить интеллигенцию, ее место в социальном пространстве? Очевидно, *интеллигенция есть многослойная общность людей, профессионально занимающихся умственным, по преимуществу сложным, творческим трудом*. Из этого определения следует, что интеллигенция является одновременно и профессиональной, и образовательной общностью. Это — общность людей с высоким образовательным уровнем, ибо такого уровня требует сам характер их труда. В силу этого именно

¹См.: Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1990. — С. 2, 3, 8 и др.

в интеллигенции сосредоточен основной интеллектуальный потенциал общества. И общество, которое, не понимая этого, с пренебрежением относится к своей интеллигенции, не имеет перспектив.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что следует понимать под социальной структурой общества?
2. По каким признакам мы различаем такие социально-этнические общности как «нация» и «народность»?
3. Грозит ли человечеству сплошная урбанизация либо сплошная рурализация?
4. Как связаны классы с экономическим базисом общества?
5. Каковы, на Ваш взгляд, наиболее значимые страты в сегодняшнем российском обществе?
6. Почему интеллигенция ни в одном обществе не является самостоятельным классом?

Глава шестая

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ КРУПНОМАСШТАБНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

В этой главе читатель чуть ли не с самого начала столкнется с некоторыми повторами. И это связано не только и не столько с тем, что *repetitio est mater studiorum*. Раскрыв содержание основополагающих понятий, мы можем осмыслить фундамент социального здания и на этой основе выявить крупномасштабные стадии исторического развития. К таким основным понятиям относятся «производительные силы», «производственные отношения», «технологический способ производства», «этническая структура общества», «демографическая структура общества» и др. В свою очередь, разобравшись с проблемой крупномасштабного членения исторического процесса, мы сможем более глубоко понять происхождение и сущность других компонентов социума.

К истории вопроса К выводу о необходимости и возможности определения конкретных ступеней развития общества, повторяющихся у всех или многих народов, мыслители приходили издавна, начиная с античных времен.

Происходило это по двум причинам.

Во-первых, их выделение было связано нередко с такими целями, которые сегодня принято называть идеологическими, т.е. с попытками обоснования проекта «идеального общества». Уже у Платона мы встречаем вычленение таких этапов, как естественное или природное (дообщественное) состояние, общественное состояние (не отвечающее природе человека) и разумное — или идеальное — общество будущего. В типологизации общественных систем нередко брали верх и политические симпатии. Как показал известный английский историк Р.Дж.Коллингвуд, даже в XVI в. в исторической науке еще была принята схема периодизации по четырем Империям (Восточной, Греческой, Римской и Германской), схема, основываю-

щаяся не на точном осмыслении фактов, а на произвольном толковании Книги Даниила — одной из пророческих книг Ветхого Завета¹.

Во-вторых, необходимость научной периодизации обуславливалась накоплением исторического материала. Итальянскими историками-гуманистами XV—XVI вв. были выделены античная, средневековая и новая всемирно-исторические эпохи. Сен-Симон углубил эту периодизацию, связав каждую из эпох с определенной экономической системой: античную — с рабством, средневековую — с феодализмом и новую — с «промышленной» системой, основанной на наемном труде. Фурье дополнил эту периодизацию ступенью эдемизма («райской первобытности»), а поскольку социалисты-утописты страстно верили в переход человечества к высшей, гармоничной ступени своего развития — к социализму, то фактически в их трудах в своем первоначальном виде выступила пятичленная схема исторического процесса. Правда, скорее в виде гениальной догадки, но отнюдь не научно обоснованной теории.

1. Формационный срез истории

Общественно-экономическая формация

Новая страница в истории решения рассматриваемой проблемы связана с теорией общественно-экономических формаций К.Маркса и Ф.Энгельса, сумевших выделить из всего кажущегося хаоса социальных отношений отношения материальные, а внутри них прежде всего экономические, производственные в качестве первичных. В связи с этим выяснились два чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, оказалось, что в каждом конкретном обществе производственные отношения не только образуют само по себе более или менее целостную систему, но и в свою очередь являются базисом, фундаментом всех остальных общественных отношений и социального организма в целом. Во-вторых, обнаружилось, что производственные отношения в истории человечества существовали в нескольких основных типах — первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, причем каждый последующий развивался из предыдущего. Поэтому все конкретные общества, несмотря на очевидные разли-

¹См.: Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980. — С. 57.

чия между собой (например, афинское, римское, вавилонское, египетское) относятся к одной и той же ступени исторического развития (рабовладельческой), если они в качестве своей экономической основы имеют один и тот же тип производственных отношений. В результате все наблюдавшееся в истории множество социальных систем было сведено к нескольким основным типам, получившим название общественно-экономической формации.

В последнее время в связи с дискуссиями в исторической науке, о которых подробно будет говориться ниже, встречаются попытки доказать, что К.Маркс, создавая теорию формаций, следовал сен-симоновской и контовской методологии, что он просто переименовал в азиатский, античный и феодальный способы производства то, что представлялось Гегелю и Сен-Симону стадиями цивилизации с точки зрения эталонно-правового подхода к процессу ее развития. Титанический же труд К.Маркса и Ф.Энгельса по «перелопачиванию» всемирно-исторического опыта, их критический подход к анализу предшествующей историографии и социологии совершенно сбрасывается со счетов. А между тем именно результатом такого труда явилось принципиально новое и для историографии, и для социальной философии понятие *общественно-экономической формации*.

Основные элементы формации

Фундамент каждой общественно-экономической формации составляют определенные *производительные силы*, их характер и уровень.

Стоит, наверно, заметить, что в нашей философской и исторической литературе в течение десятилетий под фундаментом общественно-экономической формации понимался экономический способ производства в целом и, таким образом, происходило вольное или невольное смешение фундамента с базисом. Интересы же научного анализа исторического процесса требуют разведения этих понятий, тем более, что производительные силы в существенной своей части (в лице технико-технологического компонента) лежат, как мы увидим, в основании другого среза крупномасштабного членения исторического процесса — цивилизованного.

Что же касается *базиса* общественно-экономической формации, то таковым являются *производственные отношения*, т.е., напомним, отношения между людьми, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ под воздействием характера и уровня развития

производительных сил. В условиях классового общества сущностью и ядром производственных отношений становятся экономические отношения между классами. На этом базисе и вырастает все здание общественно-экономической формации.

Каковы же основные элементы, позволяющие представить общественно-экономическую формацию как целостный, живой организм? Сразу же оговоримся, что мы воспроизводим традиционную схему, в которую в дальнейшем будут внесены назревшие уточнения.

Во-первых, производственные отношения определяют собой возвышающуюся над ними *надстройку*, т.е. совокупность политических, правовых, моральных, художественных, философских, религиозных взглядов общества и соответствующих этим взглядам отношений и учреждений. Именно по отношению к надстройке, равно как и к другим внеэкономическим элементам формации, производственные отношения выступают как экономический базис общества.

Во-вторых, в состав формации включаются *этнические формы общности людей* (род, племя, народность, нация), детерминированные в своем возникновении, эволюции и исчезновении обеими сторонами способа производства — как характером производственных отношений, так и ступенью развития производительных сил.

В-третьих, в состав формации входит *тип и форма семьи*, которые также на каждом историческом этапе предопределены обеими сторонами способа производства, хотя, как мы видели, не только ими. Точно так же, двояким образом — и со стороны экономического, и со стороны технологического способа производства — предопределяются в этнические формы общности людей.

Попытаемся теперь представить структуру общественно-экономической формации схематически (рис. 12).

Некоторые пояснения к схеме. «Темные» стрелки вверх означают определяющее воздействие производительных сил на производственные отношения, экономического базиса на надстройку и т.д. «Светлые» стрелки вниз показывают активное обратное воздействие надстройки на экономический базис, производственных отношений на производительные силы. Политическая часть надстройки в схеме расположена в центре и несколько возвышается над остальными элементами надстройки. Это отражает тот реальный факт, что в классовом обществе политические взгляды, учреждения и отношения действитель-

но являются центральной частью надстройки и оказывают решающее воздействие на все остальные ее элементы. Все эти элементы в схеме расположены так, чтобы отразить степень их связи с экономическим базисом. Наиболее прямо и непосредственно отражает сущность производственных отношений и изменения в них политическая надстройка. Затем идут моральная и правовая часть надстройки, которые частично отражают экономический базис «напрямую», частично же опосредовано — через политическую надстройку. Еще более опосредованной является связь искусства с экономическим базисом. Наиболее удалены от экономического базиса философия и религия.

Рис. 12

В итоге можно сказать, что общественно-экономическая формация есть общество на определенной ступени исторического развития, характеризующееся специфическим экономическим базисом и соответствующими ему политической и духовной надстройкой, историческими формами общности людей, типом и формой семьи.

**Существует ли
«чистая»
формация?**

Оппоненты формационной парадигмы нередко заявляют, что понятие общественно-экономической формации является — де просто «мыслительной схемой», если не фикцией. Основанием для подобного обвинения служит тот факт, что в своем «чистом» виде ни в одной стране общественно-экономическая формация не обнаруживается: всегда присутствуют такие общественные связи и учреждения, которые принадлежат другим формациям. А раз так, делается вывод, то и само понятие общественно-экономической формации теряет свой смысл.

Разумеется, не бывает абсолютно «чистых» формаций. Не бывает потому, что единство общего понятия и конкретного явления всегда противоречиво. Так обстоит дело и в естествознании. «Разве понятия, господствующие в естествознании, становятся фикциями оттого, что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью?» — спрашивал Ф.Энгельс. — «С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только приближенно соответствуют действительности... в тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию»¹. Но точно так же обстоит дело и в истории. «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией оттого, что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге»².

В этих рассуждениях Энгельса, по сути дела, дан ответ на вопрос: «Почему не бывает чистых формаций?» / Не бывает прежде всего потому, что любое конкретное общество всегда находится в процессе развития. В связи с этим в любом конкретном обществе наряду с отношениями и учреждениями, которые определяют лицо, облик господствующей формации, могут суще-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 39. — С. 357.

²Там же. — С. 356.

ствовать и, как правило, существуют остатки старых или зародыши новых формаций. Необходимо также учитывать несовпадение хозяйственного, социально-политического и культурного уровней развития отдельных стран и регионов, что также обуславливает внутриформационные различия и отклонения от «эталона». В общем, один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств¹.

**Единство
и многообразие
истории человечества**

Учение об общественно-экономической формации дает ключ к пониманию единства и многообразия истории человечества.

Единство исторического процесса выражено прежде всего в последовательной смене общественно-экономических формаций друг другом. Это единство проявляется также и в том, что все социальные организмы, имеющие своей основой данный способ производства, с объективной необходимостью воспроизводят и все другие типичные черты соответствующей общественно-экономической формации. Но поскольку между логическим, теоретическим, идеальным, с одной стороны, и конкретно-историческим, с другой, всегда неизбежно расхождение, то развитие отдельных стран и народов отличается также и значительным *многообразием*. Основные его проявления:

1. Обнаруживаются локальные особенности и даже разновидности формационного развития отдельных стран и даже целых регионов. Можно напомнить, например, в связи с этим о неоднократных дискуссиях у нас и за рубежом по вопросу о так называемом *азиатском способе производства*. Думается, что вряд ли можно говорить о каком-то особом, шестом способе производства, но одно несомненно: в основе дискуссий лежали весьма существенные особенности исторического развития стран Азии и Африки, а учет этих особенностей сегодня как никогда важен в связи с поисками прогрессивными силами этих стран путей социальных преобразований.

¹См. об этом: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. — М., 1956. — Т. 2. — С. 332.

2. Есть своя специфика и у конкретных переходных эпох от одной общественно-экономической формации к другой. Скажем, революционный по своей сути переход от феодализма к капитализму в одних странах осуществлялся и по форме революционно, а в других (Россия, прусская часть Германии, Япония) происходил в эволюционной форме.

3. Не каждый народ проходит обязательно через все звенья «пятичленки». Восточные славяне, арабы, германские племена миновали в свое время рабовладельческую формацию; пытаются сегодня «перешагнуть» через серию классово-антагонистических формаций или по крайней мере через две из них (рабовладение, феодализм) многие народы Азии, Африки, Латинской Америки.

Научное понимание естественно-исторического процесса включает в себя не только признание его объективности, но и признание его *неравномерности* на определенных ступенях развития общества. С одной стороны, действие этого закона вызвало отставание социального прогресса в большой группе стран. С другой стороны, именно действие этого закона ускорило созревание условий для перехода к более прогрессивной формации в ряде других стран, в известной степени обусловило возможность перенятия их опыта и использования их помощи.

Так называемый нагон исторического отставания — наглядное проявление неравномерности развития¹. Правда, для рабовладельческого строя и феодализма такие скачки еще не были типичными: страна, раз вырвавшаяся вперед, надолго сохраняла свое первенство. Много веков понадобилось германцам и восточным славянам для того, чтобы в недрах первобытнообщинного строя достигнуть соответствующего уровня производительных сил и почти одновременно с двумя римскими империями перейти к феодальному способу производства.

Преодоление отставания уже на этих ступенях становится возможным только благодаря усвоению опыта более передовых народов. Так, германцы смогли перейти к феодальному строю только благодаря усвоению исторического опыта Рима, а Киевская Русь — исторического опыта Византии. Усвоение исторического опыта в тогдашних условиях могло быть только критическим. Германцы, славяне, арабы не восприняли рабовладельческие производственные отношения, которые тогда уже были

¹См. об этом подробно: *Кративенский С.Э.* Парадоксы социальных революций. — Воронеж, 1992. — С. 41—51.

в стадии разложения, а, наоборот, сами перешли к более прогрессивному типу отношений — феодальному и ускорили подобный процесс в Риме, Византии, Сирии и Верхней Месопотамии.

Можно выявить следующие характерные закономерности преодоления исторического отставания:

1. Воспринимаемый отставшими народами *опыт должен быть* не «идеальным», лишь в голове мыслителей существующим представлением о более справедливом строе, а *материальным*, практически воплощаемым в жизнь в том или ином районе земного шара. Если такого практического опыта еще нигде нет, ни о каком предвосхищении его отставшими народами речи быть не может. Противоположное представление есть разновидность идеалистического объяснения истории, согласно которому «мнения правят миром». Такой точки зрения придерживались еще сен-симонисты, считавшие, что Франция может избежать повторения английского капитализма, воспользовавшись опытом капиталистической (!) Англии, правильно-де истолкованным ими, сен-симонистами. На подобной позиции стояли немецкие «истинные социалисты», русские народники и т.д.

2. Чтобы успешно миновать одну или несколько формаций, необходимо сочетание определенных внешних и внутренних факторов. Для многих концепций, в том числе и для теорий русских революционных демократов, была характерна метафизичность. Если А.И.Герцен абсолютизировал внутреннюю (самобытность), то Н.Г.Чернышевский полагал, что внешний фактор (в его примере опыт Англии) оказывает соответствующее воздействие на Новую Зеландию вне всякой связи с внутренней почвой для подобного воздействия. В действительности же внешнее может наложиться лишь на соответствующим образом подготовленное к этому внедрению внутреннее. А.Фергюссон писал: «Когда нации действительно делают заимствования у своих соседей, они, возможно, заимствуют лишь то, что были в состоянии изобрести. Поэтому характерная сторона жизни какой-либо страны редко переносится в другую страну до тех пор, пока почва для этого не будет подготовлена наличием сходных условий». В этой связи в нашей литературе справедливо отмечалось, что, как выясняется, даже при одинаковом уровне развития обществ-реципиентов по-разному, сказываются влияния в разных сферах культуры и деятельности — материальной, социальной, духовной¹.

¹Первобытная периферия классовых обществ до Великих географических открытий. — М., 1978. — С. 8.

Современные споры вокруг «пятичленки»

Баталии по вопросу о крупномасштабном членении исторического процесса в последние годы превратились в междисциплинарные, привлекая к себе внимание историков, философов, экономистов. Свидетельством тому стали итоговые монографии, а также многочисленные статьи, обзоры дискуссий и «круглых столов», появившиеся в 1989—1993 гг. в журналах «Вопросы философии», «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», «Философские науки», «Экономические науки» и др.

Интерес к данной проблематике, затрагивающей глубинные методологические основы исторического познания, был велик всегда. Вспомним хотя бы «извечный» спор марксистов со сторонниками «идеальных типов» Макса Вебера. Но в заключительной трети двадцатого века этот интерес обострился, что обусловлено целым комплексом причин. Обозначим наиболее существенные из них.

Во-первых, это дискуссии, прокатившиеся в разное время в исторической науке в связи с ее конкретными проблемами.

Такой характер носила *дискуссия о так называемом азиатском способе производства* (вернее, ее новый всплеск, относящийся к шестидесятым годам, поскольку первый этап дискуссии состоялся еще в двадцатые годы). В ходе дискуссии выявились, на наш взгляд, четыре существенно отличающиеся друг от друга точки зрения по вопросу о конкретно-историческом содержании азиатского способа производства¹. Вкратце излагая их, постараемся «вынести за скобки» те общие моменты, которыми они объединяются независимо от воли авторов.

Первая точка зрения. Азиатский способ производства есть сочетание полуфеодальной (отсутствует крепостничество) эксплуатации непосредственных производителей с патриархальным, неразвитым рабством².

Вторая точка зрения. Азиатский способ производства есть способ производства, базирующийся на системе сельских общин. При этом авторы соглашались с Марксом, считавшим общину переходной фазой от первичной формации (основанной

¹См. об этом подробно: Крапивенский С.Э. Особая формация или переходное состояние общества // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 2.

²См.: Варга Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. — М., 1964. — С. 370.

на общей собственности) ко вторичной формации, основанной на частной собственности¹.

Третья точка зрения. Азиатский способ производства есть особая, присущая Древнему Востоку антагонистическая общественно-экономическая формация — кабальная, противоречиво соединяющая в себе признаки рабства, феодализма и наемного труда².

Четвертая точка зрения. Азиатский способ производства имеет общеисторическое значение и существовал повсюду как переходная стадия от первобытного коммунизма к классовому обществу (Ж.Сюре-Каналь, М.Годелье).

Итак, что «выносится за скобки», читателю, очевидно, вполне ясно: при всем различии в трактовке реально-исторического содержания понятия «азиатский способ производства» все исследователи вольно или невольно признают его переходный характер. Но можно ли приписывать всей формации, всему способу производства переходный характер? Не смешивается ли во всех этих случаях формация с периодом перехода к ней, с эпохой ее становления? Нам представляется, что именно так и обстоит дело. Ведь если азиатский способ производства действительно существовал (именно как способ производства, как самостоятельная и качественно отличная от других формация), то тогда мы вправе говорить еще о нескольких «переходных» способах производства в истории человечества. Почему бы нам тогда вслед за «каболовладельческим» (азиатским) способом производства не открывать «колонатный», расположив его между рабовладельческим и феодальным, или, скажем, «первоначально-накопительный» — между феодальным и капиталистическим? Наши знания о количестве формаций «обогащаются», но не искажаются ли при этом наши представления о качестве формаций, их сущности, их взаимосвязи, их переходе в другие? Не приведет ли это к абсолютизации граней, разделяющих формации?

Определенное стимулирующее значение для разработки анализируемой проблемы имела и многолетняя *дискуссия о рабовладении и феодализме как единой формации*. Сторонники «единой формации» выдвигают прежде всего тот аргумент, что между техникой конца рабовладения и техникой раннего Средневеко-

¹См.: *Тер-Акопян Н.Б.* Развитие взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину // Народы Азии и Африки. — 1965. — №№ 2, 3.

²См.: *Семенов Ю.Н.* Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // Народы Азии и Африки. — 1965. — № 4.

вья нет никакой принципиальной разницы. То место, которое занимает принцип техницизма в этой методологической концепции, вполне объяснимо. Ведь историки техники до сих пор не ответили на вопрос, какая техническая революция или, по крайней мере, качественно новый технический уровень послужил исходным пунктом кризиса рабовладельческих производственных отношений. Именно эти затруднения и пытаются использовать сторонники концепции «единой формации». При этом предаются забвению те чрезвычайно важные обстоятельства, что (1) производительные силы включают в себя не только технику, но и человека, причем в качестве главной производительной силы, а (2) в понятие «ступень развития производительных сил» наряду с характером и уровнем входят также и потребности их развития. Переход к новой, феодальной формации стал исторической необходимостью потому, что раб как производитель материальных благ уже не отвечал потребностям развития производительных сил. Таким образом, в данной исторической ситуации принципиальное изменение статуса работника являлось первейшей предпосылкой качественного изменения технического уровня производства, а не наоборот.

И второе замечание по поводу этой дискуссии. На основании даже заслуживающего полного доверия конкретно-исторического материала все же неправомерно делать те обобщающие методологические выводы, которые мы находим у сторонников рассматриваемой концепции. Иначе говоря, если даже границы между рабовладением и феодализмом в Китае (равно как в Индии, Иране) оказываются достаточно размытыми, то из этого отнюдь не следует, что во всемирной истории вообще никогда и нигде не существовало относительно самостоятельных рабовладельческой и феодальной формаций. Воюя против догматизма, подгона конкретно-исторического материала под железную схему (европоцентристскую), нелогично предлагать читателю другую схему (восточноцентристскую), явно претендующую на предельно обобщающий характер. Применение же двухформационного подхода позволяет лучше понять этапы исторического развития и тех стран, где границы между двумя формациями оказались достаточно размытыми.

Интерес к проблеме крупномасштабного членения исторического процесса в последние шесть-семь лет превратился в самый настоящий бум и по причине незатихающего обсуждения как в научных кругах, так и широкой общественностью животрепещущего вопроса: что есть социализм? Представляет

ли он реальную, уже существующую, либо потенциально возможную формацию (фазу формации) или, в лучшем случае, это лишь идеал, своего рода асимптота, т.е. кривая, которая бесконечно приближается к прямой, но никак не может с ней слиться?

По мере последовательного подключения каждой из указанных причин в дискуссионном процессе происходили отнюдь не только количественные изменения: он восходил на принципиально новый этап. И если на первом этапе речь шла о некоторых, хотя и существенных, уточнениях теории общественно-экономических формаций, то на нынешнем этапе ставится под сомнение истинность этой теории в целом, ее право выступать в качестве парадигмы, положенной в основание соответствующего понимания истории.

Иногда пытаются развести эти два этапа под углом зрения вопросов «сколько было формаций?» и «что такое формация?», рассматривая ответ на первый как прерогативу исторической науки, а ответ на второй как прерогативу социальной философии. Такой подход представляется сугубо упрощенным, ибо количество формаций и их качество органически связаны. Как уже подчеркивалось выше (в связи с дискуссией об азиатском способе производства), «обогащение» наших знаний о количестве формаций может сопровождаться искажением представлений о их качестве.

Сказанное выше отнюдь не означает, что формационная парадигма лишена каких-либо недостатков, в том числе и весьма существенных. Но если верно изречение «*omnia cognoscitur per comparationem*», то недостатки эти могут быть лучше поняты, очевидно, в ходе сравнения формационной парадигмы с другой, противостоящей ей. В такой оппозиции по отношению к концепции формаций в настоящее время находится цивилизационный подход к крупномасштабному членению исторического процесса.

К анализу цивилизационной парадигмы мы сейчас и переходим.

2. Цивилизационный срез истории

Что такое
цивилизация?

Забегая несколько вперед, отметим, что лейтмотивом многих выступлений сегодня является стремление заменить формационный подход к крупномасштабному членению исторического процесса на цивилизационный. В наиболее четком виде

эта позиция излагается ее сторонниками следующим образом: «превратить понятие цивилизация, которым историография до сих пор оперировала только как инструментом описательным, в ведущую (высшую) парадигму исторического познания»¹.

Так что же такое цивилизация?

Сам термин «цивилизация» (от лат. *civilis* — гражданский, государственный) до сих пор не имеет однозначного толкования. В мировой исторической и философской (в том числе футурологической) литературе он употребляется в четырех смыслах.

1. Как синоним культуры. Например, у А.Тойнби и других представителей англо-саксонских школ в историографии и философии.

2. Как определенная стадия в развитии локальных культур, а именно стадия их деградации и упадка. Вспомним нашумевшую в свое время книгу О.Шпенглера «Закат Европы».

3. Как ступени исторического развития человечества, следующие за варварством. Такое понимание цивилизации мы встречаем у Л.Моргана, вслед за ним у Ф.Энгельса, сегодня у А.Тоффлера (США).

4. Как уровень (ступень) развития того или иного региона либо отдельного этноса. В этом смысле говорят об античной цивилизации, цивилизации инков и т.п. Мы видим, что эти понимания в одних случаях в значительной степени накладываются и дополняют друг друга, а в других — являются взаимоисключающими.

Для того, чтобы определиться с понятием цивилизации, необходимо, очевидно, предварительно проанализировать ее наиболее существенные черты.

Во-первых, цивилизация есть *собственно социальная организация общества*. Это означает, что переходная эпоха, скачок от животного царства к социуму завершен; организация общества по кровно-родственному принципу сменилась организацией его по соседско-территориальному, макроэтническому принципу; законы биологические отошли на второй план, подчинившись в своем действии законам социологическим.

Во-вторых, цивилизация с самого начала характеризуется прогрессирующим общественным разделением труда и развитием информационно-транспортной инфраструктуры. Разумеется, речь идет не об инфраструктуре, свойственной современной вол-

¹Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. — 1990. — № 5. — С. 71.

не цивилизации, но к концу варварства прыжок от родо-племенной изолированности уже был совершен. Это позволяет характеризовать цивилизацию как социальную организацию со всеобщей связью индивидов и первичных общностей.

В-третьих, целью цивилизации является воспроизводство и приумножение общественного богатства. Собственно говоря, сама цивилизация родилась на базе появившегося (в результате неолитической технической революции и резкого роста производительности труда) прибавочного продукта. Без последнего было бы невозможно отделение труда умственного от труда физического, появление науки и философии, профессионального искусства и т.д. Соответственно под общественным богатством следует понимать не только его вещественно-материальное воплощение, но и ценности духовного порядка, в том числе и свободное время, необходимое индивиду и обществу в целом для их всестороннего развития. В состав социального богатства входит и культура общественных отношений.

Суммируя выделенные черты, можно согласиться с определением, согласно которому цивилизация есть собственно социальная организация общества, характеризующаяся всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства¹.

Несколько слов об основаниях (базисах) формаций и цивилизаций, о «водоразделе» между ними. Вопрос этот до сих пор является дискуссионным, но, очевидно, надо исходить из того, что и в том, и в другом случае базис представляет собой несомненно материальное образование, хотя и принадлежат они к разным сферам общественного бытия: в фундаменте цивилизации в целом и каждой из ее ступеней лежит технико-технологический базис, в связи с чем резонно говорить о трех ступенях (волнах) в развитии цивилизации — земледельческой, индустриальной и информационно-компьютерной². В основе же формации — базис экономический, т.е. совокупность производственных отношений.

Подчеркивая роль технико-технологического базиса цивилизации, отнюдь не следует непосредственно и только из него выводить все, что характеризует данное конкретное общество. В реальном же историческом процессе все обстоит гораздо слож-

¹См.: Цивилизация как проблема исторического материализма. — М., 1983. — Ч. 1. — С. 8.

²О волнах цивилизации см.: Тоффлер А. Третья волна // США: экономика, политика, идеология. — 1982. — №№ 7—11.

нее, ибо в фундаменте социума наряду с технико-технологическим базисом присутствуют (и занимают достойное место) также природные (включая демографические) условия жизни общества и этнические, вообще конкретно-исторические особенности жизни и развития данного общества. Все это в совокупности своей и составляет реальный фундамент жизнедеятельности социума как системы. Элиминируя из интерпретации исторического процесса какой-либо из указанных компонентов, мы либо искажаем картину, либо вообще вынуждены отказаться от решения конкретной проблемы.

Как, например, объяснить почему при одном и том же в принципе технико-технологическом базисе мы обнаруживаем серьезно отличающиеся друг от друга варианты исторического развития?

Почему, скажем, в большинстве регионов земного шара возникновение государства явилось следствием зашедшего уже далеко процесса классовообразования, а в некоторых заметно опережало этот процесс? Очевидно, при прочих равных условиях и прежде всего при одном и том же технико-технологическом базисе, налицо какой-то дополнительный фактор, определяющий специфику рассматриваемого явления. В данном случае в качестве дифференцирующего фактора выступали природно-климатические условия, предопределяющие необходимость централизованных усилий по сооружению и эксплуатации крупных ирригационных систем. Здесь государство выступало первоначально прежде всего в своей хозяйственно-организаторской ипостаси, в то время как в других регионах все начиналось с функции классового подавления.

Или почему (тоже при равных условиях) отличаются друг от друга исторические пути разных социально-этнических общностей? Было бы опрометчиво сбрасывать со счетов этнические особенности народов. В частности, при всем неприятии в целом концепции этногенеза и понимания сущности этноса у Л.Н. Гумилева нельзя не заметить то рациональное зерно, которое содержится в его суждениях о пассионарности как мере энергетического наполнения, активности и сопротивляемости этноса внешним воздействиям¹. Не менее опрометчиво сбрасывать со счетов и исторические особенности развития исследуемого социума. Это замечание справедливо и при решении проблем современности, прогнозировании успеха или неуспеха

¹См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990. — Ч. 6. — Пассионарность в этногенезе.

предпринимаемых реформ. Так, оптимизм в отношении судьбы нынешних политических и экономических реформ у нас значительно уменьшается, как только мы начинаем хоть мало-мальски учитывать собственное историческое наследство. Ведь главное, очевидно, не в том, от какого наследства мы сможем отказаться в ходе реформ, главное в том — от какого отказаться не сможем. А в нашем наследии и многовековые пласты патриархально-коммунистического, общинного менталитета с его как отрицательными, так и положительными моментами; и массовидный конформизм, вошедший в плоть и кровь в последние несколько десятилетий; и не менее массовидное непослушание; отсутствие сколько-нибудь значимых демократических традиций и многое другое.

Все три рассмотренных компонента фундамента рефлексированы общественной психологией, и это отражение оказывается необходимым связующим звеном между фундаментом общественной жизни и складывающимися на этой основе производственными отношениями, экономическим базисом. Таким образом, неполнота традиционной схемы формации обнаруживается не только в элиминации из фундамента таких важных кирпичей, как природные (в том числе демографические) условия и этнические (вообще исторические) особенности, но и в игнорировании социально-психологического компонента общественного развития: базис и надстройка оказываются связанными непосредственно.

**Сущность
цивилизационного
подхода**

В свете всего сказанного становится ясным и смысл цивилизационного подхода — построить типологию общественных систем, исходящую из определенных, качественно различающихся между собой технико-технологических базисов.

Длительное игнорирование цивилизационного подхода серьезно обедняло нашу историческую науку и социальную философию, мешало понять многие процессы и явления. Восстановление в правах и обогащение цивилизационного подхода позволит сделать наше видение истории более многомерным.

Общей тенденцией развития цивилизации является наращивание интеграционных тенденций в обществе — тенденций, которые нельзя вывести прямо и только из законов функционирования и развития той или иной формации. В частности, вне цивилизационного подхода невозможно понять сущность и специфику современного западного общества, равно как нельзя дать истинную оценку дезинтеграционным процессам, развер-

нувшись в масштабе бывшего СССР и Восточной Европы. Это тем более важно, что данные процессы многими выдаются и принимаются за движение к цивилизации.

Из сущности и структуры общественно-экономических формаций не могут быть прямо выведены и конкретные исторические формы организации общественного хозяйства (натуральное, натурально-товарное, товарное, товарно-плановое), поскольку формы эти непосредственно определяются, как мы видели, технико-технологическим базисом, лежащим в основе цивилизации. Сопряжение форм организации общественного хозяйства с волнами (ступенями) цивилизации позволяет понять, что натурализация экономических отношений в любых исторических условиях не есть движение вперед, по линии развития цивилизации: перед нами попятное историческое движение.

Цивилизационный подход позволяет понять генезис, характерные черты и тенденции развития различных социально-этнических общностей, которые опять-таки не связаны напрямую с формационным членением общества.

При цивилизационном подходе обогащаются и наши представления о социально-психологическом облике данного конкретного общества, его менталитете, причем активная роль общественного сознания предстает более рельефно, ибо многие черты этого облика являются отражением технико-технологического базиса, лежащего в основе той или иной ступени цивилизации.

Цивилизационный подход вполне согласуется с современными представлениями о культуре как внебиологическом, чисто социальном способе деятельности человека и общества. Более того, цивилизационный подход позволяет рассматривать культуру во всем ее объеме, не исключая ни одного структурного элемента. С другой стороны, сам переход к цивилизации может быть понят только с учетом того, что он явился узловым пунктом формирования культуры.

Таким образом, *цивилизационный подход позволяет глубоко вникнуть в еще один очень важный срез исторического процесса — цивилизационный.* Схематически этот срез на его нижних этажах в масштабе любой из ступеней цивилизации можно представить следующим образом (см. рис. 13).

**Хроническое
отставание
марксизма**

Чем объясняется хроническое отставание марксизма в разработке и использовании цивилизационного подхода?

Очевидно, тут действовал целый комплекс причин.

ТИП И ФОРМА СЕМЬИ	ЭКОЛОГИЧЕ- СКИЕ ОТНО- ШЕНИЯ	ФОРМА ОРГА- НИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕН- НОЙ ЖИЗНИ	СОЦИАЛЬНО- ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ			
Естественные, в т. ч. демографи- ческие условия данного общества	ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ		Этнические и исторические особенности развития

Рис. 13

А. Марксизм формировался в весьма значительной степени как европоцентристское учение, о чем предупреждали и сами его основоположники. Изучение истории в ее цивилизационном срезе предполагает применение компаративного метода в качестве важнейшего, т.е. сравнительный анализ различных, зачастую непохожих друг на друга локальных цивилизаций. Поскольку же в данном случае в центре внимания оказался один регион, представляющий собой единство по происхождению и по современному (имеется в виду XIX в.) состоянию, цивилизационный аспект анализа вынужденно оказался в тени.

Б. Соглашаясь с Льюисом Морганом в отношении начального временного ограничителя цивилизации («эпохи, следующие за дикостью и варварством»), Ф.Энгельс в то же время ввел и конечный ограничитель: цивилизация — это то, что до коммунизма, это — серия антагонистических формаций. В плане исследовательском это означало, что Маркса и Энгельса интересовала непосредственно лишь та стадия цивилизации, из которой должен был возникнуть коммунизм. Вырванный же из цивилизационного контекста капитализм предстал и перед исследователем и перед читателем исключительно (или прежде всего) в своем формационном обличье.

В. Для марксизма, как отмечал в свое время Г.Маркузе, характерно гипертрофированное внимание к силам, дезинтегрирующим общество, при одновременной существенной недооценке сил интеграции, но ведь цивилизация по своему изначальному смыслу — движение к интеграции, к обузданию разрушительных сил. А раз это так, то и хроническое отставание марксизма в разработке цивилизационной концепции становится вполне объяснимым.

Г. Легко обнаруживается взаимосвязь с длительным «невниманием» марксизма к проблеме активной роли внеэкономических факторов. Отвечая по этому поводу оппонентам, Энгельс указывал, что материалистическое понимание истории формировалось в борьбе против идеализма, в силу чего ни у Маркса, ни у него в течение десятилетий не хватало ни времени, ни сил, чтобы уделять неэкономическим факторам (государству, духовной надстройке, географическим условиям и т.д.) такое же внимание, как и экономике. Но ведь лежащий в фундаменте цивилизации технико-технологический базис — это тоже неэкономическое явление.

3. К многомерному видению истории

Как уже отмечалось, в ходе современных дискуссий явно наметилась тенденция решать вопрос о перспективах применения и самой судьбе формационного и цивилизационного подходов по принципу «или — или». Во всех подобных концепциях историческая наука, по сути дела, исключается из сферы действия общенауковедческих закономерностей и, в частности, не подчиняется принципу соответствия, согласно которому старая теория не отрицается полностью, поскольку она обязательно чему-то соответствует в теории новой, представляет ее частный, предельный случай.

Возникшая в исторической науке и обществоведении в целом проблема может быть и должна быть решена по принципу «и — и». Необходимо целеустремленное исследование и нахождение такого *сопряжения* формационной и цивилизационной парадигм, которое может быть плодотворно применено к решению задачи крупномасштабного членения исторического процесса, что позволит сделать само видение истории более многомерным.

Каждая из рассматриваемых парадигм необходима и важна, но недостаточна сама по себе. Так, цивилизационный подход сам по себе не может объяснить причины и механизм перехода от одной ступени цивилизации к другой. Подобная недостаточность обнаруживается и при попытках объяснить, почему интеграционные тенденции в прошлой истории тысячелетиями, начиная с рабовладельческого общества, прокладывали себе путь в дезинтеграционных формах.

И «формационщики» и «цивилизационщики» обладают обширными возможностями для преодоления односторонности и

обогащения своих концепций. В частности, «формационщикам» наряду с задачей освобождения своей концепции от того, что не выдержало проверку временем, предстоит наверстать длившееся десятилетиями отставание марксизма в разработке проблем, связанных с цивилизацией.

**Сопряжение
формационного
и цивилизационного**

Взаимосвязь между формационным (с его экономическим базисом) и цивилизационным (с его технико-технологическим базисом) реальна и осязаема. Мы убеждаемся в этом как

только начинаем совмещать два линейных схематических изображения: процесса цивилизационного развития человечества и процесса его формационного развития (рис. 14). Прибегая к схемам, уместно вспомнить К.Ясперса: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты».

Формационное развитие	Первобытное общество		Рабовладение	Феодализм	Капитализм	→ Процессы социализации
Цивилизационное развитие	Ди-кость	Вар-варство	Земледельческая		Индустриальная	Информационно-компьютер.
Доцивилизацион. период			Волны цивилизации			

Рис. 14

В одних случаях, как мы видим, на одном и том же технико-технологическом базисе (земледельческой волны цивилизации) вырастают, последовательно сменяя друг друга, либо параллельно, у разных народов по-разному, — две принципиально отличные друг от друга общественно-экономических формации; в других же одна общественно-экономическая формация (капитализм) «не вписывается» во вроде бы положенную ей волну (индустриальную) и «вторгается» в следующую, пока свободную от обозначения, клеточку. Не проименована эта клеточка потому, что нигде в мире еще не вырисовывался четко и определенно формационный строй, следующий за капитализмом, хотя в развитых странах рельефно вырисовывались процессы социализации (что и обозначено на схеме стрелкой, вторгающейся в свободную клетку).

И все же существенное наложение друг на друга двух линейных рядов исторического развития схема позволяет обнаружить, хотя связь эта и не является жесткой, а тем более автоматической. Она опосредована, как будет показано ниже, целым рядом моментов (природных, этнических, наконец, социально-психологических). Не последнюю роль среди этих опосредствующих звеньев играет форма организации общественного хозяйства, детерминированная, как мы видели в предыдущей главе, технико-технологическим базисом данной волны цивилизации (см. рис. 14) в совокупности с соответствующей ему степенью общественного разделения труда и степенью развития информационно-транспортной инфраструктуры. Напомним, что уже для самого возникновения цивилизации требуется довольно развитое разделение труда и довольно развитая информационно-транспортная инфраструктура.

Анализ исторического процесса показывает, что при всей теснейшей взаимосвязи технико-технологического базиса (и технических революций) с экономическим базисом (и экономическими переворотами) связь эта весьма и весьма опосредована, реализуется через сложный передаточный механизм.

Сопряжение формационного и цивилизационного носит диалектически противоречивый характер, который обнаруживается уже при анализе перехода к цивилизации как социального переворота.

Здесь сразу же возникает вопрос: тождествен ли упомянутый переворот той социальной революции, которая вобрала в себя основное содержание перехода от первобытного общества к первой классовой формации? О полном тождестве (совпадении) говорить вряд ли приходится хотя бы потому, что начало перехода к цивилизации — и в этом была определенная логика — предшествовало началу перехода к классовому обществу.

Но тогда возникает вопрос второй: если два этих социальных переворота не тождественны, то в какой степени они все же накладываются друг на друга в социальном пространстве и как соотносятся во времени? Очевидно, первый переворот предшествует второму *только в какой-то* степени, ибо возникнув в целях *интегративных*, цивилизация в тех конкретно-исторических условиях могла выполнять эту свою основную функцию только в *дезинтегративной* (антагонистической) форме. Отсюда противоречивость социальных институтов, их функций и деятельности в условиях классово-антагонистического общества.

Для того, чтобы глубже понять взаимосвязь двух анализируемых переворотов и движущую силу их слияния, целесообразно хотя бы пунктирно обозначить сущность каждого из них.

Толчком к кардинальному социальному перевороту, именуемому переходом к цивилизации, послужила упоминавшаяся уже техническая революция, давшая жизнь культурному и оседлому земледелию, т.е. исторически первому типу производящего хозяйства. Такова была исходная позиция цивилизации, определившая и первый ее исторический тип как цивилизации земледельческой. Сущность перехода к цивилизации заключалась в вытеснении кровнородственных связей и отношений (производственных, территориальных и т.д.) сугубо и собственно социальными, надбиологическими, и именно переход к производящему хозяйству обусловил и возможность, и необходимость такого вытеснения.

Что касается прибавочного продукта, то он явился следствием перехода к производящему хозяйству, следствием его возрастающей экономической эффективности. Связи между процессом перехода к цивилизации и появлением прибавочного продукта можно определить как функциональные, производные от одного и того же причинного фактора. Другое дело, что, появившись на свет, прибавочный продукт поставил вопрос о той конкретно-исторической — а потому единственно возможной — форме, в которой будет продолжено развитие цивилизации. Такой конкретно-исторической формой в тех условиях могла быть только антагонистическая, причем об антагонизме здесь приходится говорить в двух смыслах. Во-первых, всем своим дальнейшим развитием цивилизация закрепляла возникший в недрах общества антагонизм; во-вторых, сложилось определенное антагонистическое противоречие между интегрирующей сущностью цивилизации и дезинтегрирующей формой ее функционирования в рамках целой серии общественно-экономических формаций.

Возникавшие классы для закрепления своего господства использовали уже сложившиеся в процессе начавшегося перехода к цивилизации социальные институты. Это стало возможным потому, что а) сами социальные институты в потенции содержали в себе возможность отчуждения; б) возможность эта в тех исторических условиях не могла быть «приглушена». Для того, чтобы «приглушить» ее в зародыше, требуется зрелая политиче-

ская культура общества и прежде всего масс. На пороге же цивилизации политическая культура (как и сфера политики в целом) только еще возникала.

Классы, прибавшие к рукам социальные институты, тем самым получили возможность наложить существенный отпечаток на многие другие цивилизационные процессы и подчинить их своим корыстным, классовым интересам. (Поскольку же классы суть явления формационного порядка, их воздействие на цивилизационные процессы выражает существенную сторону сопряжения формационного и цивилизационного.) Так получилось с процессом отделения духовного производства от материального (привилегия занятий умственным трудом была закреплена за эксплуататорами), с процессом урбанизации (различия между городом и деревней превратились в противоположность, характеризующуюся эксплуатацией деревни со стороны господствующих классов города), с процессом кристаллизации личностного элемента в истории (прозябание широчайших народных масс веками служило фоном для деятельности выдающихся личностей из эксплуататорских слоев).

Таким образом, оба исторических процесса — переход к цивилизации и переход к первой классовой формации — самым существенным образом наложились друг на друга и в совокупности составили такой переворот, который по своей кардинальности можно сравнить только с происходящими ныне процессами социализации в развитых, цивилизованных странах.

Технико-технологический базис и другие элементы социума

Подключение цивилизационного компонента к анализу позволяет сделать наше видение и исторической перспективы, и исторической ретроспективы более панорамным, глубже понять те элементы социума, которые на поверку оказываются более тесно связанными скорее с цивилизационным, чем с формационным процессом.

Возьмем, к примеру, процесс эволюции социально-этнических общностей. При сопряжении социально-этнического ряда *только* с формационным невольно напрашивается вывод, что связь между ними является причинно-следственной, основополагающей. Но при этом возникает несколько недоуменных вопросов. И главный из них: если конкретная фор-

ма социально-этнической общности определяющим образом зависит от экономического способа производства, причем от обеих его сторон — и от уровня производительных сил, и от типа производственных отношений — то как объяснить, что в одних случаях данная общность сохраняется и при принципиальном изменении типа производственных отношений (народность характерна и для рабовладения, и для феодализма), в других же — тип общности сохраняется и при переходе к новой волне цивилизации, к новому технико-технологическому базису (такова нация, которая по всей видимости сохранится на все обозримое время и в условиях набирающей силу информационно-компьютерной волны цивилизации)?

Очевидно, и в том, и в другом случае действуют факторы более глубинные по сравнению с формационными, но менее глубинные, чем цивилизационные, производные от последних. И в случае с народностью, и в случае с нацией конечной причиной выступают определенные типы технико-технологического базиса, лежащие в фундаменте последовательно сменяющих друг друга земледельческой, индустриальной и информационно-компьютерной волн цивилизации. Так, технико-технологический базис земледельческой волны, обуславливая сохранение на протяжении всей волны натурально-товарной формы организации производства, не позволяет сложиться единой хозяйственной (экономической) жизни, т.е. накладывает запрет на превращение народности в нацию. Во втором случае гарантом сохранения нации как адекватной данным социально-экономическим условиям форме общности выступает опять-таки, в конечном счете, технико-технологический базис, а непосредственно — лежащие над ним (но глубже формационного) и генетически с ним связанные формы организации общественного хозяйства. Товарная в ее классическом виде, товарно-плановая и планомерно-товарная формы организации общественного хозяйства едины в том смысле, что они санкционируют появление, сохранение, консолидацию и развитие нации, ибо для всех трех указанных форм характерно наличие товарности при нарастании от нуля до оптимума степени его регулируемости (планомерности).

В результате зависимость цивилизационного, формационного и социально-этнического рядов исторического развития можно представить следующим образом (рис. 15).

Социально-этнический ряд	Род, племя		Народность		Нация	
Формационный ряд	Первобытно-общинная		Ра-бовл.	Феод.	Капитализм	Процессы социализации
Организационно-хозяйственный ряд	Натуральное		Натур.-товарн.		Товарное	Товарно-планом.
Цивилизационный ряд	Ди-кость	Вар-варст-во	Земледельч.		Индустр.	Информ.-компьют.
Доцивилизацион. присваивающее об-во			Волны цивилизации (их технологический базис)			

Рис. 15

Итак, сопряжение формационного и цивилизационного отчетливо прослеживается на примере генезиса и развития социально-этнических общностей, равно как в одной из предыдущих глав оно было прослежено в связи с эволюцией типов и форм семьи. К соотношению формационного и цивилизационного мы еще не раз будем возвращаться.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы основные элементы общественно-экономической формации?
2. Почему в истории не встречаются «чистые формации»?
3. Что такое цивилизация?
4. Чем отличаются друг от друга базис общественно-экономической формации и базис той или иной ступени цивилизации?

Глава седьмая

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА

Проблема отношения человека, общества к природе была и остается важнейшей проблемой философии. Понимание взаимосвязи и взаимообусловленности истории людей и истории природы, точно взвешенный учет экологического компонента исторического процесса — существенная сторона научного понимания истории.

Материальное производство, да и вся жизнь общества, возможны лишь при определенных естественных условиях. К ним относятся прежде всего географическая среда как постоянное и необходимое условие существования и развития общества.

1. «Географическая основа всемирной истории»

Понятие географической среды общества

Критическое отношение к концепции географического детерминизма (см. главу первую) отнюдь не должно приводить к отрицанию существенного воздействия географической среды на развитие общества. Но при этом чрезвычайно важно решить вопрос: насколько это воздействие существенно? Подымается ли оно до той отметки, при которой можно говорить об определяющем воздействии?

Чтобы ответ на этот вопрос был осознанным, необходимо учитывать, что понятия «природа» и «географическая среда общества» не тождественны, хотя и в социальной философии (под влиянием кантовского противопоставления природы и общества), и в географической науке в течение столетий господствовало чисто природное понимание «географической среды» и, в связи с этим, представление о ее медленном развитии во времени. При этом подразумевалось, что практически неизменная природа может оказывать лишь весьма ограниченное влияние на процесс общественного развития.

В действительности же *географическая среда общества есть та часть природы, с которой общество непосредственно контактирует на данном историческом этапе*. Для обозначения сферы взаимодействия природы и общества в научной литературе применяются различные термины — антропосфера, техносфера, социосфера, ноосфера («разумная сфера»), но суть каждого из них вполне вписывается в данное выше определение географической среды общества. Поскольку это не вся природа, а именно географическая среда общества, то она и испытывает на себе определяющее воздействие социального. В этом нас убеждает, например, сравнение темпов видообразования в природе как таковой и в природе, ставшей географической средой общества. В природе процессы образования новых видов животных и растений идут стихийно и, как правило, медленно, растягиваясь порой на столетия и тысячелетия. В условиях географической среды общества эти процессы идут не только целенаправленно, но и во многих случаях в десятки раз быстрее. То же самое надо сказать об образовании новых водных артерий: там, где природа затрачивает века, обществу требуются лишь годы, причем артерии эти создаются в целесообразном для общества направлении.

Термин «географическая среда» был введен в социальную философию и географию Э. Реклю и Л. М. Мечниковым и до последнего времени более или менее адекватно отражал сущность интересующей нас проблемы. Сегодня в связи с проникновением человека в космос точнее было бы говорить о *природной среде общества*, выходящей за пределы земной и околоземной сферы. Но поскольку мы в дальнейшем изложении за пределы этих сфер выходить не будем, употребление термина «географическая среда» остается правомерным.

Если воспользоваться современной классификацией систем, то общество следует отнести к числу так называемых открытых систем, которые обмениваются с окружающей средой не только энергией, но и веществом. Общество черпает из природы продукты питания, сырье для изготовления средств производства, находит в ней различные источники энергии. Конкретные условия географической среды (включая климатические) представляют собой конкретные — положительные или отрицательные — факторы развития производства и всей общественной жизни. Это воздействие может быть прослежено по нескольким основным направлениям.

**Воздействие
геосреды:
основные
направления**

Если воспользоваться современной классификацией систем, то общество следует отнести к числу так называемых открытых систем, которые обмениваются с окружающей средой не только энергией, но и веществом. Общество черпает

из природы продукты питания, сырье для изготовления средств производства, находит в ней различные источники энергии. Конкретные условия географической среды (включая климатические) представляют собой конкретные — положительные или отрицательные — факторы развития производства и всей общественной жизни. Это воздействие может быть прослежено по нескольким основным направлениям.

1. *Географическая среда влияет на общественное разделение труда, размещение и развитие различных отраслей производства.* Уже первое в истории великое общественное разделение труда — отделение скотоводства от земледелия — происходило с учетом условий географической среды. Необходимостью такого учета руководствуемся мы и сегодня, размещая те или иные отрасли производства прежде всего там, где для этого есть оптимальные географические условия.

2. *Географическая среда влияет на производительность труда.* Речь идет прежде всего о воздействии погодно-климатических условий (температура воздуха, осадки, сила ветра и т.д.). При одинаковой технической вооруженности и одинаковой умелости рабочего результаты труда будут различны в зависимости от этих условий.

3. *Географическая среда влияет на развитие способностей человека,* стимулируя это развитие в одних случаях и сдерживая в других. Если бы люди находили все средства к существованию в готовом виде, они не имели бы стимулов к развитию. И напротив — крайне суровая и однообразная среда также оказывается неблагоприятной. Конечно, сами понятия «благоприятная» и «неблагоприятная» географическая среда не являются абсолютными (было время, когда Сибирь считалась крайне неблагоприятной для экономического развития).

4. *Географическая среда влияет на темпы развития данного общества в целом,* в том числе таким своим компонентом, как географическое положение страны. Вспомним, как разительно изменились темпы развития Англии и Франции после перемещения к их берегам основных транспортных коммуникаций в связи с открытием Америки и морского пути вокруг Африки.

5. *Географическая среда влияет на развитие производственных отношений.* В одном из своих писем Ф.Энгельс, ставя вопрос «Почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю?», отвечал на него так: «Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы... Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»¹.

6. *Географическая среда влияет на возникновение и специфические черты надстроечных явлений.* Это относится, в частности, к политической надстройке, к государству. Продолжая приведен-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 28. — С. 221.

ную выше мысль, Энгельс указал, что на Востоке возникновение государства шло как бы впереди процессов классовообразования, ускоряясь потребностями строительства огромных, в масштабе всего региона, оросительных систем.

Накладывает свой отпечаток географическая среда и на духовную надстройку общества. Свою «Философию истории» Гегель начинает (если не считать введения) разделом «Географическая основа всемирной истории». Природа рассматривается им как основа, почва, на которой совершается развитие духа народа¹. И как бы ни был излишне категоричен Гегель в своих рассуждениях и примерах, его мысль содержит большую долю истины. Воздействие географического фактора, в частности ландшафта, на духовные феномены в свое время было убедительно прослежено Энгельсом при объяснении такой черты древнегреческой религии, как политеизм, сосуществование целого сонма богов. «На долю Эллады, — писал он, — выпало счастье увидеть, как характер ее ландшафта был осознан в религии ее обитателей... Все ее (Эллады. — С.К.) ландшафты охвачены... рамками гармонии. И все же каждое ее дерево, каждый источник, каждая гора слишком рельефно выступают на передний план; каждая отдельная часть природы в своей прекрасной завершенности претендует на собственного бога, каждая река требует своих нимф, каждая роща своих дриад; так создавалась религия эллинов. Другие местности не были так счастливы»². В качестве другого примера Энгельс избрал северогерманскую степь — однообразный ландшафт, по его мнению, может навевать только монотеистическое мирозерцание.

Аналогичным образом можно проследить воздействие географической среды на искусство. Если мы безошибочно отличаем друг от друга русские и молдавские, украинские и итальянские песни, то это в немалой степени связано с тем, что географическая среда специфически отражается в музыкальной ритмике, напевности, даже в тембре голоса исполнителей.

7. Географическая среда влияет на социально-психологический облик и настрой общества, т.е. на его менталитет. Так, ограниченная в пространстве и не очень богатая на природные ресурсы географическая среда стимулирует развитие в данном этносе чувства бережливости, в то время как кажущаяся безграничной в своей щедрости природа культивирует дух расточительства.

¹Гегель Г. Философия истории // Соч. — М.-Л., 1933. — Т. 8. — С. 76.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 41. — С. 74.

Конечно, степень влияния различных факторов географической среды на развитие общества в различные исторические эпохи неодинакова. Так, с развитием производительных сил уменьшается зависимость страны от местоположения природных богатств. Но, как показывает исторический опыт, ослабление зависимости в одном отношении сопровождается усилением зависимости общества от природы в других отношениях.

2. Экологический компонент исторического процесса¹

Экологическая деятельность

Экологическая деятельность представляет собой специфическое проявление активности общества в отношениях с природой. Специфика любого отношения обусловлена всеми, участвующими в данном отношении, сторонами. В данном случае специфика отношений определяется и обществом, и природой. И хотя ведущая роль принадлежит социальной стороне, игнорировать активность природной стороны в этом взаимодействии, ее влияние на исторический процесс было бы ошибочно. Активность эта выступает следствием одной из двух причин: либо как результат развития внутренних противоречий природы, либо как ответная реакция на активность общества.

Итак, роль системообразующего фактора в системе «общество — природа» играет активность общества. Процесс становления этой системы, отличной от экологической системы «животное — среда обитания», определяется становлением и развитием особого типа активности — *экологической деятельности*. Последняя есть *деятельность, направленная на сохранение динамического равновесия между обществом и природой или на его восстановление, если оно нарушено*. Объективной основой экологической деятельности является потребность общества во взаимодействии с благоприятной или неблагоприятной для его существования и развития природной средой. Осознание этой потребности рождает соответствующую цель и деятельность по ее реализации.

Разумеется, результаты экологической деятельности не всегда совпадают с поставленной целью. Если по тем или иным причинам цель не может быть достигнута, то вместо экологи-

¹В данном параграфе использованы материалы Л.Ю.Лисиной.

чески позитивных могут быть получены результаты, подрывающие природную среду, а то и систему «общество — природа» в целом. Например, перекрытие в 1980 г. залива Кара-Богаз-Гол было осуществлено в целях предотвращения дальнейшего ухудшения состояния природной среды, однако результаты были получены прямо противоположные. Но экологическая деятельность в этом отношении не исключение: «ножницы» между целью и результатом характерны для любого вида деятельности.

В экологической деятельности, как и в любой другой, различают две стороны: *материальную*, т.е. производственную деятельность по улучшению и сохранению природной среды, и *духовную* — выработку и проведение экологической политики, совершенствование природоохранного права (например, введение запретов на уничтожение каких-либо видов растений, животных и тому подобные меры), воспитание в членах общества экологического сознания, в том числе формирование разумных с экологической точки зрения потребностей и экофильных нравственных норм.

Социально-экологические отношения Экологическая деятельность детерминирована не только уровнем производительных сил, т.е. теми техническими и кадровыми возможностями, которые имеются у общества, но и общественными отношениями, прежде всего производственно-экономическими. Для уяснения сути социально-экологических отношений необходимо учитывать два важных обстоятельства.

Во-первых, экологическая деятельность предполагает сотрудничество многих индивидов, подчас общества в целом, а сегодня — в масштабе всей планеты. Нет отношения людей к природе вне отношения их друг к другу. В связи с этим можно определить, что *социально-экологические отношения суть отношения между людьми по поводу их отношения к природе*.

Во-вторых, экологическая деятельность не происходит абсолютно обособленно от деятельности человека по преобразованию *социальной* среды. На всех этапах человеческой истории эти два вида деятельности оказываются связанными друг с другом, вследствие чего социально-экологические отношения могут рассматриваться как экологический аспект всей системы общественных отношений — как отношений материальных (технологических и экономических), так и вторичных, идеологических (политических, правовых, нравственных и т.д.).

Социально-экологические отношения выступают как предпосылка, условие и одновременно как результат, продукт эко-

логической деятельности, т.е., детерминируя эту деятельность, они объективно складываются и постоянно воссоздаются в ней. При обострении отношений в системе «общество-природа» экологическая деятельность приобретает особое значение, резко возрастает потребность в ней. И если социально-экологические отношения не способствуют развитию этой деятельности, или, более того, тормозят ее, возникает необходимость изменения этих отношений, т.е. вырастает дополнительный фактор, который в комплексе с другими причинными факторами может способствовать вызреванию социальной революции. Так, историки Французской революции XVIII в. не раз отмечали, что постигшие страну неурожай перед 1789 г., до крайности обострив голод и нужду масс, стали одним из факторов формирования революционной ситуации. Но, подчеркнем еще раз, что перед нами здесь причина все же дополнительная, хотя и связанная теснейшим образом с глубинными основами социальной революции¹.

Любое взаимодействие есть противоречивое отношение, в котором стороны являются относительно устойчивыми, самостоятельными, обладают противоположными направлениями действия, исключают друг друга, ведут между собой борьбу, и в то же время они находятся во взаимосвязи, составляют единство. Сказанное в полной мере относится к взаимодействию общества и природной среды, выступающему как процесс развития экологического противоречия.

В процессе становления общества происходит становление экологического противоречия между ним и природной средой. Сначала, как и всякое диалектическое противоречие, оно выступает в виде различия. Это начало характеризуется тем, что природа еще не видоизменена ходом истории и люди к ней относятся совершенно по-животному. В своем дальнейшем развитии экологическое противоречие переживает различные состояния вплоть до экологических кризисов, о которых речь пойдет ниже.

Специфика экологического противоречия определяется тем, что во взаимодействии находятся две качественно разнородные стороны, организации разного уровня. Поэтому данное противоречие не может рассматриваться ни как сугубо социальное, общественное, ни как сугубо природное, поскольку завидной

¹См.: *Крапивенский С.Э.* Парадоксы социальных революций. — Воронеж, 1992. — С. 29—30.

активностью обладают обе стороны противоречия. Изменения в природной среде творятся не только деятельностью общества: в природе происходят и имманентные изменения, вызываемые ее собственными внутренними силами, независимыми от общества. Эти изменения, в свою очередь, вызывают ответную реакцию общества, влияют на развитие экологического противоречия, способны привести к его обострению.

Понятием, фиксирующим развитость конкретно-исторического экологического противоречия, является понятие *«экологическая ситуация»*, обозначающее *дискретный, ограниченный пространственно-временными рамками фрагмент в развитии системы «общество — природа»*. Обособленность экологических ситуаций имеет относительный характер, все они суть звенья единой цепи процесса развития системы «общество — природа». Существует два основных типа экологических ситуаций — ситуация динамического равновесия между обществом и природой и состояние экологического кризиса, в интервале между которыми в истории обнаруживается большой набор всевозможных переходных состояний.

Экологический кризис Особое внимание исследователей среди возможных видов экологических ситуаций привлекают кризисные ситуации. Это вполне объяснимо, так как подобные ситуации вызывают не только теоретический, но и практический интерес.

Под *экологическим кризисом* следует понимать *тип экологической ситуации, характеризующейся нарушением динамического равновесия системы «общество — природа», крайним обострением отношений «общество — природа» до противоречия, делающим необходимым изменение связей внутри системы посредством экологической деятельности*. Кризис системы, находит свое выражение и в состоянии подсистем, в развитии их внутренних противоречий. В развитии этих подсистем, в их взаимодействии заложена возможность экологического кризиса, но от них зависит и его разрешение.

С точки зрения пространственных характеристик различают *локальные, региональные и глобальные экологические кризисы*. По происхождению же они бывают *природные*, т.е. возникшие в результате спонтанных изменений природной среды, независимо от человеческой деятельности (например, гибель крито-микенской культуры в результате извержения вулкана Санторин), и *антропогенные*, т.е. сотворенные человеческой деятельностью,

направленной на подчинение и преобразование природы (например, глобальный экологический кризис сегодня). Антропогенные кризисы тоже не раз бывали в прошлом. Существуют, например, предположения, что древние цивилизации Америки (инков, ацтеков, майя) погибли в результате экологического кризиса, связанного с истощением почв¹.

Наибольший интерес для научного исследования (как теоретического, так и прикладного) представляют антропогенные экологические кризисы. Понятно почему: по своему происхождению они в принципе могут быть предотвращаемы, да и для разрешения их у породившего их общества, как правило, обнаруживаются изрядные возможности.

3. Современная экологическая ситуация

Отношение общества к природе является, таким образом, одним из важнейших компонентов материального производства и исторического процесса в целом. На каждой ступени своего развития общество вынуждено корректировать взаимоотношения с природой, ибо ни оно само, ни природные условия не являются неизменными, раз навсегда данными. Но никогда еще экологические проблемы так остро не стояли перед человечеством, как в последней трети двадцатого века, на рубеже двух тысячелетий.

Рассмотренный выше понятийный аппарат позволяет лучше понять сущность современной экологической ситуации, ситуации, как мы увидим, во многом пограничной (по терминологии экзистенциалистов), ибо речь идет о грани между жизнью и смертью земной цивилизации.

**Сущность
современной
экологической
ситуации**

Острые экологические ситуации прошлого по крайней мере в двух отношениях принципиально отличаются от современной. Во-первых, они были локальными либо региональными по характеру, а во-вторых, порождались в большинстве случаев стихийным развитием самой природы. Современная экологическая ситуация носит глобальный, общепланетный характер и является в самом прямом смысле порождением общества, превратившегося в самостоятельную геологическую силу,

¹См.: Дорст Ж. До того как умрет природа. — М., 1968. — С. 33.

т.е. в фактор, способный причинить планете не меньшие изменения, чем стихийные природные силы (наводнения, извержения вулканов, землетрясения, наступления песков, тайфуны и т.п.).

Сущность современной экологической ситуации можно свести к трем основным моментам:

1. Происходит чрезмерно быстрое (по экспоненте¹) истощение природных ресурсов общества — сырьевых, энергетических. Один пример: человечество сжигает в настоящее время около 3 млрд. тонн нефти в год и, таким образом, при нынешних темпах потребления этот невозпроизводимый природный продукт исчезнет через 40 лет.

2. Происходит чрезмерно быстрое (опять же — по экспоненте) загрязнение природной среды — атмосферы, гидросферы, литосферы, что приводит к катастрофическим последствиям вроде «озоновых дыр» и т.п.

3. Происходит чрезмерно быстрое (по экспоненте) увеличение численности человечества.

Нетрудно убедиться, что все эти три момента сугубо социального происхождения. Два первых из них прямо и непосредственно порождены научно-технической революцией и прежде всего распространением ее на сферу вооружений. В некотором пояснении нуждается третий момент. Во-первых, у читателей может возникнуть вопрос: если во второй половине нашего века человечество удваивает себя за 20—30 лет, то не прав ли Мальтус? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать, что современные темпы роста народонаселения не являются нормой развития человечества и в недалеком будущем ожидается их значительное уменьшение (кстати, предыдущее удвоение численности населения потребовало 150 лет). Во-вторых, речь идет не об абсолютном перенаселении. Если сегодня в слаборазвитых странах ежегодно умирает от голода до 50 млн. человек, то причина этого не в истощении продовольственных ресурсов Земли. Современный научно-технический прогресс делает вполне реальным доведение к 2000 г. урожайности продовольственных и фуражных культур в среднем до 30 центнеров условных зерновых единиц с гектара, что обеспечило бы научную норму питания примерно 7 млрд. человек. Причина — в отсталости этих стран как наследии колониализма, в их неэко-

¹ *Экспонента* — прямая, круто восходящая вверх. Такая прямая обнаруживается в том случае, если отрезки на оси абсцисс откладываются в арифметической прогрессии, а на оси ординат — в геометрической.

лониалистской эксплуатации, в сосредоточении основной массы продовольствия на мировом рынке в руках развитого Севера.

Таким образом, налицо невиданный ранее общепланетарный кризис, который из вроде бы чисто экологического на наших глазах превратился в общий кризис цивилизации, основательно деформирующий все стороны жизни — экономическую, социальную, духовную.

Пути выхода из кризиса

Чтобы понять реальные пути преодоления этого кризиса, необходимо предварительно разобраться в его глубинных корнях.

Если попытаться определенным образом сгруппировать множество встречающихся в научной литературе объяснений современной экологической ситуации, то становится очевидным, что все они в конечном счете тяготеют к одной из двух уже известных нам парадигм — либо к формационной, либо к цивилизационной.

Формационная концепция связывает напрямую современную экологическую ситуацию с той или иной общественно-экономической системой. Так, в нашей литературе долгое время господствовал тезис о двух типах природопользования — досоциалистическом, коренные пороки которого якобы вытекают из частнособственнической основы общества, и социалистическом, который якобы чуть ли не автоматически ликвидирует хищническую тенденцию в воздействии общества на природную среду; осуществляет это воздействие в интересах совокупного собственника, т.е. в интересах всего общества; создает основу для всестороннего, комплексного, гуманистически направленного воздействия на природную среду и концентрации усилий всего общества на решении экологических проблем. В связи с этим формационная концепция настаивает на необходимости перехода к новому общественному строю как предварительном условии выхода из экологического кризиса.

Конечно, формационные параметры конкретного общества не могут не влиять на характер природопользования, а следовательно, и на современную экологическую ситуацию. Но:

Во-первых, если мы хотим сравнивать между собой в этом отношении различные страны и регионы, сами формационные параметры должны быть точно выверены. И тогда становится ясным, что превосходство в решении экологических проблем обнаруживают не страны, до недавнего времени считавшиеся социалистическими, а тот регион, в котором реально осущест-

вляются процессы социализации общественной жизни. Сошлемся на мнение одного из крупнейших российских экологов академика А.Яблокова. «Мы выросли, — пишет он, — на лозунгах о преимуществах социалистического природопользования и просмотрели, как быстро пошла социализация природы в развитых странах мира (она выражается в ограничении прав владельцев природных ресурсов в интересах всего общества). Мне кажется, что в отношении к лесам в Швеции и Франции, к ландшафтам в Англии, к рекреационным зонам в Италии и США реализуется больше социалистических по своей природе идей, чем в нашей отечественной практике».

Во-вторых, специфические черты современной экологической ситуации обнаруживают себя по-разному в зависимости от уровня *культуры* региона или отдельной страны, т.е. показателя явно не формационного. Достаточно вспомнить Чернобыль, аварии на других экологически опасных объектах, чтобы понять, как мы зависим сегодня от нашей собственной исполнительской, нравственной и даже политической культуры.

И, наконец, самое главное: современная экологическая ситуация, основной характеристикой которой является экологический кризис по сути своей *цивилизационного происхождения*, порождена всем ходом цивилизационного развития человечества. Перефразировав известную сентенцию применительно к данному сюжету, можно сказать: «Во всем ищи машину». Действительно, машина, положившая начало индустриальной волне цивилизации и являющаяся ее технической основой, принципиально изменила способ потребления сил природы, да и масштабы этого потребления. Безудержная механизация всех отраслей народного хозяйства (вплоть до производства машин машинами), автомобилизация и т.п. повлекли за собой столь же безудержное потребление сил природы и загрязнение среды существования. Научно-техническая революция второй половины XX в. лишь подлила масла в этот сатанинский огонь, легитимизированный, кстати, теорией безграничного общественного прогресса.

Таким образом, истоки современного экологического кризиса обнаруживаются в логике развития фундаментальных основ цивилизации — ее технико-технологического базиса. Следовательно, соответствующим образом должны быть ориентированы и поиски путей и средств выхода из этого кризиса.

С одной стороны, для оптимизации природной среды могут быть использованы невиданные технические возможности, от-

крывающиеся сегодня. Ведь с том-то и состоит противоречивый характер научно-технической революции, что, порождая невиданные в прошлом экологические проблемы, она в то же время содержит в себе потенциальные возможности их преодоления. В этом отношении научно-техническую сферу можно сравнить с мечем короля Артура, который лечил раны им нанесенные.

С другой стороны, цивилизации во имя выживания возможно придется отказаться от многих своих технических детищ. Введение международного запрета на фреоновые холодильники — лишь первая ласточка в этом плане. Предстоит переход во все больших масштабах на «чистую» энергию — Солнца, водяных и воздушных потоков, разницы температур, внутреннего тепла Земли и т.п. А поскольку эти источники составляют лишь несколько процентов современного мирового энергобаланса, человечеству предстоит качественно изменить образ жизни за счет деиндустриализации, деурбанизации, демилитаризации, минимального использования моторного транспорта, упора на энерго- и ресурсосберегающие технологии и пр.

Таков один из прогнозов¹, в основу которого положен хотя и не Апокалипсис, но своеобразное «возвращение назад к природе». Степень вероятности этого высока: чтобы выжить, человечеству, возможно, придется с достоинством пройти нисходящую линию нынешнего мегацикла своего развития и, восстановив равновесие с природной средой, начать новый мегацикл.

Цивилизованное разрешение современной экологической ситуации зависит и от уровня зрелости прогрессивных сил. Сплочение и организация сил прогресса в планетарном масштабе — поскольку и сама ситуация носит планетарный характер — позволило бы принять глобальные меры по оздоровлению природной среды, используя на это и средства, высвобождающиеся в результате прекращения гонки вооружений; перестроить международный экономический порядок и на этой основе ускорить развитие стран «третьего мира», облегчить их продовольственное положение.

Но есть еще одна немалая трудность на пути выхода человечества из того экологического тупика, в который оно себя загнало. Президент уже упоминавшегося Римского клуба Аурелио Печчеи о ней пишет так: «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он

¹См.: Цикличность в социальных системах («круглый стол») // Социологические исследования. — 1992. — № 6. — С. 36.

оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то и ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого»¹. В связи с этим основную задачу человечества Печчеи формулирует как «совершенствование своего качества», т.е. человеческой культуры и прежде всего таких ее составляющих, как чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как бы Вы определили понятие «географическая среда общества»?
2. Совпадают ли по своему объему понятия «природа, природный мир» и «географическая среда общества»?
3. В чем сущность современной экологической ситуации?
4. Видите ли Вы пути выхода из сегодняшнего экологического кризиса?

¹Печчеи А. Человеческие качества. — М., 1985. — С. 43.

Глава восьмая

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА

В порядке рабочего определения можно сказать, что *политика есть сфера отношений между классами, нациями и другими большими социальными группами по поводу государственной власти и государственного (в том числе национально-государственно-го) устройства внутри данного общества, а также отношений между государствами на международной арене*. В дальнейшем это определение будет уточняться и дополняться (такова участь любого рабочего определения), но суть политики в нем схвачена: это специфическая и чрезвычайно важная сфера общественных отношений, на базе которых вырастает политическая подсистема данного общества. Последняя включает в себя *политические институты* (государство, партии и т.д.), *политические нормы* (конституции, законы и подзаконные акты, уставы) и *политическое сознание* (обыденные политические взгляды, идеи и теории).

Под углом зрения политического бытия история человечества четко делится на две стадии — стадию дополитической и стадию политической организации общества. Рубежом между ними выступает возникновение государства, древнейшего и центрального политического учреждения.

1. Государство: формационный смысл

Происхождение государства

С точки зрения формационной функции государства, целесообразно, очевидно, оттолкнуться от марксистской концепции его происхождения и сущности, ибо именно формационная парадигма позволила марксизму лучше, чем какой-либо другой социально-философской школе, осмыслить эту присущую государству функцию. Квинтэссенция этой концепции, изложенной Ф.Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», может быть вкратце представлена следующим образом.

Государство, по Энгельсу, никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть

также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждал Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития, когда общество запуталось в непримиримом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая над обществом, держащая его в границах «порядка», умеряющая столкновение. Эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, и есть государство¹.

Собственно говоря, концепция происхождения государства из внутриобщественных противоречий и непримиримых столкновений появилась задолго до марксизма в трудах сторонников «общественного договора», о котором пойдет речь ниже. Обратимся в связи с этим к Томасу Гоббсу, в чьих трудах («Основы философии», «Левиафан») эти взгляды получили сфокусированное выражение.

По Гоббсу, пока люди находятся в естественном состоянии, т.е. пока нет государства, в обществе (если его можно назвать таковым) царит *bellum omnium contra omnes* — война всех против всех. Причины этого Гоббс видит в особенностях человеческой природы, в том, что отличает человека от других общественных, в аристотелевском смысле, живых существ — пчел, муравьев и т.п. Люди непрерывно конкурируют между собой, добиваясь почета и благ, в связи с чем среди людей возникают зависть и ненависть, а в итоге и война. Самоуслаждение человека состоит в сравнении себя с другими людьми, и ему приходится по вкусу лишь то, что возвышает его над остальными. Среди людей имеются многие, которые считают себя более мудрыми и более способными управлять общими делами, чем другие, и поэтому они стремятся реформировать и обновлять государственный строй, внося в общество расстройство и гражданскую войну. При помощи искусства слова некоторые люди умеют представить другим добро злом, а зло добром и преувеличить или преуменьшить по своей воле видимые размеры добра и зла, внося беспокойство в душу людей и смущая их мир. Человек становится более беспокойным именно тогда, когда ему лучше всего живется, так как тогда он любит показывать свою

¹См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т.21. — С.169 — 170.

мудрость и контролировать действия тех, кто управляет государством. Для того, чтобы сдерживать войну всех против всех, требуется общая власть, держащая людей в страхе и направляющая их действие к общему благу. О такой власти люди в конце концов вынуждены были договориться. При этом государство должно быть подобно Левиафану — библейскому чудовищу, о котором в книге Иова сказано, что на свете нет ничего сильнее его¹.

Нетрудно заметить, что гоббсовская версия происхождения государства, как и концепция всех сторонников «общественного договора» носит явно психологический характер. И в связи с этим закономерно возникают два вопроса: как объяснить эти особенности человеческой психологии и где тот рубеж, дойдя до которого люди вынуждены были дополнить естественное согласие между собой (подобное тому, какое существует между пчелами, муравьями и т.п.) договором о Левиафане? Ответ на эти вопросы мы находим у приверженцев формационной парадигмы, которые, не отрицая указанных психологических моментов, идут дальше и пытаются докопаться до их глубинных основ и причин. Именно экономическое развитие, утверждение частной собственности и устойчивое воспроизводство прибавочного продукта, поляризовав общество на классы, актуализировали эти психологические особенности, сделали их проявление массовидным и довели социально-психологическую напряженность в обществе до такого уровня, при котором появление государства становится неизбежным.

Формационная функция государства

Положив в основу своей концепции психологическую версию происхождения государства, сторонники концепции «общественного договора» вполне естественно обошли стороной вопрос о зримом

не только экономическом, но и политическом многовековом неравенстве, как бы мы сейчас сказали, субъектов этого договора. В реальной же исторической действительности (и это было ясно уже Гегелю), «государство и настоящее правительство возникают лишь тогда, когда уже существуют различия сословий, когда богатство и бедность становятся очень велики и когда возникают такие отношения, при которых огромная масса уже не может удовлетворить свои потребности так, как она привыкла»². В справедливости этого вывода студенты-историки, оче-

¹См.: Гоббс Т. Избр. пр. В 2 т. — М., 1964. — Т. 2. — С. 194—196.

²Гегель Г. Философия истории. // Соч. Т. 8. — С. 82.

видно, могли не раз убедиться в процессе познания древней и средневековой, новой и новейшей истории. Конечно, в виде исключения встречаются периоды относительного равновесия классов (сословий, по Гегелю) как борющихся сил, и тогда государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, создавая видимость посредничества между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII вв., которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции.

Конкретно-исторический характер государства проявляется не только в его точной формационной «прописке» (мы говорим о рабовладельческом, феодальном, буржуазном государствах), но и в его историчности как такового во времени. Понятия «государство» и «власть» не тождественны: власть старше государства, ибо не было и не может быть общества безвластного (т.е. анархического), но на протяжении всей первобытной истории эта власть функционировала как негосударственное и дополитическое общественное самоуправление. В лице государства — и в этом его важнейшая отличительная черта — пред нами предстает уже *власть, не совпадающая непосредственно со всем населением*. Причем несовпадение это и количественное (обществом управляет не все взрослые граждане, а их представители или лица, получающие власть по наследству), и качественное: интересы управляющих и управляемых далеко не всегда и не во всем совпадают.

В этом несовпадении мы вновь зримо сталкиваемся с формационным ракурсом сущности государства, находящим свое выражение в его генеральной функции — *функции защиты господствующих общественных отношений, их сохранения и совершенствования*. Отметим, однако, что функция эта не может быть сведена к сугубо репрессивной, к функции подавления. Механизмы реализации рассматриваемой функции весьма многообразны, и наряду с деятельностью репрессивных (силовых) органов они включают в себя хозяйственно-организаторскую деятельность государства, его вмешательство — по мере необходимости — в экономику; деятельность политических партий, защищающих данную общественную систему; идеологическую обработку населения государственными и негосударственными средствами массовой информации. Вот почему точнее было бы говорить не о государственной, а о *политико-идеологической* машине формационной защиты, памятуя при этом, что ее направляющим стержнем остается государство.

Каждое конкретное общество на одной и той же формационной ступени проходит через различные этапы развития: а) относительно стабильные, б) связанные с кризисом избранной модели развития в рамках существующей формации, в) революционные, переходные к новой формации. Вполне понятно, как меняется в связи с этим рассматриваемая функция по своему объему и интенсивности, по соотношению используемых механизмов.

В периоды более или менее стабильного функционирования формации может показаться, что государство нейтрально по отношению ко многим протекающим в обществе процессам. Но вот наступает «сдвиг по фазе», разражается кризис избранной модели развития, и, хотя это еще зачастую не кризис формации как таковой, государство (да и вся политико-идеологическая машина) невиданно активизируется, вырабатывая и стараясь реализовать особый тип политики — приспособительной. Достаточно вспомнить политику, осуществлявшуюся правящими кругами США в связи с невиданным кризисом 1929—1933 гг. В результате был осуществлен переход на новую модель, модель государственно-регулируемого экономического развития.

В периоды, когда уже объективно вызрел переход к новой формации, государство прилагает все усилия для оптимизации явно устаревшей системы. В истории подобные попытки предпринимались не раз. Можно вспомнить, например, отчаянные попытки Септимия Севера, Аврелия Антонина (Караколлы), Диоклетиана преодолеть социально-экономический и политический кризис, охвативший Рим в III в., и спасти рабовладельческий строй. Однако осуществлявшиеся ими административные, финансовые, военные и прочие реформы в конечном счете терпели крах и углубляли главные противоречия своей эпохи. «Какой-то рок тяготеет над всеми моими начинаниями!» — воскликнул в свое время Марк Аврелий. И результаты действий его преемников с лихвой оправдали этот пессимизм. В принципе, такими же попытками оптимизации была наполнена политика абсолютистских монархий в Европе.

Выражением, а в известном смысле и продолжением рассмотренной нами основной внутренней функции государства, вытекающей из его формационных истоков, является его *внешняя функция* — защита территории своего государства от нападения со стороны других государств либо расширение своей территории за счет территории других государств. Особенно показательны в этом отношении войны, которые давно уже опре-

делены военными теоретиками и историками (Карлом Клаузевицем, например) как продолжение внутренней политики государства иными средствами.

Действительно, ретроспективный взгляд на историю обнаруживает, что главной целью войн, как правило, выступает тот вид общественного богатства, который в условиях данной формации ценится выше всего: при рабовладении это — захват рабов, при феодализме — расширение земельных площадей, при капитализме — получение дополнительной прибыли за счет захвата новых источников сырья, рынков сбыта, доступа к дешевой рабочей силе. Перефразировав известный афоризм, получим — «Скажи мне, ради чего ведется война, и я скажу, какова формация».

А как часто в истории войны представляли собой внешнеполитические авантюры, затеянные держащими в своих руках бразды государственного правления классами и группировками с целью сбить накал социальной напряженности в обществе, отвести его внутренние противоречия на задний план. Есть еще один вид войн, из которых формационные «уши» торчат во всю — войны господствующего класса одних стран против побеждающего в других странах более прогрессивного строя. В общем, начинают войны политики во имя защиты и преуспеяния данного социально-экономического строя, а расплачиваются за это народы. И расплачиваются не только своими кровью и жизнью, но и тем, что объективно способствуют сохранению существования устаревшего и загнивающего общества.

2. Государство: цивилизационный смысл

Тенденцией развития цивилизации, как уже отмечалось, является наращивание интеграционных тенденций в обществе — тенденций, которые нельзя вывести прямо и только из законов функционирования и развития той или иной формации. Сопряжение формационного и цивилизационного подходов, о котором мы до сих пор говорили, в основном применительно к явлениям базисным, рельефно вырисовывается и при анализе государства.

**В защиту теории
«общественного
договора»**

Сразу же заметим, что цивилизационный смысл государства в теоретических и прикладных исследованиях марксистов, начиная с классиков, оказался явно недооцененным. При этом явно егд

вроде бы никто не отвергал и иногда он как бы и учитывался (например, В.И. Лениным, выделявшим особо ту часть буржуазного государственного аппарата, которая выполняет функции управления производством и другими исторически обусловленными общественными потребностями и которую в революции «разбивать нельзя и не надо»¹). Но в целом этот подход оставался в тени, о чем свидетельствует отношение марксистов к теории «общественного договора». Более того: идея «общественного договора», выдвинутая голландским философом Г. Гроцием и развитая в эпоху буржуазных революций XVII—XVIII вв. наряду с Т. Гоббсом, о котором уже шла речь, Б. Спинозой, Ж.-Ж. Руссо, И. Фихте, И. Кантом и многими другими, рассматривалась как наиболее полное выражение ошибочных представлений домарксовской философской и политической мысли по вопросу о государстве, как теоретическая основа оппортунизма и ревизионизма в рабочем движении.

Если к названным именам крупнейших философов — сторонников «общественного договора» добавить, что истоки этой концепции обнаруживаются еще в древности (в раннем буддизме, учении Мо-цзы, у Эпикура, Лукреция и ряда философов Средневековья), то станет очевидным, что перед нами сквозное, через всю историю социальной философии проходящее течение, в котором можно и должно обнаружить изрядную долю истины.

Таким истинным положением является фундаментальная для концепции «договора» интеграционная идея. Казалось бы, государство в его формационном ракурсе тоже интегрирует, но это интеграция особого рода. Во-первых, она принудительна по своей сущности и навязывается одной частью общества другой. У Руссо же и других «договорников» речь идет о состоянии общества, позволяющем осуществлять народный суверенитет и всеобщее фактическое равенство путем добровольного подчинения общей воле. В делегировании обществом части своих свобод им же поставленной над собой власти и состоит суть общественного договора. Во-вторых, интеграция, осуществляемая государством как формационным институтом, в силу своей принудительности остается поверхностной и сравнительно легко разрушимой. Хотели того или не хотели «договорники», но в их трудах разрабатывалась идея интеграции цивилизационной, цементирующей глубинные основы существования общества.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 34. — С. 307.

Без такой интеграции цивилизация с самого начала не могла бы состояться. Таким образом, государство возникало одновременно и как формационный, и как цивилизационный институт. При этом возникало оно из созданных общинами и племенами социальных институтов публичной власти, по отношению к которым только и правомерен, очевидно, договорной подход. Эти институты на завершающем этапе первобытного общества выходят из-под контроля своих создателей: состоящие в них должностные лица превращаются — на основе присвоения прибавочного продукта — в представителей нарождающегося эксплуататорского класса, а сами институты (в той мере, в какой они сохраняются) все более приобретают наряду с цивилизационным и формационный характер.

Цивилизационные функции государства

Конечно, цивилизационные функции государства существуют и реализуются не в каком-то рафинированном от формационных виде, в каком-то чистом социальном пространстве. Поскольку, как уже отмечалось, цивилизация, возникнув в целях *интегативных*, в течение тысячелетий могла выполнять эту свою миссию только в *дезинтегативной* форме, цивилизационные и формационные функции государства оказываются зачастую переплетенными. И все же цивилизационные функции государства могут и должны быть выделены.

Древнейшей из этих функций является *хозяйственно-организаторская*. Она не может быть сведена только к своей формационной составляющей, хотя, разумеется, государство вмешивается в экономику настолько активно, насколько это нужно для нормального функционирования опекаемого ею социально-экономического строя. В одних ситуациях для этого достаточно обеспечить правовую базу и общественную атмосферу, способствующие эффективному функционированию данной системы. В других ситуациях требуется более прямое вмешательство государства в экономику — контроль за монополиями, уровнем занятости и инфляции, перераспределение доходов и ресурсов, стимулирование экономического роста и т.д.

Совершая эту деятельность, государство осуществляет цивилизационные функции. Так, контроль за монополиями позволяет консолидировать общую волю подавляющего большинства населения — потребителей и их приоритет над производством и рынком. Но есть сферы, где цивилизационный момент безусловно преобладает. Это сферы, которые в отличие от отраслей,

производящих индивидуальные товары, производят товары общественного пользования и общественные услуги. К ним прежде всего следует отнести совершенствование и обслуживание *информационно-транспортной инфраструктуры*, без соответствующего уровня которой интегрированность общества, а, следовательно, и его цивилизованность существенно ослабляется. К этим сферам сегодня относится и наука, в особенности ее судьбоносные для страны отрасли (как фундаментальные, так и прикладные), принципиально меняющие технико-технологический базис общества. Известно, например, что создание компьютеров пятого поколения в Японии и США проходило не только под руководством государства, но и при его весомом долевым участии. Общецивилизационную функцию реализует государство и при осуществлении *прогнозирования и программирования* развития народного хозяйства.

По мере социализации всех сфер жизни общества цивилизационными становятся и функции *организации просвещения и здравоохранения*. В русле этой же тенденции сегодня появилась и быстро развивается самостоятельная *экологическая функция* государства.

Солидная общецивилизационная составляющая обнаруживается даже в такой «силовой» функции государства как *функция охраны общественного порядка*. Ведь отклонения от социальных и правовых норм совершаются в обществе не только по формуле «класс против класса»: девиантное поведение сплошь и рядом имеет своей причиной особенности личности — психологические (неустойчивость психики, чрезмерная подверженность человека воздействию внешней ситуации, а также собственным сиюминутным влечениям), микросоциальные (приобретенные в процессе воспитания нравственные установки и отношение к социальным нормам и ценностям), культурно-образовательные (в том числе уровень правовой осведомленности). Все эти особенности дают себя знать в общей направленности интересов личности, которая может совпадать с социальными нормами, а может и не совпадать. Во втором случае налицо антиобщественная установка личности, которая при соответствующем стечении обстоятельств может вылиться в акт отклоняющегося поведения.

Цивилизационная функция государства в этом отношении многогранна, включает в себя и широкую социальную профилактику возможных правонарушений, и выбор наиболее способствующих интеграции общества мер пресечения отклоняю-

щегося поведения, и гуманистическое отношение к личности преступника. Именно так была расшифрована эта цивилизационная функция государства V Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, который в своих документах заявил: «Значительный вред наносит широко распространенное, но ложное представление о том, что каждый правонарушитель является неполноценной личностью и что каждое совершенное уголовное действие является результатом каких-то патологических отклонений или неуравновешенности... Совершать преступление может совершенно нормальный человек... Все более ясно, что основная масса преступников становится таковыми в процессе дискриминационного отбора, остракизма, общественного презрения и наказаний, унижающих человеческое достоинство»¹.

Итак, с учетом и формационного, и цивилизационного смысла государства можно сказать, что *государство есть институт, призванный обеспечивать интегрированность общества, но одновременно выполняющий и специфические задачи тех социальных групп, которые его возглавляют.*

3. Экономика и политика

Вопрос о соотношении политики как специфической сферы жизнедеятельности общества с экономикой интересовал социальную философию издревле. Так, размышляя об оптимальной форме государственного устройства и правления, Аристотель пытался напрямую связать эту форму с определенными большими группами в социально-экономической структуре общества, а именно с так называемым средним классом, выделяющимся, по его мнению, из общей массы народа известным образовательным (следовательно, и имущественным) цензом. Если же власть принадлежит наиболее богатому меньшинству («аристократия», по Аристотелю), она имеет тенденцию деформироваться в такую «неправильную» форму, как олигархия, в узкокорыстную власть немногих. Минорно настроен Аристотель и по отношению к власти бедного большинства, к «политии», которая тоже способна деградировать, превращаясь в демократию. Заметим, что в данном случае Аристотель негативно оценивает демократию, сводя

¹Роль уголовного законодательства, отправления правосудия и других форм общественного контроля в предупреждении преступности. V Конгресс ООН. — Нью-Йорк, 1976. — С. 15.

ее по сути дела к охлократии, к власти толпы, хотя во многих местах своей «Политики» он отзывается о политике и демократии более положительно. Но во всех случаях он связывает «правильные» и «неправильные» формы политической власти с определенными социально-экономическими слоями.

**К вопросу
об этакратических
формациях**

Анализируя взаимосвязь экономики и политики, следует избегать двух крайностей. Одна из них заключается в абсолютизации активной роли политики, ее относительного первенства над экономикой. И тогда политика невольно превращается в демиурга не только отдельных сторон экономических отношений, но даже целых формаций.

В этой связи целесообразно остановиться на проблеме так называемых общественно-политических или этакратических (франц. *этат* — государство и греч. *кратос* — власть) формаций, вопрос о реальном историческом существовании которых неоднократно ставился в литературе последних лет.

Главный пафос соответствующей концепции состоит в том, что наряду с общественно-экономическими формациями утверждается существование формаций общественно-политических, в рамках которых экономика имеет подчиненный по отношению к политике характер.

При этом в качестве эталона такой формации принимают «азиатский способ производства», расширяя его географический ареал до предела и заменяя на этом основании эпитет «азиатский» на «государственный». В основании такого строя — «государственного способа производства» — по мнению сторонников этой концепции, лежит государственная властно-правовая иерархия. По существу, эта концепция представляет собой возврат к гегелевской правовой парадигме крупномасштабного членения исторического процесса, ибо и в случае с «азиатским способом производства» не государство породило особый тип экономики, основанный на государственной собственности, а, наоборот, экономика, стесненная специфическими природными условиями и нуждающаяся в использовании крупных оросительных систем, потребовала преждевременного (не подкрепленного еще процессами классообразования) формирования государства. Вполне естественно, что на первый план здесь выдвинулась хозяйственно-организаторская функция государства — руководство сооружением и эксплуатацией гидромелиоративных систем.

В качестве особой этакратической формации данная концепция рассматривает «советский феномен», т.е. общественно-экономический строй, сложившийся у нас после Октября 1917 г., и на основе его анализа формулирует «основной экономический закон этакратизма», заключающийся якобы в постоянном самовозрастании (укреплении, приумножении) государственной собственности. Но ведь в такой формулировке фактически речь идет только о средстве экономического развития и не схвачена его цель. Между тем само-то укрепление и приумножение государственной собственности может быть использовано в различных целях: либо в интересах наиболее полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей всего общества, либо в узкокорыстных интересах номенклатурной элиты.

В этом отношении советский строй прошел два основных этапа. Чтобы понять их сущность и выявить линию разграничения между ними, нужно иметь в виду, что воздействие государства на экономику может быть тройким:

а) государство может действовать в том же направлении, что и экономика — тогда развитие экономики идет быстрее;

б) государство может действовать наперекор тенденциям экономического развития — тогда экономика терпит крах через определенное время;

в) государство может ставить экономическому развитию преграды в одних направлениях и стимулировать его в других.

На первом этапе (условно до середины шестидесятых годов) воздействие государства на экономику шло по третьему варианту. С одной стороны, создание мощного государственного сектора и плановое регулирование позволили в кратчайшие сроки превратить ранее отсталую страну в державу с современной индустрией, всеобщей грамотностью, первоклассной наукой и на этой основе заметно поднять материальное благосостояние народа, его культурный уровень, выдержать испытания второй мировой войны. Но с другой стороны, в эти же десятилетия исподволь накапливались предпосылки для всестороннего, в том числе и экономического, перерождения общества¹. В этом направлении действовала все расширявшаяся практика волюнтаристского вмешательства государства в экономику (нарушение закона стоимости, огосударствление колхозно-кооперативного

¹См. об этом: *Крапивенский С.Э.* Парадоксы социальных революций. — Воронеж, 1992. — С. 113—116.

сектора, уравниловка в оплате труда рядовой массы и в то же время создание многогранной системы привилегий для номенклатуры и т.д.). Добавим к этому, что монопольное распоряжение собственностью создало благоприятную почву и для такого атрибута термидора, как коррумпированность управляющего аппарата снизу доверху.

На втором этапе воздействие государства на экономику идет уже по типичному второму варианту. Безраздельное господство этакратии, партийно-государственной бюрократии не просто упорочивается, но и претерпевает существенные изменения. Государственная собственность по существу превращается в ведомственно-монополистическую, и вот тогда-то наша экономика становится воистину самоедской: каждое ведомство заботится лишь о самовозрастании своей отрасли, не соотнося его с потребностями и возможностями общества в целом. При этом партгосбюрократия не могла не считаться с объективными экономическими законами, хотя каждый раз, когда обнаруживала, что действие этих законов противоречит ее эгоистическим интересам, волюнтаристски старалась их обойти. Но свидетельствует ли этот волюнтаризм в пользу концепции «общественно-политических формаций»? Ведь и здесь экономика, в конечном счете, взяла верх и поставила на повестку дня перестройку.

Частная собственность и демократия

Другая крайность, которая нередко встречается при анализе взаимосвязи политики и экономики, проявляется в попытках вывести напрямую (как у Аристотеля) форму политической власти из

того или иного типа экономической системы, а точнее — из лежащего в ее основе типа собственности. Эта крайность дает себя знать в литературе последних лет, когда социально-экономические основы свободы личности и демократии вообще, гарантии их нередко связываются прежде всего с собственностью частной, кооперативной, акционерной и индивидуальной, но отнюдь не с общенародной.

Между тем к оценке частной собственности (в том числе в аспекте ее воздействия на политическую жизнь общества) следует подходить конкретно-исторически. И тогда мы увидим, что в истории на базе частной собственности возникали и существовали различные и даже диаметрально противоположные формы политического правления и политические режимы — конституционно-монархические, республиканско-демократические, фашистские с формальным сохранением конституционности или

без оной и т.д. Что же касается мелкой частной собственности, апелляции к которой сегодня особенно часты, уместно напомнить полемику К.Маркса и Ф.Энгельса с Прудоном, считавшим этот вид собственности единственно отвечающим «природе человека». В пику Прудону они постоянно подчеркивали: безраздельное господство мелкой собственности привело бы к господству всеобщей серости и посредственности. Кстати, бюрократические, тоталитарные режимы в истории не раз возникали как раз на базе мелкой, раздробленной собственности.

Заметим, что полемика по поводу взаимосвязи частной собственности и демократии не раз возникала и в прошлом. В этом отношении представляет большой интерес статья М.Вебера «О буржуазной демократии в России», относящаяся к началу двадцатого века. Полемизируя с теми, кто полагал, что демократические ценности автоматически рождаются частнособственнической экономической системой, Вебер писал: «Как бы сильно не приходилось в борьбе за такие “индивидуалистические” жизненные ценности (“неотчуждаемые права человека”. — С.К.) учитывать “материальные” условия окружающего мира, столь же мало можно было бы предоставить “реализацию” этих ценностей “экономическому развитию”. Шансы “демократии” и “индивидуализма” ныне были бы куда как невелики, если бы в “развитии” их нам пришлось полагаться на “закономерное” действие *материальных* интересов»¹. И далее Вебер иронизирует над теми, кто живет в постоянном страхе, будто в мире окажется в будущем *слишком много* демократии и *слишком мало* «авторитета», «аристократии» и «уважения» к должности. «О том, чтобы деревья демократического индивидуализма не выросли до небес, уже позаботились и даже с избытком, — продолжает Вебер. — Весь опыт говорит о том, что “история” неизбежно вновь порождает “аристократии” и “авторитеты”, за которые может цепляться всякий, кто найдет это необходимым для себя или — для “народа”... Все *экономические* метеоприборы указывают в направлении возрастающей “несвободы”. Просто смехотворно приписывать современному развитому капитализму в том виде, в котором он ныне импортируется в Россию и существует в Америке, приписывать этой “неизбежности” нашего хозяйственного развития избирательное сходство с “демократией” или даже “свободой” в *каком-либо* смысле слова, в то время как вопрос-то может ставиться

¹ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. — 1992. — № 3. — С. 130—131.

только так: как вообще “возможно”, чтобы при его господстве все это, т.е. демократия и свобода, продолжалось? Фактически они существуют лишь там, где за ними — решительная воля нации не дать править собой как стадом баранов»¹.

Итак, по Веберу (и с этим выводом можно вполне согласиться), демократия и частная собственность, в том числе капиталистическая, не связаны напрямую, хотя капитализм и имел своей предпосылкой правовое освобождение личности. Связь между ними опосредована целым рядом политических феноменов — наличием необходимого для реализации демократической формы правления политических институтов, наличием давних и прочных демократических традиций, уровнем политической культуры власть придержащих и народных масс. Имея в виду все это, Вебер и пришел в своей статье к выводу, что тогдашняя «Россия “не созрела” для честной конституционной реформы»².

Для осуществления и поддержания демократии мало одного желания верхов и низов, их видимого согласия по этому вопросу. Масса граждан, включающая в себя все слои общества, должна быть элементарно воспитана и, таким образом, подготовлена к демократическим инновациям. В противном случае эти инновации отторгаются обществом как чужеродное тело. Вспоминается в связи с этим Герберт Спенсер: «Никакие хитро придуманные политические учреждения не могут иметь силы сами по себе. Никакое сознание их пользы не может быть достаточно. Важно только одно — характер людей, к которым применяются эти учреждения... Всякий раз, когда недостает гармонии между характером людей и учреждениями, везде, где учреждения введены насильственно революцией или навязыванием преждевременных реформ... является разлад, соответствующий этой несообразности»³.

4. Государство и гражданское общество

**Закрытые
и открытые
общества
в их отношении
к гражданам**

В предыдущих параграфах мы выяснили, что государство всегда — в большей или меньшей степени — является выразителем общей воли своих граждан. Если эта «общая воля» объемлет

¹ Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования. — 1992. — № 3. — С. 131.

² Там же. — С. 130.

³ Спенсер Г. Социология как предмет изучения. — СПб., 1986. — С. 268.

только круг вопросов, действительно представляющих общегражданский интерес (защита страны от нападения извне, охрана общественного порядка, поддержание стабильного экономического развития, действия по сохранению природной среды), и в то же время обеспечивается свободное решение гражданами их частных проблем, возникающих в негосударственных сферах жизнедеятельности — перед нами, с одной стороны, демократическое государство, а с другой стороны, гражданское общество. Если же государство распространяет свою волю на все сферы жизнедеятельности человека, подминая под себя гражданское общество, — перед нами тоталитарный строй, который пытается «заорганизовать» (любимое словечко бюрократов) не только общественную, но и частную жизнь, позволяя одно, предписывая другое, запрещая третье.

В терминах, введенных в социальную философию Карлом Поппером, эти противоположные по своему духу общества могут быть обозначены как *закрытое* и *открытое*. Под *закрытым обществом* Поппер имеет в виду тоталитаристское общество, воспетое Платоном и имеющее в качестве своих предтечи и образца для подражания магическое, племенное или коллективистское общество, характерное для первобытности. В таком обществе табу жестко регулируют все стороны жизни и господствуют над ними. Наш собственный образ жизни, замечает Поппер, все еще перегружен табу — пищевыми табу, табу вежливости и многими другими, и все же между нашим и племенными обществами есть существенные различия. «В нашем образе жизни, — разъясняет Поппер, — между законами государства, с одной стороны, и табу, которые мы привычно соблюдаем, — с другой, существует постоянно расширяющаяся область личных решений с ее проблемами и ответственностью. И мы знаем важность этой области. Личные решения могут привести к изменению табу и даже политических законов, которые более уже не представляют собой табу. Возможность рациональной рефлексии по поводу встающих перед человеком проблем — вот что составляет коренное различие этих двух типов общества»¹. Таким образом, *открытое общество* — это общество, в котором граждане вынуждены принимать личные решения и, следовательно, являются личностями. Нетрудно догадаться, что в таком случае они составляют гражданское общество.

¹Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. — Т. 1. — С. 217—218.

Особо махровый вид приобретает тоталитаризм в тех случаях, когда политическая власть монопольно прибирает к рукам собственность на средства производства. Крайней формой такого слияния власти и собственности была система, сложившаяся в нашей стране после 1917 г. В результате были задушены зародыши гражданского общества, создававшегося в России после отмены крепостного права. Сейчас, таким образом, задача состоит в возрождении гражданского общества, если мы действительно желаем развиваться по-цивилизованному.

«Непреодолимая парадоксия» Иногда можно встретить такое определение гражданского общества: «Все то, что не государство». И хотя научные определения так не даются, главное в нем все же «схвачено» — *гражданское общество есть сфера реализации особенных, частных интересов отдельных индивидов*. Как виделось Гегелю, это сфера, живущая по своим законам, и не во всем подвластная государству.

Отношение между гражданским обществом и государством являет собой выразительный пример единства противоположностей и их сложных взаимоотношений. С одной стороны, государство и гражданское общество взаимно дополняют друг друга до целостности, представляющей общество как таковое. Но, с другой стороны, единство это довольно противоречивое, что связано с диаметрально противоположными сущностями рассматриваемых явлений.

Как писал Н.А.Бердяев, «государство по своему происхождению, сущности и цели совсем не дышит и не движется ни пафосом свободы, ни пафосом добра, ни пафосом человеческой личности, хотя оно имеет отношение и к свободе, и к добру, и к личности. Государство есть прежде всего организатор природного хаоса, оно движется пафосом порядка, силы, мощи, экспансии, образования больших исторических тел. Принудительно поддерживая минимум добра и справедливости, государство никогда не делает этого из любви к добру и из доброты, доброта чужда государству, оно делает это потому, что без минимума добра и справедливости наступит хаос и грозит распадение исторических тел»¹. Личная судьба не интересует государство и не может быть им замечена. Между личностью (а значит, гражданским обществом) и государством существует вековая борьба, трагический конфликт, и эти отношения представляют

¹Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993. — С. 172.

собой, по Бердяеву, «непреодолимую парадоксию». Личность не может жить без государства, она признает его некоторой ценностью и готова действовать в нем, неся жертвы. И вместе с тем личность восстает против «холодного чудовища», которое давит всякое личное существование¹. Если даже отбросить некоторую категоричность, остается очевидным, что только зримая и незримая борьба между государством и гражданским обществом позволяет сохранять то динамическое равновесие, при нарушении которого вырисовываются либо хаос и дезорганизация, либо тирания и насилие. О том, насколько развито или не развито гражданское общество, можно судить по степени активности граждан и их добровольных объединений.

Структура гражданского общества

При попытке структурного анализа гражданское общество предстает перед нами как довольно сложное и специфическое образование в системе данного конкретного общества. Сложное — потому что оно включает в себя, пожалуй, все элементы системы «общество», за исключением своей антитезы — государства. Специфическое — ибо связи между элементами, составляющими гражданское общество, построены принципиально иначе, чем в обществе в целом и в такой его подсистеме как государство; если в последних преобладают связи соподчинительные, иерархические, вертикальные, то гражданское общество характеризуется прежде всего связями *горизонтальными, координационными*.

Чтобы дать элементарное представление о сложности и специфичности гражданского общества, попробуем в порядке перечисления обозначить его наиболее важные структурные единицы. *В экономической сфере* — это мелкие частные предприятия, кооперативы, акционерные общества и другие производственные ячейки, создаваемые гражданами по собственной инициативе; *в сфере социальной* — семья, органы самоуправления (по месту жительства, работы, учебы), политические партии и другие общественные организации, негосударственные институты исследования общественного мнения; *в сфере духовной* — негосударственные институты (например, церковь) и средства массовой информации, позволяющие реализовывать свободу совести, мысли и слова, добровольные научные, творческие и т.п. объединения. Уже это простое перечисление наводит на мысль, что в развитом гражданском обществе индивид в большинстве

¹Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993. — С. 174.

случаев встречается с государством не один на один, а в составе соответствующего общественного института, т.е. опосредованно. И в этом — важнейший критерий развитости гражданского общества.

Гражданское общество есть ценность цивилизационного порядка. Это приходится подчеркивать особо, ибо иногда противопоставление государства и гражданского общества по оси «упорядочение и централизация — децентрализация и свобода личности» явно смещается к линии «интеграция — дезинтеграция». В действительности же развитое гражданское общество несет двойную цивилизационную нагрузку: объединяя индивидов по различным основаниям, оно: 1) дополнительно социализирует их, 2) способствует более прочной интеграции общества в целом. В этой связи следует критически отнестись к десятому из марксовых «Тезисов о Фейербахе», который гласит: «Точка зрения старого материализма есть *гражданское общество*; точка зрения нового материализма есть *человеческое общество*, или обобществившееся человечество»¹. Впрочем, противопоставление «гражданского» «человеческому» и вывод об исчезновении гражданского общества в исторической перспективе полностью согласуется с уже рассмотренным взглядом Энгельса на цивилизацию как серию формаций, основанную на частной собственности и завершающую докоммунистическое развитие человечества. В подобной концепции гражданское общество ошибочно предстает как ограниченное и во временном, и в ценностном отношении.

Бюрократия и гражданское общество

На первый взгляд может показаться странным, что на вопросе о бюрократии акцентируется внимание в параграфе, посвященном гражданскому обществу.

В действительности же такая привязка имеет все логические основания, ибо бюрократия есть тот буферный слой между гражданским обществом и господствующими в государстве социальными группами, на который каждый раз натываются граждане при своем обращении к государству.

«Бюрократия» буквально означает господство канцелярии (от франц. *bureau* — канцелярия и греч. *kratos* — власть). В истории социальной мысли не раз встречается упрощенный подход к проблеме бюрократии, обуславливающий сугубо негативную ее оценку. Такой взгляд, например, прослеживается в марксизме

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 4.

и включает в себя три основных момента: 1) бюрократия рассматривается как феномен, присущий только обществу, основанному на социальном неравенстве и эксплуатации; 2) в связи с этим бюрократия подлежит ликвидации при переходе к новому общественному строю; 3) функции, выполнявшиеся бюрократией, при этом вполне может взять на себя совокупность граждан данного общества.

Принципиально иной взгляд на природу и судьбы бюрократии мы встречаем у М. Вебера, рассматривавшего бюрократию как естественную и необходимую форму всякой социальной организации (разумеется, предполагаемой в масштабе больших, а не малых социальных групп). Более того: бюрократия как управленческий слой имеет тенденцию к расширению и усложнению по мере усложнения самой социальной действительности и все большего продвижения общества в направлении, названном Вебером «формальной рациональностью». Рационализация социального действия, по Веберу, есть тенденция самого исторического процесса: рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется способ мышления людей, следовательно, должно рационализироваться управление во всех сферах. Отсюда — позитивное значение бюрократии и ее возрастающая роль как «штаба управления», состоящего из подготовленных к этому чиновников, действующих по строго формальным и рациональным правилам. Они должны быть компетентны, а для этого иметь юридическое и плюс к тому и специальное образование; независимыми от каких-либо иных структур и подчиненных только служебному долгу; рассматривать свою службу как единственную или главную профессию; работать в полном «отрыве от средств управления» и без присвоения служебных мест; подлежать строгой служебной дисциплине и контролю¹.

Вебер прекрасно понимал, что описывает теоретическую, идеальную модель бюрократической машины, но считал, что возможно перманентное совершенствование аппарата управления в этом направлении. В качестве главного гаранта такого совершенствования он рассматривает тех, кто стоит на вершине государственной лестницы: наследственных монархов, президентов, лидеров, избранных парламентом. Именно от них зависит, чтобы в обществе не воцарилось чисто бюрократическое господство. Между тем есть еще одна сила, которая при определенном уровне общественной зрелости и активности способ-

¹См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Bd. 2. — Köln-Berlin, 1964. — S. 162—163.

на в большей или меньшей степени сдерживать ультрабюрократические поползновения государственной машины — гражданское общество, представленное массовыми добровольными объединениями. Но эту силу Вебер в полном соответствии со своими взглядами на народные массы вроде бы не замечает.

Итак, не в интересах гражданского общества приостанавливать, а тем более ломать состоящую из специалистов-чиновников машину управления: слишком большой оказывается цена такой «ошибки» для общества, выбиваемого из рула нормального функционирования. Но в интересах гражданского общества осуществлять постоянный и эффективный контроль за бюрократией, стремясь свести к минимуму свою отчужденность от государства. При отсутствии такого демократического пресинга бюрократия, в силу своей внутренней природы, имеет тенденцию максимизировать эту отчужденность.

Политические партии Важную роль в жизни общества, особенно современного, играют политические партии. В структуре общества им принадлежит специфическое место — на стыке между гражданским обществом и государством, отсюда и их роль связующего звена между ними. Но этим «пограничная» сущность и роль партий не ограничивается. С одной стороны, они привносят в гражданское общество значительный элемент политизации, т.е. того, что характерно для сферы государства. И в этом смысле не вполне корректно определять гражданское общество как всю совокупность неполитических отношений в обществе: правильней было бы говорить о совокупности негосударственных отношений. С другой стороны, партии в связи со своей политичностью имеют тенденцию (в особенности в случае прихода к власти) к огосударствлению, что отрицательно сказывается на гражданском обществе. Хрестоматийным примером судьбы гражданского общества при огосударствлении монополюльно стоящей у власти партии стал послеоктябрьский опыт нашей страны.

Когда возникли партии? Однозначного решения этого вопроса в исторической науке до сих пор нет, причем разброс мнений достаточно велик — от XVI в., когда французская королева Екатерина Медичи создала так называемую «срединную» партию «политиков» (не католиков и не протестантов), до времен Французской революции с ее клубами, ассамблеями, политическими группами. Мы не говорим уже о попытках обнаружить политические партии чуть ли не в античных Греции и

Риме. Думается, что подобный разброс проистекает не только от субъектов познания, обнаруживающих отличающиеся друг от друга подходы к исследованию, но и от самого объекта познания (партии), развивающегося во времени и приобретающего в каждую историческую эпоху новые черты.

В переводе с латинского слово *партия* означает часть чего-то (*partio* — делю, разделяю). Но чего именно? И здесь мы сразу обнаруживаем правильность только что высказанного предположения. На ранних этапах партии без больших погрешностей можно было рассматривать как наиболее активную в политическом отношении часть того или иного класса. Такими были, например, первоначально партии тори и вигов, возникшие в Англии в 70—80 гг. XVII в. — первая как партия крупных землевладельцев и верхушки англиканской церкви, а вторая как партия крупной торговой и финансовой буржуазии в союзе с обуржуазившейся дворянской аристократией. Но сегодня классовые грани между партиями оказываются в значительной степени размытыми, в их составе мы встречаем представителей различных социальных слоев, что связано, с одной стороны, с расширением программных целей партий, преодолением ими узкоклассовых ориентиров, а с другой стороны, более широким подходом сегодняшнего гражданина к своему партийному выбору. Исходя из этой эволюции можно сказать, что *партия есть часть граждан общества, объединившихся на основе единых политических интересов и целей.*

Наряду с партиями в гражданском обществе существуют, сотрудничая либо соперничая друг с другом, другие добровольные объединения и движения. Каковы же те признаки, по которым можно отличить политическую партию от других объединений?

Во-первых, целью любой партии всегда является завоевание власти во имя осуществления своих программных задач, которые могут предусматривать в одних случаях кардинальное изменение социально-экономического строя, а в других — совершенствование существующего, его корректировку в интересах определенных слоев общества. Такая корректировка, например, не раз происходила в странах Западной Европы, когда власть переходила из рук социалистов (социал-демократов, лейбористов) в руки неоконсерваторов и наоборот. Внепартийные объединения не «властолюбивы», цели их более узки и конкретны (скажем, защита интересов фермеров, охрана природной среды и т.п.). Разумеется, между внепартийными объединениями и

партиями нет «китайской стены», и первые в ходе своего развития могут превратиться в партии, как это случилось с «зелеными» в ФРГ.

Во-вторых, партии в отличие от большинства других добровольных объединений граждан выступают под знаменем определенной идеологии. Как бы и кто бы не ратовал за деидеологизацию общественной жизни, исторический опыт подсказывает, что идеологического вакуума в политизированном обществе быть не может. Об этом свидетельствует, в частности, опыт революционных эпох: крушение рабовладения, а затем и ранние буржуазные революции проходили под знаменем религиозной идеологии; зрелые буржуазные революции, начиная с Французской, — под знаменем идеологии буржуазно-демократической или революционно-демократической. И каждый раз идеология порождается не самим движением, не самой партией, исходящей из своего «здравого смысла», а привносится в партию интеллигентами-идеологами, разделяющими ее конечные цели. Тем более наивно думать о том, что социальные преобразования в конце XX в. (в том числе в России) могут быть успешно осуществлены на основе «здравого смысла», без солидного идеологического обоснования.

В-третьих, политические партии представляют собой довольно устойчивые организации. Так, уже перешли через двухсотлетний рубеж упоминавшиеся тори и виги, с 1828 г. существуют Демократическая, а с 1854 г. — Республиканская партии в США.

В науке и публицистике многих стран сегодня оживленно обсуждается вопрос о грядущей участи политических партий. Вопрос не надуманный, если учесть, что в гражданском обществе и Старого и Нового Света растет антипатия по отношению к политическим партиям и к политической сфере жизни вообще, а функции партий в значительной степени берут на себя средства массовой информации (пропагандистская функция) и независимые кандидаты (представительская функция). Тем не менее партии остаются солидной политической силой и — что самое важное — принимают всевозможные меры для повышения своего рейтинга и привлечения новых избирателей. В частности с целью приобретения в общественном мнении статуса общенародных, партии идут сознательно на размывание своей идеологической и социально-классовой определенности, принимая за образец модель американских партий — республиканской и демократической. Таким образом, то, что было сказано несколько выше о характерных чертах политических партий от-

носится в чистом виде к партиям классического типа и должно в каждом конкретном случае корректироваться с учетом современной ситуации.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. На каком основании функции государства можно подразделить на формационные и цивилизационные?
2. В чем Вы усматриваете положительный смысл теории «общественного договора»?
3. Как взаимосвязаны между собой экономика и политика?
4. Что такое «гражданское общество»?
5. Какова роль бюрократии в системе общественных отношений?
6. Какую роль играют партии в государстве и гражданском обществе?

Глава девятая

ДУХОВНОЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Мы переходим к изучению самой возвышенной сферы жизнедеятельности общества и человека — духовной сферы. Именно здесь рождается и реализуется то, что отличает человека от других живых существ — дух, духовность. Здесь рождаются духовные потребности, начиная с самых элементарных и кончая утонченными и синтетичными; здесь разворачивается производство идей — этих уникальных творений человеческого духа; здесь в значительной степени происходит и их потребление (оговорка «в значительной степени» связана с тем, что многие идеи создаются для сфер практической деятельности — материального производства, охраны природной среды и здоровья человека, политики и военного дела — и потребляются ими).

Возвышенной является духовная сфера жизни общества и в плане генетическом: будучи порождением общественной практики, исторически она завершает собой формирование социума как такового. Напомним, что именно выделение умственного труда было завершающим актом в процессе общественного разделения труда. Возникнув как подсистема социума, духовная жизнь достроила социум доверху.

1. Духовная жизнь как подсистема социума

Духовные потребности

Генетическая связь духовной жизни с другими сферами жизни общества имеет своим следствием одно немаловажное обстоятельство: принципиально единую для всех сфер цепочку деятельности, ведущую к конечному результату.

Первым звеном в этой цепочке выступают *духовные потребности, т.е. нужда людей и общества в целом в создании и освоении духовных ценностей* (потребность в нравственном совершенствовании, в удовлетворении чувства прекрасного, в сущностном познании окружающего мира и т.д.). Ради удовлетворения этих

потребностей совершается духовная деятельность и формируется уникальная отрасль духовного производства¹.

Первоначальные, элементарные духовные потребности не существовали в отдифференцированном от материальных виде, а само духовное производство было вплетено в производство материальное. И только впоследствии, по мере того как производство материальных благ создало для этого общественные условия (в виде устойчивого воспроизводства прибавочного продукта), а удовлетворение одних духовных потребностей породило лавинообразную цепь рождения новых потребностей, духовное производство превратилось в самостоятельную, постоянно растущую по значению отрасль. Разумеется, общественные условия для появления и удовлетворения тех или иных духовных потребностей не могут быть сведены только к сугубо материальным: потребности эти по всей своей цепочке — от зарождения до потребления — детерминированы характером господствующего политического строя и его отношением к гражданскому обществу, состоянием общественного сознания в данную эпоху, культурного уровня субъекта потребностей и т.д.

Духовные потребности в литературе нередко определяют как *состояние людей*, побуждающее их к созданию и освоению духовных ценностей, и в таком определении «схвачен» очень важный психологический момент. Но если поставить вопрос: «А чем предопределяется само это психическое состояние?» — то мы невольно обратимся к тем факторам, о которых только что шла речь. В частности, от совокупности всех этих факторов зависит величина того свободного времени, которым располагает индивид если не для производства, то хотя бы для потребления духовных ценностей.

В главе третьей мы уже подчеркивали, что тезис о первичности материальных отношений и вторичности производности духовных не следует понимать упрощенно и выводить духовные отношения прямо и непосредственно из материальных. Опосредованный характер носит и зависимость между материальными и духовными потребностями, они не находятся в отношении причины и следствия. Материальные потребности исторически предшествуют духовным, но они не определяют последние, а выступают лишь в качестве условия, создающего возможность их появления, развития и потребления.

¹См.: Духовное производство / Отв. ред. В.И.Толстых. — М., 1981. — С. 129—150.

ющее собой в своем современном виде производство многофункциональное и многоотраслевое. Переходя к рассмотрению этих отраслей и функций, сразу же оговоримся, что при всей многоплановости сохраняется единая, генеральная цель духовного производства — воспроизводство общественного сознания в его целостности.

Среди функций духовного производства выделим прежде всего духовную деятельность, направленную на совершенствование всех остальных сфер жизни общества (экономической, политической, социальной). В литературе иногда эту функцию обозначают как «производство новых технологий», что не совсем точно, ибо в подавляющем большинстве случаев речь идет о сохранении на базе совершенствования уже имеющихся технологий, в том числе и социальных. Если бы общество было нацелено только на создание принципиально новых технологий, общественная жизнь превратилась бы в сплошные перевороты, поскольку был бы нарушен чрезвычайно важный баланс между традиционным и новаторским в функционировании социума.

Следует, очевидно, различать производство идей прикладных, одухотворяющих процесс каждодневного совершенствования общественной жизни, и производство идей фундаментальных, способных во многих случаях взорвать старую «технология», и если не вывести ту или иную сферу (а то и общественную жизнь в целом) на новые горизонталы, то, по крайней мере, наметить принципиально новые цели и ориентиры. Примером таких фундаментальных идей могут служить концепция разделения властей в политико-правовом сознании, идея мессианства в сознании религиозном, теория относительности в естественнонаучном сознании и т.д. Производство фундаментальных идей относится к числу важнейших функций духовного производства.

Однако процесс духовного производства нельзя считать завершенным, как только получены новые идеи, прикладные и фундаментальные. Здесь все обстоит так же, как в производстве материальном: продукт труда должен дойти до потребителя, т.е. пройти через стадии распределения и обмена, которые в духовном производстве принимают специфический облик. В связи с этим можно говорить о функции производства знания об этих идеях и распространении (трансляции) этого знания. Эту функцию осу-

ществляет общеобразовательная и высшая школа, культурно-просветительные учреждения, средства массовой информации.

Есть еще одна важная функция духовного производства — производство общественного мнения. Нетрудно догадаться, что эта функция неотрывна от функции производства и распространения знания, как бы вплетена в нее. Выделяя же ее в качестве сферы относительно самостоятельной, мы подчеркиваем то немаловажное обстоятельство, что в ней более рельефно выражен идеологический момент. Конечно, любое распространение знания есть в известной степени процесс идеологический, поскольку сам распространитель — учитель, лектор, журналист и т.д. — симпатизирует взглядам той или иной политической партии, той или иной философской системы, религиозного или атеистического мировосприятия и в своей просветительной деятельности вольно или невольно эти симпатии проявляет. Но в процессах, специально направленных на формирование общественного мнения, идеологический момент нередко получает доминирующее значение.

Духовное потребление

То, что было сказано об идеологическом моменте в духовном производстве, позволяет лучше понять и духовное потребление. Достаточно поставить вопро-

сы: «Почему для одной части общества характерно активное потребление духовных ценностей, а другая часть населения потребляет довольно пассивно?», «Почему потребление тех или иных духовных ценностей в одних случаях носит элитарный, а в других — массовый характер?», — чтобы существование определенных социокультурных условий и механизмов не только духовного производства, но и духовного потребления стало очевидным.

К этим социокультурным механизмам относится прежде всего язык. Хотя каждый конкретный социум и консолидируется единым языком, но индивиды внутри него резко отличаются друг от друга по объему своего словарного запаса с амплитудой колебания от Шекспира, словарный запас которого по подсчетам исследователей был близок к 12 000 слов, и до какой-нибудь современной «плодоедки Элочки», свободно обходящейся... 30 словами.

Но ведь за словарным запасом (и его количественной, и его качественной стороной) стоят совершенно определенные социальные характеристики индивида — его общеобразовательный и культурный уровень, его принадлежность к той или иной большой социальной группе (в том числе к профессиональной), специфика микросреды, в которой он сформировался или к которой

принадлежит сегодня. Чем выше образовательный и культурный уровень человека, тем шире его познавательный мотив: любое преподносимое ему знание он рассматривает как благо, не деля его на сию-минуту-полезное и бесполезное; он активно потребляет знание, откладывая при этом часть его про запас. Немаловажную роль играет и социальная принадлежность потребляющего. Часть транслируемого на него знания о духовных ценностях кажется ему непривлекательным с точки зрения его профессии, многое просто выходит за пределы той системы духовных ценностей, которая сложилась и санкционирована в его социальной группе.

Наконец, эффективность трансляции знаний в немалой степени зависит от самих субъектов духовной деятельности — от тех, кто производит духовные ценности, и от тех, кто их «доставляет» потребителю. Эффект трансляции определяется, в частности, тем, насколько удачно или неудачно выбрано «поле аргументации», т.е. насколько учтено созвучие избранных для доказательства аргументов духовному настрою потребителя.

Духовное производство, будучи отраслью целостного общественного производства, является (наряду с материальным) производством отношений между людьми. Специфика духовных отношений, их отличие от материальных была уже рассмотрена в главе третьей.

2. Общественное сознание и его структура

Переходя к анализу общественного сознания как совокупного продукта духовного производства, мы избавлены от необходимости повторять то, что было сказано об этом феномене в связи с кратким обзором материалистического понимания истории в контексте логики развития социальной философии (см. главу первую, параграф 3). Это позволяет сразу же перейти к рассмотрению тех вопросов, которые значительно углубляют наше представление об общественном сознании. Исходным в этом отношении несомненно является проблема идеального.

*Идеальное есть субъективный образ объективного мира, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли*¹. Сразу же подчеркнем общественно-исторический характер идеального как продукта и формы ду-

¹См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. — М., 1984. — С. 165.

ховного производства: по меткому сравнению Э.В.Ильенкова, человек, изъятый из сплетения общественных отношений, мыслит также мало, как и мозг, изъятый из человеческого тела. Обратим внимание и на то обстоятельство, что идеальное выступает не только формой сознания и воли человека, но и формой его *деятельности*. Таким образом, общественное сознание, идеальное привносят активность в отношения человека к природе, в отношения людей друг к другу, да и в состояние общества в целом. В результате включенности идеального в материальную общественную систему само-то материальное как бы раздваивается на материю первозданную и материю окультуренную, преобразованную с помощью идеального. В общественной практике (особенно современной) эти разновидности материального настолько переплетены, что только сама практика способна разрешить вопрос, какие черты предмета даны от природы, а какие привнесены деятельностью человека.

В литературе нередко встречается понятие *материального бытия идеального*, которое схватывает весьма существенный момент — воплощенность идеального в материальном. *Внутренне* идеальное воплощено в нервно-физиологической структуре мозга, *внешне* — в языке и всевозможных физических субстратах (в скульптурах, зданиях, технике, одежде и т.д. и т.п.). Но было бы ошибочным принимать эту материальную форму выражения идеального за само идеальное.

Не будучи материальным, идеальное в то же время сплошь и рядом выступает как *объективное*. Этот статус оно приобретает в тех случаях, когда из продукта индивидуального сознания превращается в элемент сознания общественного, в массовидный социокультурный стереотип, стандарт, эталон. В этом смысле общественное сознание по характеру его воздействия на множество индивидуальных порой сравнивают с известным нам уже Левиафаном, подчеркивая тем самым не только независимость совокупного общественного сознания и форм его организации от отдельного человека, но и превращение их в социальную силу, противостоящую индивидам, господствующую над их волей и сознанием.

К сказанному в первой главе об общественном бытии и его соотношении с общественным сознанием следует добавить, что производность, вторичность общественного сознания отнюдь не означает умаления его роли по сравнению с общественным бытием. Общественное

**Относительная
самостоятельность
общественного
сознания**

сознание выступает как необходимая сторона общественно-исторического процесса, как функция общества в целом. Вне сознания нельзя представить себе процесс общественной жизни, понять ход истории и объяснить ее события: история превратилась бы в «жизнь без самой жизни» (Гете), в бездуховность.

Вторичность не означает и отсутствия самостоятельности общественного сознания. Конечно, эта самостоятельность не абсолютна — речь идет о самостоятельности в рамках определяющего воздействия общественного бытия на общественное сознание. Самостоятельность же проявляется в том, что получая импульсы к изменению от общественного бытия общественное сознание развивается по своим собственным внутренним законам. Следовательно, чтобы ответить на вопрос: «В чем заключается относительная самостоятельность общественного сознания?» — надо предварительно ответить на другой вопрос: «Каковы внутренние законы развития общественного сознания?».

Прежде всего выделим закон *отсутствия «жесткой связи» между общественным бытием и общественным сознанием*. Правда, формулировки законов, как правило, фиксируют наличие каких-то связей, а не их отсутствие. Но в данном случае негативность, заложенная в формулировку, довольно точно «схватывает» суть закона. В одних исторических ситуациях эта закономерность проявляется в тенденции отставания общественного сознания от общественного бытия. Для такого отставания существуют гносеологические основания, поскольку сознание вторично по отношению к бытию. Как любил говорить Гегель, «сова Минервы вылетает только ночью», т.е. сначала («днем») происходят изменения на земле, а уже затем («ночью») представительница богини мудрости их обзревает. «День» и «ночь» — лишь иносказательное обозначение эпох. Пока то или иное общество развивается по восходящей, общественное сознание, за редким исключением, не обнаруживает тех тенденций, развитие которых подталкивает общество к нисхождению. Сознание этого появляется обычно тогда, когда значительная часть нисходящей траектории уже пройдена. Эти гносеологические основания отставания сознания от событий в реальном обществе подкрепляются еще и социальными факторами — интересами тех больших групп, которые, с одной стороны, всячески оберегают от критики устаревшие идеи и даже гальванизируют их, а с другой, препятствуют распространению прогрессивных взглядов и теорий.

Однако закон отсутствия «жесткой связи» между бытием и сознанием обнаруживается и в способности общественного соз-

нения *опережать* общественное бытие. Такой способностью в особенности обладает теоретическое сознание. Когда, скажем, появились неевклидовы геометрии Лобачевского и Римана, современники буквально пожимали плечами: они не знали таких объектов, к которым эти выводы были бы применимы. И только позднее, по мере проникновения человека в пространства микромира и мегамира (космоса) неевклидовы геометрии получили не только признание, но и широкое применение.

Говоря об относительной самостоятельности общественного сознания, необходимо выделить и *закон преемственности* его развития. Поясним его действие на примере. Историкам хорошо известна яркая и неповторимая эпоха европейского Возрождения. Можно ли духовное, в том числе философское, содержание Возрождения вывести только и непосредственно из творчества Данте, Николая Кузанского, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Эразма Роттердамского, Шекспира, т.е. из инноваций гениев XIV—XVI вв.? Несомненно, социальные сдвиги, которыми ознаменовалось уже начало развития капитализма, имело первостепенное значение для становления гигантов Возрождения. Но само это становление было бы невозможно, если бы оно не опиралось на гуманистическое наследие предшественников и, в частности, на традиции античной философии и культуры.

Функционирует и *закон взаимодействия различных форм общественного сознания*. Политическое, правовое, философское, религиозное, нравственное, художественное сознание оказывают влияние друг на друга. При этом одна из форм может даже выступать в качестве определяющей. Так, в тоталитарных обществах «под каблуком» господствующего политического сознания (и политической практики, разумеется) находятся, по сути дела, все остальные формы. Из содержания нравственного сознания выбрасываются общечеловеческие моральные ценности, и нравственным объявляется лишь то, что служит достижению поставленных данным политическим строем целей. Гитлер, например, публично провозгласил «освобождение» немцев от такой, по его мнению, химеры, как совесть. В «служанку» политической идеологии превращается философия. Это отнюдь не означает абсолютного застоя философской мысли в условиях тоталитаризма (скажем, в последние семь десятилетий у нас): несмотря на все препоны и рогатки шло накопление прогрессивных идей для последующего взлета философского сознания. В нашей стране такой взлет был подготовлен трудами Э.В.Иль-

енкова, П.В.Копнина, А.Ф.Лосева, Т.И.Ойзермана, М.К.Мамардашвили, Э.С.Маркаряна и др. Но факт остается фактом — философия в значительной степени была вынуждена приспособлять свои выводы к потребностям и мифам тоталитарного режима. Превратные изменения происходят и с религией, изменения, которые Гегель с полным основанием назвал бы очередной «иронией истории». Религия, которая сама когда-то (в условиях европейского Средневековья) была высшей санкцией существующего строя, попадает сейчас под его пяту. Мы не говорим уже о правосознании, основные принципы которого — и прежде всего принцип презумпции невиновности — вытесняются соображениями «революционной», «национально-патриотической» и т.п. целесообразности.

Рассмотрим еще один и, пожалуй, важнейший закон, характеризующий общественное сознание — *закон активного обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие*. Сразу же оговоримся, что термин «обратное воздействие» применен здесь довольно условно, т.е. общественное бытие и общественное сознание в интересах анализа разводятся настолько, чтобы можно было их взаимодействие выразить в привычных понятиях кибернетики. В действительности же, как мы видели, общественное бытие и общественное сознание не суть нечто внешнее по отношению друг к другу: общественное бытие реализует себя и функционирует посредством сознания, т.е. как писал М.К.Мамардашвили, общественное бытие содержит в себе свои же отображения в качестве необходимого внутреннего элемента собственного действия¹. Вот эта органическая, системная зависимость и придает такую активность общественному сознанию.

Таким образом, воздействие общественного сознания на общественное бытие не может рассматриваться как простая способствующая функция: дескать, и без такого воздействия общественное бытие будет функционировать и совершенствоваться, а воздействие лишь видоизменяет формы и темпы социальных процессов. На самом деле все обстоит, как мы видели, сложнее, органичнее и системнее, хотя на формы и темпы развития бытия сознание тоже воздействует. При этом необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, сознание влияет на развитие общества не само по себе, а через *деятельность* людей, исходящих из определенных обыденных или теоретических

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М., 1990. — С. 298.

взглядов. И во-вторых, активное воздействие на общественное бытие оказывают как прогрессивные, так и консервативные и даже реакционные идеи. А это означает, что сознание может ускорять развитие общества, может его консервировать и может даже способствовать его повороту вспять.

Общественная психология и идеология

Общественное сознание представляет собой очень сложное в структурном отношении образование. В связи с этим его деление на структурные элементы может быть проведено по разным основаниям. Во-первых, таким основанием может служить специфика тех сторон действительности, которые отражаются общественным сознанием, и тогда мы говорим о его формах; во-вторых, деление может быть проведено в связи с субъектами сознания, и тогда наряду с сознанием всего общества должно рассматривать сознание больших социальных групп и даже индивидуальное сознание. И, наконец, структура общественного сознания может рассматриваться под углом зрения *уровня*, глубины отражения общественным сознанием социальной действительности, и тогда в качестве основных структурных элементов выделяются общественная психология и идеология. С характеристики этих элементов мы и начнем структурный анализ общественного сознания.

Общественное сознание каждой исторической эпохи (исключая первобытнообщинный строй) имеет два уровня: психологический и идеологический.

Общественная психология есть совокупность чувств, настроений, обычаев, традиций, побуждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп (класса, нации и т.д.). Общественная психология вырастает непосредственно под влиянием конкретно-исторических условий социального бытия. И поскольку эти условия для каждой из больших групп различны, неизбежно различаются между собой и их социально-психологические комплексы. Эти специфические черты особенно ощутимы в классовом обществе¹. Разумеется, в социально-психологических комплексах противоположных классов имеются в каждой стране и общие черты, связанные с ее историческими особенностями, национальными традиция-

¹Студенты-историки, очевидно, хорошо знают об этих различиях по монографиям: *Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. — М., 1962; *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. — М., 1964; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1972; *Он же.* Проблемы средневековой народной культуры. — М., 1981.

ми, культурным уровнем. Не случайно мы говорим об американской деловитости, немецкой пунктуальности, российской обязательности и т.д.

Идеология есть система теоретических взглядов, отражающая степень познания обществом мира в целом и отдельных его сторон, и как таковая она представляет более высокий по сравнению с общественной психологией этаж, уровень общественного сознания — уровень теоретического отражения мира. Если при анализе психологии социальных групп мы пользуемся эпитетом «общественная», ибо существуют еще психология возрастная, профессиональная и т.п., то понятие «идеология» в таком дифференцирующем эпитете не нуждается: нет идеологии индивидуальной, она всегда носит общественный характер.

Необходимо иметь в виду, что понятие «идеология» употребляется в социальной философии в еще одном, более узком смысле — как система теоретических взглядов одной большой социальной группы, прямо или опосредованно отражающая ее коренные интересы. Таким образом, если в первом случае доминирует *познавательный* аспект, выясняется уровень общественного сознания, то при втором варианте применения акцент смещается в сторону *аксиологического* (ценностного) аспекта, причем оценка тех или иных социальных явлений и процессов дается с узкогрупповых позиций.

Если общественная психология формируется стихийно, непосредственно под воздействием тех жизненных обстоятельств, в которых находится класс, то идеология преимущественно выступает как продукт теоретической деятельности «особо уполномоченных» представителей данного класса — его идеологов, которые, по выражению Маркса, теоретически приходят к тем же самым выводам, к которым класс в целом приходит практически. Очень важно отметить, что по своему социальному положению идеологи класса могут и не принадлежать к данному классу, но выражая на языке идеологии интересы класса, идеологи служат ему, составляют его интеллигенцию.

Соотношение между общественной психологией и идеологией предопределено тем, что первая является эмоциональным, чувственным, а вторая — рациональным уровнем общественного сознания. Известно, что чувственное познание вообще есть недостаточный (поверхностный), но необходимый этаж сознания, поскольку только благодаря ему наш мозг может получить первичную информацию о мире и из нее синтезировать знание о сущности вещей. Общественная психология есть то непосред-

ственное отражение внешних проявлений социальной действительности, которое составляет своеобразный базис для возникновения соответствующей идеологии. Идеология проясняет то, что смутно схвачено психологией, глубоко проникает в сущность явлений.

Отношение между идеологией и общественной психологией весьма сложно. С одной стороны, формируясь, идеология базируется на определенных сторонах психологии данной социальной группы. С другой стороны, идеология не есть простое пассивное отражение особенностей общественной психологии. Появившись на свет, она способствует усилению одних психологических черт своего класса и ослаблению, сведению к минимуму других.

В философской и исторической литературе очень часто встречаются понятия «*обыденное сознание*» и «*массовое сознание*». И хотя, как следует из названий, понятия эти предназначены для характеристики разных сторон общественного сознания (в первом случае нас интересует степень «онаученности» сознания, во втором же — степень его распространенности в обществе), до настоящего дня они в самой значительной степени совпадают по своему объему и поэтому — и то и другое вместе могут быть определены как *сознание эмпирическое, стихийно возникающее в процессе повседневной житейской практики и характерное для основной массы членов общества*. Сложнее выглядит их соотношение с общественной психологией и идеологией. Нередко можно встретиться с попыткой свести все содержание обыденного и массового сознания исключительно к социально-психологическому слою. Это неправомерно и в особенности это неверно по отношению к современному обществу, обыденное и массовое сознание членов которого уже заметно теоретизировано и идеологизировано.

На всех этапах исторического развития социально-психологический фактор играет активную роль. Можно, например, четко проследить закономерности психологического вызревания социальных революций, равно как и те психологические факторы, которые позволяют стабилизировать послереволюционное общество. Так, на анализе перехода от рабовладения к феодализму Энгельсом была прослежена обратная связь психологического фактора и социально-экономического переворота. «Рабство, — отмечал он, — перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был

безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства¹. Таким образом, переход к новым производственным отношениям («выбор» их) определяется не только экономическим фактором (уровнем производительных сил), но и фактором психологическим: насколько тот или иной уклад морально правомерен или осужден в глазах общества.

Менталитет

В последнее время в исторической, социально-психологической и философской литературе получает права гражданства

понятие *менталитета*, определение которого либо вообще не встречается в энциклопедических и учебных изданиях, либо, если присутствует, является довольно приблизительным. В этой связи тем более значимым становится соотнесение феномена, рефлекслируемого в понятии «менталитет», с общественной психологией в целом и с каждым из ее уровней, в частности.

На наш взгляд, следует говорить о трех уровнях общественной психологии:

1) общественная психология первого (низшего) уровня как элементарное отражение фундаментальных условий жизни социума и отдельных индивидов в нем: технико-технологических, природных (в том числе демографических), конкретно-исторических (в том числе этнических);

2) общественная психология второго уровня как отражение уже не только указанных выше фундаментальных факторов, но и сложившихся не без помощи первого уровня общественной психики экономических отношений;

3) общественная психология третьего уровня, содержание которой определяется в значительной степени обратным активным воздействием на нее со стороны политической и духовной надстройки.

Подчеркнем, что переход с одного уровня общественной психологии на другой носит кумулятивный характер: происходит не смена основного содержания, а его удержание и соответствующее наращивание за счет подключения новых объективных факторов, находящихся свое отражение в общественной психике. Поэтому, если говорить о третьем уровне, то здесь мы имеем дело уже с общественной психологией в значительной мере по-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 149.

литигированной и «одухотворенной». Последний эпитет приходится брать в кавычки, поскольку воздействие надстроечного этажа социума (политики, искусства, философии) на психологию далеко не однозначно — оно, это воздействие, может в одних случаях возвышать чувства, привычки, настроения, гуманизировать их, а в других — делать их более низменными, эгоцентристскими и даже человеконенавистническими.

Сводим ли менталитет к одному из этих уровней (скажем, к первому)? К двум нижним? Или к общественной психологии в целом? Если правилен последний вариант ответа, то тогда теряет смысл само введение в канву теоретического анализа понятия «менталитет», ибо оно перестает нести самостоятельную эвристическую нагрузку, превращаясь в дублера «общественной психологии». А дублиры в науке, в отличие от космонавтики, как известно, не нужны. Нам представляется, что *менталитет как духовно-психологический облик общества* объемлет собой два «нижних» уровня общественной психологии. Что же касается третьего, вырастающего на базе обратного воздействия на психологию надстроечных факторов, то необходимо учитывать специфические закономерности подобного воздействия.

Идеология не создает в массах какие-то новые чувства, а лишь кристаллизует, осознанно оформляет их, активизируя одни (в зависимости от социально-классового содержания идеологии и надстройки в целом) и погашая по мере возможности другие. Таким образом, менталитет представляет собой наиболее фундаментальное и глубинное, а потому и наименее изменяемое в общественной психологии большой социальной группы (класса, нации и т.п.), в то время как политическое и идеологическое воздействие на него сравнительно кратковременно и приводит лишь к количественным, внутримерным изменениям менталитета. Кстати, именно в таком методологическом ключе, как нам представляется, решал проблему идейно-психологического воздействия марксизма на Россию, на российский менталитет Н.А.Бердяев: марксизм не разрушал извечные основы этого менталитета, накладываясь на созвучные себе черты русского коммунизма — общинное сознание, стремление к максимальной социальной справедливости и вселенской соборности.

**Общественное
и индивидуальное
сознание**

На первый взгляд, выделение наряду с общественным сознанием сознания индивидуального, их подразумевающееся противопоставление друг другу может показаться излиш-

ним. Разве человек, индивид не есть существо общественное, а поскольку это так, то разве его индивидуальное сознание не есть в то же время сознание общественное? Да, в том смысле, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, сознание индивида действительно носит общественный характер, ибо его развитие, содержание и функционирование определяется теми социальными условиями, в которых он живет. И все же сознание отдельного индивида далеко не тождественно ни сознанию общества в целом, ни даже сознанию той социальной группы, к которой данный индивид принадлежит.

Индивидуальное сознание есть отражение общественного бытия отдельным человеком через призму конкретных условий его жизни и деятельности. Это значит, что в сознании индивида сосуществуют (в одних случаях гармонично сочетаясь друг с другом, а в других — находясь в антагонистическом противоречии) различные духовные пласты и элементы, связанные с воздействием сознания того или иного класса, малых социальных групп (например, семьи), национального сознания и, наконец, общественного сознания эпохи. Таким образом, индивидуальное сознание — это своеобразный сплав общего, особенного и единичного в сознании личности. Общее в индивидуальном сознании отражает те стороны общественного бытия, которые характерны для данной исторической эпохи и для данной общественно-экономической формации. Особенное — это отражение принадлежности его к данному классу, нации, социальной и профессиональной группе и т.д. Единичное — это все то, что связано с индивидуальностью данной личности, что отличает ее от других членов общества. Уникальность, неповторимость сознанию индивида придает именно специфическое сочетание в каждом отдельном случае элементов единичного, особенного и общего.

Взаимодействие, взаимоотношения общественного и индивидуального сознания носят диалектически противоречивый характер. С одной стороны, индивидуальное сознание проникнуто и, как правило, в массе своей организовано общественным сознанием, «насыщено» им. Но с другой стороны, содержание самого общественного сознания имеет своим единственным источником сознание индивидуальное. И то, что для меня и моих современников выступает как абсолютно надличностное, персонифицированное, на самом деле было внесено в общественное сознание конкретными личностями и теми, имена которых мы помним — Эпикуром и Кантом, Шекспиром и Чайковским,

Фомой Аквинским и Августином Аврелием, Ф.Бэконом и Марксом, Коперником и Эйнштейном, — теми тысячами и сотнями тысяч, имена которых в том же самом общественном сознании не сохранились. Выдающийся отечественный историк Е.В.Тарле писал: «Вряд ли что может быть труднее для историка известного идейного движения, как разыскивание и определение начала этого движения. Как зародилась мысль в индивидуальном сознании, как она себя поняла, как перешла к другим людям, к первым неопитам, как постепенно видоизменялась...»¹. Прослеживая (и прежде всего по первоисточникам) этот путь, историк воспроизводит на конкретном материале механизм включения инноваций индивидуального сознания в содержание общественного.

Еще одна важная закономерность: функционирование идеи уже включенной в содержание общественного сознания, ее «жизнь» или, напротив, возможное «умирание» также неотрывны от индивидуального сознания. Если идея длительное время не функционирует ни в одном индивидуальном сознании, она выходит в «тираж погашения» и в сознании общественном, т.е. умирает.

Для правильного понимания характера, содержания, уровня и направленности индивидуального сознания большое значение имеет успешно развиваемая нашим обществоведением в последние десятилетия категория «*социальная микросреда*». Использование этой категории позволяет вычленив из общего представления «социальная среда» конкретный и чрезвычайно важный ее фрагмент. Дело в том, что социальная среда, формирующая духовный мир индивида, не есть нечто единое и одноплоскостное. Это и *мегасреда* — огромный современный мир вокруг человека с его политическим, экономическим и идейно-психологическим противоборством и в то же время единством. Это и *макросреда* — скажем, наше недавно еще советское, а сейчас постсоветское общество. Это и *микросреда* — непосредственное социальное окружение человека, в качестве основных компонентов (референтных групп) которого выступают семья, первичный коллектив — учебный, трудовой, армейский и т.д. — и приятельское окружение. Понять духовный мир данного конкретного индивида можно только с учетом воздействия на его сознание мега-, макро- и микросреды, причем воздействия неравномерного в каждом конкретном случае.

¹Тарле Е.В. Дело Бабефа: Очерк по истории Франции // Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. — М., 1981. — С. 29.

Сегодня категория «социальная микросреда» получила права гражданства во многих науках — в правоведении, педагогике, социологии, социальной психологии и т.д. И каждая из этих наук на богатейшем материале подтверждает чрезвычайно большую роль микросреды в формировании и ее дальнейшей жизнедеятельности. При всей значимости объективных социально-экономических условий жизни весьма важным, может быть даже решающим, для формирования нормативных установок личности является нередко идеологический и социально-психологический климат в семье, трудовом коллективе, приятельском окружении. Именно они непосредственно создают тот интеллектуальный и моральный стержень личности, на котором затем будет основано либо моральное и правомерное, либо аморальное и даже преступное поведение. Разумеется, индивидуальные особенности сознания детерминируются не только микросредой: необходимо учитывать не в меньшей степени и антропологические (биологические и психологические) особенности самой личности, обстоятельства его личной жизни.

3. Формы духовно-практического освоения социальной действительности

Почему многообразие?

Почему единство?

Общественное бытие отражается общественным сознанием в различных формах. Такое многообразие обусловлено сложностью объекта познания — окружающего нас мира, который не может

быть сколько-нибудь достаточно познан в единой форме. Различные формы общественного сознания отражают различные стороны действительности, в связи с чем они характеризуются не только специфическим содержанием, но и специфическим способом познания своего объекта.

При этом формы общественного сознания возникают неодновременно, а по мере, во-первых, усложнения общественного бытия и, во-вторых, развития и обогащения познавательных способностей человека. Исторически первой формой общественного сознания является моральное сознание. Оно также древне, как и само общество, ибо никакой социальный коллектив не может существовать, если его членами не соблюдаются определенные нормы поведения. В условиях первобытного общества возникают еще две формы общественного сознания — сначала эстетиче-

ское, затем религиозное. Более позднее происхождение религии приходится подчеркивать особо потому, что церковники и богословы пытаются внушить мысль о вечности религии, о ее первичности и по отношению к морали, и по отношению к искусству. В связи с переходом к классовому обществу возникают *политическое сознание* и *правосознание*, а позднее — в связи с отделением трудящегося от физического — *научное* и *философское* сознание.

Возникновение форм общественного сознания нельзя представлять как процесс законченный. По мере усложнения общественного бытия в целом или выхода на передний план какой-то одной стороны (сферы) социальных отношений возникает необходимость в новой форме социального отражения и одновременно вызревают возможности ее появления. Так, сегодня с полным основанием можно говорить о рождении *экологической* формы общественного сознания, вызванной к жизни небывалым усложнением и обострением в сфере взаимодействия общества и природы и соответственно обострением отношений между людьми по поводу их отношения к природе.

До сих пор мы говорили о *многообразии* форм общественного сознания. Но общественное сознание характеризуется также и *единством* всех этих многообразных форм. Объяснение этого единства мы находим также в самой природе отражаемого объекта: ведь несмотря на свою сверхсложность общественное бытие представляет собой единое целое.

Об историческом сознании

Каждый из нас не раз слышал и читал об «историческом сознании», а порой и сам произносит это словосочетание. Но каков статус этого понятия? Можно ли считать историческое сознание еще одной относительно самостоятельной формой общественного сознания? Или перед нами *срез*, хотя и очень важный, с общественного сознания в целом?

Даже среди самих историков нет единого мнения на этот счет, начиная с вопроса о временных характеристиках этого духовного феномена. Одни авторы считают, что той специфической стороной социальной действительности, которую призвано отражать историческое сознание, является прошлое общественное бытие, и в таком случае историческое сознание сводится к исторической памяти. Другие видят в историческом сознании совмещение всех трех временных проекций — прошлого, настоящего и будущего. Расшифровывая данное положение, М.А.Барг писал, что историческое сознание общества включает в себя «его *родовое* прошлое

(генезис), его *видовое* настоящее (данная фаза общественной эволюции) и его прозреваемое будущее, вытекающее из явного или неявного *целеполагания*¹. Соглашаясь с М.А.Баргом в принципе, ибо историческое сознание только при таком совмещении может быть истинным, целостным и плодотворным, обратим внимание на несомненное вторжение исторического сознания в таком случае в «суверенные» пространства других наук — социологии, когда речь идет о настоящем; футурологии, когда мы пытаемся понять «прозреваемое будущее» и т.д.

В конечном счете, как нам представляется, и сам М.А.Барг склоняется к выводу о том, что историческое сознание, несмотря на поистине непреходящее значение для общества содержащейся в нем информации, не представляет собой самостоятельную форму общественного сознания. «Неправомерно, — пишет он, — без всяких оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое лишь измерение, срез второго»². И все же точку в решении этой проблемы ставить еще рано, тем более что повысившийся к ней сегодня интерес может привести к появлению новых аргументов и новых концепций.

* * *

По своим социальным функциям все формы общественного сознания можно разделить на две группы: а) формы, в которых происходит духовно-практическое освоение социальной действительности (моральное, политическое и правовое сознание); б) формы духовного освоения всего окружающего мира (искусство, философия, религия). Конечно, деление это в известной степени условно. Так, например, религия во многих обществах выполняет рельефно выраженную регулятивную функцию.

В данном параграфе будет дана характеристика форм общественного сознания, отнесенных к первой группе.

Моральное сознание

Происхождение и сущность морали

Особую роль в жизни общества, в регулировании поведения его членов играет мораль — форма общественного сознания, в которой находят свое отражение взгляды и представления, нормы и оценки поведения отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом. Выполняя, наряду

¹ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М., 1987. — С. 5.

² Там же. — С. 5—6.

с появившимся позднее правом, роль регулятора поведения людей, мораль в то же время принципиально отличается от него по ряду существенных моментов.

1. Мораль — такая регулятивная система, которая обязательна для каждой формационной и цивилизационной ступени развития общества. Право же является атрибутом только «государственных» формаций, в которых мораль сама по себе не может обеспечить соответствующее данному общественному порядку поведение людей.

2. Нравственные нормы поведения поддерживаются лишь общественным мнением, правовые нормы — всей силой государственной власти. Соответственно и нравственная санкция (одобрение или осуждение) имеет идеально-духовный характер: человек должен осознать оценку его поведения общественным мнением, принять ее внутренне и скорректировать свое поведение на будущее. Юридическая же санкция (награда или наказание) принимает характер принудительной меры общественного воздействия.

3. Принципиально отличаются друг от друга и категории правовых и моральных систем. Если основными категориями права выступают законное и незаконное, правомерное и неправомерное, то основными оценочными категориями морали и этики (науки, изучающей моральные отношения и моральное сознание) являются: добро, зло, справедливость, долг, совесть, честь, достоинство, счастье, смысл жизни.

4. Моральные нормы распространяются и на такие отношения между людьми, которые не регулируются государственными органами (дружба, товарищество, любовь и др.).

С появлением классового общества мораль принимает во многих своих проявлениях классовый характер не только по своему содержанию, но и по своему субъекту: можно совершенно точно говорить о морали классов господствующих и о морали классов угнетенных. В связи с этим можно выделить исторические типы морали: мораль рабовладельцев и мораль рабов, мораль феодалов и мораль крепостных крестьян, мораль буржуазии и мораль пролетариата.

При анализе морали и оценке ее конкретных форм одинаково вредно и ошибочно как игнорирование классовых аспектов в содержании морали, так и их абсолютизация. Дело в том, что в морали

Общечеловеческое в морали

заключено и общечеловеческое, цивилизационное по своему смыслу, ядро, обладающее кумулятивными свойствами: от эта-

па к этапу оно впитывает в себя и наследует общезначимые высокие нравственные идеалы и благородные моральные принципы.

Под общечеловеческими имеются в виду элементарные (простые) нормы нравственности и справедливости, которые являются отражением в сознании людей реально существующего, сложившегося в течение веков и тысячелетий порядка во взаимоотношениях между людьми. Социальное назначение этих элементарных правил общежития состоит в том, чтобы охранять членов общества от различных эксцессов, угрожающих жизни, здоровью, безопасности, достоинству и благополучию людей. Простые нормы нравственности осуждают как величайшее зло убийство, воровство, насилие, обман, клевету. К элементарным нормам нравственности относятся также забота родителей о воспитании детей, забота детей о родителях, уважение к старшим, вежливость, тактичность и т.д.

Из поколения в поколение простые нормы нравственности и справедливости входили в плоть и кровь народной психологии, вращались в живую ткань языка, формировались в пословицы и поговорки. Мы ощущаем это в гимнах индийских Вед, мифах Эллады, в скандинавских сагах, в рунах Калевалы, в былинах о русских богатырях. Во всех языках мира существуют десятки и сотни слов, которыми общество клеймит нарушения простых норм нравственности: низость, подлость, мерзость, злодейство, лицемерие и т.д. В народе говорят: под лежащий камень и вода не течет; не рой яму другому — сам в нее попадешь; береги честь смолоду. Эти нормы — общечеловечны.

Профессиональная этика

Среди нравственного наследия прогрессивного человечества большую ценность представляют и требования высокой профессиональной этики. История показывает, что в действительности не только каждый класс, но даже каждая профессия имеет свою собственную мораль. *Профессиональная этика есть совокупность моральных норм, определяющих отношение человека к своему профессиональному долгу, а посредством его — к людям, с которыми он связан в силу характера своей профессии, и, в конечном счете, к обществу в целом.*

Люди разных профессий трудятся в не совсем одинаковых практических, конкретно-социальных условиях. У одних профессий совершенно отсутствует живой объект труда, у других он есть и к тому же различен (больные — у медицинских работ-

ников, ученики — у педагогов, зрители и слушатели — у деятелей искусств, клиенты — у юристов). Не совсем одинаково складывается внутри определенных профессий и отношение к соотарищам по труду. Таким образом, профессиональная сфера деятельности вызывает определенную модификацию нравственной психологии и индивидов.

Политическое сознание

Специфика политического сознания

Поскольку политическое сознание, подобно большинству других форм общественного сознания, имеет два уровня — психологический и идеологический, — возможны два соответствующих определения. Первое из них (широкое) наряду с сущностными признаками идеологического отражения действительности призвано включить в себя и атрибуты психологического. И тогда мы можем сказать, что *политическое сознание есть совокупность чувств, устойчивых настроений, традиций, идей и цельных теоретических систем, отражающих коренные интересы больших социальных групп, их отношение друг к другу и к политическим институтам общества*. Если из этого определения исключить структурные единицы, из которых складывается чувственное познание политического бытия общества, то фактически речь будет идти о политической идеологии.

Но тогда наше знание политического сознания общества будет далеко не полным, а некоторые чрезвычайно важные моменты останутся вообще за пределами нашего понимания. Скажем, можно ли понять до конца причины многих сегодняшних межнациональных конфликтов, не принимая во внимание те устойчивые антипатии (или, наоборот, симпатии), которые существуют у одного этноса по отношению к другому? Можно ли не учитывать политические настроения масс (а в их составе — отдельных групп и слоев), замышляя и пытаясь осуществлять общественно значимые реформы? Настроения масс, равно как и указанные симпатии и антипатии, да и все традиции и привычки прошлого — феномен объективный, с которым государство, партии и политическая практика в целом не могут не считаться. К сожалению, по отношению к психологическому «этажу» политического сознания, политической психологии общества обнаруживается серьезная недооценка и в социально-философской и в исторической литературе.

Политическое сознание отличается от других форм общественного сознания не только специфическим объектом отражения (политическое бытие общества) и — соответственно — специфическим категориальным аппаратом, но и более конкретно выраженным субъектом познания. Конечно, в политическом сознании общества известное место занимают и категории, отражающие общецивилизационные политические ценности (демократия, разделение властей, гражданское общество и т.д.), но все-таки превалируют те чувства, традиции, взгляды и теории, которые циркулируют короткое время и в более сжатом социальном пространстве.

Эта специфика становится легко объяснимой, как только мы вспоминаем, что политическое сознание обязано своим возникновением расколу общества на большие социальные группы с диаметрально противоположными социально-экономическими интересами. К тому же возникает еще один политический фактор, требующий специальной рефлексии: появляются полиэтнические государственные образования с весьма непростыми отношениями между населяющими их народами, а также не менее сложные межгосударственные отношения. И если в массах все эти политические явления фиксируются прежде всего в определенных чувствах, настроениях и социально-психологических установках, то мыслители (идеологи) воспроизводят их уже в виде идей и цельных теоретических систем, носящих субъективный отпечаток определенной социальной принадлежности, чаще всего классовой либо национальной.

Объясняя этот духовный феномен, К.Поппер писал: «Социальная среда мыслителя определяет целую систему убеждений и теорий, которые представляются ему безусловно истинными или самоочевидными. Поэтому он даже не отдает себе отчет в том, что вообще принимает какие-либо допущения. Однако то, что он на самом деле принимает допущения, можно увидеть, если сравнить его с мыслителем, живущим в другой социальной среде. Этот второй мыслитель также исходит из системы безусловных, как ему кажется, допущений, но уже совершенно иной, которая может быть настолько иной, что между этими двумя системами вообще может не существовать никакого интеллектуального моста, невозможен никакой компромисс. Каждую из таких различных социально детерминированных систем допущений социологи знания называют *тотальной идеологией*»¹.

¹Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. — Т. 2. — С. 246—247.

И если Гегель «водораздел» между идеологиями проводил по государственно-этническим границам и в связи с этим говорил о едином «национальном духе», то под влиянием Маркса в социальной философии утвердилось мнение о наличии нескольких, причем иногда противоположных «тотальных идеологий» внутри одной нации, которые соответствуют определенным классам, общественным слоям или социальным стратам данного общества. Отметим, что взгляды Гегеля и Маркса не исключают друг друга: на разных этапах развития одного и того же социума на первый план может выходить либо одно, либо другое.

Идеологические принципы и политическая практика

обходимость оценивать ее в гносеологических категориях истинного и ложного.

Ответ на вопрос о причинно-следственной субординации идеологических принципов и политической практики будет неоднозначным в зависимости от того, какие принципы мы имеем в виду (принципы как результаты исследования социально-экономической действительности или принципы априорные), а также от того, какую практику мы имеем в виду (более или менее совершенную и всестороннюю или несовершенную и одностороннюю).

Для правильного ответа на вопрос о политической практике как критерии истинности идеологических принципов напомним, что этот критерий не только абсолютен (в силу своей единственности), но и относителен: сама практика может быть (и, как правило, бывает) далека от совершенства. Поэтому, когда налицо конфликт между политической практикой и идеологическими принципами, надо строго проанализировать саму практику, вскрыть вероятные моменты ее несовершенства и устранить их вместо приспособления теории к несовершенной практике, а тем более полного, зряшного отвержения теории. Это отнюдь не означает, что политическая практика не может и не должна корректировать систему идеологических принципов, но совершает это она только по каналам обратной связи.

В реальной политической жизни и в ходе идеологической борьбы встречаются исключаящие друг друга схемы представлений о взаимодействии политической практики и идеологических принципов (см. рис. 16).

Как мы уже видели, социальная среда накладывает заметный отпечаток на построения политических идеологов (как и мыслителей вообще). И поскольку идеология есть явление духовное, то невольно возникает потребность и

Рис. 16

Суть рассуждений и выводов такова: если мы на практике не достигаем результатов, то виновны в этом идеологические принципы, и их требуется или отбросить, или, по крайней мере, основательно подкорректировать. При этом не отрицается, что сами-то «виноватые» принципы были в свое время синтезированы из политической практики (хотя, как будет показано ниже, не только из нее). Но эта исходная практика объявляется безнадежно устаревшей, да и к тому же не совсем правильно понятой. Представляется, что это слишком упрощенная схема. Более точной будет схема, представленная на рис. 17.

Рис. 17

По этой схеме идеологические принципы оказываются результатами исследования не только и не столько политической практики, сколько социально-экономической действительности в целом; политическая же практика входит в последнюю в качестве одного из компонентов, причем компонентов производных. Если налицо негативные результаты политической практики, это отнюдь не означает, что немедленно должны отбрасываться и корректироваться соответствующие идеологические установки. Сигналы рассогласования поступают из политической практики в идеологию, которая на основе этого «заказа» углубляет и обновляет свой анализ социально-экономической действительности (сюда входит и скрупулезный анализ самого «заказчика») и вносит, если оказывается необходимым, коррективы в систему принципов. Этот прирост информации (Δ) передается в политическую практику и служит для нее руководством к действию.

Воздействие идеологии на политическую практику осуществляется через овладение ею сознанием людей, в том числе политическим массовым сознанием. Любая корректировка идеологической системы влечет за собой необходимость соответ-

вующей переориентации масс. Это обязывает еще более осторожно и взвешенно обращаться с идеологическими принципами, а тем более с опаской относиться к их ниспровержению.

Правосознание

Формационное и цивилизационное в праве

У нас уже был повод упомянуть о том, что в доклассовом обществе в качестве единственного регулятора поведения людей и соблюдения ими социальных норм выступает мораль. Раскол общества на классы сделал невозможным функцио-

нирование единых для всех нравственных правил поведения. Господствующие в экономике, а следовательно, и в политической надстройке, классы стремятся так «урегулировать» поведение всех членов общества, чтобы удержать свое господство, придать охраняемым общественным отношениям упорядоченность и стабильность. Этим правилам (нормам) государство придает обязательный характер, санкционируя их обязательность всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Так появляется *право — система социальных норм и отношений, охраняемых силой государства*. При этом право не есть самостоятельный вид общественных отношений, а скорее та форма, в которой узаконивают себя (легитимизируют) все другие отношения — экономические, политические, семейные и т.д.

Таким образом, право носит формационный характер и в том смысле, что оно отвечает интересам господствующего класса, и в том смысле, что оно отражает уровень классовой борьбы, соотношение борющихся классовых сил. Поэтому в одних исторических условиях право предстает как «...резкое, несмягченное, неискаженное выражение господства одного класса...»¹, а в других — как «дитя компромисса» антагонистических сил. Вспомним, например, ситуацию в Германии второй половины прошлого века, связанную с введением Бисмарком «Исключительного закона» против социалистов и его последующей отменой и, в порядке противопоставления, ситуацию в Англии времен так называемой «славной революции» (80-е годы XVII в.).

В то же время было бы отступлением от истины сводить характер права, правовых отношений только к их формационно-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 37. — С. 418.

му смыслу, игнорируя их цивилизационный смысл. В защиту данного тезиса можно привести следующие аргументы.

Во-первых, строго говоря, право старше классового общества. Уже в условиях первобытного общества ощущается потребность в каких-то дополняющих мораль регуляторах и возникает т.н. обычное право, целая система племенных обычаев. Между прочим, исторические источники свидетельствуют, что формирование писаного права (в частности, римского) происходило и за счет облечения в письменную форму издавна существовавших обычаев. Таким образом, право уже в лице обычного, вплетенного в мораль, выступает как цивилизационное средство предупреждения произвола и беспорядка, способных превратить общество в нечто асоциальное и анархичное.

Во-вторых, право выступает как юридическая форма осуществления всех цивилизационных функций государства и других политических институтов.

В-третьих, право в своем формировании и развитии испытывает детерминирующее воздействие не только экономики и политики, но и такого мощного неформационного фактора, как культура. Право не может быть выше культурного уровня общества, перепрыгнуть через него. Например, как бы не старались мы сегодня поднять повыше планку личных свобод, ее неизбежно тянет вниз недостаточная культура нашего общества.

На социально-психологическом уровне правосознание представляет собой совокупность чувств, навыков, привычек и представлений, позволяющих человеку ориентироваться в правовых нормах и на правовой основе регулировать свои отношения с другими физическими и юридическими лицами, государством и обществом в целом.

Уже в правовых чувствах содержится определенная установка индивида на межличностные, хозяйственные и прочие отношения с другими людьми и обществом в целом, а также оценка своего правового статуса как справедливого или несправедливого, правомерного или неправомерного. Эти чувства могут адекватно отражать объективный статус личности (например, его свободу или несвободу), но могут — в силу разных причин — быть и иллюзорными. Правовые *навыки* представляют собой закрепленные по ходу житейской практики стереотипные приемы законопослушного (либо неправомерного) поведения. Здесь мы имеем аналогию с интуитивным способом нахождения истины: выбор поведения осуществляется без каких-либо

развернутых рассуждений, исходя из накопленного правового опыта. Важным элементом правовой психологии являются правовые *привычки*, т.е. выработанная по мере приобретения навыков потребность поступать именно так, а не иначе. Навыки и привычки в регулировании правовых отношений играют противоречивую роль. С одной стороны, они облегчают и упрощают реализацию правовых отношений, переводя их как бы на полуавтоматический режим. С другой стороны, они вносят в общественную жизнь определенный элемент рутинности, консерватизма. Конкретные общества отличаются друг от друга в зависимости от того, какие правовые привычки и навыки в них преобладают — привычка к «не укради!» или привычка к хищению чужого (тем более «казенного»), привычка к добросовестному выполнению служебных обязанностей или привычка к очковтирательству.

Наконец, в правовую психологию входят и *знания* в виде определенных представлений о правомерном и неправомерном, о справедливости, равенстве, демократии и т.д. На первый взгляд, включение знаний в психологию может показаться парадоксальным, но ведь речь-то идет только о представлениях, а последние, как известно, являют собой промежуточную познавательную форму, переходную от чувственного к рациональному познанию. Древние римляне говорили: «*Video meliora proboque, deteriora sequor*» — «Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему». И дело не в лицемерии, хотя и таковое нередко встречается. В этом изречении схвачено своеобразное противоречие между правовыми знаниями и правовыми чувствами, навыками, привычками, обнаруживаемое в массовом поведении: человек знает «что такое хорошо и что такое плохо», но груз привычек влечет его не в лучшем направлении.

Правосознание как идеология Другой уровень правосознания представлен правовой идеологией. Если на психологическом уровне зримо проявляется элемент индивидуального в правосознании, то на идеологическом уровне это индивидуальное нивелируется, и правовая идеология предстает перед нами как теоретическое знание, выражающее правовые взгляды и интересы больших социальных групп.

Из всех форм общественного сознания к правосознанию наиболее близки нравственное и политическое.

Что касается нравственного сознания, то оно явилось тем духовным образованием, в чреве которого зародилось сознание

правовое. Это стало возможным именно потому и только потому, что нравственное и правовое сознание выполняют единую *регулятивную* функцию в обществе. В силу этого и нравственные, и правовые взгляды носят, как правило, нормативный и оценочный характер. На близость между собой этих форм указывает единство многих используемых ими категорий («свобода», «справедливость», «долг», «права личности» и т.д.), хотя каждая из этих форм общественного сознания вносит в их понимание определенные нюансы. Так, существуют различия между долгом моральным и долгом служебным, несоблюдения которого влечет за собой правовые санкции. Или: то, что справедливо с точки зрения юридической, может выглядеть несправедливым в плане моральном. Есть, конечно, и такие понятия, которые отсутствуют в правосознании, но чрезвычайно важны для нравственного сознания. К ним относятся «милосердие», «искренность», «дружелюбие», «скромность», «самоотверженность», «лицемерие», «подлость», «угодничество» — качества, отсутствие или наличие которых не подлежит уголовному, а в большинстве случаев и административному преследованию. Но для нравственного сознания они чрезвычайно важны, ибо позволяют понять внутреннюю мотивацию деятельности человека, его субъективный мир¹.

Непросты взаимоотношения правосознания и с сознанием политическим. С одной стороны, как уже говорилось, они чрезвычайно близки друг другу, близки настолько, что нередко о них пишут через черточку («история политических и правовых учений», «политико-юридические взгляды» и т.д.). И в этой «черточке» содержится изрядная доля истины, поскольку каждая социально-экономическая и политическая сила имеет свое правосознание и, борясь за политическую власть (а тем более захватив ее), она пытается воплотить это правосознание в легитимной правовой системе. В результате наряду с политическим фронтом борьбы за командные высоты в обществе возникает еще один фронт — юридический. Наглядное свидетельство этого мы обнаруживаем в России последних лет, где каждая из основных политических сил боролась и борется за свой вариант Конституции, свой вариант приватизации, свой вариант закона о собственности на землю и т.д.

С другой стороны, поскольку правосознание есть и одна из духовных форм цивилизованности, борющиеся общественные

¹См.: Общественное сознание и его формы. — М., 1986. — С. 128—129.

силы должны искать правовой консенсус, если они не хотят свергнуть страну в бездну анархии. Безошибочным индикатором стремления одной из сил повернуть общество к авторитарному, а то и к тоталитарному, режиму служит пренебрежение общедивульзованными правовыми нормами и замена их принципом «революционной целесообразности». Видный русский философ XX в. И.А.Ильин писал: «Само собой разумеется, что всюду и всегда могут встречаться нецелесообразные или несправедливые законы, такие, которые были неудачны с самого начала, или такие, которые с течением времени утратили свою жизненную полезность, но закон не отменен, он должен применяться и соблюдаться, по римской формуле — “суров закон, но он закон”»; это есть единственное средство поддерживать правопорядок в стране, укреплять его и не отдавать его в жертву произволу, мирской корысти и случайности. Тот, кто умеет блюсти “суровый” закон вплоть до самой его отмены, — тот *предотвращает анархию и бесправие, ограждает принцип права и воспитывает правосознание своих сограждан*¹.

4. Формы духовного освоения окружающего мира

Эстетическое сознание

Эстетическое или художественное сознание принадлежит к числу древнейших форм общественного сознания. Само слово «эстетика» происходит от греческого *эстетикос* — чувствующий, чувственный, а *эстетическое сознание есть осознание общественного бытия в форме конкретно-чувственных, художественных образов*. Очень часто эстетическое сознание отождествляется с искусством, что не совсем точно. Искусство включает в себя деятельность общества по производству художественных ценностей и сами результаты этого производства — художественные образы, но за его пределами остается очень важный компонент эстетического сознания — сознание потребителей художественных ценностей. Поэтому, очевидно, целесообразно рассматривать проблему искусства и его гносеологической специфики во взаимосвязи с проблемой массового эстетического сознания, определяющего собой общественные функции искусства и тенденции его развития.

¹Ильин И.А. Путь к очевидности. — М., 1993. — С. 253.

Искусство и действительность

Слово «искусство» и в русском и многих других языках употребляют в двух смыслах — в узком (специфическая форма практически-духовного освоения мира), и в широком — как высший уровень мастерства, умения, независимо от того, в какой сфере жизни общества они проявляются (полководческое искусство, мастерство хирурга, сапожника и т.д.). Нас сейчас интересует анализ искусства именно в первом, узком смысле слова, хотя оба смысла между собой связаны исторически. Искусство как самостоятельная форма общественного сознания и как отрасль духовного производства выросло из производства материального, было первоначально вплетено в него в качестве хотя и эстетического, но сугубо утилитарного момента. Человек, подчеркивал А.М.Горький, по натуре своей художник и он всюду так или иначе стремится вносить красоту. Эстетическая деятельность человека постоянно проявляется в его труде, в быту, в общественной жизни, а не только в искусстве. Происходит эстетическое освоение мира общественным человеком.

Искусство выполняет цельную систему общественных функций.

Во-первых, это его *познавательная функция*. Произведения искусства являются ценным источником информации о сложных общественных процессах, порой о таких, сущность и динамику которых наука схватывает гораздо труднее и с запозданием (например, повороты и переломы в общественном сознании).

Разумеется, не все в окружающем мире интересует искусство, а если и интересует, то в разной степени, да и сам-то подход искусства к объекту своего познания, ракурс его видения весьма специфичен по сравнению с другими формами общественного сознания. Генеральным и единственным объектом познания в искусстве всегда был и остается *человек*. Вот почему искусство в целом и, в частности, художественную литературу именуют человековедением, учебником жизни и т.п. Тем самым подчеркивается еще одна важнейшая функция искусства — *воспитательная*, т.е. его способность оказывать неизгладимое воздействие на идейное и нравственное становление человека, его самосовершенствование, или, напротив, падение.

И все-таки познавательная и воспитательная функции не являются специфическими для искусства: эти функции выполняют и все другие формы общественного сознания. Специфической функцией искусства, делающей его искусством в подлинном смысле слова, является его *эстетическая функция*. Вос-

принимая и постигая художественное произведение, мы не просто усваиваем его содержание (подобно содержанию физики, биологии, математики), мы пропускаем это содержание через свое сердце, свои эмоции, даем чувственно-конкретным образам, созданным художником, эстетическую оценку как прекрасного либо безобразного, возвышенного или низменного, трагического или комического. Искусство формирует в нас саму способность давать подобные эстетические оценки, отличать подлинно прекрасное и возвышенное от всевозможных подделок.

Познавательное, воспитательное и эстетическое в искусстве слито воедино. Благодаря эстетическому моменту, мы наслаждаемся содержанием художественного произведения, и именно в процессе наслаждения просвещаемся и воспитываемся. В связи с этим иногда говорят о гедонистической функции искусства (от греч. — *гедоне* — удовольствие).

Много веков в социально-философской и эстетической литературе продолжается спор о соотношении прекрасного в искусстве и действительности. При этом обнаруживаются две основные позиции. Согласно одной из них (в России из нее исходил Н.Г.Чернышевский в своей диссертации «Об эстетических отношениях искусства к действительности»), прекрасное в жизни всегда и во всех отношениях выше прекрасного в искусстве. В таком случае искусство предстает копией (копией с типических характеров и предметов самой действительности) и суррогатом действительности. Предпочтительней, очевидно, альтернативная концепция (Гегель, А.И.Герцен и др.): прекрасное в искусстве выше прекрасного в жизни, ибо художник видит зорче, дальше, глубже, чувствует мощнее и многокрасочней своих будущих зрителей, читателей, слушателей и именно поэтому может их зажечь, вдохновить, выпрямить своим искусством. В противном случае — в функции суррогата или даже дубликата — искусство было бы не нужно обществу.

Каждая форма общественного сознания отражает объективную действительность специфическим, ей одной присущим образом. Сравним в этом отношении науку и искусство.

Специфическим результатом теоретического отражения мира выступает

научное понятие. Оно представляет собой абстракцию: во имя познания глубинной сущности предмета мы отвлекаемся

Специфика художественного отражения действительности

не только от его непосредственно чувственно воспринимаемых, но и от многих логически выводимых черт, если они не представляют первостепенной важности. Другое дело — результат эстетического отражения действительности. В качестве такового выступает *художественный, конкретно-чувственный образ*, в котором определенная степень абстракции (типизация) сочетается с сохранением конкретно-чувственных, индивидуальных, зачастую неповторимых черт отражаемого объекта.

Гегель писал, что «чувственные образы и знаки выступают в искусстве не только ради себя и своего непосредственного выявления, а с тем, чтобы в этой форме удовлетворить высшие духовные интересы, так как они обладают способностью пробудить и затронуть все глубины сознания и вызвать их отклик в духе»¹. Выявляя специфику художественного мышления в сравнении с другими формами общественного сознания, это определение — в полном соответствии с основной парадигмой гегелевской философской системы — подводит к выводу о художественном образе как выражении абстрактной идеи в конкретно-чувственной форме. В действительности же в художественном образе запечатлена не сама по себе абстрактная идея, а ее конкретный носитель, наделенный такими индивидуальными чертами, которые делают образ живым и впечатляющим, не сводимым к уже известным нам однопорядковым образам. Вспомним, например, Артамоновых у М.Горького и Форсайтов у Д.Голсуорси.

Итак, в отличие от научного понятия художественный образ раскрывает *общее в единичном*. Показывая индивидуальное, художник вскрывает в нем *типическое*, т.е. наиболее характерное для всего типа изображаемых социальных или природных явлений.

Единичное в художественном образе не просто входит в общее, «оживляет» его. Именно индивидуальное в подлинном произведении искусства как раз и вырастает до понятия *тип, образ*. И чем ярче, точнее подмечены мелкие, индивидуальные, конкретные детали, тем шире образ, тем более широкое обобщение он содержит. Образ пушкинского Скупого рыцаря — это не только конкретное изображение жадного старика, но и обличение самой жадности и жестокости. В скульптуре «Перекуем мечи на орала» зритель видит нечто большее, чем тот конкретный образ, который воссоздан в скульптуре.

¹Гегель Г. Эстетика. — М., 1968. — С. 45.

В связи со сплавом рационального и конкретно-чувственного в образе и производным от этого эмоциональным воздействием искусства особое значение приобретает *художественная форма*. В искусстве, как и во всех сферах окружающего нас мира, форма зависит от содержания, подчинена ему, обслуживает его. Это общеизвестное положение тем не менее приходится подчеркивать, имея в виду тезис представителей формалистической эстетики и формалистического искусства о художественном произведении как «чистой форме», самодовлеющей «игре формы» и т.п. В то же время научному пониманию искусства всегда было чуждо нигилистическое отношение к форме и — даже — какое бы то ни было умаление ее активной роли в системе художественного образа и произведения искусства в целом. Нельзя себе представить произведение искусства, в котором содержание было бы выражено не в художественной форме.

В различных видах искусства художник располагает различными средствами выражения содержания. В живописи, скульптуре, графике — это цвет, линия, пластика, светотень; в музыке — ритм, гармония; в литературе — слово и т.д. Все эти средства изображения составляют элементы художественной формы, при помощи которых художник воплощает свой идейно-художественный замысел. Форма искусства — весьма сложное образование, все элементы которой закономерно взаимосвязаны. В картине Рафаэля, драме Шекспира, симфонии Чайковского, романе Хемингуэя нельзя произвольно изменить построение сюжета, характера, диалога, композиции, нельзя найти другое решение гармонии, колорита, ритма, чтобы не нарушить целостности всего произведения.

Религиозное сознание

**Специфика
религии
как формы
общественного
сознания**

На определенных этапах исторического развития в качестве наиболее массовой формы общественного сознания выступает религия. По Фейербаху, корни религиозных представлений следует искать в реальных условиях жизни людей

и в их своеобразном преломлении в сознании; религия рассекает мир человека надвое, наряду с действительным возникает

мир фантастический, господствующий над первым¹. Это определение вполне может быть принято в качестве рабочего определения религии. В нем в сжатом виде зафиксированы и социальные корни религии, и главный признак религиозного сознания — вера в сверхъестественное. Эта вера на разных стадиях исторического развития религии принимала различные конкретные формы: обожествления животных и сил природы в условиях первобытного общества и антропоморфные религии с переходом к классовому обществу. Религия включает в себя три основных элемента: 1) представления (мифологический элемент), 2) религиозное чувство (эмоциональный элемент) и 3) религиозные действия (культовый, или обрядовый, элемент)².

Религия имеет свои социальные, гносеологические и психологические корни.

Социальными корнями религии первоначально выступают чрезвычайно низкий уровень производительных сил и обусловленный им примитивный уровень сознания, невежество человека, его беспомощность перед силами природы. В классовом обществе к социальным корням религии прибавляется и его бессилие перед теми общественными силами, которые его эксплуатируют, причем не просто прибавляются, но и выходят на первый план, становятся *ядром* этих социальных корней. И это вполне понятно, ибо стихийные природные бедствия (голод, болезни, неурожай, наводнения, землетрясения и т.д.) обнаруживают и проявляют человеческую беспомощность не каждодневно, а экономическая эксплуатация, политическое и гражданское бесправие, словом — бессилие человека перед стихией общественного развития — сказываются каждодневно и ежедневно. Именно поэтому с переходом к классовому обществу религии языческие, основанные на поклонении силам природы (солнцу, земле, пламени и т.п.), сменяются повсеместно религиями антропоформными, отражающими зависимость человека от человека и возникшую на этой основе социальную иерархию в обществе.

Кроме социальной, всякая религия имеет причину своего возникновения в познавательной деятельности человека. Этот компонент системы причин, обуславливающих религию, составляет ее *гносеологические корни*. Они заключены прежде всего в спо-

¹См.: *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. — М., 1955. — С. 117.

²См. об этом подробнее: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. — М., 1957. — С. 330.

способности человека к абстрактному мышлению и возможности — на этой основе — к отлету мысли в сторону, возведению к абсолют какой-нибудь частицы изучаемого явления и (как следствие) фантастического его отображения. Ведь любое божество есть абстракция. К гносеологическим корням религии относятся и способность человека к самосознанию. Для того, чтобы удвоить внешний мир, человек должен был сам раздвоиться, т.е. осознать себя не только как физическое тело, но как существо, имеющее душу, внутренний духовный мир. Религиозное сознание невозможно без самосознания. Для уяснения гносеологических корней религии необходимо иметь в виду следующие моменты:

1. Наличие у религии гносеологических корней объясняет, почему религия не может быть извечно присуща человеку, как уверяют богословы, а возникает только на определенном этапе развития общества. Если бы возникновение и функционирование религии было связано только с ее социальными корнями, то религия действительно появилась бы в начальной точке исторического развития общества, при нулевом уровне развития производительных сил. Но в этой точке и при этом уровне религия появиться не может, ибо еще отсутствует способность человека к абстрактному мышлению, которая сама появляется лишь под воздействием усложнившейся трудовой деятельности и развивающихся социальных связей.

Кстати, в связи с наличием у религии гносеологических корней нередко задают вопрос: «Не свидетельствует ли это в пользу того, что религия сохранится в будущем, ибо, пока существует человек, сохраняется его способность к абстрактному мышлению?». Для правильного ответа на этот вопрос надо учитывать, что гносеологические и социальные корни религии действуют не автономно, а лишь в системе, и коль скоро исчезнут социальные корни религии, сама по себе способность человека к абстрактному мышлению перестанет быть фактором, воспроизводящим это специфическое отражение мира.

2. Религиозная фантазия как результат отлета человеческой мысли в сторону представляет собой фантазию особого рода, она коренным образом отличается от фантастического отражения действительности в науке и искусстве. Научная и художественная фантазия приближает человека к познанию сокровенных тайн природы, облегчает ему уяснение тенденций общественного развития, религиозная же фантазия подобной функции не выполняет.

Человек в своей деятельности ставит перед собой какие-то определенные цели, придающие ей определенный смысл. На каком-то этапе своего исторического развития человек осознает конечность своего бытия и встает перед вопросом не о смысле отдельных лишь своих действий, поступков, а об общем смысле жизни. С тех пор вопрос «Для чего мы живем?» не перестает интересовать людей. И это естественно, ибо жизнь без смысла вообще не есть жизнь, а нечто такое, что находится на уровне животного существования. «Отсутствие цели, — с полным основанием писал Л.Фейербах, — есть величайшее несчастье»¹. Эта внутренняя психологическая потребность человека осознать смысл жизни и привлекает многих к религии, дающей свой вариант решения этой важнейшей проблемы.

Социальные функции и роль религии

Как и любое общественное явление, религия выполняет определенные социальные функции, ради которых она возникла и существует.

Важнейшей из этих функций является *компенсаторная*, состоящая в религиозном «восполнении» действительности, в религиозном утешении. В религии происходит мнимое снятие противоречий и конфликтов: реальное угнетение преодолевается «свободой в духе», социальное неравенство превращается в равенство греховности перед Богом, разобщенность заменяется «братством во Христе», фактическое бессилие человека компенсируется всесилием Бога, смертный оказывается бессмертным, вообще мир зла и несправедливости заменяется «Царством Божиим» («Царством Небесным»). Важное значение при этом имеет психологический аспект компенсаторной функции, который особенно отчетливо проявляется в молитве и покаянии. При их совершении происходит как бы переход от состояния подавленности (беспокойства, неудовлетворенности, внутренней разорванности, скорби и тоски) к состоянию облегчения (удовлетворенности, гармонии, радости, успокоенности, прилива сил).

На определенных исторических этапах религия может выступать как фактор интеграции общества, выполняя таким образом *интегративную функцию*. Суммируя поведение и деятельность индивидов, объединяя их мысли, чувства, стремления, направляя усилия социальных групп и институтов, религия может способствовать стабильности данного общества или становлению нового.

¹Фейербах Л. Избр. пр. — М., 1955. — Т. 2. — С. 97.

Активная роль религии в этом плане историкам хорошо известна. Под идеологическим знаменем христианства проходило крушение рабовладения в Западной Европе, религиозной была и идеология ранних буржуазных революций. Известна и активная роль религии и церкви во многих революционных процессах современности, например, в Латинской Америке.

Религия выполняет и *регулятивную функцию*. Это значит, что религиозные идеи, ценности, установки, культовая деятельность и религиозные организации выступают в качестве регуляторов поведения людей. Подобную функцию религия способна выполнять потому, что она аккумулировала в себе нравственный опыт огромного множества предыдущих поколений людей, который мы в сжатом, афористическом виде обнаруживаем в знаменитых заповедях Моисея («Не убий!», «Не укради!» и т.д.), в моральных кодексах ислама, буддизма.

Понятно, что сами по себе религиозные установки и ценности, лежащие в основе этой функции, могут быть разнонаправлены. Ведь встречаются же секты, проповедующие изуверство, человеческие жертвоприношения. Но речь сейчас не о них, а о тех преобладающих религиозных системах, в которых заложен изрядный заряд гуманизма. К ним, несомненно, относится и христианство. Наверно, довольно точно определила этот гуманистический смысл христианства одна из пастернаковских героинь: «Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое.

Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной»¹.

Существует еще одна важная функция религии — *коммуникативная*; религия служит средством общения верующих, а всем понятно, как важно общение для человека. Общение разворачивается для верующих в двух планах: в плане их общения с Богом и «небожителями» и в плане их общения друг с другом. Общение осуществляется прежде всего в культовой деятельности.

Наше понимание функций религии было бы неполным, если бы мы отвлеклись от того, что религия включает в себя элемент протеста. История христианства, ислама, буддизма показывает, что они возникали именно как выражение протеста масс против эксплуатации и нищеты. Компенсаторная функция религии вклю

¹ Пастернак Б. Доктор Живаго // Новый мир. — 1987. — № 3. — С. 171.

чает в себя, таким образом, *функции помощи*, но помощь эта, как и компенсация в целом, осуществляется лишь иллюзорно.

Активную роль религии в то же время нельзя абсолютизировать, возводя ее в определяющий фактор общественного развития, подобно тому как это сделал в ряде своих работ («Протестантская этика и дух капитализма», «Индуизм и буддизм», «Социология религии», «Хозяйственная этика мировых религий») М. Вебер. Поставив перед собой вопрос: «Почему мы не обнаруживаем в Индии эндогенного капитализма?» — Вебер не сумел увидеть какого-либо иного объясняющего это отсутствие фактора, кроме классического индуизма как основы всей индийской духовности. Вебер сравнивает в этом отношении индуизм с протестантизмом, который освятил повседневную хозяйственную деятельность мирян, стал рассматривать ее как форму религиозного служения, а успех человека в практических делах (ранее во многом «презренных») как свидетельство его избранности и спасенности. Индуизм же, по Веберу, не настраивает человека на улучшение своей земной жизни: этого можно добиться только в последующих рожденьях с помощью, разумеется, хорошей кармы, т.е. общего положительного баланса твоих поступков в предыдущей жизни. Эти принципиальные различия между протестантизмом и индуизмом действительно имеют место, но невольно напрашивается вопрос о причинах их происхождения. Почему, скажем, в том же христианстве до поры до времени предпринимательский дух не поощрялся (и даже высмеивался), а в протестантской этике получает свою высшую санкцию? Не наводит ли это на мысль о том, что сами-то религиозные постулаты и нормы изменяются вслед за рельефно наметившимися и хоть в какой-то степени уже происшедшими социально-экономическими изменениями? Не свидетельствовала ли, кстати, сама Реформация XVI в. об объективном созревании Западной и Центральной Европы для перехода от духа крепостничества, высшей санкцией которого выступала католическая церковь в ее классическом виде, к духу предпринимательства?

Философское сознание

Характеристика такой формы общественного сознания, как философия, значительно облегчается тем, что многие ее существенные черты уже рассмотрены в первой главе. В связи с этим

обратим внимание лишь на моменты, которые еще не анализировались.

Является ли философия наукой?

В последние годы вновь активизировался интерес к вопросу: «Что такое философия? Наука или мировоззрение?». Именно активизировался в силу ряда причин, ибо сама проблема соотношения философии и науки родилась еще в античности, и один из вариантов ее решения был выражен в знаменитом аристотелевском лозунге: «Физика, бойся метафизики!». Под метафизикой здесь имелась в виду философия как нечто стоящее вне и над физикой, вне и над наукой вообще (между прочим, термин «метафизика» как синоним философии сегодня вновь входит в употребление). Элиминация философии из сферы научного знания превращает философию исключительно в мировоззрение, сводит к «мировоззренческой проповеди», по выражению М.Хайдеггера¹.

Для того, чтобы правильно решить этот вопрос, целесообразно, очевидно, вспомнить генезис философии, источники ее происхождения. С одной стороны, философия рождалась в целостном единстве ее со всеми научными знаниями, и это не могло с самого начала не отразиться на ее содержании, антимифологическом по своему существу. Во времена Платона слово «философия» означало как раз то, что мы теперь обозначаем словом «наука», т.е. любовь к любой мудрости, а не только к философской. С другой стороны, философия рождалась как прямая антитеза религиозному мировоззрению. Вот эти особенности происхождения и предопределили собой бинарную природу философии — сочетание элементов научности с элементами ценностно-мировоззренческими. А бинарность эта, в свою очередь, сказывалась и сказывается на статусе философии в системе общественного сознания, на ее социальном престиже. Имея в виду эти моменты, Н.А.Бердяев с горечью писал: «Поистине трагично положение философа. Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры. Постоянно подвергается сомнению самая возможность философии, и каждый философ принужден начинать свое дело с защиты философии

¹См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. — 1989. — № 9. — С. 116—122.

и оправдания ее возможности и необходимости. Философия подвергается нападению сверху и снизу, ей враждебна религия и ей враждебна наука»¹.

Демаркационная линия («наука — ненаука») иногда грубо проводится по основным функциям философии — методологической и мировоззренческой, хотя в мировоззрении исподволь накоплено много элементов научного, а в методологии, в свою очередь, сохраняются элементы ненаучности. Грубость такого деления обнаруживается также и в том, что обе функции взаимопроникают друг в друга, так что каждая эпоха особенно актуализирует какую-то одну из функций.

Связь философии с бытием

Если задать современному, относительно образованному и культурному человеку вопрос, может ли он представить себе полноценную духовную жизнь общества без философии и философов, то ответ наверняка будет отрицательным. А вот мнения о том, каково предназначение философии, насколько она нужна и полезна человеку и обществу, окажутся резко отличающимися друг от друга. Это вполне понятно: взаимоотношение между философией и действительностью носит настолько опосредованный характер, что в силу этой сложности многие вообще не замечают данной связи. Им кажется, что постулаты философии, ее предельно общие и абстрактные категории суть априорное, т. е. вне практики и до практики приобретенное знание. В действительности же любая философская система, какой бы «заоблачной» и «туманной» она не выглядела, и по своему содержанию, и даже по своей исторической форме всегда есть опосредованное отражение социального бытия. И Гегель был совершенно прав, определяя философию как *мыслящее рассмотрение предмета*² и относя ее — по ее исходному пункту — к эмпирическим наукам. Не исходным пунктом отличается философия, по Гегелю, от других наук, а тем, что ее «существенной целью и результатом являются законы, всеобщие положения, теории, мысли о существующем»³. В этой связи Гегель вспоминает известный афоризм, приписываемый обычно Аристотелю: «*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*» — «Нет ничего в мышлении, чего не было бы в чувстве, в опыте».

¹Бердяев Н.А. И мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Мир философии. — М., 1991. — Ч. 1. — С. 111.

²Гегель Г. Энциклопедия философских наук. — М., 1974. — Т. 1. — С. 85.

³Там же. — С. 91.

Другое дело, что философия не останавливается на этом. «Возбужденное опытом, как раздражителем, мышление ведет себя в дальнейшем так, что *поднимается* выше естественного, чувственного и рассуждающего сознания в свою собственную, чистую, лишенную примесей стихию»¹. Этот подъем, возвышение философия осуществляет с помощью всех остальных наук, поскольку последние тоже не останавливаются на наблюдении единичных явлений, а, двигаясь навстречу философии, с помощью мысли обрабатывают материал, отыскивая всеобщие определения и законы, которые в качестве *особенного* могут быть включены в философию.

Еще одно немаловажное обстоятельство: философию, как отмечал Э.В.Ильенков, рождает не бесстрастное любопытство в часы досуга, а острая и настоятельная потребность рационально разобраться в острейших проблемах, вставших перед обществом. Именно поэтому философия и не имеет на первых порах облика задумчивого монолога мудреца, в гордом одиночестве созерцающего мир. Наоборот: вся она в диспуте, в страстном полемическом диалоге с системой религиозно-мифологических взглядов на мир и жизнь².

Высший уровень абстракции От большинства других форм общественного сознания философия отличается отсутствием в своей структуре психологического уровня отражения окружающего мира. Философия имеет дело с абстракциями самого высокого порядка («бытие», «материя», «природа», «общество», «сознание», «культура»), само рождение которых свидетельствует, что психологический уровень познания, который, несомненно, имел место при движении к ним от единичного через особенное, остался за границами философии.

Предельная абстрактность философских категорий очень часто дезориентирует тех, кто впервые и поверхностно знакомится с философией. Одни, не обладая привычкой мыслить абстрактно, т.е. фиксировать чистые мысли и двигаться в них, объявляют о *непонятности* философии, хотя на самом деле надо говорить о другом — о неспособности критикующего подняться выше обыденного сознания с его привычным единством чувственного и мысленного материала. Другие, напротив, попадают во власть самообмана, полагая, что продукты философствования чрезвычайно просты и понятны. «Положение философии в отноше-

¹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. — М., 1974. — Т. 1. — С. 96.

² См.: Общественное сознание и его формы. — М., 1986. — С. 329.

нии к ее любовникам, — отмечал в связи с этим А.И.Герцен, — не лучше положения Пенелопы без Одиссея: ее никто не охраняет — ни формулы, ни фигуры, как математику, ни частокотлы, воздвигаемые специальными науками около своих огородов. Чрезвычайная всеобъемлемость философии дает ей вид доступности извне. Чем всеобъемлемее мысль и чем более она держится во всеобщности, тем легче она для поверхностного разума, потому что частности содержания не развиты в ней и о них не подозревают...»¹. Несомненно, философия далека и от того, и от другого отношения к ней. Занятия философией требуют хорошей специальной подготовки и высокого общего культурного уровня.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Уяснили ли Вы себе общественно-исторический характер идеального?
2. Что такое менталитет?
3. Как Вы объясните многообразие форм общественного сознания?
4. В чем специфика религии как формы общественного сознания?
5. Является ли философия наукой?

Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Собр. соч.: В 30 т. — М., 1954. — Т. 3. — С. 13.

Глава десятая

НАУКА

Как это видно из структуры книги, наука в данном пособии выделена среди остальных форм общественного сознания и рассматривается в особой главе. Целесообразность такого подхода связана с тем, что наука — явление многоликое по своим основным признакам и характеристикам. Во-первых, наука выступает как *особо важная в наши дни форма общественного сознания*, позволяющая отразить общественное бытие и окружающий нас мир в целом в специфической форме научных представлений, понятий, теоретических систем. В связи с этим, во-вторых, наука выступает как *отрасль духовного производства*, основной продукцией которого являются понятия, законы, теории. В-третьих, наука есть *социальный институт* с соответствующей структурой и функциями, осуществляемыми по определенным социальным нормам и культурным образцам. В-четвертых, на определенном этапе истории наука превращается в *непосредственную производительную силу общества*.

Нас будут последовательно интересовать все четыре стороны этого многоликого Януса.

Чрезвычайная многоаспектность науки как общественного феномена затрудняет выработку дефиниции (определения), которая бы всесторонне отражала ее сущность. Это служит основанием для определенного скептицизма, следующим образом выраженного Дж.Берналом: «Наука так стара, на протяжении своей истории она претерпела столько изменений, и каждое ее положение настолько связано с другими аспектами человеческой деятельности, что любая попытка дать определение науки, а таких имеется немало, может выразить более или менее точно лишь один из ее аспектов, и часто второстепенный, существовавший в какой-то период ее развития»¹.

Но ведь, во-первых, неполнота и известная односторонность — участь любого определения, коль скоро оно отража-

¹Бернал Дж. Наука в истории общества. — М., 1956. — С. 17.

ет более или менее сложное явление. И во-вторых, отсеивание аспектов второстепенных, фокусирование в дефиниции самого существенного и непреходящего — задача для исследователя вполне посильная. В порядке рабочего определения, например, можно сказать, что *наука есть форма общественного сознания, отражающая природный, социальный и внутренний мир человека в понятиях, законах, теориях*. Из всех перечисленных выше ипостасей науки в это определение вошла только одна, но именно исходная и целеполагающая: появившись на свет как форма общественного сознания, наука тем самым потребовала рождения новой отрасли духовного производства, постепенно институционировалась и только на очень высоком уровне своего развития начала превращаться в непосредственную производительную силу общества.

1. Наука как форма общественного сознания

**Наука
и эмпирическое
знание**

Функции науки не могут быть правильно и глубоко поняты без выяснения ее корней, ее генетических связей с эмпирическим знанием, добываемым обществом в процессе каждодневной человеческой практики.

При оценке эмпирического знания, при сравнении его со знанием научным весьма опасны две крайности.

Во-первых, опасна переоценка эмпирических знаний и вырастающий на этой основе антисциентизм, считающий, что как когда-то человечество «свободно» обходилось без науки, так же оно может обходиться без нее и сегодня. Смазывается тем самым принципиальное отличие науки от эмпирического знания, ее способность проникать в сущность вещей. Наука, собственно говоря, и выросла из той гносеологической ситуации, когда человечество встало перед необходимостью перейти от познания внешней стороны интересующих людей явлений к познанию их сущности.

Есть целый ряд основных отличий научных знаний, обуславливающих их принципиальное преимущество перед знаниями, получаемыми в сфере обыденного, стихийно-эмпирического познания. Это, как отмечает В.С.Степин:

1) *систематизированность научных знаний*, в отличие от стихийно-эмпирических, которые, скорее, представляют конгло-

мерат сведений, предписаний, алгоритмов деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта;

2) *специфические способы обоснования истинности научного знания* (экспериментальный контроль за получаемым знанием и выводимость одних знаний из других, истинность которых уже доказана);

3) *осознание метода, посредством которого исследуется объект*; чем дальше наука отходит от привычных вещей повседневного опыта, углубляясь в исследование объектов, тем отчетливей проявляется необходимость в создании системы особых методов, и наряду со знаниями об объектах наука формирует знания о методах; на высших стадиях развития науки мы видим становление методологии как особой отрасли знания, призванной целенаправленно направлять научный поиск;

4) *занятия наукой требуют особой подготовки познающего субъекта*. В рамках обыденного познания такая подготовка осуществляется автоматически, в процессе социализации индивида и включения его в различные сферы деятельности. Специальная же подготовка будущего исследователя включает в себя как освоение методов познания, так и усвоение определенной системы ценностных ориентаций и целевых установок, стимулирующих научный поиск и изучение все новых и новых объектов независимо от сегодняшнего практического эффекта получаемых знаний¹.

Возникновение духовного производства, обладающего такими свойствами, было, как уже отмечалось, исторической необходимостью. Это обстоятельство приходится подчеркивать особо, учитывая существование гипотез, настаивающих на «случайном» возникновении науки. Такая гипотеза была выдвинута первоначально А.Эйнштейном, так изложившим ее основные моменты: «Развитие западной науки основано на двух великих достижениях: на разработке греческими философами формально-логических систем (эвклидова геометрия) и на обнаружении в эпоху Возрождения того факта, что причинные отношения можно вскрыть с помощью систематического экспериментирования. Я лично не стал бы удивляться тому, что китайские мудрецы не сумели сделать этих открытий. Удивляться приходится другому: что эти открытия вообще были сделаны»². Как мы ви-

¹См.: *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. — М., 1992. — С. 63—64.

²Цит. по: *Социология науки*. — Ростов-на-Дону, 1968. — С. 21—22.

дим, Эйнштейн абсолютизирует и объявляет безальтернативным греко-европейский путь развития науки. Между тем, наука шла в своем развитии и другими путями, о чем свидетельствуют достижения медицины в лице Авиценны (Ибн Синны), успехи алгебры на арабском Востоке и т.д. Но в гипотезе Эйнштейна «схвачен» один чрезвычайно важный момент — в процессе возникновения и формирования науки случайность, как и в других закономерных процессах, выступает формой проявления необходимости.

Итак, наука возникла как средство разрешения сложной гносеологической ситуации и преобразования природных и общественных явлений на основе познания их сущности. В свете этого становятся более зримыми две основные функции науки: а) *познавательная функция*, заключающаяся в проникновении в сущность вещей, и б) *практически-действенная функция* — участие науки в преобразующей деятельности человека и общества.

Но с другой стороны, опасен и сциентизм — недооценка значения эмпирического знания и по отношению к историческому прошлому, и по отношению к современному периоду производства знаний. Что касается истории, то мы сегодня должны быть благодарны нашим предкам за тот колоссальный запас эмпирических знаний, который они «припасли» для нас.

Достаточно привести такой факт. На земле существуют тысячи видов животных, которых в принципе можно было бы одомашнить. Из этого громадного числа до сих пор одомашнено только 47 видов, причем основные из них — собака, свинья, коза, корова, лама — были одомашнены еще в период неолита. В первобытную же эпоху были введены в сельскохозяйственное производство также почти все основные виды культурных растений, которыми пользуется современное человечество. Какой гигантский труд и терпеливые, тончайшие наблюдения должны были предшествовать этому! Мы до сих пор еще в долгу перед предшествующими и грядущими поколениями по части усвоения, сохранения и передачи по наследству богатейшего опыта, накопленного народной медициной, в том числе в использовании лекарственных растений.

На современном этапе развития науки роль эмпирического знания отнюдь не убывает. Возьмем для примера клиническую медицину, которая продолжает оставаться «первоисточниковой»

по отношению к теоретической медицине, ее «наблюдательным пунктом» и базой проверки новых теоретических выводов. Наука и сегодня включает в себя наряду с теоретическим эмпирический уровень производства знаний.

Не убывает и значение тех методов получения знания, которые перешли в науку из эмпирического опыта. Так, исходным видом научной деятельности, направленной *непосредственно* на изучение объекта, по-прежнему остается наблюдение. При этом, разумеется, научное наблюдение отличается от ненаучного своей целенаправленностью и организованностью. Научное наблюдение связано с решением определенной научной проблемы или задачи, скажем, обоснования или опровержения какой-либо гипотезы. В качестве примера, ставшего уже хрестоматийным, можно привести продолжавшиеся более двадцати лет наблюдения Тихо Браге (Дания, конец XVI в.) за положением планет и звезд. Эти наблюдения, проведенные с изумляющей точностью, явились эмпирической основой для открытия Иоганном Кеплером закона движения планет.

Специфика научного познания

Каждая форма общественного сознания имеет не только собственный объект (предмет) отражения, но и специфические методы этого отражения, познания объекта. При этом даже в том случае, если объекты познания вроде бы совпадают, формы общественного сознания различаются *по цели* его исследования, и именно это различие предполагает специфические *методы* исследования и уникальные, характерные только для данной формы общественного сознания, *результаты, продукты* познавательной деятельности.

Сравним еще раз науку с такой формой общественного сознания, как искусство. Известно, как часто и с каких разных сторон исследуется сердце в литературе, в особенности в поэзии. Сердцем интересуется и наука, причем не только такая отрасль медицинской науки, как кардиология, но и такая, как теория колебаний и волн. Однако сердце интересует исследователей в каждом конкретном случае во вполне определенном ракурсе. То, что поэт называет сердцем, привлекает его своей неисчерпаемостью, способностью излучать широчайший спектр эмоций — любить и ненавидеть, радоваться и тосковать и т.д. (Вспомните: «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить» или «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».) Совсем в других целях, разумеет-

ся, изучает сердце кардиология: ее интересует анатомия и физиология телесного органа в норме и патологии, способы сохранения нормы и возвращения (в случаях заболевания) от патологии к норме. А теорию колебаний и волн сердце интересуется уже по третьему поводу и не больше, чем некий аналог колебаний поверхности океана или земной коры: для обнаружения общих закономерностей колебательных и волновых процессов и выведения соответствующих уравнений.

**Дифференциация
и интеграция
научного знания**

Важнейшими закономерностями развития науки являются *дифференциация* и интеграция научного знания. По мере количественного и качественного роста информации требуется все большая специализация ученых. Вот почему, раз начавшись, процесс дифференциации продолжается и по сей день, приводя ко все большему дроблению единого тела науки на все более специализированные области.

Например, некогда единая физика подразделилась на механику, астрономию, собственно физику, в лоне которой насчитывается уже не один десяток подразделений (физика твердого тела, атомная физика, физика плазмы и т.д.), и два четких вертикальных уровня — экспериментальную и теоретическую физику. Более 300 относительно самостоятельных научных дисциплин насчитывает сегодня в своем составе медицина. Такая картина характеризует в принципе любую современную науку.

Дифференциация научного знания в самой существенной степени обусловлена особенностями человека как субъекта научного познания. Речь идет о том, что знание вообще и научное знание в частности может порождаться лишь теми способами и средствами, которые определяются конституцией человека, его интеллектуальными и психофизиологическими характеристиками, такими, как объем памяти, устройство и разрешающая способность органов чувств и т.п. Конечно, люди различаются по этим характеристикам, которые к тому же могут быть в довольно широких пределах развиты путем воспитания и тренировки. Бесспорно и то, что человек создает различные технические средства, пользуясь которыми он расширяет диапазон своих познавательных возможностей. Тем не менее в процессе порождения знания познаваемое содержание должно быть «спроецировано» на специфически человеческий аппарат познания, т.е. быть соразмерно человеку, его возможностям.

Дифференциация научного знания носит в целом прогрессивный характер, способствуя углублению процесса познания, совершенствованию специальной методики и арсенала познавательных средств, применяемых каждой конкретной наукой. Но она имеет и теневую сторону: чрезмерная дифференциация заслоняет от исследователя цельный образ изучаемого предмета, характеризующие его общие закономерности. Абсолютизируются и стыки между смежными областями знания, в результате чего каждый объект рассматривается как чересчур автономный, рядом с другим и независимо от него.

Эти недостатки дифференциации восполняются и уравновешиваются противоположно направленным, центрирующим процессом *интеграции*. Свое наглядное выражение сегодня интеграция находит в возникновении и бурном развитии «стыковых» научных дисциплин — биохимии, кибернетики, биофизики, геохимии, экологии и т.д. Было бы неверно разрывать процессы дифференциации и интеграции во времени: на первых-де этапах налицо дифференциация, а вот когда она обнаруживает свои недостатки, в порядке компенсации появляется интеграция. Нет такого исторического этапа в развитии науки, который можно охарактеризовать только процессом дифференциации или только интеграцией, хотя на каждом из этих этапов доминирующим является какой-то один из этих процессов.

На современном этапе особенно велика роль интеграционных процессов в развитии науки. В связи с этим чрезвычайно возрастает значение философии, которая, по меткой оценке Джона Бернала, выполняет сегодня роль «стратегического компаса», призванного направлять процесс интеграции, помогать конкретным, частным наукам в воссоздании истинной, неискаженной картины мира.

2. Наука как отрасль духовного производства

Целью и результатом духовного производства в этой специфической отрасли является получение научного знания как итога целенаправленно осуществленного исследования. Мы отвлекаемся от методов и форм научного исследования, т.е. от технологии познания, так как рассмотрим их в главе, посвященной специфике социального познания. Сейчас же нас будет интере-

совать прежде всего основная научная продукция, те определенные стадии (формы), которые с объективной необходимостью проходит научное знание в процессе своего генезиса и становления.

Проблема Первоначальной формой генезиса научного знания выступает проблема, ее обнаружение и точное формулирование.

В переводе с греческого *проблема* — преграда, трудность, задача. Именно существование проблемы придает научному исследованию цель и смысл. Там, где нет проблем, научное исследование теряет смысл.

Проблема может быть определена как *осознанность недостаточности имеющегося знания для решения поставленных теоретических и практических задач, а следовательно, необходимости его расширения*. Проблема имеет место только тогда, когда: а) соответствующее знание отсутствует у общества в целом и поэтому должно быть получено; б) не известен алгоритм, с помощью которого цель научного исследования может быть достигнута (если же алгоритм известен, то перед нами не проблема, а задача).

Проблемность, фиксированность в исследовании проблемной ситуации и попытки ее разрешения — важнейший критерий научности в любой отрасли знания, в том числе и в исторической науке. Р.Дж.Коллингвуд писал в связи с этим: «Каждый историк, как мне кажется, согласился бы с тем, что история — это разновидность исследования или поиска... Важно понять, что наука вообще не заключается в коллекционировании уже познанного и в систематизации последнего в соответствии с той или иной схемой. Она состоит в концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать. Раскладывание пасьянсов из вещей, которые мы уже познали, может быть и полезным средством для достижения этой цели, но не самой целью. В лучшем случае это только средство. С научной точки зрения оно ценно лишь постольку, поскольку новое расположение материала дает нам ответ на вопрос, который мы до этого не решились поставить. Вот почему вся наша наука начинается со знания нашего собственного незнания — не незнания всего, а незнания какой-то определенной вещи: происхождения парламента, причин рака, химического состава Солнца, незнания того, как заставить работать насос, не применяя физической энергии человека, лошади или иного прирученного

животного. Наука — это поиск, и в этом смысле история — наука»¹.

Следует сразу подчеркнуть, что далеко не любые проблемы могут представлять научный интерес и квалифицироваться как научные. Вспомним широко распространенные в Средние века схоластические проблемы, суть которых и методы их разрешения хорошо переданы известным историческим анекдотом. Рассказывают, что как-то во дворике Парижского университета у Фомы Аквинского вышел спор с другим известным схоластом о том, есть ли у крота глаза. Несколько часов длился этот словесный турнир, и все безрезультатно. Каждый стоял на своем, истово и непоколебимо. Но тут случился садовник, нечаянно подслушавший этот ученый диспут, и предложил свои услуги. «Хотите посмотрите сами на живого, настоящего крота. На том и разрешится ваш спор». «Ни в коем случае. Никогда! — сказали они. — Мы ведь спорим в принципе: есть ли в принципе у принципиального крота принципиальные глаза...».

К сожалению, элементы схоластики до сих пор встречаются в науке, в том числе в философии, да и в обществоведении в целом.

Проблемы подразделяются на фундаментальные («чисто» теоретические) и прикладные (технологические). Деление это, разумеется, весьма условно, ибо в современной науке все более возрастает взаимопроникновение познавательного и прикладного аспектов. Очень важна классификация проблем и по ряду других признаков. Одна из классификаций проблем представлена на рис. 18².

Рис. 18

Без проблем нет науки. Но это отнюдь не означает, что содержание науки полностью сводится к нерешенным задачам.

¹Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980. — С. 12—13.

²См.: Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. — Новосибирск, 1980. — С. 36.

Ткань науки составляет прежде всего уже решенные проблемы. Абсолютизация же проблемности или неразрешимости познавательных ситуаций приводит к различным вариантам скептицизма («проблематизм», «проблемное сознание» и т.п.).

На пути от обнаружения научной проблемы к построению теории необходимым узловым, связующим пунктом выступает гипотеза — научное допущение или предположение, истинность которого еще требуется доказать. Необходимость гипотезы обуславливается тем, что законы непосредственно не обнаруживаются в отдельных фактах, поскольку сущность никогда не лежит на поверхности вещей.

Отношение к гипотезе менялось на разных этапах развития науки. В XVII—XVIII вв. в естествознании господствовало представление, согласно которому существуют лишь два надежных средства достижения достоверного знания: опыт (эксперимент) и математическое описание его результатов. При таком понимании научное исследование проходит две стадии — на первой опытным путем обнаруживается закономерность, на второй она получает соответствующее теоретическое (математическое) выражение. Как справедливо заметил П.В.Копнин, если бы действительно познание закономерностей шло таким путем, то гипотезе не было бы в нем места. Но уже в те века наука не могла обходиться без гипотез, хотя каждый раз она воспринималась ее же творцами как вынужденное отступление от классического пути получения истины, а нередко и как личная трагедия. Так, И.Ньютон, оставивший немало гипотез во всех областях науки, которыми он занимался, был в то же время принципиальным противником гипотез. «Hypotheses non fingo» («Гипотез не измышляю»), — заявлял он. Переход Канта к агностицизму имеет, очевидно, и психологическое объяснение: невозможность превратить свою гипотезу происхождения солнечной системы в достоверное знание наводило невольно на мысль о непознаваемости сущности вещей вообще.

Положение принципиально изменилось в XIX и особенно в XX вв. Сегодня здание науки предстает перед наблюдателями в лесах гипотез. И это вполне естественно, ибо гипотеза есть форма развития любого знания, поскольку последнее мыслит и развивается, а не превратилось в нечто застывшее.

Существуют определенные условия выдвижения и выявления состоятельности гипотез. В частности, гипотеза не должна противоречить уже известным и проверенным фактам. Это от-

Какова логическая структура теории как системы знания, ее основные элементы?

Прежде всего в теории представлена совокупность *основных понятий*, категорий, отражающих объект исследования. Например, в геометрии такими понятиями являются «точка», «прямая», «плоскость», «угол», «треугольник», «конгруэнтность» и т.д.; в биологии — «жизнь», «обмен веществ», «размножение», «вид», «род», «филогенез», «онтогенез» и т.д. При помощи этих понятий в теории выражена определенная совокупность *основных утверждений*, в которых фиксируются законы взаимодействия элементов, сторон и связей объекта. Среди этих утверждений выделяют наиболее общие, «фундаментальные», которые при логическом построении данной теории рассматриваются в качестве исходных (принципы, постулаты, аксиомы). Все остальные утверждения теории выводятся или доказываются, исходя из этих основных и первичных посылок.

Понятия и утверждения, образующие содержание теории, расположены не в произвольном порядке (не в алфавитном, например, порядке, как в энциклопедическом словаре), а представляет собой логически стройную, последовательную систему, в результате чего из одних утверждений с помощью законов и правил логики можно получить другие утверждения. Логичность сформировавшейся теории в целом, конечно, не отменяет наличия в ней диалектических противоречий, связанных с присутствием такого фактического материала и даже некоторых утверждений, которые не полностью укладываются в логическую схему теории. Это несоответствие как раз и дает импульс к ее дальнейшему развитию.

Проблема соотношения старой и новой теории довольно успешно разрешается «принципом соответствия», подмеченным еще Н.И.Лобачевским и утвержденным в науковедении Нильсом Бором. Этот принцип гласит, что старая теория при возникновении и утверждении новой не отбрасывается начисто, а сохраняется в ней в статусе того самого частного случая, о котором говорилось выше.

Роль творческого воображения в научном познании

Помимо развитой способности к абстрактному мышлению и достоверного уровня профессиональных знаний настоящего ученого характеризует еще один крайне важный момент — способность к творческому воображению.

Эта способность в равной мере важна на любом уровне научного познания (будь то эмпирический или теоретический) и на любом его этапе (обнаружение проблемы, формулирование гипотезы, обоснование теории). Дело в том, что многие, происходящие в мире процессы, нельзя чувственно воспринять как целое, но их можно вообразить, мысленно представить. Именно фантазия, воображение, если они опираются на данные о реальных процессах, позволяют человеку заглянуть дальше и глубже, проникнуть в сущность и понять ее.

Элемент воображения присутствует уже в представлении — высшей форме чувственного познания, переходной к логическому мышлению. Логическое же мышление во всех его формах всегда включает в себя творческое воображение. Образование понятий, формулирование законов всегда связаны с *абстрагированием* и *идеализацией*, т.е. с такими процедурами мыслительной деятельности, которые позволяют совершать временный отход от действительности, заменять реальные предметы и процессы воображаемые. Это позволяет исследователю освободиться от несущественного, второстепенного, что и создает возможность выявить глубокую сущность явлений.

Роль воображения в развитии наук велика. Свою неевклидову геометрию Н.И.Лобачевский назвал «Воображаемая геометрия», ибо в то время еще не были известны реальные процессы, предметы, пространственные свойства, которые отражаются в его теоретической системе. Роль воображения на протяжении всей истории физики убедительно вскрыта А.Эйнштейном. «Закон инерции, — писал он, — является первым большим успехом в физике, фактически ее действительным началом. Он был получен размышлением об идеализированном эксперименте, с теле, постоянно движущемся без трения и без воздействия каких-либо других внешних сил. Из этого примера, а позднее из многих других, мы узнали о важности идеализированного эксперимента, созданного мышлением»¹. Подводя итоги эволюции в физике, Эйнштейн вновь подчеркивает роль воображения «В физике появилось новое понятие, самое важное достижение со времени Ньютона: поле. Потребовалось большое научное воображение, чтобы уяснить себе, что не заряды и не частицы, а поле в пространстве между зарядами и частицами существенно для описания физических явлений»².

¹Эйнштейн А. Физика и реальность. — М., 1965. — С. 299.

²Там же. — С. 317.

3. Наука как социальный институт

**Структура
науки**

Формирование науки как социально-го института — исторический процесс.

Это относится и к науке в целом, и к каждому ее структурному подразделению (комплексу научных знаний). Чтобы лучше понять, о чем идет речь, восстановим в памяти схему структуры современной науки (см. рис. 2) и подробно ее прокомментируем. Рассмотрим каждый из «этажей» современной науки.

Методологические и общетеоретические проблемы науки. Данный «этаж» представляет собой стык науки с философией, хотя это и не философия в собственном смысле слова. Дело в том, что каждый комплекс научного знания, подпитывая философию своими открытиями и выводами, в то же время берет на вооружение определенную методологию и мировоззрение, специфически преломляя их применительно к своим проблемам. Так, общеполитическая проблема времени трансформируется в различных науках в их внутренние методологические проблемы «физического времени», «биологического времени», «исторического времени» и т.д. Кроме того, рассматриваемый уровень включает в себя и так называемые общетеоретические проблемы данной науки (например, проблемы типологии, систематизации и классификации объектов, изучаемых данной наукой). Можно согласиться с мнением, что этот «этаж» есть обобщенная характеристика предмета исследования, включающая в себя представления: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих особенностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности. Эти представления выступают как основание научных теорий соответствующей дисциплины¹.

Прикладные науки. Это отрасли науки, которые прямо и непосредственно выходят на практику (агрономия, зоотехника, медицина в биологическом комплексе, технические науки, прикладная социология и т.д.). Разумеется, деление на прикладные и неприкладные науки в определенной степени условно, но тем не менее оно существенно и должно учитываться.

¹См.: Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 9.

Мы преднамеренно пропустили «средний этаж» — *специализированные теории* — по той причине, что уровень этот формируется двояким образом. С одной стороны, он является результатом дифференциации общетеоретических знаний, накопленных на высшем этаже. С другой стороны, теории среднего уровня появляются и развиваются как обобщение того, что накапливается на нижнем, прикладном этаже. «Средний этаж» богато представлен в любом научном комплексе. В философии, например, это философия истории, философия науки, философия права и т.д. В социологии — социология города, аграрная социология, социология личности, социология революций и т.д., в том числе и социология самой науки. Как уже отмечалось, термин «теории среднего уровня» применяется не для оценки качества данных теорий, а для того, чтобы обозначить их местоположение в системе наук — между общетеоретическим и прикладным этажами.

Критерием зрелости той или иной науки, приближения ее к своей завершенности (не в абсолютном, конечно, смысле) Ф.Энгельс считал такое ее состояние, когда она смыкается «с одной стороны, с философией, с другой — с практикой». По отношению к науке в целом такая состыковка свидетельствует о том, что наука как социальный институт состоялась и нормально функционирует.

Этнические и социокультурные ценности науки

Мы уже говорили о том, что в понятие науки как социального института входит не только совокупность учреждений, соответствующих структуре науки и выполняемым ею функциям, но и совокупность социальных норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы поведения в сфере науки.

К числу важнейших из этих норм относятся этические нормы и ценности. Иначе говоря, речь идет о человеческом, гуманистическом «измерении» науки, о социально-этических принципах (регулятивах) научного познания. Вполне понятно, что все эти вопросы имеют не просто познавательное, общекультурное, но и большое прикладное значение. Чем дальше движется человечество (не без помощи науки), тем больше обнаруживается невозможность и даже опасность как для науки, так и для человека разрыва связей между научным познанием и человеческими ценностями.

Что это за ценности? В первую очередь — *этические нормы*. Здесь можно выделить наиболее общие ценности-принципы.

1. «Стремление к познанию, понимаемому как долг»¹. Как отмечает Г. Башляр, такое стремление неизменно присутствует в глубинах человеческой души. Чем же подобное стремление ученого отличается от стремления «простого смертного»? Очевидно, с точки зрения психологической, речь идет о превращении стремления в одержимость, а с точки зрения социокультурных оснований — об осознанной ориентации ученого на такую несомненную ценность, как вера в могущество разума, в его способность благодетельствовать человечество.

2. Общечеловеческая моральная заповедь «*Не укради*». В преломлении к конкретному труду ученого она выражается в уважении к интеллектуальной собственности и в негативном отношении ученого к такому явлению, как плагиат, когда человек выдает чужие научные результаты за свои. Элементарная научная порядочность требует щепетильного отношения к использованию чужих исследовательских результатов — при каждом таком использовании необходима исчерпывающая ссылка.

3. Общечеловеческая моральная заповедь «*Не лги*», которая сплошь и рядом трансформируется в требование бескомпромиссности, научного поиска, научной честности. Известно, что в противном случае ценностный подход может играть и отрицательную роль в науке, порождая всякого рода лженаучные и антинаучные построения. Вспомним хотя бы волюнтаристский произвол в обществоведении в период сталинизма и застоя, «лысенковщину» в биологии и т.п. К. Маркс с полным на то основанием сказал в свое время: «Человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми науке*, внешними для нее интересами, — такого человека я называю "низким"»². Заметим, что здесь «внешнее» применено Марксом как синоним «чуждого», ибо вообще-то внешние импульсы играют в развитии науки, о чем речь пойдет дальше, нередко определяющую роль.

4. *Отстаивание истины* как этическая норма науки. Вряд ли нуждается в каких-либо комментариях известное изречение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Чтобы мы не поставили в эту формулу вместо Платона — карьеру, женщину, деньги, политические соображения — формула продолжает выражать важнейшее этическое требование к ученому. При-

¹Башляр Г. Новый рационализм. — М., 1987. — С. 328—329.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 26. — Ч. II. — С. 125.

меров святого выполнения учеными этой нормы в истории науки много.

5. *Социальная ответственность ученого.* Библейский проповедник Екклезиаст говорил: «...во многот мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Но, пожалуй, и без Екклезиаста настоящие ученые всегда чувствовали (и не редко весьма мучительно) ответственность за свою деятельность.

Ответственность эта сегодня неизмеримо возрастает в связи с прорывом науки и техники в глубинные, фундаментальные уровни мироздания (физического, биологического и т.д.) — каждый дальнейший неосторожный шаг в этих областях губительно опасен для человечества. Мы имеем в виду не только то, что связано с исследованием и использованием внутриатомной и иных энергий. Целый спектр социально-этнических проблем порождает молекулярная биология (например, эксперименты с молекулами ДНК), генетическая (генная) инженерия. Не случайно многие ученые полагают, что здесь человек столкнется с такими политическими, моральными, психологическими проблемами, по сравнению с которыми проблемы, занимавшие умы ученых-атомников, будут выглядеть детской забавой. При этом имеются в виду тотальная опасность для человека и человечества использования биологических средств воздействия в военных целях, последствия применения психофармакологических средств, практика пересадки органов и т.д.¹ Положение усугубляется тем, что сами вторжения человечества при помощи науки в природную среду (да и в природу самого человека) принимают катастрофически крупномасштабный характер. Вспомним хотя бы эпопею вокруг предполагавшегося поворота северных рек.

Ситуация, сложившаяся в процессе взаимодействия науки и общества, обострила проблему научной рациональности, ее сущностного содержания, и — соответственно — ее роли в развитии общества. Вообще-то эта проблема всегда была одной из самых актуальных (в первой половине XX в., например, ею занимались А.Бергсон, Э.Гуссерль, М.Вебер, М.Хайдеггер, К.Ясперс и др.). Но сегодня можно говорить о драматическом повороте в решении данной проблемы — о попытках поставить под сомнение науку как образец рациональности.

**Роль научной
рациональности
в развитии
общества**

взаимодействия науки и общества, обострила проблему научной рациональности, ее сущностного содержания, и — соответственно — ее роли в развитии общества. Вообще-то эта проблема всегда

¹Подробно об этом см.: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. — М., 1986. — С. 80—106.

Для того, чтобы было ясно, о чем идет речь, приведем высказывание одного из наиболее непримиримых критиков науки и вообще рационального подхода к миру — П.Фейерабенда, объявившего сциентизм «рациофашизмом», а «нездоровый альянс науки и рационализма» — источником «империалистического шовинизма науки». Он пишет: «Отделение государства от церкви должно быть дополнено отделением государства от науки — этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института. Такое отделение — наш единственный шанс достичь того гуманизма, на который мы способны, но который никогда не достигали»¹.

В действительности же, как, очевидно, понимает читатель, проблема, которая возникла перед наукой и обществом в целом, не может быть решена с позиций антисциентизма, предлагающего наложить табу на пользование научной рациональностью. Единственно разумное решение состоит в том, чтобы совершенствовать саму научную рациональность и осуществлять переход к такому ее типу, который в оптимальной степени соответствовал бы социокультурным и экологическим реалиям конца XX в.

Как показал В.С.Степин, в историческом развитии науки, начиная с XVII столетия, возникли последовательно три типа научной рациональности, характеризующихся различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности².

Классический тип научной рациональности (XVII—XVIII вв.) исходил из того, что при теоретическом объяснении и описании объекта надо абстрагироваться от всего, что относится к субъекту (исследователю), применяемым им средствами и совершаемым операциям. Такая элиминация рассматривалась как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Конечно, и на этом этапе стратегия исследования, а в значительной степени и его результата были детерминированы присущими данной эпохе мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Освободиться от этого ученому не дано, хотя наука XVII—XVIII вв. и стремилась к этому. Отметим, что на уровне развития естествознания (да и обществознания) того времени, при лидерстве механики и редуцировании к механической картине мира всего добытого физикой, химией, биологией, социальными науками, при преобладании в качестве объектов исследования простых систем такое стремление бы-

¹Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. — М. 1986. — С. 450.

²См.: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. — М., 1992. — С. 177—189.

ло, с одной стороны, в значительной степени реализуемым, а с другой — не оказывало заметного отрицательного воздействия на результаты научных поисков. И хотя в конце XVIII — первой половине XIX в. механическая картина мира утрачивает статус общенаучной и намечается переход к новому состоянию естествознания, очерченный выше общий стиль мышления ученого и тип научной рациональности сохраняются.

Положение принципиально меняется в связи со становлением так называемого неклассического естествознания (конец XIX — середина XX в.). Формируется *неклассический тип научной рациональности*, который уже учитывает зависимость результатов исследования от характера тех средств, к которым прибегает ученый (в особенности в случаях эксперимента), и от специфики тех операций, которым подвергается изучаемый объект. Что же касается самого субъекта и тех внутринаучных и социальных ценностей и целей, которые его характеризуют, то все это по-прежнему выносится за скобку, не находит отражения в описании и объяснении изученного.

И наконец, на наших глазах (в последней трети двадцатого века) происходит рождение новой, постнеклассической науки, для которой характерны такие взаимосвязанные черты, как исследование сверхсложных, саморазвивающихся систем и междисциплинарность этих исследований. Такому состоянию и тенденциям развития современной науки соответствует *постнеклассический тип научной рациональности*, рассматривающий деятельность ученого в более широком поле: теперь уже учитывается соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с исследовательскими средствами и операциями, но и с ценностно-целевой (как внутринаучной, так и внеаучной, социальной) ориентацией ученого.

Чрезвычайно важно подчеркнуть особую значимость этого типа научной рациональности в развитии современного общества. Ведь вопреки мнению крайних антисциенистов, видящих в науке злого демона, способного погубить цивилизацию, выход из сегодняшней экологической и социокультурной ситуации, очевидно, «состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности»¹.

¹Степин В.С. Философская антропология и философия науки. — М., 1992. — С. 55.

4. Наука как непосредственная производительная сила общества

**Определяющая
зависимость
науки
от производства**

В связи с широким распространением всевозможных вариантов теорий «науки для науки», «чистой науки» и т.п. подчеркнем, что в действительности же наука как подсистема более сложной

системы — общества — испытывает на себе определяющее воздействие последней, и в первую очередь ведущей подсистемы общества — экономики, материального производства. При этом имеются в виду и те «команды» (импульсы), которые наука получает от технико-технологического базиса в связи с потребностями развития производительных сил, и те «команды», которые поступают от экономического базиса в связи с необходимостью совершенствования производственных отношений.

Эта определяющая зависимость обусловлена определенными детерминантами.

1. Наука зависит от производства по своему содержанию, своей проблематике. Каждая отрасль науки возникает в такой момент, когда не только накопились предпосылки для ее создания, но и обнаружилась жгучая общественная и, как правило, прежде всего производственная потребность. Геометрия и алгебра были вызваны к жизни необходимостью измерять земельные площади, определять количественные пропорции в ремесле и архитектуре; астрономия родилась из потребностей земледелия (определение сроков сельскохозяйственных работ) и мореплавания; появление зачатков механики связано со строительством городов, храмов, гаваней. Эта определяющая зависимость сохраняется и сегодня: рождение кибернетики, биохимии и т.д. тоже стимулировалось необходимостью решения практических задач.

2. Наука зависит от производства своей материально-технической базой, свидетельством чему являются современные лаборатории органического синтеза, синхрофазотроны и т.д.

**Относительная
самостоятельность
развития
науки**

В то же время наука, как и общественное сознание в целом, обладает относительной самостоятельностью. Это означает, что, получая внешний импульс к развитию, «команду» на развитие от социальной системы в целом и ее подсистем,

наука исполняет эту команду и развивается по своим собственным внутренним законам. И если в соответствии с этими внутренними законами наука не может (или на сегодняшний день не готова) выполнить команду, она проявляет непослушание, которое далеко не всегда встречается обществом с пониманием.

Наука (биологическая и медицинская), например, уже давно получила социальный заказ на открытие методов профилактики и лечения злокачественных опухолей. Но заказ этот до сих пор не выполнен, ибо существует «закон развития науки в запас», который гласит, что для решения любой научной задачи первоначально должен быть накоплен соответствующий запас знаний. Цитологией же еще не накоплен достаточный запас знаний о нормальной клетке, а без этого нельзя успешно решать фундаментальные и прикладные проблемы, связанные с клеткой аномальной, патологической.

Таким образом, обнаруживается собственная внутренняя логика развития науки, дающая себя знать и в тех случаях, когда наука отстает от потребностей практики, и в тех случаях, когда она их опережает. В условиях Древней Греции, например, не могло быть и речи о практической потребности в паровой турбине, однако она была создана Героном. Из внутренней логики развития науки родились неевклидовы геометрии (о чем уже говорилось в предыдущей главе), теория относительности Эйнштейна и т.д. Научные поиски Эйнштейна и полученные им результаты не стимулировались какими-либо практическими потребностями или обнаружением нестандартных эмпирических фактов: как физик-теоретик Эйнштейн исследовал те выводы, которые накопились к его времени в этой науке, и обнаружил вопиющие противоречия между ними. Теория относительности явилась плодотворной попыткой разрешения этих внутринаучных противоречий, а ее возможные выходы на практику обнаружились уже позднее.

Относительную самостоятельность развития науки вынужден учитывать каждый, кто так или иначе должен определять свое отношение к науке. Во-первых, становится понятным первенствующая роль фундаментальных наук (теоретической физики, общей биологии и т.д.), которые в своем развитии призваны опережать прикладные науки. Только в этом случае может быть создан необходимый запас знаний. Во-вторых, становится понятным, насколько корректной в каждом конкретном случае должна быть постановка вопроса о связи волнующей ученого исследовательской проблемы с непосредственными народнохозяйственными нуждами. Ведь нередко практическая значимость

решаемой или даже решенной учебным задаче до поры до времени не обнаруживается, но, как свидетельствует история науки, в конце концов такая связь выявляется, причем чем фундаментальней знание, отложенное «в запас», тем мощнее оказывается его преобразующее воздействие на производство. Поэтому и говорят, что «нет ничего более практичного, чем хорошая теория».

Новый этап взаимодействия науки и производства

Взаимосвязь науки и производства прошла различные исторические этапы в своем развитии.

На первых этапах наука еще не могла оказывать сколько-нибудь значитель-

ного воздействия на развитие производства, она, как правило, шла рядом с производством или даже позади него, теоретически обобщая *post factum* эмпирически добытые технические новшества. В XIX в. начинается новый этап во взаимодействии науки и производства, подмеченный уже К.Марксом и определенный им как процесс превращения науки в *непосредственную производительную силу общества*. Рубеж этих двух этапов лежит между изобретением паровой машины и открытием электричества. Изобретение паровой машины относится еще к первому этапу: сначала паровая машина была создана (причем создана самоучками-практиками), только впоследствии появилась теория паровых машин. Другое дело — открытие электричества: сначала оно было открыто в лабораториях ученых, и лишь затем были найдены способы внедрения его в производство. Аналогичной является ситуация с открытием атомной энергии, синтеза высокомолекулярных соединений и их внедрением в производство. Таким образом, наиболее характерная черта нового исторического этапа взаимодействия науки и производства — опережение наукой производства, превращение науки в «отца» современных отраслей производства (энергетики, химии, электроники, ракетостроения, радиотехники).

Превращение науки в непосредственную производительную силу общества не означает появления какого-то четвертого элемента в структуре производительных сил наряду с предметом труда, орудиями труда и производителями материальных благ: речь идет о проникновении, внедрении достижений науки в каждый из указанных элементов.

Наука позволяет получать новые, не имеющиеся в готовом виде в природе, предметы труда с заранее заданными самим человеком свойствами (синтетическое волокно, ис-

кусственные алмазы, сверхпрочные сплавы и т.д.). Благодаря науке принципиально меняются орудия труда и технология производства в целом, что особенно ощутимым становится на сегодняшнем витке научно-технической и технологической революции, связанном с внедрением микропроцессоров, роботов, биотехнологии. И, наконец, определенный минимум научных знаний является теперь обязательным атрибутом современного производителя материальных благ, работника нового типа.

Необходимо учитывать, что в непосредственную производительную силу общества превращаются не только естественные и технические, но и общественные или — шире — гуманитарные науки. Имеется в виду не только их участие в совершенствовании производственных отношений, что позволяет увеличить производительную силу труда, но и их непосредственное воздействие на главную производительную силу общества — человека, труженика, на его психологический настрой, ценностные ориентации, жизненную позицию.

Таким образом, на нынешнем этапе возрастает роль науки в развитии производительных сил и совершенствовании общественных отношений, создании принципиально новых видов техники и технологии, в повышении производительности труда, освоении недр земли, океана, космоса, охране и облагораживании окружающей среды.

Иногда думают, что, превращаясь в непосредственную производительную силу общества, наука тем самым перестает быть формой общественного сознания. С таким выводом согласиться нельзя. Функция науки как непосредственной производительной силы общества проистекает из ее статуса формы общественного сознания. Именно потому, что наука стала способной глубоко отражать сущность вещей, она может оказывать преобразующее воздействие на материальное производство, а через него — и на жизнь общества в целом. Дальнейшее развитие этой функции в определяющей степени зависит от выхода науки на качественно новый уровень познания окружающего нас мира.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как соотносятся между собой научное и практически-эмпирическое знание?

2. Чем отличается по своим «технологиям» и результатам научное познание от художественного?

3. Как вы оцениваете роль творческого воображения и интуиции в научном познании?

4. Какие этапы взаимодействия науки и производства вам известны?

Глава одиннадцатая

ЛИЧНОСТЬ

После того, как проанализированы сущность человека и общества, рассмотрены основные сферы их деятельности, становится возможным обратиться к понятию «личность».

1. Человек, индивид, личность

Человек.
Индивид

Для правильного понимания сущности личности необходимо отдифференцировать это понятие от близких к нему

по значению понятий «человек» и «индивид».

Понятие «человек», как мы видели, есть понятие родовое, выражающее общие черты, присущие человеческому роду. Поскольку человек есть существо биосоциальное, то в понятие это включаются как его общесоциальные черты, так и биологические, ибо носителем его социальной сущности является живой человеческий организм.

Индивид есть отдельный, конкретный человек, которому наряду с родовыми чертами *Homo sapiens* присущи и сугубо индивидуальные черты. Это касается и его природных задатков, и психических свойств (особенностей памяти, воображения, темперамента, характера) и особенностей его мышления (взглядов, суждений, мнений), потребностей и запросов. В этом смысле мы говорим об индивидуальности человека.

Вообще понятие «индивидуальность» в философской литературе употребляется далеко не однозначно: с разбросом от отождествления индивида с индивидуальностью до отождествления индивидуальности с личностью. Если исходить из того, что каждое понятие должно нести уникальную смысловую нагрузку (в противном случае оно теряет смысл), то *индивидуальность* может быть определена как *совокупность свойств и способностей, отличающих данного индивида от массы других*. Иногда индивидуальность однозначно связывают с многогранностью

способностей, дарований человека, но вряд ли с этим можно согласиться: индивидуальностями несомненно являются и те, кто обладает одной, но ярко выраженной способностью, либо, обладая многогранностью таланта, реализует все же лишь одну из этих граней. У Лермонтова герой поэмы «Мцыри» говорит:

Я знал одной лишь думы власть.

Одну — но пламенную страсть:

Она, как червь, во мне жила,

Изгрызла душу и сожгла.

И эта «однострасность», «односпособность» несколько не принижают в глазах поэта, а вслед за ним и читателей поэмы, индивидуальность Мцыри, его героико-романтический облик.

Личность Хотя каждая личность является одновременно человеком и гражданином, но далеко не каждый человек, индивид в своих общественных связях и поведении проявляет себя как личность. Это обнаруживается, когда мы бросаем ретроспективный взгляд на исторический процесс или осмысливаем современное развитие общества. В условиях первобытного общества человек еще полностью слит с социальной общностью, членом которой он является (род, племя), не осознает себя как самостоятельная личность и на самом деле еще не является ею. Человек, по выражению К.Маркса, еще не оторвался от пуповины естественных связей, и его личное бытие осознается им как бытие члена определенного коллектива. Исторически человек начинает формироваться как личность на основе выделения индивидуального труда, возникновения частной собственности, распада родоплеменного коллектива и отделения личных интересов от общественных. То, что верно для филогенеза человеческого рода, верно и для онтогенеза — процесса развития отдельного индивида. С момента своего появления на свет ребенок является человеком и индивидом, но он еще не является личностью: для этого ему предстоит пройти сложный процесс и биологического, и психического, а главное — социального созревания, социализации.

Однако является ли личностью каждый современный, взрослый, психически нормальный человек? Разумеется, нет. И так обстоит дело в любых социальных условиях. *Личность — это не просто носитель конкретных исторических общественных отношений, но человек, который оказывает активное воздействие на*

них соответственно своим индивидуальным способностям и наклонностям, сознательности и организованности, трудовой и общественно-политической активности. Автономность личности отнюдь не означает, что эта позиция обязательно должна быть противоположна позиции большинства или интересам общественного развития в целом. Речь идет о другом: независимо от того, присоединяется ли личность к мнению большинства или идет своим путем, в каждом конкретном случае это — позиция личностная, пропущенная через мозг, чувства и совесть индивида.

2. Личность и общество

Импульсы развития личности

В истории социальной мысли мы обнаруживаем три варианта решения проблемы взаимодействия личности с окружающей конкретно-исторической средой.

Первый из них был предложен Джоном Локком в его учении о человеке как *tabula rasa* (чистой доске) и следовавшим из такого представления порочным кругом: плохая среда «пишет» на этой доске таким образом, что создает плохого человека; последний же, будучи таковым, не может изменить плохую среду.

Реакцией на этот вульгарно-материалистический, отрицающий какую-либо активность человека, подход явилась антропоцентристская концепция, предложенная Людвигом Фейербахом. Исходя из принципиально правильной предпосылки об изменении социальной среды как результате деятельности человека Фейербах не мог согласиться с локковским образом пассивного индивида. И в то же время он впал в другую крайность, не нашел ничего лучшего как «поставить телегу впереди лошади». Сначала, решил Фейербах, можно и должно изменить сознание людей, а уж затем эти изменившиеся люди изменят и свое общественное бытие. Это была идеалистическая концепция. Впрочем, и те, кто слепо шли от Локка, в конечном счете тоже смыкались с идеализмом. В этой связи очень важна мысль Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Материалистическое учение о том что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Они неизбежно поэтому приходят к

тому, что делят общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна)»¹.

Диалектически переработав варианты, предложенные предшественниками, сохранив все рациональное, что в них было, Маркс сформулировал один из важнейших своих выводов: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»². Таким образом, изменение человека, превращение его в личность происходит не *до* и не *после* (как автоматическое или полуавтоматическое следствие), но *в процессе* деятельности, в том числе в процессе революционного преобразования человеком общества.

Если из наследия Локка была удержана догадка об отражении в характерных чертах индивида общественных отношений данной конкретной эпохи, то при критической переработке учения Фейербаха была сохранена выдвинутая им задача самосовершенствования личности, составляющая краеугольный камень всей его концепции. Эта гуманистическая задача сохраняет свое значение в условиях любого общества, коль скоро человек претендует на статус личности. Прекрасный совет дал когда-то Лев Толстой молодому Николаю Рериху: «Случалось ли в лодке переплывать быстроходную реку? — спрашивал писатель, глядя на картину Рериха “Гонец”. — Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований: надо рулить всегда выше».

Говоря о воздействии социальной среды на человека, необходимо учитывать ее многослойность. При крупномасштабном подходе такими слоями будут:

а) *мегасреда* — огромный социальный мир вокруг нас, испускающий мощные импульсы, которые кровно затрагивают интересы всего человечества и определяют — в условиях интернационализации информационного пространства — духовную, социально-психологическую атмосферу эпохи;

б) *макросреда* — большое общество, страна, к которой мы принадлежим по рождению, воспитанию, сегодняшнему проживанию;

в) *микросреда* — наше непосредственное социальное окружение в лице трех своих основных референтных групп: семьи,

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. — С. 2.

²Там же.

первичного коллектива (учебного, трудового, армейского и т.д.) и приятелей.

Воссоздавая образ того или иного исторического деятеля (полководца, мыслителя, законодателя, народного вождя, художника), исследователь обязан учитывать воздействие на личность каждого из этих слоев среды. В противном случае образ получится искаженным, а многие очень важные моменты, связанные с ним, останутся непонятыми. Как объяснить, например, тот факт, что в событиях русской истории XIX в. мы встречаем и Муравьева-«вешателя», и тех Муравьевых, которых вешали либо ссылали на каторгу за участие в восстании декабристов? Ведь все они были вскормлены одной и той же макросредой и принадлежали к ней по своему социальному положению. Помочь в «дифференциальной диагностике» здесь может только обращение к микросреде, т.е. выяснение специфических особенностей, в которых проходило их семейное воспитание, влияние приятельского окружения, личного жизненного опыта и т.д.

Обратное активное воздействие личности на каждую из сред, разумеется, не равнозначно. Наибольшими возможностями для непосредственного воздействия личность располагает по отношению к микросреде. Что же касается ее воздействия на макро- и мегасреду, то в подавляющем большинстве случаев здесь приходится говорить о воздействии опосредованном — через включенность индивида в различного рода объединения в национальном и международном масштабе. В то же время по степени индивидуального вклада личности в развитие каждой из сфер судят о ее масштабности. В этом смысле говорят о личностях рядовых, талантливых, выдающихся, гениальных.

Характеристика основных исторических типов социальности личности была дана К.Марксом: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова тре-

Три социальных
типа личности

тья ступень»¹. Поскольку комментаторы Маркса, анализируя данное утверждение, далеко не всегда правильно расставляют акценты, сделаем некоторые предварительные замечания.

Во-первых, Марксова типология имеет своим основанием степень (уровни) свободы человека, развития его способностей и потребностей, т.е. речь идет о гуманистическом измерении общественного прогресса.

Во-вторых, и это вытекает из первого, вопреки распространенному мнению², Марксова типология не связана напрямую с формационным членением исторического процесса или, точнее, «завязана» не только на него. В дальнейшем мы постараемся показать, как каждый из типов социальности зависит в определяющей степени от той или иной цивилизационной волны. Достаточно указать, что отношения личной зависимости были присущи всем докапиталистическим обществам, как доклассовым, так и классово-антагонистическим, чтобы стала ясна вся недостаточность формационного подхода.

Итак, первый тип социальности — *отношения личной зависимости*. Субъект зависимости при этом может быть различен: в первобытном обществе им выступает родовая община, поскольку индивид, как мы видели, еще не является личностью в собственном смысле слова; в условиях рабовладения и феодализма субъектами зависимости выступают эксплуататорские классы; общество двадцатого века знало таковых в лице тоталитарных режимов.

Во всех этих случаях человек подавлен как личность не только классовым гнетом (там, где он существует), но и коллективом, в который он включен. Функцию рода в этом отношении унаследовали каста и сословие, цех ремесленников и купеческая гильдия, а на макроуровне — тоталитарное общество. Проявляется эта зависимость-подавление не только в поведении индивида, которое определяется соответствующими нормами, запретами, традициями, но и в его сознании, в неспособности вычленив себя из коллектива, атомизироваться.

Причину такого низкого социального статуса индивида надо видеть в специфике тех технологических способов производства, на базе которых он формировался. Сначала это — доцивилизационный присваивающий способ, затем — технологический базис земледельческой волны цивилизации. Даже на завер-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 46. — Ч. I. — С. 100—101.

²См., например: Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. — М., 1989. — С. 567.

шающей стадии этой волны, в условиях позднего феодализма, величины производимого прибавочного продукта было недостаточно для сколько-нибудь заметного прогресса в развитии духовных потенций масс и удовлетворения их духовных потребностей. Разумеется, в исторических рамках этого типа социальности способности и потребности индивидов не остаются неизменными, равно как и не остается неизменным уровень их развития и удовлетворения. Механизм реализации закона возвышения способностей и потребностей уже был запущен. Достаточно сравнить по этим параметрам раба и крепостного крестьянина. И здесь выявляются различия уже формационного порядка. Таким образом, при анализе исторических типов социальности мы вновь обнаруживаем сопряжение цивилизационного и формационного.

Процесс разложения типа социальности, сфокусированного в личной зависимости, детально исследован К.Марксом в «К критике политической экономии» и «Капитале», где развиты идеи его «Экономическо-философских рукописей 1844 года». При переходе к капитализму формируется принципиально новый тип социальности — *отношения вещной зависимости*. Процесс его формирования носит двусторонний характер. С одной стороны, капитализм нуждается в лично свободном труженике, который мог бы свободно мигрировать туда, куда того требуют развивающиеся производительные силы, мог свободно выбирать профессию и т.д. Такой рынок свободной рабочей силы возникает в результате ликвидации крепостных отношений. С другой стороны, капитализм нуждается в том, чтобы эти лично свободные труженики «свободно» продавали им свою рабочую силу как вещь, как товар в обмен на другие вещи, необходимые им для личного потребления. Но для этого труженик должен быть свободен от средств производства. Такое «освобождение», отторжение массы мелких производителей от принадлежавшей им собственности составляло одну из определяющих сторон процесса первоначального накопления капитала. Так сложился исторически новый социальный тип личности.

Анализируя этот феномен («рабочий стал товаром»), отмечая его существенные отрицательные последствия для труженика («счастье для него, если ему удастся найти покупателя»), Маркс в то же время характеризует его как *великое завоевание на пути к свободе*¹. Придав вещным отношениям всеобщий харак-

¹См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 48.

тер, освободив человека от пут личной зависимости, капитализм привел к атомизации индивида. А это и есть необходимая объективная предпосылка для развития личности. Такова была великая гуманистическая миссия капитализма как новой, более прогрессивной общественно-экономической формации. Но тут же отметим, что реализоваться в полной мере, во всеобщих размерах, эта миссия смогла только с совершением промышленной революции, с утверждением нового технологического способа производства, т.е. в условиях индустриальной волны цивилизации.

Между тем развитие капитализма исподволь подготавливает переход к новому историческому типу социальности, для которого характерны *отношения свободных индивидуальностей*.

Понятие «свободная индивидуальность» предполагает личность, располагающую невиданными на предыдущих исторических этапах возможностями для раскрытия своих способностей и для удовлетворения своих здоровых, в том числе творческих, потребностей. Именно в этом направлении и идет многовековое развитие капитализма. С одной стороны, разрушение всех сословно-кастовых пут, развитие средств массовых коммуникаций, интернационализация экономической и всей общественной жизни создают *возможность* для появления таких индивидуальностей в массовом масштабе, с другой же стороны, общественный прогресс, начиная с технологического, порождает *необходимость* их появления и расширенного воспроизводства. В особенности эта необходимость дает себя знать по мере перехода к новой, информационно-компьютерной волне цивилизации. Современному цивилизованному обществу для нормального функционирования в возрастающих масштабах требуются «свободные индивидуальности», т.е. индивиды, высокоразвитые в умственном, нравственном и физическом отношении. Такой тип социальности адекватно отражает возможности и потребности новой исторической эпохи, знаменующей собой социализацию общественных отношений. Само название этого типа социальности, очевидно, нуждается в определенных разъяснениях.

1. На первый взгляд, название третьего типа социальности нарушает формально-логическую определенность, в которой даны Марксом дефиниции первых двух типов, т.е. вроде бы нарушен принцип деления по единому основанию: в первых двух случаях таким основанием служит характер зависимости индивида, в последнем же случае он не просматривается. В действительности же, и в третьем случае речь идет об отношениях

зависимости, но уже на принципиально новом уровне — уровне свободных индивидуальностей.

2. Свобода индивидуальности, таким образом, не может быть абсолютной свободой, что следует рассмотреть особо.

Свобода и ответственность личности

Однако прежде всего нам предстоит ответить на вопрос: что такое свобода?

Хотелось бы сразу предостеречь изучающих социальную философию от соблазна сводить свободу только к тому, о чем чаще всего говорят и пишут средства массовой информации — к свободе политической. В действительности же свобода личности есть понятие многоплановое, многогранное.

Прежде всего следует иметь ввиду *свободу экономическую*, т.е. в значительной степени свободу от эксплуатации, которая, в свою очередь, тоже не может быть сведена только к неравноправным отношениям между владельцами средств производства и лишенными таковых собственниками рабочей силы. Неэквивалентный обмен был и остается характерным для взаимоотношений между регионом развитых стран и третьим миром сегодня, зачастую он встречается и в отношениях между городом и деревней. Переход к патриархату, означавший всемирно-историческое поражение женщин, свидетельствовал о появлении еще одного вида эксплуатации — дискриминации половины человечества, ограничения прав женщин в обладании собственностью, в получении образования и профессии, в оплате труда и т.д.

Но экономическая свобода по своему объему значительно превышает свободу от эксплуатации, включая в себя, в частности, такой важный момент, как свободу принятия экономических решений, свободу экономического действия. Индивид (и только он) вправе решать, какой вид деятельности для него предпочтительней (предпринимательство, труд по найму и т.д.), какая форма собственнического участия ему представляется наиболее целесообразной, в какой отрасли и в каком регионе страны он проявит свою активность.

Крайне важна *свобода политическая*, т.е. такой набор гражданских прав, который обеспечивает нормальную жизнедеятельность индивида. При этом политическая свобода не может рассматриваться только как средство реализации других свобод — экономической, идеологической и т.д. Будучи средством, политическая свобода в то же время обладает самоценностью, ибо немыслимо цивилизованное общество (тем более современное) без всеобщего и равного избирательного права, справедли-

вого национально-государственного устройства, прямого участия народа в решении кровно затрагивающих его вопросов. Потребность в политическом комфорте, обеспечиваемом демократией, является неотъемлемой чертой менталитета современного цивилизованного человека.

Еще одна сторона социального комфорта обеспечивается *свободой духовной* — свободой выбора мировоззрения, идеологии, свободой их пропаганды. Особое место в системе духовной свободы занимает то, что и в официальных документах, и в обществоведческой литературе именуется «свободой совести». Хотя этимологически этот термин претендует на более широкое понимание, однако обычно при его употреблении имеется в виду свобода человека исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой (быть атеистом), а также право на религиозную либо атеистическую пропаганду.

Весьма специфической является такая грань свободы человека, которую условно можно назвать *свободой гносеологической*. Напомним, что гносеология есть теория познания, и, таким образом, гносеологическая свобода может быть определена как способность человека все более масштабней и успешней действовать в результате познания закономерностей окружающего природного и социального мира. В литературе нередко встречается идущее от Гегеля положение, согласно которому «свобода есть осознанная необходимость», причем зачастую оно трактуется расширительно, распространяется на все грани свободы, а не только на свободу гносеологическую. И тогда мы приходим к противоречию. Скажем, человек находится в совершенно невыносимых политических условиях, но если он осознал их как необходимость, то он... свободен? Впрочем, можно вспомнить, что в рамках этого противоречия обосновывают свои позиции представители некоторых уже рассмотренных философских течений, например, экзистенциалисты. В действительности же гегелевское положение применимо только к свободе гносеологической: чем глубже и полнее мы познаем, тем большие перспективы открываются перед нами в нашей деятельности по овладению природой и нашими собственными общественными отношениями. Заметим, что в каждом конкретном случае индикатором того, что необходимость осознана адекватно, служит выбор нами оптимального варианта личного или коллективного действия. Максимализм же, равно как и минимализм, отражают поверхностность наших знаний либо пренебрежение ими в процессе практики.

И все-таки свобода является лишь одной стороной, характеризующей социальный статус индивида. Она не может являться абсолютной, поскольку индивид не Робинзон: он живет в обществе подобных ему, а посему его свобода должна соотноситься со свободой других индивидов. Таким образом, свобода является относительной, и из этой относительности исходят все демократически ориентированные правовые документы. Так, в Декларации Организации Объединенных Наций о правах человека подчеркивается, что права эти в ходе своей реализации не должны ущемлять права других индивидов. Законодательством многих стран запрещена пропаганда расовой и национальной неприязни, а тем более ненависти; преследуется деятельность изуверских религиозных сект, способных нанести вред физическому и психическому здоровью верующих.

Относительный характер свободы находит свое отражение в *ответственности личности* перед другими личностями и обществом в целом. Зависимость между свободой и ответственностью личности прямо пропорциональна: чем больше свободы дает человеку общество, тем больше и его ответственность за пользование этими свободами. В противном случае наступает разъедающая общество анархия. Это ежечасно и ежеминутно должны помнить все мы. Как говорил Гете, «не то делает нас свободными, что мы ничего не признаем над собою, но именно то, что мы умеем уважать стоящее над нами. Потому что такое уважение возвышает нас самих; нашим признанием мы показываем, что носим внутри себя то, что выше нас, и тем самым достойны быть ему равными».

Проблема отчуждения

Проблема свободы личности в социальной философии уже на протяжении ряда веков фокусируется в проблеме отчуждения. По сути дела, идея отчуждения была заложена в концепции «общественного договора», исходящей из передачи индивидами значительной части своих прав государству. Не случайно поэтому развернутое осмысление понятия отчуждения дает уже Ж.-Ж. Руссо — один из создателей теории «общественного договора». Затем идея отчуждения была подхвачена и развита Гегелем, превращена в одну из центральных категорий его философии (*Entfremdung*). Заметим, что и у Гоббса, и у Руссо, и у Гегеля отчуждение рассматривается только в плане духовном, идеалистически — как отчуждение политических прав, отчуждение духа и т.д.

В действительности же, исходной сферой возникновения отчуждения выступает сфера экономическая, а исходным пунктом

в ней — общественное разделение труда. В литературе нередко в качестве такого исходного пункта рассматривают возникновение и утверждение частной собственности, причем приписывают такое понимание Марксу. Однако анализ «Экономическо-философских рукописей 1844 года» показывает истинный ход рассуждений Маркса: сама частная собственность видится ему как *продукт* порожденного общественным разделением отчужденного труда, выступая одновременно как *средство* дальнейшего отчуждения, его реализация¹. Следовательно, отчуждение по своему первоначальному происхождению носит цивилизационный характер, ибо общественное разделение труда, как это не парадоксально выглядит на поверхности, нацелено на подлинную интеграцию общества, на установление всеобщей связи индивидов. Другое дело, что формационный облик общества каждый раз вносит в феномен отчуждения существенные коррективы.

В обществе с состоявшимся общественным разделением труда, а тем более с сформировавшейся и воспроизводящейся частной собственностью, отчуждение заложено уже в самом акте производства, в производственной деятельности индивида. Отчуждение характеризует определенный тип связей противоположных сторон в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, и важнейшей чертой этого типа является дистанцирование и принципиальное расхождение этих сторон (собственника средств производства и собственника рабочей силы, производителя и потребителя и т.д.). В особенности это дистанцирование дает себя знать в условиях антагонистических формаций: труд работника принадлежит другому; сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому; труд является для работника чем-то внешним, не принадлежащим его сущности.

Возникнув в сфере материального производства, отчуждение распространяется и на все другие сферы жизни общества. От индивида отчуждаются политические учреждения, производство и потребление духовных благ, институты социальной сферы (образование, здравоохранение). Причем отчуждение — удел не только народных масс, оно в ряде аспектов захватывает и «верхи» общества, о чем у нас еще будет возможность сказать особо.

Отчуждение можно представить в виде двуступенчатой ракеты, первая ступень которой выводит общество на такую траекторию, когда от людей как членов социальных коллективов отделяются их силы, способности и результаты их деятельности.

¹См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 96.

Но на этом «полет» не завершен: сами-то отчужденные результаты деятельности людей становятся самостоятельным фактором, выходят из-под их контроля и превращаются в силу, господствующую над обществом. Нередко это господство приводит к разрушительным последствиям.

В каком смысле категория «отчуждение» является исторической? Очевидно, только в том, что у отчуждения, как мы видели, есть конкретно-историческое *начало*. Мнение же о том, что историчность отчуждения включает в себя и его конечность (такова была многолетняя позиция большинства марксистов), противоречит тенденциям и логике общественного развития. Оно было бы верным только в том случае, если бы исходным пунктом отчуждения была частная собственность — по мере социализации общественных отношений отчуждение должно было бы исчезнуть. Но напомним, что таким исходным пунктом было общественное разделение труда, а оно отнюдь не обнаруживает тенденции к исчезновению. Следовательно, сохраняется на всю обозримую перспективу и отчуждение, имманентно присущее саморазвивающемуся социуму, начиная с определенного этапа в его развитии.

В связи с этим встает вопрос о фазах и стадиях, которые проходит отчуждение в своем развитии. Вряд ли эти фазы и стадии в своей последовательности могут быть представлены в виде восходящего либо нисходящего линейного процесса. Скорее всего, можно говорить о спирали, образуемой несколькими, порой разнонаправленными, витками. Ведь в истории человечества встречаются общества с относительно минимальной степенью проявления отчуждения и общества, где отчуждение дает себя знать в абсолютной, патологической форме. Именно такая форма отчуждения была порождена всеобщим огосударствлением собственности, совершенным в нашей стране под флагом строительства социализма. В общественное сознание был внедрен двойной миф. Сначала изъятие средств производства у прежних владельцев, т.е. деструктивный момент в революции, был преподнесен как момент созидательный, как истинное обобществление средств производства. А затем это так называемое обобществление было представлено как создание в целом нового здания экономических отношений. На практике такое «обобществление» воспроизводило многие из унаследованных форм отчуждения и породило его новые, крайние формы, поскольку произошло тотальное отчуждение от собственности всех слоев общества. Это не отменяет того достоверного факта, что

в некоторых сферах (просвещение, здравоохранение) наблюдалось значительное смягчение степени отчуждения.

Степень остроты отчуждения как общественного отношения зависит не только от определяющих его объективных причин, но и от того социокультурного и психологического фона, на котором оно реализуется. Коль скоро это так, то и оптимизация отчуждения может осуществляться умелым сочетанием социально-экономических реформ с соответствующим воздействием на общественное сознание, призванное в данном случае проявить свою компенсаторную функцию, смягчить ощущение индивидом своей отчужденности. Именно в этом ключе идет сегодня поиск возможностей для смягчения отчуждения в развитых странах. В этом ключе должен идти поиск и у нас, если мы не хотим, чтобы реформирование обернулось крайними формами социальной незащищенности, а значит и отчужденности человека.

3. Социальные роли личности

Если верно, что индивид есть отражение всей совокупности общественных отношений своего общества, то неизбежная многоплановость социальных ролей, которые он выполняет, становится предельно понятной. Характеристика этих ролей важна и сама по себе, но еще большую значимость она приобретает в контексте задач их совершенствования. В этом контексте мы и постараемся провести соответствующий анализ, памятуя, что импульсы к совершенствованию ролевых функций личности идут по двум каналам:

а) *внешнему* (объективному) — за счет оптимизации общественных условий, детерминирующих поведение индивида. В свою очередь, эта оптимизация может осуществляться обществом сознательно, а может явиться только *post factum* осознаваемым следствием происшедших объективных изменений;

б) *внутреннему* (субъективному) — за счет постоянного совершенствования личности, к чему, как мы видели, всегда призывали величайшие гуманисты.

Сохраняя избранную в учебнике логику, начнем рассмотрение социальных ролей личности с базисной, с его роли как труженика, независимо от того, в какой сфере общественного разделения труда эта деятельность совершается.

**Личность
как труженик**

Проблема совершенствования личности как труженика обнаруживает ряд аспектов (профессиональный, нравственный и т.д.), причем реализация каждого из них идет успешно лишь при одновременном подключении двух только что упомянутых каналов. *Общество* должно стимулировать, экономическими, правовыми, идеологическими и иными средствами побуждать труженика к совершенствованию, но как сработают эти импульсы (и сработают ли они вообще), в решающей степени зависит от *индивида* — его психологической установки, волевых качеств, общей культуры.

Совершенствование личности как труженика — процесс системный, и, пожалуй, наиболее рельефно эта системность вырисовалась сегодня, в связи с переходом к новому, информационно-компьютерному технологическому способу производства и — соответственно — к новой ступени в развитии цивилизации. От труженика требуются, в частности, не только невиданный ранее уровень общеобразовательной (11—12 классов) плюс профессиональной (до 5 лет) подготовки, но и высокая нравственность. Такая постановка вопроса у многих может вызвать недоумение: разве нельзя побудить к производительному, эффективному труду чисто экономическими или, на худой конец, правовыми мерами? И так ли уж велика, если судить по накопленному историческому опыту, значимость в этом деле нравственного начала?

Правильные ответы на эти вопросы возможны только при учете специфики современного труда, который все больше наполняется творческим содержанием. В этих условиях дисциплина, поддерживаемая извне (надсмотрщиком, инспекцией по приему продукции) все больше вынуждена сменяться *самодисциплиной*, самоконтролем, и главным контролером при этом выступают совесть, другие моральные качества личности.

Начиная с середины восьмидесятых годов, с провозглашения так называемой перестройки, в эпицентре наших общественных баталий находится проблема личности как собственника. Дискуссии эти не обходятся без крайностей — без утверждений, согласно которым человек, «свободный» от собственности, вообще не может быть личностью. Выходит, не был личностью раб Спартак, как и многие видные философы (скажем, Диоген, который жил в бочке) и общественные деятели прошлого, не обладавшие ни наследственной, ни благоприобретенной собственностью.

**Личность
как собственник**

Не надо быть профессиональным историком, чтобы понять, насколько ошибочно такое понимание. Равно как ошибочно полагать, будто превращение всех в собственников решит проблему превращения всех в личностей. Исторически именно мелкий собственник (в особенности сельский), задавленный каждодневными заботами, хозяйствующий отнюдь не при самых прогрессивных условиях производства, оторванный в значительной степени от других таких же хозяев, не воспринимающий в силу узости своих интересов многие общенародные проблемы, меньше всего выступал как социально активная личность. Добавим также, что нет и прямой зависимости между величиной собственности, которой обладает индивид, и его личностными качествами.

В чем же тогда состоит проблема совершенствования личности как собственника?

Дело в том, что обладание собственностью в любом ее виде в потенции способно оказывать не только позитивное, но и отрицательное, разлагающее воздействие на личность, вести к ее распаду. Ведь отчуждение своим сатанинским крылом касается не только отверженных от собственности: оно бьет и по представителям противоположной стороны, лишая их того удовлетворения, которое дает физический и умственный труд (если они и таковым тоже не занимаются), развивая паразитические потребности и аномальные способы их удовлетворения, вызывая зачастую полную апатию к жизни, а то и добровольный уход из нее. Собственник, если он хочет оставаться личностью, не может не обуздывать в себе каждодневно и каждодчасно эти зловещие тенденции, используя свою собственность во благо себе — для своего духовного развития, сохранения психофизического и нравственного здоровья — во благо своим ближним и всего общества (путем спонсорской и иной благотворительной деятельности).

Но у проблемы совершенствования личности как собственника есть и другая сторона. В зависимости от того, как достигается прибыль (юридически и нравственно допустимыми способами или грязными, криминальными) и на что она расходуется, общественная значимость собственника может проявиться либо со знаком «плюс», либо со знаком «минус». В свое время И.Ильф и Е.Петров вложили в уста незабвенного Остапа Бендера призыв чтить уголовный кодекс. К сожалению, в наше время весомая часть доморощенных предпринимателей не внемяют этому призыву, наплевательски относясь и к кодексу уголовному, и к кодексу моральному.

Личность как потребитель

В проблеме «личность как потребитель» мы бы выделили три основных аспекта.

О первом из них — проблеме здоровых потребностей — скажем очень кратко, поскольку она уже рассматривалась в главе второй. Подчеркнем лишь, что здоровые (равно как и нездоровые) потребности не только самовоспитуемы, но и, по сути дела стихийно или осознанно контролируются государством, общественным мнением, семьей и т.д. В одних случаях сдерживаются, блокируются потребности нездоровые (потребность в алкоголе, порнографической продукции и т.п.) и всячески поощряются здоровые (занятия спортом и туризмом, художественная самодеятельность); в других — сдерживаются потребности здоровые (скажем, потребность в оснащении быта современной техникой) и в разных целях — прежде всего в политических (для отвлечения граждан от политики) и экономических (увеличения прибылей) — и поощряются потребности нездоровые; в третьих — могут стимулироваться и те, и другие.

Таким образом, роль общества, и в первую очередь государства, зримо ощущается в реализации такого уже известного нам закона, как закон возвышения потребностей. И здесь мы переходим к рассмотрению второго из интересующих нас аспектов, представляющего собою в сущности обратную связь от индивида с его определенным уровнем потребностей к обществу в целом. Низкие, неразвитые потребности индивидов тормозят развитие общества. Подобная тенденция торможения четко просматривается в советской истории, особенно в истории села. Когда в середине шестидесятых годов была резко поднята оплата труда в сельском хозяйстве, казалось, что эта мера стимулирует труд сельчан и сельское хозяйство быстро пойдет в гору, а страна решит все свои продовольственные проблемы. Но уже через несколько лет эти проблемы обострились неожиданно для многих, в том числе и для высшего руководства. Оказалось, что в связи с традиционно низким уровнем и узким кругом потребностей резко возросшая оплата труда в общественном секторе позволила крестьянству также резко сократить свое личное подсобное хозяйство. В дальнейшем, какие бы меры общество не принимало (новые неоднократные повышения оплаты труда, попытки внедрения более совершенных форм организации труда и т.д.), их предполагавшаяся инициаторами стимулирующая роль тут же гасилась неразвитыми потребностями селян.

И, наконец, еще об одном аспекте — о проблеме *организованного* потребителя. Как соотносится потребитель со своей мак-

просредой? Как жалкий, а порой и затравленный монополией производителей, одиночка или как член мощного, хорошо организованного сообщества потребителей? Такая постановка вопроса выводит нас на весьма важный индикатор, позволяющий понять и облик личности, — потребителя, — и облик социума, в который этот потребитель «вписан». Если перед нами жалкий и затравленный потребитель-одиночка, то в плане потребительском он ни в коей степени еще не представляет собой личность. Но и общество в таком случае нельзя назвать гражданским обществом в полном смысле, ибо, как мы видели, гражданское общество характеризуется опосредованными связями индивидов с макросредой в целом и отдельными ее сферами и институтами. В сформировавшемся и нормально функционирующем гражданском обществе индивид в своей профессиональной, политической, потребительской и всех прочих видах деятельности предстает как член соответствующей ассоциации — профсоюза, партии, клуба избирателей, союза потребителей и т.д.

Личность как гражданин

Понятию «гражданин» в нашем сознании противостоит понятие «обыватель» — человек, далекий от животрепещущих проблем своего общества. И дело чаще всего не в том, что индивид не осведомлен об этих проблемах: он может о них быть достаточно «наслышан» и в целом неплохо разбираться. Беда в другом — он не считает для себя необходимым вмешательство в ход общественных дел, личное участие в решении этих проблем, тем более если это связано с риском для его материального благополучия, карьеры, не говоря уже о риске для здоровья и жизни. А между тем, поскольку общество сохраняется и движется вперед только через активную деятельность людей, такое участие крайне необходимо. Обыватели вредны и опасны для общества не только сами по себе, но и тем, что заражают своим пассивным отношением к общественным делам многих из окружающих их людей. И это закономерно, ибо существует, как мы уже видели, социально-психологический рефлекс подражания.

В определенных социальных условиях обывательщина может превратиться в феномен, охватывающий большинство членов общества. Подобные условия, похоже, сложились у нас в последние годы. Судя по результатам проводимых в различных регионах социологических исследований, все больше падает уверенность опрашиваемых в возможности улучшения своего положения за счет решения общественных проблем и — соответственно — все более возрастает установка «опоры на собствен-

ные силы», включающая в себя наряду с интенсификацией трудовых усилий использование протекционистских связей, спекулятивную деятельность и т.п. Массы становятся индифферентными по отношению к политической практике — а это тоже чрезвычайно важный показатель.

Есть еще один феномен, без которого наше представление о гражданине становится неполным, — феномен законопослушания. Многим нашим читателям, очевидно, уже известен классический пример законопослушания, преподанный Сократом и своим современникам, и грядущим поколениям. Приговоренный афинскими властями к смерти, Сократ тем не менее отвергает предложение своих учеников совершить побег из тюрьмы. Свой выбор он мотивирует примерно так: «Нельзя нарушать законы, даже если в данном конкретном случае они тебя не устраивают. Лучше претерпеть несправедливость, чем несправедливо поступить». Итак, нарушение законов гражданами — несправедливо. В менталитете разных народов отношение к законопослушанию настолько различно, что в литературе (и в научной, и в художественной) мы встречаем во многом справедливые рассуждения о народах законопослушных и закононепослушных. «Вот немец, — рассуждает один из героев В.Шукшина, — его как при рождении поставили на серединочку, так он по этой серединочке всю жизнь и ходит». В российском же менталитете заложен, напротив, существенный элемент закононепослушания, и это сегодня в значительной степени тормозит общественные изменения, в том числе и переход к правовому государству.

На первый взгляд может показаться, что законопослушание сродни конформизму. В действительности же, конформизм есть приспособление к существующему порядку вещей без какого-либо активного стремления к его изменению. Законопослушание же личности не исключает критического отношения к законам и правомерной, в конституционных рамках, деятельности по их совершенствованию.

Личность как семьянин Престижность социальной роли личности, связанной с функционированием семьи, за последний век претерпевала зримые метаморфозы, но, описав солидный виток, сегодня вроде бы возвращается «на круги своя».

В начале века получили распространение взгляды, так или иначе исходившие из предрешенности судьбы семьи, доселе выступавшей в качестве незыблемой ячейки общества. Аргумента-

ция была различной: это — и успехи цивилизации, позволяющие семье свести чуть ли не к нулю свою хозяйственную функцию; и последствия неизбежной эмансипации женщин (в том максималистском виде, в каком она тогда представлялась многим); и шагнувшая далеко вперед система образования, которая якобы должна взять на себя воспитательную функцию, выполняющуюся семьей.

В этих пессимистических прогнозах отразились многие объективные процессы, действительно сигнализовавшие о кризисе первичной ячейки общества. К числу таких процессов прежде всего следует отнести гипертрофически возросшее, в особенности во второй половине века, число разводов. Э.Тоффлер вспоминает, что когда он со своей будущей женой учился в школе, она была единственной ученицей в классе, родители которой находились в разводе. А сегодня, продолжает Тоффлер (и это относится к середине восьмидесятых годов), его дочь — единственная в классе ученица, родители которой не развелись.

Кстати, само по себе количество разводов еще не свидетельствует о деградации семейных отношений. В определенных исторических ситуациях (демократизация общества и уравнивание женщин в правах с мужчинами) «девятый вал» разводов может выступать индикатором формирования нового, более прогрессивного типа семьи. Сошлемся на опыт отечественной истории. В дореволюционной России женщина не обладала правом бракоразводной инициативы, она получила его после революции. И уже это одно изменение юридического статуса женщин должно было значительно (гипотетически — вдвое) увеличить количество разводов. Женщина получила равный с мужчинами доступ ко всем ступеням общего и профессионального образования, исчезла дискриминация в оплате ее труда. И это изменение в совокупности с только что отмеченным фактором должно было увеличить количество разводов еще значительней. Наконец, еще один фактор нельзя игнорировать: несомненно возросшие духовные требования супругов друг к другу. В общем, настораживает не столько количество разводов, сколько два других, имеющих непосредственное отношение к исследуемому процессу обстоятельства: во-первых, нежелание значительной части молодежи вступать в брак и, во-вторых, уменьшение числа повторных браков. Если иметь в виду все три фактора в совокупности, то кризис современной семьи несомненен.

А между тем семья призвана и сегодня оставаться основополагающей ячейкой общества, реализуя такие функции, кото-

рые за нее никакая другая структурная единица социума выполнять не в состоянии.

К этим функциям прежде всего относится *функция воспроизводства человека*. Конечно, биологическое воспроизводство человека в определенных размерах происходит и вне семьи, в условиях внебрачных отношений, но последние по «замыслу» своему не ориентированы, как правило, на воспроизводство человека. И если сегодня мы фиксируем в России уже не просто тревожащее снижение рождаемости, но и начавшийся процесс депопуляции, то причину сего надо видеть не только в общей социально-психологической атмосфере неуверенности, царящей в обществе; причина и в кризисе семьи, прогрессирующем вытеснении семейно-брачных отношений внебрачными отношениями между полами.

Напомним банальную истину: чтобы человек стал существом общественным, требуется длительный процесс его социализации. И исторический опыт убеждает, насколько велика в этом процессе, в особенности на его начальном, самом трудном этапе роль семьи. Здесь перед нами *функция социализации индивида*, или иначе — *функция социального воспроизводства человека*. Говоря о соответствующем историческом опыте, мы имеем в виду опыт не только позитивный, но и негативный, добытый по методу «доказательства от противного». Ведь установка на исключительно общественное воспитание ребенка, на отрыв его от семьи уже в состоянии грудного младенца, из области спекулятивных, схоластических рассуждений то и дело прорывалась в нашу практику (вспомним хотя бы массовое движение за создание школ-интернатов в первой половине шестидесятых годов). Однако следует помнить: то, что может дать семья вновь появившемуся на свет человеку, не может дать никакой другой социальный институт, включая ясли, детские сады, интернаты и т.п., способные осуществить в лучшем случае лишь грубую, общестандартную, не учитывающую индивидуальные особенности воспитанника подгонку индивида к обществу. И только малый, интимный коллектив близких людей, каковым является семья, способен сочетать социализацию ребенка с его индивидуализацией, осуществляя этот процесс в соответствующей психологической, эмоциональной и эстетической форме. Конечно, речь идет о семьях нормальных, здоровых. Но задача преодоления кризиса семейно-брачных отношений и состоит в том, чтобы сделать именно такие семьи явлением массовидным и преобладающим.

Сохраняется, хотя и не в прежнем объеме, хозяйственно-бытовая функция семьи, связанная с ведением домашнего хозяйства и организацией быта членов семьи. В особенности, велика значимость этой функции на селе в связи с необходимостью сохранения личного подсобного хозяйства и неразвитостью социально-бытовой инфраструктуры. Впрочем, сегодня роль этой функции возрастает и в городе: городская семья становится производителем картофеля, овощей и фруктов, а непрекращающийся рост цен заставляет ее вернуться к внутрисемейному способу удовлетворения бытовых потребностей, отказываясь во многих случаях от услуг общественной сферы обслуживания.

Глава двенадцатая

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

1. Типы социальной динамики¹

Термин «социальная динамика» как в нашей, так и в зарубежной литературе интерпретируется неоднозначно. О.Конт, который и ввел этот термин в научный оборот, подразумевал под ним однонаправленные поступательные процессы общественного развития, исключая скачки и перерывы. В современной западной социологии разработка проблемы социальной динамики связана с именем П.Сорокина, полагавшего, что «подобно физиологии человеческого организма, которая изучает основные физиологические процессы, повторяющиеся в человеческих организмах, "социальная физиология" или динамика концентрирует свое внимание на основных социальных процессах, повторяющихся в жизненной истории всех социальных групп»². Итак, в первом случае под социальной динамикой понимаются линейные процессы, во втором — циклические. В нашей литературе понятию «социальная динамика» до последнего времени отказывалось в статусе научной категории. Более того, в специальных справочных изданиях подчеркивалось, что данный термин сохранил свой смысл лишь в исследованиях по истории и социологии³.

Между тем понятие «социальная динамика» отражает определенную и весьма существенную сторону общественного развития в целом. Из всей совокупности многообразных изменений исторической реальности понятие «социальная динамика» вбирает в себя и концентрирует свое внимание на одной стороне — *направленности* общественных изменений, их траектории. В связи с этим можно выделить *циклический, линейный и спиралевидный* типы социальной динамики.

¹В этом параграфе использованы материалы М.Г.Хамдамова.

²*Sorokin P. Society, Culture and Personality. — N.-I.-L., — 1947. — P. 367.*

³См., напр.: *Философский энциклопедический словарь. — М. 1989. — С. 175.*

Циклический тип социальной динамики

В общественной жизни широко распространены *циклические процессы*, имеющие собственную логику развития и специфические формы реализации. Они не могут быть сведены к случайным и крат-

ковременным явлениям в поступательном движении общества, к частичным «отклонениям» от основной восходящей линии, как это нередко представляется в рамках сутобо прогрессистского подхода к интерпретации социального развития.

Можно выделить два класса циклических изменений — *системно-функциональный* и *исторический*.

Системно-функциональный цикл отражает социальные изменения в рамках одного качественного состояния, причем конечный результат серии изменений становится исходным пунктом новой серии аналогичных изменений. В результате разрешения в рамках данного качества возникающих противоречий происходит неоднократное чередование подъемов и упадков, повторение одних и тех же фаз функционирования социальной системы. Следует подчеркнуть, что воспроизводство социального качества в неизменном виде не означает полного содержательного тождества начала и конца цикла, и, таким образом, системно-функциональные циклы в действительности суть квазициклические, квазикруговые процессы.

Развитие общества в рамках социально-функциональных циклов свидетельствует о его относительно стабильном состоянии: воспроизводятся естественно сложившиеся социальные общности (этноты, классы, страты), устойчивые формы деятельности социальных субъектов, их традиционные роли в обществе, политические, общественные и иные институты. Таким образом, осуществляется саморегуляция общества. Выведенная из равновесия социальная система через определенное время вновь возвращается в свое первоначальное состояние — происходит своего рода маятниковое движение. Цикл является способом существования и сохранения общества, и особенно наглядно это обнаруживается в обществах, относительно замкнутых по сравнению с внешним миром.

Определенное влияние на изоляцию может оказывать географическое расположение общества, но решающее значение имеет активность его внутренних иммунных систем, препятствующих проникновению нововведений. Искусственное ограничение контактов с внешним миром осуществляется разными средствами (политическими, религиозными, идеологическими и т.д.), но при

этом преследуется единая главная цель — сохранение социальной системы в сложившемся виде посредством устойчивого воспроизводства традиционных отношений и связей. Подобные общества, безусловно, изменяются, хотя в целом их развитие тормозится и они в течение более или менее длительного времени не переходят на следующую ступень. Примерами такого развития могут служить классические кочевые общества, некоторые архаические земледельческие общности, а также восточные цивилизации, нередко называемые «традиционными».

При сопоставлении динамики двух обществ (одного с преобладанием линейных процессов, а другого — с преобладанием циклических) в социально-философской литературе нередко возникают представления об абсолютном застое. Ярким примером таких представлений служат европоцентристские взгляды, сформировавшиеся в XVIII—XIX вв. В западных странах в это время наблюдался линейный процесс развития капиталистических отношений. Сопоставляя его с восточными обществами, в частности с Китаем, многие мыслители (И.Г.Гердер, А.И.Герцен, Н.Я.Данилевский, Н.Г.Чернышевский) определяли последние как общества застойного типа. Между тем, история Китая, где феодальные отношения господствовали в течение почти двух тысячелетий, есть типичный пример циклического развития, обусловленного, с одной стороны, геополитической изоляцией и, с другой — высокой внутренней устойчивостью и урегулированностью. Политическая централизация, строгая иерархическая структура власти, регламентация хозяйственной жизни, социально-экономическая этика конфуцианства, отторгавшая и подавлявшая культурные, идейные и технические нововведения — все это являлось предпосылкой повышенной стабильности китайского общества. Даже многочисленные движения народных масс и те способствовали стабилизации и упорядочению общества, ибо освобождали его от отдельных явных пороков. И только во второй половине XIX в. циклические процессы стали обнаруживать тенденцию трансформации в линейный регресс. Тенденция эта проявлялась в виде усиливающегося паралича власти, снижения жизненного уровня большинства населения, деклассирования. И тем не менее утрата обществом тех или иных результатов, достигнутых ранее, происходила при сохранении и воспроизведении в основных чертах традиционных отношений и форм деятельности.

Исторический цикл является единством процессов генезиса, расцвета и распада социальных систем и отражает тот реальный

факт, что общество, как и любое материальное образование, имеет определенный срок жизни, по истечении которого прекращает свое существование. Разумеется, исчезновение социального организма не происходит абсолютно бесследно: в каждом отдельном случае сохраняется определенная связь с ним возникших на его месте образований. Так было на территории бывшей Римской империи, где возник ряд самостоятельных государств, которые в эпоху Возрождения и Новое время обогатили многие унаследованные достижения римской культуры. Но в этом случае правомерно говорить уже об исторических циклах вновь образовавшихся государств.

В последнее время начинает уделяться все больше внимания разработке вопроса о возможном мегацикле в эволюции Земли как планетарной системы, в котором не исключена смена восходящей линии нисходящей. Эта проблема, впервые поставленная (правда, в абстрактном виде) Ш.Фурье, сегодня становится все более актуальной в силу резкого усиления противоречий глобального масштаба¹.

Отражением циклического типа социальной динамики являются хорошо известные читателю теории исторического круговорота, чрезвычайно многообразные по используемому авторами материалу, форме изложения, методам аргументации, видению всемирно-исторических перспектив. Сравним, к примеру, концепции Д.Вико и Н.Я.Данилевского. Если для Вико основополагающим принципом выступает единство всемирной истории, то Данилевский, наоборот, исходит из отрицания этого единства и рассматривает историю общества как совокупность различных культурно-исторических типов, каждый из которых перестает существовать, пройдя определенный жизненный цикл.

К сожалению, анализ этих теорий еще в недалеком прошлом страдал существенной упрощенностью и односторонностью. Во-первых, эти теории жестко противопоставлялись идее общественного прогресса, хотя при более тщательном изучении вопроса обнаруживается, что на всем протяжении развития социальной философии теории круговорота в различных вариантах включали в себя эту идею, и это вполне логично, ибо цикл есть сопряжение восходящей и нисходящей ветвей развития. Во-вторых, возникновение циклических теорий несколько прямолинейно коррелировалось в литературе с политическими симпа-

¹См.: Цикличность в социальных системах («круглый стол») // Социологические исследования. — 1992. — № 6.

тиями и антипатиями их авторов, а также морально-психологической атмосферой соответствующего времени. Бесспорно, указанные факторы накладывают определенный отпечаток на любое творчество, но нельзя упускать главное: теории циклизма отражают определенные стороны объективной социальной динамики и появление их на разных исторических этапах указывает на существенный характер этих сторон. В-третьих, несколько преувеличивалась метафизичность этих концепций, забывалось, что в определенных пределах метафизический подход является правомерным и даже необходимым.

Линейный тип социальной динамики

Чрезвычайно большое место в исторической действительности занимают *линейные процессы*. При этом сущность линейного типа социальной динамики не исчерпывается *линейным прогрессом* — другой исторической формой его реализации выступает *линейный регресс*, как нисходящая линия в развитии общества, когда происходит процесс сужения функциональных возможностей социальной системы, приводящий в конечном счете к тупиковым ситуациям в общественном развитии. Линейный прогресс и линейный регресс представляют собой противоречивое единство противоположностей, одна из которых на определенном этапе играет доминирующую роль.

Рассматривая соотношение линейного прогресса и линейного регресса, обратим внимание на следующее обстоятельство. Их понимание как разнонаправленных векторов исторического развития нередко приводит к значительному смещению этого акцента во времени. И если линейный прогресс рассматривается направленным в будущее, то линейный регресс воспринимается чуть ли не как движение вспять даже во времени, как своего рода «прогресс наоборот». В действительности же линейный регресс не должен трактоваться как простое повторение в обратном порядке ранее пройденных стадий и фаз. На новом временном этапе социального развития существуют иные условия, иная общественная среда, и поэтому повторение старого возможно лишь прежде всего в отношении формы, хотя, разумеется, в известной степени это касается и содержания. Старые общественные институты невозможно реанимировать в их первоизданном облике, ибо в новых исторических условиях они оказываются неспособными выполнять прежние свои функции. В этой связи правомерно говорить об асимметричной направленности линейного прогресса и линейного регресса.

Отличительной чертой линейной динамики является ее *кумулятивный* характер, выражающийся в том, что каждое новое явление есть не механическое добавление к старому, а генетическое его продолжение. В ходе реализации линейных процессов возникают необратимые состояния, которые не полностью отрицают предшествующие, а частично вбирают в себя их свойства, обогащают их, усложняя тем самым весь процесс в целом. Это положение очень удачно иллюстрирует В.Г.Ревуненков при анализе развития Французской революции конца XVIII в. Характеризуя период линейного прогресса в истории этой революции, В.Г.Ревуненков подчеркивает, что «главной особенностью восходящей линии революции являлось то, что на каждом ее следующем этапе к власти приходили все более радикальные группировки буржуазии, все более возрастало влияние народных масс на ход событий, все более последовательно решались задачи буржуазно-демократических преобразований страны»¹. Вместе с тем, и стадия линейного регресса как «нисходящая линия революции не представляла собой отступления в сторону феодального прошлого, напротив, она означала укрепление и дальнейшее развитие социальных порядков, покоящихся на частной капиталистической собственности и системе наемного труда»². Иными словами, нисходящая фаза революции реализовала одну из возможностей, генетически заложенных в восходящей фазе. Линейный регресс заключался не в тотальном отказе от достижений первой фазы, а в смещении акцентов: на смену буржуазному демократизму пришел буржуазный авторитаризм, защищающий интересы прежде всего крупных собственников.

С реализацией линейного типа социальной динамики связан такой исторический феномен, как многовариантность общественного развития. В наибольшей степени она проявляется в переломных ситуациях, когда перед обществом возникает проблема исторического выбора. В эти периоды, по сравнению с периодами стабильного функционирования, существует гораздо более широкий спектр возможностей, все многообразие которых сводимо к трем основным вариантам: консервация существующего состояния, поступательное и нисходящее движение. Последние два варианта осуществляются в виде линейных тенденций, причем за каждой из них стоят материальные и идей-

¹От старого порядка к революции: К 200-летию Великой французской революции. — Л., 1988. — С. 13.

²Там же. — С. 23.

ные носители — разные классы и социальные слои, которые и борются между собой, чтобы направить эти тенденции соответственно своим интересам¹.

Важное теоретическое и практическое значение имеет выяснение пределов линейной динамики общества. В широком смысле эти пределы ограничиваются периодом количественных изменений между двумя последовательно сменяющимися друг друга качественными состояниями общества. В общеисторическом плане линейный прогресс и линейный регресс сменяют друг друга тогда, когда исчерпываются потенции роста на собственной основе. Определенное влияние на пределы линейной динамики оказывает характер взаимодействия общества с природной и исторической средой. При этом пределы линейного прогресса общества могут быть расширены вследствие преодоления исторического отставания за счет усвоения социального опыта стран, идущих впереди.

Спиралевидный тип социальной динамики

Масштабный, панорамный подход к изучению социальной реальности позволяет обнаружить в ней и *спиралевидный* тип динамики, который отражает направленность процессов, охватывающих различные качественные состояния общества. Сразу же подчеркнем: в общественном бытии спиралевидность выступает не как единственный, а как один из относительно самостоятельных типов социальных изменений. Такое замечание крайне важно, если учесть, что в нашей философской литературе прочно утвердилось мнение о развитии как осуществляющемся исключительно по спирали.

Спиралевидный тип социальной динамики отражает совокупность генетически связанных процессов, отрицающих друг друга, и обнаруживается при суммировании большого количества данных на сравнительно длительных этапах исторического развития. В ходе каждого отрицания явление переходит не только в другое качественное состояние, но и в свою противоположность. В ходе последующих отрицаний явление вновь превращается в свою противоположность и одновременно как бы возвращается в свое исходное состояние, но возврат этот к якобы старому осуществляется на новом уровне, с обнаружением новых свойств. В плане социально-онтологическом данный тезис

¹См.: Волобуев В.П. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. — М., 1987. — С. 21.

можно проиллюстрировать на примере витка спирали, связанного с отрицанием первобытной общественной собственности частной, которая сегодня, в свою очередь, отрицается процессами обобществления и социализации. В плане социально-гносеологическом можно сослаться на такой виток: античная диалектика — многовековое господство метафизики в философии и естествознании — возвращение к диалектике. Вполне понятно, что в обоих случаях перед нами лишь якобы возврат, совершающийся на качественно новом уровне.

Попробуем графически изобразить теперь уже известные нам три типа социальной динамики на рис. 19.

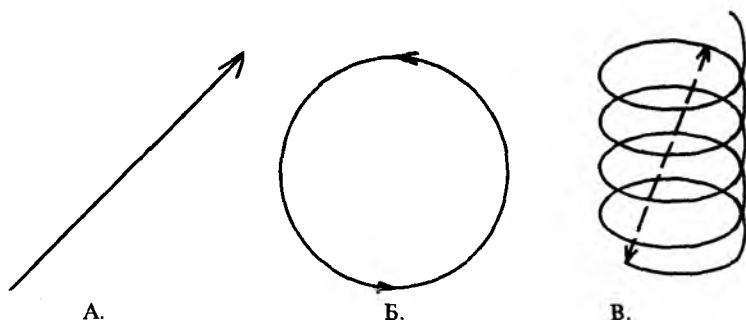

Рис. 19

Даже беглый анализ этих изображений обнаруживает, что спираль представляет собой синтез цикла (круга) и линии.

Спираль как графический образ, геометрическая модель выступает в роли аналога термина «социальная преемственность», который отражает диалектическое единство прерывности и непрерывности, относительного тождества и различия, генетической связи сменяющих друг друга процессов. Когда спираль определяется по формуле «возврат к якобы старому, повторение старого на ином уровне», то речь идет, в сущности, о таком процессе развития, когда обновление и устаревание являются лишь частичными.

Было бы упрощением трактовать спиралевидную направленность как однозначно поступательную, восходящую. В рамках развития социальной системы реализуются и нисходящие спиралевидные процессы, тоже являющиеся закономерными и позволяющие понять причины разложения данного общества. Спиралевидные процессы обеих направленностей имеют место и в развитии культуры. Так, в начале XVII в. в европейском сознании, благодаря интенсивному росту научных и техниче-

ских знаний и их внедрению в производство, стала формироваться психология человека-покорителя природы, ставшая в течение последующих двух столетий отличительной чертой европейского гуманизма. Утилитарное отношение к природе способствовало экономическому и культурному прогрессу Европы и в целом обеспечило ей значительный рывок по сравнению с другими регионами. Но XIX и, особенно, XX вв. с их дегуманизацией производства, экологическими кризисами и т.п. с достаточной очевидностью показали, что достигнут известный предел прогрессу европейской культуры в традиционных его формах. Осознание этого факта, с одной стороны, повлекло за собой кризис прежней психологии «властелина природы», что нашло свое отражение в широком распространении антисциентистских и антитехницистских настроений.

В социальной реальности циклические, линейные и спиралевидные процессы выступают не как параллельные или следующие друг за другом через определенные интервалы времени, а как взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимопроникающие моменты одного и того же целостного процесса развития. Иными словами, диалектика социального развития такова, что в нем одновременно присутствуют и цикличность, и линейность, и спиралевидность в многообразии своих исторических форм проявления. Обращаясь, например, к любому переходному периоду, мы обнаруживаем в его рамках действия разнообразных альтернативных тенденций, в том числе и такие, которые при ретроспективном анализе квалифицируются как «зигзаги». В действительности же эти тенденции представляют собой разнонаправленные линейные процессы, отражающие мучительные поиски обществом оптимальных путей дальнейшего развития. В этот же период имеются как зачатки будущего общества, так и остатки прошлого, т.е. элементы спиралевидной динамики обеих направленностей. Такой ситуацией характеризовался в отечественной истории период с 1917 г. до середины 30-х годов, который изобиловал различными линейными процессами: «военный коммунизм», новая экономическая политика, «великий перелом». В то же время в обществе сохранялись «родимые пятна» прошлого строя и появились зародыши будущей административно-командной системы. В целом же в переходный период преобладал циклический тип социальной динамики в форме системно-функционального цикла, обусловленный ожесточенной борьбой противоположностей («кто кого?») в экономике, политике, общественном сознании.

2. Революционное и эволюционное в историческом процессе

Если понятие «тип социальной динамики» отражает траекторию, *направление исторического движения* на том или ином этапе (либо на нескольких, вместе взятых, этапах), то в понятиях «эволюция» и «революция» отрафлексирован *характер* этих изменений. Чуть позже мы увидим, что эволюционное и революционное оказываются неразрывно связанными и переплетенными не только в историческом процессе в целом, но и в конкретных, локальных явлениях. Теоретическое освоение этой взаимосвязи требует довольно основательного анализа употребляемых в данном случае философских категорий.

Скачки

«взрывные»

и «постепенные»

Обратимся для этого к одному из последних определений революции в нашей литературе, «РЕВОЛЮЦИЯ, — читаем мы, — глубокое качественное изменение в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания. Понятие Р. — неотъемлемая сторона диалектической концепции развития. Оно раскрывает внутренний механизм закона *перехода количественных изменений в качественные*. Р. означает перерыв постепенности, качественный скачок в развитии. Р. отличается от эволюции — постепенного развития какого-либо процесса»¹. В этом определении (правда, в несколько смягченном виде) сохраняется то, что характеризовало понимание революции и эволюции нашей литературой на протяжении десятилетий.

Во-первых, ставится знак равенства между революциями и качественными изменениями, скачками вообще. Между тем подобное отождествление явно ошибочно, поскольку сами скачки, в частности в развитии общества, различаются между собой по степени глубинности и кардинальности. Революция, и об этом мы еще будем говорить, есть не любой скачок, а только такой, который ломает старое в главном, коренном. В свою очередь эволюция не сводится только к количественным изменениям, она включает в себя и скачки.

Во-вторых, в анализируемом определении революция как перерыв постепенности противопоставляется эволюции как постепенному развитию. Чтобы быть правильно понятым, такое противопоставление нуждается в расшифровке. В каком смыс-

¹Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 574.

ле революции выступает как перерыв постепенности? Очевидно, в том смысле, что революция есть «водораздел» между эпохами стабильного, постепенного развития. Но сам-то этот «водораздел», занимающий целую эпоху, в свою очередь, тоже наделен такой чертой, как постепенность. Следовательно, в этом плане не существует абсолютных граней между революцией и эволюцией, хотя последняя сплошь и рядом изображается в литературе как цепочка исключительно количественных изменений. Революции всегда содержат в себе значительные эволюционные вкрапления, во многих же случаях (как мы постараемся показать) революции вообще совершаются в эволюционной форме.

Отмеченные отождествления революции и скачка, абсолютизация граней между революцией и эволюцией суть лишь частные проявления многолетнего процесса метафизации нашего философского метода. Вульгаризация затронула самые глубины диалектики — ее основные законы, в том числе закон взаимного перехода количественных и качественных изменений, включая и концепцию диалектического скачка. В угоду теоретическому «обоснованию» форсированного, взрывного характера строительства социализма взрыв как таковой возводился в ранг диалектического скачка (в один из его типов), в то время как в действительности взрыв, хотя и имеет место, выступает как форма по сути дела метафизического отрицания, перечеркивающего возможности дальнейшего развития. Диалектический же скачок, в том числе и при революционном изменении общественных систем, неизменно и неизбежно характеризуется постепенностью. Логическое противоречие, которое мы вроде обнаруживаем при этом («скачок есть перерыв постепенности» и «скачок характеризуется постепенностью»), — противоречие кажущееся, ибо надо различать два вида постепенности: постепенность количественных изменений и постепенность качественных изменений.

При выяснении различий между скачком типа взрыва и «постепенным» скачком нередко подчеркивается, что последний связан с замедленностью. Практика же показала, что всякий раз, когда мы намеревались осуществлять качественные изменения общественной жизни «взрывным» путем, вместо желаемого ускорения мы как раз и получали замедление темпов развития (переход от товара к нетовару, насильственная коллективизация, сверхиндустриализация). Сегодня к подобным результатам могут привести обвальная приватизация, приказная антиколлективизация и т.п.

Социальные революции: закономерность, системность, кардинальность

Понятие «*социальная революция*» здесь и во всех других главах употребляется в строго определенном смысле как *содержание эпохи перехода к новой, более прогрессивной ступени развития*. Тем самым мы отмежевываемся от тех, кто под социальной революцией подразумевает *форму* или *способ* перехода (и форма, и способ перехода, как мы увидим, могут быть весьма разнообразными, в том числе и эволюционными), либо *один из этапов* межформационного скачка.

В предлагаемом нами смысле социальные революции носят *закономерный характер*. Это приходится подчеркивать особо, ибо многим течениям историографической и социально-философской мысли присуще объявление социальных революций историческими случайностями, какими-то казусами. Подобное понимание мы встречаем в многотомной «Истории народов, говорящих по-английски» У.Черчилля. События 1789 г. во Франции были вызваны, в его интерпретации, ошибками королевского правительства, неспособного упорядочить управление страной. Таким же образом объясняет Черчилль и американскую революцию XVIII в. Основную причину завоевания независимости английскими колониями в Северной Америке он видит в ошибках назначенных королем «реакционеров в английском правительстве», а успех американского народа в революционной борьбе объясняет, главным образом, личными качествами Дж.Вашингтона¹.

Закономерный характер социальных революций связан прежде всего с тем, что их причины заложены в самом фундаменте общественно-экономической формации. Исподволь, в недрах старого экономического способа производства вызревает конфликт между ушедшими вперед производительными силами и безнадежно устаревшими производственными отношениями, которые в своей основе перестали соответствовать новой ступени развития производительных сил. Такой антагонистический конфликт и представляет собой экономическую основу социальной революции.

Социальная революция *системна по своему характеру*. Поскольку вся формационная система определяется экономическим способом производства, переворот в нем сопровождается

¹Churchill W.A. History of English-speaking peoples. — L., 1957. — V. 3. The Age of Revolution — P. 233.

более или менее быстрым переворотом и во всех остальных элементах формации, включая политическую и духовную надстройку. В свою очередь, задачи, решаемые в эпоху межформационного перехода в каждой из сфер жизни общества, тоже системны по характеру. Так, *экономическая задача* социальной революции никогда не сводится к какому-либо одному требованию (например, к экспроприации собственности на средства производства новым классом). Она всегда представляет собой сложную систему отдельных задач, которую можно свести к четырем основным: а) смена типа собственности, лежащего в основе устаревших производственных отношений новыми, более прогрессивными; б) создание адекватной новому способу производства материально-технической базы; в) формирование новой общественной дисциплины труда; г) создание саморегулирующейся экономической системы.

Как показывает исторический опыт европейских и других революций, в комплексе решаемых ими задач особое место принадлежит *политической задаче*, ибо основной экономической интерес класса, олицетворяющего собой новые производственные отношения, может быть удовлетворен только посредством создания новой политической надстройки. Однако политическая борьба ни в коем случае не может рассматриваться как основная задача той или иной социальной революции, ибо борьба классов во всех ее формах ведется, в конечном счете, из-за освобождения экономического.

Социальные революции включают в себя также преобразования культуры, нравственный прогресс, идеологическую и психологическую переделку общества.

Социальные революции относятся к *кардинальному типу перемен*, т.е. они представляют собой не любые, пусть даже и качественные, изменения в жизни общества, а коренной переворот в его экономических отношениях и всей громадной политической и духовной надстройке. Понимание этого чрезвычайно важно для обоснования различий между социальной революцией и некоторыми другими, хотя и сходными с ней в определенных отношениях, явлениями (например, внутриформационными переходами к новым фазам развития).

При этом в каждой сфере общественной жизни обнаруживается свой критерий кардинальности. Имеется ли налицо конфликт между производительными силами и производственными отношениями в целом или это несоответствие частичное? Разрешается ли конфликт в целом или снимается только

одна его сторона? — таков безошибочный критерий для определения степени кардинальности изменений, происходящих в экономике. В политической сфере таким критерием служит переход власти в руки нового класса. Смена же у государственного руля одной фракции господствующего класса другой не меняет ни существа политической власти, ни тем более сущности экономического строя и потому не может отождествляться с социальной революцией. Этот критерий очень важен, в частности, для оценки тех многочисленных внутриклассовых правительственных переворотов, которые произошли за последние десятилетия в ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Анализируя кардинальный характер социальных революций, нельзя пройти мимо уже давно дискутируемой в исторической науке проблемы так называемых внутриформационных революций, в качестве которых рассматривались и переворот, связанный с падением Римской республики и переходом к империи¹, и крестьянские войны в России и многие другие явления. У нас уже были поводы высказать свою позицию по этому вопросу², поэтому ограничимся кратким резюме. На наш взгляд, обсуждаемое понятие представляет собой парадокс, который в логике давно уже обозначен как «противоречие в самом определении» (*contradictio in adjecto*). «Внутриформационная революция» — это нечто вроде квадратного треугольника или овального угла. Революция всегда означает коренную ломку старого, замену его принципиально новым, а внутриформационные изменения при всей своей возможной внушительности оказываются либо попытками оптимизации данной общественно-экономической системы, либо этапом ее достройки, т.е. завершения межформационной революции, либо переходом от одной стадии развития формации к другой. И в первом, и во втором, и в третьем случае налицо модификация, надстраивание над господствующими общественными отношениями без изменения их глубинной сущности. Концепция внутриформационных революций возникла на базе изучения очень важных исторических явлений, таких качественных скачков, которые в определенных отношениях сходны с социальными революциями. Однако эта схожесть сто-

¹См.: Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. — М., 1965. — С. 17, 29, 31; Он же. Цицерон и его время. — М., 1973. — С. 5—9.

²См.: Крапивенский С.Э. К анализу категории «социальная революция». — Волгоград, 1971. — С. 93—97; Он же. К анализу экономической основы социальной революции // Проблемы теории революции и истории революционной мысли. — Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1986. — С. 24—28.

ронниками данной концепции преувеличивается, абсолютизируется, идентифицируется с самими революциями.

**Социальные
революции:
всеобщность
и поступательность**

Социальные революции носят *всеобщий характер*. Это означает, что переход от одной общественно-экономической формации к другой *всегда* представляет собой социальную революцию. Подчеркиваем это потому, что

в литературе (особенно исторической) данная закономерность оспаривается. Из разряда социальных революций исключают, например, переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу на том основании, что данный процесс был весьма протяженным во времени и протекал полностью стихийно. В основе подобных аргументов лежит типизация исторических явлений не по их содержанию, а по их форме. В этой связи уместно вспомнить рекомендацию Маркса: «всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»¹.

А разве не был таким материальным, с научной точностью констатируемым переворотом в экономических условиях производства переход от коллективистско-первобытной к частной собственности на средства производства? События, подобные реформам Солона, открыли ряд социальных революций. Другое дело — степень идеологического осознания конфликта, использования идеологических форм при его разрешении. Но даже первая в истории социальная революция не была абсолютно стихийным процессом. Утверждение частной собственности сопровождалось и ускорялось появлением политической и правовой надстройки, перестройкой религиозного сознания и общественного сознания в целом. Если же оценивать в целом этот переворот, то без всяких преувеличений можно сказать, что по своей кардинальности революция эта сравнима только с развернувшимися в двадцатом веке процессами социализации.

Особо следует остановиться на такой черте социальных революций, как их *поступательный характер*. Дело в том, что нередко даже те концепции, которые в общем-то признают за революциями атрибут необходимости, дают им сугубо негатив-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 13. — С. 7.

ную оценку в аспекте их возможной поступательности, прогрессивности. Типична в этом отношении концепция Арнольда Тойнби. Социальные революции у Тойнби генетически связаны с теми периодами в развитии локальных цивилизаций, которые он квалифицирует как преддезинтеграционные. Принципиальных возражений такая постановка вопроса не вызывает: ведь действительно уже первые симптомы вызревающей революции означают, что данное общество вступило в период общего кризиса, одним из альтернативных исходов которого может оказаться полная дезинтеграция. Возражения возникают позднее, в связи с тойнбианской оценкой «полезности» революции. Хотя социальная революция не есть, по Тойнби, первопричина упадка той или иной цивилизации (единственно реальным основанием такого упадка является «уничтожение гармонии между частями общества»), но цена революции настолько страшна, что Тойнби обозначает ее как *торможение* дальнейшего прогресса. «Элемент торможения — сущность революции», — пишет он¹. С одной стороны, «революция отбрасывает весь балласт старых институтов», а с другой — «разрушение, производимое революцией, настолько велико, что она не может компенсировать этого разрушения»². «Цена революции», как правило, действительно велика³, но у Тойнби она явно преувеличена и перечеркивает любые возможности дальнейшего общественного прогресса. Впрочем, это вполне логично вытекает из концепции исторического процесса Тойнби и также вполне логично вписывается в нее: ведь ни одна из последующих цивилизаций не признается им прогрессивнее предшествующих.

Вкратце прогрессивную роль социальных революций можно суммировать по следующим основным направлениям:

1. Социальные революции разрешают многочисленные противоречия, медленно накапливающиеся в период эволюционного развития, открывая больший простор для прогресса производительных сил и общества в целом.

2. Социальные революции приводят к невиданному высвобождению сил, таящихся в народе, поднимают народные массы на новую ступень развития.

3. Социальные революции поднимают на новую ступень процесс освобождения личности, ее духовного и нравственного развития.

¹ *Toynbee A.I. A Study of History. Oxford, 1957. — V. 4. — P. 135.*

² *Ibid. — P. 146.*

³ О «цене революции» см.: *Крапивенский С.Э. Парадоксы социальных революций. Воронеж, 1992. — С. 117—126.*

4. Социальные революции осуществляют *диалектическое* отрицание предыдущей формации, отбрасывая все устаревшее и в то же время сохраняя из старого все прогрессивное. Тем самым создается прочная основа для успешного поступательного развития общества, его системного перехода на новую историческую горизонталь.

**«Эволюционные»
революции
в прошлом
и настоящем**

Возвращаясь к проблеме соотношения эволюционного и революционного, отметим, что в истории не раз встречались случаи эволюционного скачка при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Таковы были ранние социальные революции, которым многие исследователи, как мы видели, отказывают в соответствующем статусе именно в связи с их постепенностью, приравниваемой к замедленности. В форме «эволюционной» социальной революции совершался и переход от феодализма к капитализму в прусской части Германии, в России, в скандинавских странах.

В этой связи нельзя пройти мимо реформ П.А.Столыпина, которые и он сам, и большинство современных исследователей оценивают как попытку найти альтернативу радикально-революционным, «взрывным» преобразованиям общества. 10 апреля 1907 г., выступая в Думе с Декларацией правительства по аграрному вопросу, Столыпин заявил: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». В дальнейшем Столыпин еще не раз будет обосновывать необходимость реформ как единственного способа избавления от «пути, ведущего к социальной революции». Со Столыпиным в данном случае произошло то же, что с мольеровским героем, не подозревавшим, что он сорок лет говорил прозой: ведь, по сути дела, замышленное Столыпиным и означало социальную революцию, завершение перехода к новой формации, но в формах, исключаящих политический переворот.

Оценивая реформу Столыпина, В.И.Ленин подчеркивал, что в «научно-экономическом смысле» она была прогрессивна, так как не закрывала путь капиталистическому развитию, а содействовала ему, расчищала для него дорогу, хотя наиболее мучительным, наиболее тяжелым для основных масс крестьянства путем. Более того, Ленин говорил, что это «единственно возможный путь для капиталистической России, *если не победит*

крестьянская аграрная революция»¹. И только в 1913 г., спустя несколько лет после начала этой реформы и гибели самого Столыпина, Ленин делает вывод о том, что «реформистских возможностей в современной России нет»².

Оценивая явления «эволюционного» перехода к новым формациям, историки не раз указывали на тормозящий характер подобного типа перехода. Так, Е.М.Жуков отмечал следующие негативные моменты «революции Мэйдзи», означавшей эволюционный переход от феодализма к капитализму в Японии: а) компромиссный исход борьбы, ограничивший пределы непосредственной победы буржуазных общественных отношений; б) обреченность трудящихся масс Японии на особо тяжелые условия существования вследствие консервации архаичности, «допотопных» форм эксплуатации, соединенных с самыми новейшими методами капиталистического хозяйствования³. Однако оценки и определения в принципе верные; когда речь идет об исторических явлениях прошлого (пусть даже и недавнего), нельзя без корректировки распространять на феномен «эволюционного» скачка к социализму в современных условиях.

Феномен этот теперь общепризнан, хотя осознание его осуществлялось нелегко, а многих просто застало врасплох. И это действительно не укладывается в сознание, если:

а) исходить из деформированного представления о скачках в общественном развитии, из деления их на революционные типа взрыва и скачки, характеризующиеся постепенностью и неимеющие, якобы, отношения к революции;

б) понимать социальную революцию только как *форму* перехода от одной формации к другой, а не как его содержание, суть. Естественно, что при таком понимании любая форма скачка, отличающаяся от «взрывного», представляется чуждой революции;

в) недооценивать прогрессивную роль внутренних законов капитализма, законов его саморазвития.

Читая параграф «Историческая тенденция капиталистического накопления» (глава XXIV первого тома «Капитала») мы нередко упускаем из виду одну «маленькую деталь»: и первое отрицание (экспроприация собственности мелких товаропроизводителей) и второе (экспроприация экспроприаторов) происходят не по чьей-то субъективной прихоти, а в соответствии с внут-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 16. — С. 266.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 23. — С. 57.

³ См.: Вопросы истории. — 1968. — № 2. — С. 54.

ренной логикой экономического развития. Анализируя мелко-товарный способ производства, Маркс подчеркивает, что «он сам создает материальные средства для своего уничтожения». Что же касается второго отрицания, то обобществление тоже «совершается игрой имманентных законов», но на сей раз уже «самого капиталистического производства»¹.

Понятно, что в этой «игре» участвуют и более общие, в том числе и общесоциологические законы. Это прежде всего относится к закону соответствия производственных отношений характеру, уровню и потребностям развития производительных сил. В главе четвертой было уже прослежено, почему современные производительные силы в развитых странах требуют принципиального изменения собственных, распределительных, потребительских отношений именно в направлении социализации. Напомним только, что, как это ни парадоксально, частный интерес в этих условиях приводит к реализации социалистических по своему смыслу целей — достижению более человеческого «качества жизни», большей социальной справедливости.

В направлении революционной по своей сущности эволюции действует и закон возвышения потребностей, причем всего населения, а не только «верхних» слоев. Его действие вынуждены учитывать и государство, и собственники условий производства, независимо от того, в какой «системе отсчета» это сегодня происходит. Иначе цель производства (будь то получение прибыли, будь то развитие человека) не достигается, что по разным каналам приводит к взрывоопасной социальной напряженности.

Действует в направлении социализации общественных отношений и закон социального выравнивания, закон по своей сути социально-психологический, возникающий на исторической арене с появлением социального неравенства. Пока нет дворцов и все живут в хижинах, закон этот, разумеется, не действует.

Объективные процессы в экономике развитых капиталистических стран обуславливают процессы демократизации политической жизни, которые, в свою очередь, оказывают на экономику обратное позитивное воздействие. В этих условиях становится необходимым и возможным осуществлять государственное перераспределение национального дохода, что способствует нарастанию черт общенародности в самой капиталистической собственности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. — С. 771, 772.

Естественно, что все эти процессы приводят к существенно-му изменению в соотношении революционного и эволюционного, революционного и реформистского в развитии современной социальной действительности.

3. Социальная мобильность

Под социальной мобильностью понимаются *такие перемещения индивидов или целых социальных групп, которые приводят к изменению их места в социальной структуре общества*. Термин «социальная мобильность» введен в западную социологию П.Сорокиным, им же разработана типология социальных перемещений, досконально проанализированы каналы вертикальной циркуляции и механизмы социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри различных социальных страт.

Типология социальных перемещений

Прежде всего П.Сорокин выделил два основных типа социальной мобильности — горизонтальную и вертикальную. Примерами *горизонтальной* мобильности могут служить перемещение некоего индивида из баптистской в методистскую религиозную группу, переход из одного гражданства в другое, из одной семьи в другую, с одной фабрики на другую (с сохранением при этом своего профессионального статуса). В каждом из этих примеров речь идет о переходе индивида в группу, расположенную на том же самом социальном уровне. При *вертикальной* мобильности индивид или даже группа перемещаются в другой социальный пласт (этаж).

В зависимости от направления перемещения Сорокин выделил два подтипа вертикальной мобильности — *восходящую* и *нисходящую*, т.е. социальный подъем и социальный спуск. Восходящие течения существуют в двух основных формах: проникновение индивида из нижнего пласта в более высокий пласт (вплоть до создания такими индивидами новой группы) и проникновение всей группы в более высокий пласт. Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую без разрушения при этом исходной группы, к которой он принадлежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства.

«В первом случае, — поясняет Сорокин, — “падение” напоминает нам человека, упавшего с корабля, во втором — погружение в воду самого судна со всеми пассажирами на борту или крушение корабля, когда он разбивается вдребезги»¹.

Поскольку случаи индивидуального проникновения в более высокие пласты или падения с высокого социального уровня на низкий привычны и понятны, они, по Сорокину, не нуждаются в объяснении. Вторую же форму (групповую) он рассматривает подробно, на многих исторических примерах. Так, историки классового общества в Индии пришли к выводу, что каста брахманов не всегда находилась в позиции неоспоримого превосходства, которую она занимает последние два тысячелетия. В далеком прошлом касты воинов, правителей и кшатриев располагались не ниже брахманов, и последние стали высшей кастой только после долгой борьбы. Возвысилась вся группа в целом, и все члены ее в полном составе заняли это высокое положение. Или — занимать видное положение при дворе Романовых, Габсбургов, Гогенцоллеров до революции означало иметь самый высокий социальный ранг. Падение династий привело к социальному падению связанных с ними рангов. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе.

В связи с показателями интенсивности (или скорости) и всеобщности (или массовости) вертикальной социальной мобильности Сорокин выходит на проблему так называемых «открытых» и «закрытых» обществ. Одна из самых ярких характеристик демократических обществ — большая интенсивность вертикальной мобильности по сравнению с недемократическими обществами. В демократических обществах социальное положение индивида (по крайней мере теоретически) не определяется происхождением, в них нет юридических или религиозных препятствий для подъема или спуска по социальной лестнице. В силу этой большей вертикальной мобильности здание демократического общества кажется менее стратифицированным, чем здание автократического общества. И все же конкретно-исторически в некоторых недемократических обществах мобильность оказывалась большей, чем в «открытых». Толчком к повышенной мобильности (по ее интенсивности и всеобщности) служат обыч-

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 374.

но те потрясения, которые сопровождают становление авторитарных обществ. Достаточно вспомнить огромные массовые перемещения, которые совершал «социальный элеватор» у нас в первые три десятилетия советской власти (деклассирование рабочих в годы гражданской войны, раскрестьянивание деревни в период коллективизации, небывалая по своим масштабам миграция в город в связи с индустриализацией, разрушение старой интеллигенции как социального слоя и т.д.).

Каналы вертикальной мобильности

П. Сорокиным разработан также вопрос о каналах, по которым происходят вертикальные социальные перемещения в обществе. Правда, здесь, как нам представляется, существует значительное поле

для критики Сорокина. Во-первых, последовательность, в которой Сорокин анализирует эти каналы, не соответствует их роли в жизни стабильного общества, тем более современного. Так, на первый план в анализе выдвигается армия, хотя понятно, что выполнение ею функции канала вертикальной регуляции приобретает чрезвычайное значение лишь в условиях кризисного, а еще точнее — гиперкризисного состояния общества. Во-вторых, Сорокиным рассматривается в основном процесс *восхождения* по социальной лестнице, очень важный сам по себе, но все-таки гораздо менее массовидный и поэтому, очевидно, менее значимый, чем путь нисхождения. И в-третьих, предметом анализа прежде всего выступает индивидуальное, а не групповое восхождение. Между тем проследить механизм и общественные последствия перемещения большой социальной группы не менее важно, чем путь человека из низов к вершинам политической, деловой, научной карьеры. Но все эти критикуемые моменты отнюдь не перекрывают главного — Сорокиным создана теоретическая база, на которой можно плодотворно развивать наши представления о социальной мобильности в разных направлениях. Очень важным является, в частности, тезис Сорокина о том, что институты, функционирующие в качестве каналов вертикальной циркуляции, являют собой одновременно и «сито», тестирующее и просеивающее, отбирающее и распределяющее своих индивидов по различным социальным стратам и позициям¹.

Из каналов вертикальной циркуляции, привлечших внимание Сорокина (армия, церковь, школа, политические институ-

¹Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 405.

ты, творческие союзы, организации по созданию материальных ценностей, семья), остановимся особо на роли семьи и школы.

В качестве канала вертикальной мобильности *семья* выступает, как правило, в том случае, когда она возникает в результате брака представителей разных социальных статусов. Такой брак обычно приводит одного из партнеров или к социальному продвижению, или к социальной деградации. По римскому закону свободная женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабой и теряла свой статус свободного гражданина. Подобная деградация ожидала и мужчину, а ребенок, родившийся от такого брака, тоже становился рабом. Но поскольку смешанных в стратификационном отношении браков и сегодня заключается не так уж много, роль семьи и брака в реализации вертикальной мобильности не так уж велика. В то же время вряд ли какой-либо общественный институт может сравниться с семьей по роли в качестве фундамента социальной селекции и распределения индивидов по стратам. С незапамятных времен именно семейный статус был избран обществом в качестве косвенного критерия для обнаружения и выяснения способностей своих членов. Умные родители, обладающие высоким статусом, рассматривались как гарантия большего интеллекта их отпрысков и пригодности их для высокого социального положения. И наоборот, простое происхождение принималось за доказательство неполноценности личности и пригодности ее только для скромной общественной позиции. Так возник институт наследования социального статуса родителей детьми, сохраняющийся в некоторой степени и поныне.

И все-таки тестирующая и селекционная роль семьи к настоящему времени серьезно ослабла, ибо ослабла сама семья, типичными стали браки между представителями разных страт, а образование, профессиональная подготовка и накопление жизненного опыта происходят в основном вне семьи.

В этих условиях приоритет в системе тестирования способностей индивидов и определения их социального статуса все более переходил к школе, которая во все времена, какую бы конкретную форму институты образования и воспитания не обрели, была средством вертикальной социальной циркуляции. Конечно, длина маршрута этого «социального лифта» в разных обществах была различной в зависимости от доступности школы низшим слоям общества. В феодальном Китае под воздействием конфуцианства школа была доступна для всех слоев. Лучшие ученики вне зависимости от их семейного статуса отбира-

лись и переводились в высшие школы, откуда они попадали на высокие правительственные позиции. Можно сказать, что образовательный тест выполнял здесь роль всеобщего избирательного права. Нечто подобное существовало в Турции в некоторые периоды, особенно при правлении Сулеймана Великолепного (1520—1566). Аристократия султанов, их гвардия и высокопоставленные государственные служащие набирались из корпуса янычар, а последний пополнялся за счет отбираемых по всей стране способных детей из всех слоев общества, которые помещались в специальные школы, где получали соответствующее образование. Подобную функцию школа выполняет и в современном цивилизованном обществе: не окончив университета или колледжа фактически нельзя достичь какого-либо заметного положения в обществе.

В качестве примера селекционного действия школы только в верхних слоях может служить индийское кастовое общество, где для низших каст (например шудра) образование было запрещено. Подобные ситуации наблюдались и в средневековой Европе. В Англии при Ричарде II был выпущен следующий декрет: «Ни один крепостной не должен отправлять своих детей в школу, чтобы не дать возможность их детям продвигаться в жизни».

4. Общественный прогресс

Прогресс (от лат. *progressus* — движение вперед) есть такое направление развития, которое характеризуется переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Заслуга выдвижения идеи и разработки теории общественного прогресса принадлежит философам второй половины XVIII в., а социально-экономической базой для самого возникновения идеи общественного прогресса послужило становление капитализма и вызревание европейских буржуазных революций. Кстати, оба творца первоначальных концепций общественного прогресса — Тюрго и Кондорсе — были активными общественными деятелями предреволюционной и революционной Франции. И это вполне объяснимо: идея общественного прогресса, признание того факта, что человечество в целом, в главном идет в своем движении вперед, есть выражение исторического оптимизма, свойственного передовым социальным силам.

Три характерных черты отличали первоначальные прогрессистские концепции.

Во-первых, это *идеализм*, т.е. попытка отыскать причины поступательного развития истории в духовном начале — в бесконечной способности совершенствования человеческого интеллекта (те же Тюрго и Кондорсе) или в спонтанном саморазвитии абсолютного духа (Гегель). Соответственно этому критерий прогресса тоже усматривался в явлениях духовного порядка, в уровне развития той или иной формы общественного сознания: науки, нравственности, права, религии. Между прочим, прогресс был подмечен прежде всего в сфере научного познания (Ф.Бэкон, Р.Декарт), а затем уже соответствующая идея была распространена на социальные отношения в целом.

Во-вторых, существенным недостатком многих ранних концепций социального прогресса являлось недialeктическое рассмотрение общественной жизни. В таких случаях общественный прогресс понимается как плавное эволюционное развитие, без революционных скачков, без попятных движений, как непрерывное восхождение по прямой линии (О.Конт, Г.Спенсер).

В-третьих, восходящее развитие по форме ограничивалось достижением какого-нибудь одного облюбванного общественного строя. Весьма отчетливо этот отказ от идеи неограниченного прогресса сказался в утверждениях Гегеля. Вершиной и завершением мирового прогресса им провозглашался христианско-германский мир, утверждающий свободу и равенство в их традиционном истолковании.

Эти недостатки в значительной степени были преодолены в марксистском понимании сущности общественного прогресса, включающем в себя признание его противоречивости и, в частности, того момента, что одно и то же явление и даже ступень исторического развития в целом могут быть одновременно прогрессивными в одном отношении и регрессивными, реакционными в другом. Именно таков, как мы видели, один из возможных вариантов воздействия государства на развитие экономики.

Следовательно, говоря о поступательном развитии человечества, мы имеем в виду главное, магистральное направление исторического процесса в целом, его результирующую применительно к основным ступеням развития. Первобытнообщинный строй, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм, эпоха социализированных общественных отношений в формационном срезе истории; первобытная доцивилизационность, земледельческая, индустриальная и информационно-компьютерная волны в ее цивилизационном срезе выступают основными «блоками» исторического прогресса, хотя по каким-то своим кон-

кретным параметрам последующая формация и ступень цивилизации могут уступать предыдущим. Так, в ряде областей духовной культуры феодальное общество уступало рабовладельческому, что послужило основанием для просветителей XVIII в. смотреть на Средние века как на простой «перерыв» в ходе истории, не обращая внимания на большие успехи, сделанные в течение Средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец, огромные технические успехи XIV—XV вв. и создание предпосылок для возникновения экспериментального естествознания.

Если попытаться в общем виде определить причины общественного прогресса, то ими будут потребности человека, являющиеся порождением и выражением его природы как живого и не в меньшей степени как социального существа. Как уже отмечалось в главе второй, эти потребности многообразны по своей природе, характеру, продолжительности действия, но в любом случае они определяют мотивы деятельности человека. В повседневной жизни на протяжении тысячелетий люди вовсе не ставили своей сознательной целью обеспечить общественный прогресс, а сам общественный прогресс отнюдь не является какой-то изначально заложенной в ход истории идеей («программой»), осуществление которой составляет ее сокровенный смысл. В процессе реальной жизни люди движимы потребностями, порождаемыми их биологической и социальной природой; а в ходе реализации своих жизненных потребностей люди изменяют условия своего существования и самих себя, ибо каждая удовлетворенная потребность порождает новую, ее же удовлетворение, в свою очередь, требует новых действий, следствием которых и является развитие общества.

«Пределы роста» И все-таки и марксизм, и его оппоненты унаследовали от своих предшественников в области теории общественного прогресса нечто такое, что впоследствии негативно сказалось на развитии объективной социальной реальности. Речь идет о вере в беспредельные возможности общественного, и прежде всего экономического, прогресса, вытекающие из безграничных-де резервов, содержащихся в природной среде. Эйфория вокруг само собой разумевшегося «беспредела» сопровождала всю историю капитализма, а затем и так называемого социализма (ибо то, что мы наблюдали в Центральной и Восточной Европе XX в. социализмом, разумеется, не было). Между тем,

под прикрытием этой одурманивающей эйфорической завесы исподволь вызревала та самая кризисная экологическая ситуация, которая уже рассматривалась в главе «Экологическое бытие общества».

Впервые человечество было предупреждено о нависающей над ним в связи с этим смертельной угрозе Римским клубом в книге Денниса Медоуза «Пределы роста» (1972). В нескольких словах выводы книги сводились к следующему: при сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты уже следующие поколения человечества достигнут пределов демографической и экономической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху. Пока еще можно, отмечалось в книге, избежать катастрофы, приняв меры по ограничению и регулированию роста и переориентации его целей. Однако чем дальше, тем болезненнее будут эти изменения и тем меньше будет оставаться шансов на конечный успех¹. Как отмечал руководитель Римского клуба Аурелио Печчеи, основной вывод доклада шел вразрез с преобладающей в мировой культуре ориентацией на рост, ибо успехи революционных преобразований в материальной сфере сделали мировую культуру высокомерной. «Она, — писал Печчеи, — была и остается культурой, отдающей предпочтение количеству перед качеством, — цивилизацией, которая не только не желает считаться с реальными возможностями жизнеобеспечения на планете, но и бездумно расточает ее ресурсы, не обеспечивая при этом полного и разумного использования человеческих возможностей»².

Тревожное предупреждение о пределах роста имеет в виду не только внешние по отношению к человеку пределы, но и его *внутренние пределы*, проистекающие из врожденно присущих нашему существу качественных и количественных характеристик. С одной стороны, многие достижения (в кавычках и без оных) цивилизации далеко не всегда вписываются в психофизиологические возможности человека. Отсюда — избыток стрессов и приоритет нервнопсихического травматизма. С другой стороны, для многих регионов земного шара характерна массовая психофизическая недоразвитость, отсутствие у людей той психофизической формы, которую требуют от нас сложности современной жизни.

¹См.: Печчеи А. Человеческие качества. — М., 1985. — С. 149.

²Там же. — С. 150.

Проблема пределов человеческого роста и человеческого развития, как подчеркивает Печчеи, является по сути своей проблемой, главным образом, культурной. Это означает, что научно-технические, цивилизационные достижения не осознаны по-настоящему, темпы и формы их внедрения еще далеки от окультуривания. Налицо антагонистический разрыв между культурным развитием человечества и его материальными достижениями. Культура при этом понимается в самом широком смысле, включая политическую культуру сосуществования членов мирового сообщества и философские основы существования этого конгломерата.

Так сами реалии последней трети двадцатого века поставили под глубочайшее сомнение традиционную прогрессистскую концепцию. Подчеркнем: речь идет не об отрицании необходимости и возможности общественного прогресса, а о замене теоретической и практической установки на безудержный рост установкой на взвешенный, учитывающий рассмотренные внутренние и внешние пределы, оптимальный вариант согласованного в общепланетарном масштабе развития.

Критерии общественного прогресса

Раздумья мировой общественности о «пределах роста» значительно актуализировали проблему критериев общественного прогресса. Действительно, если в окружающем нас социальном мире не все так просто, как казалось и кажется прогрессистам, то по каким наиболее существенным признакам можно судить о поступательности общественного развития в целом, о прогрессивности, консервативности или реакционности тех или иных явлений?

Отметим сразу, что вопрос «как измерять» общественный прогресс никогда не получал однозначного ответа в философско-социологической литературе. Такая ситуация во многом объясняется сложностью общества как субъекта и объекта прогресса, его многоплановостью и многокачественностью. Отсюда поиски своего, локального критерия для каждой сферы общественной жизни. Но в то же время общество есть целостный организм и как таковому ему должен соответствовать *основной* критерий социального прогресса. Люди, как замечал Г.В.Плеханов, делают не несколько историй, а одну историю своих собственных отношений. Наше мышление способно и должно отразить эту единую историческую практику в ее целостности.

И все же господствовавшая парадигма беспредельного прогресса с неизбежностью подводила к казалось бы единственно возможному решению вопроса: главным, если не единственным, критерием общественного прогресса может быть только развитие материального производства, которое в конечном счете предопределяет изменение всех других сторон и сфер жизни общества. Среди марксистов на этом выводе не раз настаивал В.И. Ленин, который еще в 1908 г. призывал рассматривать интересы развития производительных сил в качестве высшего критерия прогресса. После Октября Ленин возвращается к этому определению и подчеркивает, что состояние производительных сил — основной критерий всего общественного развития, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация побеждала окончательно предыдущую благодаря именно тому, что открывала больший простор для развития производительных сил, достигала более высокой производительности общественного труда.

Примечательно, что вывод о состоянии и уровне развития производительных сил как генеральном критерии прогресса разделялся и оппонентами марксизма — техницистами, с одной стороны, и сциентистами, с другой. Позиция последних нуждается, очевидно, в некоторых комментариях, ибо возникает законный вопрос: как могли сойтись в одной точке концепция марксизма (т.е. материализма) и сциентизма (т.е. идеализма)? Логика этого схождения такова. Сциентист обнаруживает общественный прогресс прежде всего в развитии научного знания, но ведь научное знание обретает высший смысл только тогда, когда оно реализуется в практике, и прежде всего в материальном производстве.

В процессе еще только уходящего в прошлое идеологического противостояния двух систем техницисты использовали тезис о производительных силах как генеральном критерии общественного прогресса для доказательства превосходства Запада, шедшего и идущего по этому показателю впереди. Тогда их оппонентами была внесена существенная поправка к собственной концепции: этот высший общесоциологический критерий нельзя брать в отрыве от характера господствующих в данном обществе производственных отношений. Ведь важно не только общее количество производимых в стране материальных благ, но и то, насколько равномерно и справедливо распределяются они среди населения, как способствует или тормозит данная общественная организация

рациональное использование производительных сил и их дальнейшее развитие. И хотя поправка действительно существенная, но она не выводит критерий, принятый в качестве основного, за пределы одной — экономической — сферы социальной действительности, не делает его поистине интегративным, т.е. пропускающим через себя и впитывающим в себя изменения буквально во всех сферах жизни общества.

Таким интегративным, а значит — наиболее важным, критерием прогресса выступает *уровень гуманизации общества, т.е. положение в нем личности*: степень ее экономического, политического и социального освобождения; уровень удовлетворения ее материальных и духовных потребностей; состояние ее психофизического и социального здоровья. Заметим, кстати, что внутри этого сложного по своей структуре индикатора можно и нужно выделить один, по сути дела объединяющий в себе все остальные. Таковым, на наш взгляд, является *средняя продолжительность жизни*. И если она в данной стране на 10—12 лет меньше, чем в группе развитых стран, да к тому же обнаруживает тенденцию к дальнейшему уменьшению, соответственно должен решаться вопрос и о степени прогрессивности этой страны. Ибо, как сказал один из известных поэтов, «все прогрессы реакционны, если рушится человек».

Уровень гуманизации общества как интегративный критерий вбирает в себя в снятом виде рассмотренные выше критерии. Каждая последующая формационная и цивилизационная ступень является более прогрессивной и в плане личностном — она расширяет круг прав и свобод личности, влечет за собой развитие его потребностей и совершенствование его способностей. Достаточно сравнить в этом отношении статус раба и крепостного, крепостного и наемного рабочего при капитализме. На первых порах может показаться, что особняком стоит в этом отношении рабовладельческая формация, знаменовавшая собой начало эры эксплуатации человека человеком. Но, как разъяснял Ф.Энгельс, даже для раба, не говоря уже о свободных, рабовладение было прогрессом в плане личностном: если раньше пленного убивали или съедали, то теперь его оставляли жить.

Итак, содержанием общественного прогресса было, есть и будет «очеловечение человека», достигаемое путем противоречивого развития его естественных и общественных сил, т.е. производительных сил и всей гаммы общественных отношений. Этому содержанию должен быть адекватен и избираемый нами основной критерий общественного прогресса.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Найдите в реальном историческом процессе примеры развития по каждому из трех типов социальной динамики.
2. Как связаны между собой революционное и эволюционное в истории?
3. В чем состоит проблема интегрального критерия общественного прогресса?

Глава тринадцатая

СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Когда мы обращаемся к социальному развитию, закономерны вопросы: кто осуществляет его? как конкретно могут быть представлены субъекты этого развития? И это не просто теоретические, а жизненно важные вопросы, в особенности для современного человечества. Чьей деятельностью определяется развитие общества в целом? Кто творит революции с их нередко страшной «ценой»? Кто является виновником современного экологического кризиса? Наверно, уже этих вопросов достаточно, чтобы убедиться, насколько актуальна проблема, которой посвящается данная глава.

Что касается движущих сил исторического процесса, то они более или менее подробно рассмотрены в главе второй. Это — *интересы* как осознанные многообразные потребности общества в целом, больших и малых социальных групп внутри его, отдельных индивидов. Поэтому каждый раз, когда мы в дальнейшем будем говорить о том или ином субъекте социального развития, мы неизбежно будем обращаться к дифференциальной диагностике интересов данного исторического субъекта.

Однако следует, видимо, рассмотреть и самих субъектов социального развития. Решение этой задачи, в известной степени, подготовлено главой второй (параграф «Объективные законы общественного развития и сознательная деятельность людей»). Но ведь, во-первых, как мы увидим, не каждый человек способен выступить в качестве такового субъекта, и во-вторых, индивид реализует свою функцию в большинстве общественных сфер, как правило, не в одиночку, а будучи включенным в определенные социальные общности (народ, нация, класс и т.п.). В таких случаях именно эти общности и выступают как совокупные субъекты истории.

Здесь может возникнуть вопрос: где «водораздел» между объектом и субъектом общественного развития? Вопрос этот вполне правомерен, если учесть, что общественные отношения по своему существу субъектно-объективные. Общество в целом вы-

ступает как *субъект* по отношению к природе, пытаясь подчинить ее своим интересам, и по отношению к самому себе. Но одновременно общество оказывается и *объектом* действия им же порожденных сил и отношений, вышедших в процессе отчуждения из-под его контроля и вставших над ним. Нетрудно догадаться, что если такой противоречивый, субъективно-объектный статус присущ обществу в целом, то тем более он присущ субъектам меньшего масштаба.

К характеристике этих субъектов меньшего масштаба мы сейчас и переходим, не возвращаясь к тому, что сказано ранее об обществе в целом. Справедливости ради отметим, что мы оставляем в стороне и субъективную роль человечества в целом по той причине, что такой планетарный по своим масштабам субъект только еще формируется, по мере того как выявляют себя и осознаются общепланетарные потребности (и прежде всего в сохранении природной среды), а человечество сплачивается для их удовлетворения. Впрочем, ряд соображений по этому поводу был высказан в связи с проблемой «пределов роста».

1. Народ

Понятие «народ» является, пожалуй, наименее разработанным в отечественном (да и не только отечественном) социально-философском знании. Истоки такой гносеологической ситуации вполне понятны. Потребовались долгие столетия, чтобы историки, полностью игнорировавшие роль народных масс в истории, признали их субъектом социального прогресса. Этому во многом способствовал опыт Великой французской революции. Однако и после нее, как справедливо замечал М.А.Барг, излюбленными сюжетами исследователей долго оставались политика, дипломатия и право. И даже в тех случаях, когда они писали труды, посвященные национальной истории Англии, Франции, Германии и т.д., они руководствовались представлениями о движущих силах истории, унаследованными от дворцовых хроник. Только представители того направления историографии, которое связано с именами Тьерри, Гизо и Минье, обратили особое внимание на роль в истории третьего сословия — «простолудинов», которых они отождествили с буржуа и противопоставили двум привилегированным сословиям — дворянству и

клиру¹. Несомненно, это уже был шаг вперед. Новое отношение к народным массам и их объективной роли постепенно, благодаря трудам историков, передавалось представителям социально-философской и политической мысли.

И все-таки обозначенная чуть выше гносеологическая ситуация продолжает сохраняться. Можно указать на три «атрибута» народа, которые по сей день имеют права гражданства в нашей литературе, хотя и вызывают большие сомнения.

Во-первых, к народу, как правило, относят только слои, занятые в материальном производстве. Не приводя к большим погрешностям при анализе исторического прошлого, такой подход может дать курьезные выводы, когда речь заходит о современных развитых странах, где все большее количество граждан выключается из непосредственного участия в материальном производстве.

Во-вторых, принадлежность к народу зачастую жестко связывают с обязательной прогрессивной направленностью деятельности той или иной социальной группы. На этом основании, например, включают в состав народа буржуазию эпохи революционного перехода к капитализму в той или иной стране, но тут же исключают из народа буржуазию, утвердившуюся в своем господстве. При этом молчаливо исходят из того, что народ, народные массы способны только на прогрессивные по своему характеру действия. Можно говорить о двух причинах, обуславливающих такой подход. С одной стороны, сказывается та самая, уже рассмотренная нами, прогрессистская концепция, представляющая исторический процесс в виде сплошной восходящей линии. С другой стороны, сказывается преобладающая в марксистской литературе апологетизация народных масс, исключая наличие у них каких-либо негативных черт и их потенциальную способность выступать в конкретных условиях в качестве консервативной и даже реакционной силы.

В-третьих, абсолютизируется различие между народом и выдающимися личностями, они решительно противопоставляются друг другу на том основании, что выдающимся личностям якобы не присущи именно те признаки, на основе которых складывается народ. При этом игнорируется и то, что на определенном этапе своего социально-психологического и политического развития народ в значительной степени состоит из личностей, и

¹См.: Барг М.А. Предисловие // Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730—1848. — М., 1984. — С. 6.

то, что взаимоотношения между народом и выдающейся личностью далеко не всегда приводят к их принципиальному дистанцированию друг от друга.

Иногда термин «народ» применяют в этническом смысле, что вряд ли целесообразно, поскольку понятия «этнос», «нация», «народность» и т.п. не нуждаются в дублерах. Разумеется, между понятиями «народ» и «этнос» прослеживается весьма существенная взаимосвязь и порождена она тем обстоятельством, что индивид, относящийся к определенному народу одновременно принадлежит и определенному этносу. В этом смысле говорят о мононациональных (например, японском) и многонациональных (например, американском, а совсем недавно — советском, югославском) народах. Однопорядковая связь существует между понятиями «народ» и «классы», а раз так, то, очевидно, бывают народы в подавляющей своей массе одноклассовые, скажем, крестьянские, если говорить об эпохе классического феодализма, но бывают и более сложные. Жюль Мишле накануне революции 1848 г. выделяет следующие слои внутри французского народа: крестьяне, фабричные рабочие, ремесленники, фабриканты, торговцы, чиновники¹, а это значит, что сложился народ как многоклассовая общность с характерными для нее внутренними противоречиями.

Итак, что есть народ, если это не этническая и — тем более — не социально-экономическая, классовая общность? Для правильного ответа на этот вопрос необходимо осмыслить по крайней мере три новые, дополняющие момента.

1. *Общая историческая судьба.* Будучи предпосылкой формирования единого народа, имея в своих истоках единую территорию и единое государство, из подданных которого и складывается народ, общая историческая судьба далеко не обязательно «прописана» в них на всех этапах своей реализации. Более того: судьба народа порой состоит в его многовековом рассеянии (евреи, армяне) или в длительном расчленении (поляки в результате трех разделов конца XVIII в., корейцы в настоящее время).

2. *Общая вера, единая общенародная идея,* духовно цементирующая народ в целостность. Такие вера и вытекающая из нее идея не обязательно должны носить религиозный характер, как это иногда пытаются представить. Историкам хорошо известны случаи сплочения того или иного народа под сугубо секулярны-

¹См.: Мишле Ж. Народ. — М., 1965. — С. 21—82.

ми идеями (национального освобождения и т.п.). Но в любом варианте идея, сплачивающая людей в единый народ, должна присутствовать в общественном сознании. Это прекрасно понимали лучшие представители русской культуры, которые, начиная с первой половины XI столетия, с митрополита Илариона и его «Слова о Законе и Благодати», упорно искали такую идею. И не случайно высший всплеск этих поисков приходится на XIX — начало XX в. (П.Я.Чаадаев, В.Г.Белинский, Вл.С.Соловьев, давший систематизированное философское обоснование этой идеи, В.В.Розанов, Вяч.И.Иванов, Л.П.Карсавин, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин, продолжившие соловьевскую линию¹), т.е. на многострадальное время выбора Россией пути дальнейшего развития. Л.Толстой говорил, что плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть. Вот этого «чего-нибудь такого» сегодня и не хватает нашему обществу.

3. *Историческая перспектива.* В последнее время у нас становится распространенным исходящее из определенных политических кругов, ироническое отношение к этому понятию: «свет в конце туннеля» высмеивается как нечто заведомо химерное, никчемное, не заслуживающее внимания общества. Конечно, лучше всего, когда народ не попадает в ситуацию «туннеля» (или не дает загнать себя в туннель), когда он имеет возможность не приносить жертвы во имя «счастливого будущего», а изо дня в день в полную меру наслаждаться жизнью. Но если он все-таки попадает в исторический туннель, а света в конце нет, неизбежно вызревает национальная трагедия. Утрата исторической перспективы, которая некогда сплотила людей в единый народ, исподволь подтачивает это единство и разрушает его.

Резюмируя сказанное, отметим, что при отсутствии какого-либо из рассмотренных моментов «народ» не может состояться, а с утратой одного из них даже состоявшийся народ распадается. В этой связи нельзя не остановиться еще на одном моменте — на *исторической памяти народа*, т.е. сохранении прошлого в настоящем. Обращается ли народ к своей исторической памяти, а если обращается, то как — уважительно или нигилистически? Ответ на этот вопрос позволяет понять социально-психологическое состояние данного народа, наличие либо отсутствие у него единой идеи, ощущение им своей исторической перспективы. Имеется в виду не только память как элемент

¹См.: Русская идея. — М., 1992.

общественного сознания, но и основные материальные носители и хранители ее — архивы, музеи, библиотеки. Плачевное состояние этих учреждений в сегодняшней России отражает соответствующее состояние народа. Существует и реально осязаемая обратная связь: народ с ущербной исторической памятью, народ, охаивающий свою историю от начала до конца, вряд ли может рассчитывать на историческую перспективу.

Итак, в порядке рабочего определения можно сказать, что *народ есть социальная целостность, характеризующаяся общей исторической судьбой и отражающей ее историческую память, общей верой и единой идеей, общей исторической перспективой.*

Толпа

В процессе своего становления и развития народ проходит качественно различающиеся между собой ступени-состояния. Одним из таких социально-психологических состояний, уже давно привлекая к себе внимание историков, философов, социальных психологов, является состояние *толпы*. При этом надо иметь в виду, что понятие «толпа» в литературе Нового и Новейшего времени употребляется в двух смыслах — широком и узком. Широкий смысл его мы уже, по сути дела, обозначили: под «толпой» понимается социально-психологическое состояние, либо предшествующее формированию народа, либо означающее его деградацию. В узком смысле толпой называют группу людей, стоящих друг к другу «лицом к лицу» или находящихся в «непосредственном соприкосновении», а не любое сообщество людей, такое, как нация, каста, общественный класс, вообще какой-нибудь «коллектив, слишком большой, чтобы собраться вместе»¹. Интересно, что первоначально, например, у Платона, широкий и узкий смысл совпадали — проектируемое им идеальное государство должно было представлять собой маленький полис численностью около 5000 человек с тем, чтобы все знали друг друга, и они-то и есть «охлос», т.е. толпа, власть которой (охлократия) расценивается Платоном как худшая форма государственного правления. Впоследствии, с образованием так называемых «больших обществ», узкий и широкий смыслы рассматриваемого понятия разошлись довольно значительно.

И тем не менее во многих существенных своих характеристиках толпа как более или менее ограниченная группа лиц и толпа как социально-психологическое состояние народа накла-

¹Рюде Дж. Народные низы в истории. — М., 1984. — С. 20.

дываются друг на друга. Возьмем хотя бы такие черты толпы, как легкая возбудимость, способность развить относительно большую энергию (правда, на непродолжительное время), неустойчивость и мобильность в сочетании с трудной предсказуемостью действий, шараханьем из крайности в крайность. Сопоставляется ли эта характеристика с встречающейся в литературе оценкой толпы как спящих, апатичных, рутинных, косных масс? Анализ показывает, что в данном случае мы имеем дело не с несовместимостью или нарушением логического закона тождества, а с разными этапами в развитии самой толпы. Свойства апатичности, рутинности и т.п. относятся к еще не пробужденным массам. Пробудившись же, массы не в одночасье перестают быть толпой. Тогда-то и рождаются «малые толпы» — стихийные бунтари и мятежники.

Превращение широких народных масс из толпы в народ является одним из наиболее значимых результатов цивилизационного процесса. Под этим углом зрения предстоят еще большие междисциплинарные исследования механизма такого превращения с использованием всего обширного историко-философского наследия. В частности, начавшийся еще в 60-е г. пересмотр точки зрения на место и роль народнической идеологии в истории русской и вообще социологической мысли должен быть продолжен и распространен на их концепцию толпы. Главный недостаток этой концепции заключен отнюдь не в обращении к понятию «толпа». Более того: тщательный, глубокий анализ характерных черт масс, стоящих на уровне толпы, является несомненной заслугой народников и важной ступенью в развитии «социологии масс», берущей свое начало еще от Ф.Бэкона (в частности, от его рассуждений о предрассудках толпы и площади). Беда же народничества — в неспособности научно определить механизм превращения толпы в народ. Для народничества толпа, по сути дела, всегда остается толпой, даже в том случае, если она пробуждается критически мыслящими личностями и идет за ними: она движется и действует именно как толпа — идет за критически мыслящей личностью куда угодно. Отследить процесс превращения толпы в народ, представляющий, в отличие от толпы, совокупность личностей — задача, поставленная марксизмом в ходе критики народничества, до конца не решенная и сегодня.

А между тем как раз сегодня ее решение чрезвычайно важно, ибо позволяет понять, кто же мы по своему нынешнему социально-психологическому состоянию? Способны ли мы, как

народ, оказать определяющее воздействие на выбор пути нашего дальнейшего исторического развития? Или мы — толпа, ведомая демагогами?

Если отбросить ложный стыд, то мы в, лучшем случае, где-то на начальном этапе превращения из толпы в народ, способный на прогрессивные преобразования. Многие десятилетия сталинизма и застоя основательно поработали над тем, чтобы народ, поднявшийся к вершинам социального творчества, народ-энтузиаст, народ-победитель вернуть к состоянию толпы. В этом направлении воздействовали не только насильственная коллективизация, голод и массовые репрессии — воздействовала вся социально-психологическая обстановка, сложившаяся в связи с господством бюрократического режима, «казарменного социализма». Элементы ханжества, лицемерия, утрата личной инициативы, приспособленчество, привычка жить по указке сверху, подозрительность и недоверие к людям получили широкое распространение. А ведь это и есть те психологические черты, которые наряду с апатией, рутинностью, непробужденностью, во многом характеризуют состояние толпы. Именно это наше состояние, тормозит проведение любых реформ — как прогрессивных, так и реакционных. В то же время оно создает реальную основу для возникновения бунтов — локальных или всеобщих, но всегда необузданных и жестоких.

Выползание из состояния толпы отнюдь не прямолинейный процесс. Ведь движет его, прежде всего, самовоспитание масс на собственном социальном опыте, а опыт этот далеко не однозначен и включает в себя наряду с положительными моментами (существенными сдвигами в политическом сознании масс) и моменты отрицательные. К последним относится нарастающая в массах тенденция «опоры на собственные ноги», т.е. интенсификации своей трудовой деятельности, подключения к спекуляции, использования протекционистских связей во имя самого элементарного выживания.

Решающая сила общественного развития

Пока социальная философия не принимала и не признавала определяющей роли экономического фактора, материального производства в жизни и развитии общества, она не могла прийти и к выводу о решающей роли в историческом процессе тех, кто производит материальные блага, — народных масс. В таком случае историю должны творить выдающиеся, «критически мыслящие» личности — законодатели, полководцы, ученые и т.д.

Суть этих элитарных теорий не меняется от того, что в одних случаях (например, у объективного идеалиста Гегеля) герои выступают орудием всемирного духа, а в других случаях (в концепциях субъективно-идеалистических) — провозглашается независимость героев от исторической необходимости.

Субъективно-идеалистическая точка зрения на народ неоднократно использовалась в истории идеологами и политиками для реакционных выводов. Фридрих Ницше, например, исходил из того, что народ — «бесформенный материал, из которого творят простой камень, который нуждается в резчике»¹. И Ницше создал образ этого резчика — героя, сверхчеловека, стоящего над большинством и попирающего мораль этого большинства. Главный принцип и движущий мотив деятельности такой личности — воля к власти. Ради этого все позволено, все средства оправданы. Подобные выводы Ницше были впоследствии взяты на вооружение идеологами фашизма, равно как и его нападки на демократическую идеологию, якобы закрепляющую «стадные инстинкты».

Разумеется, к выяснению роли народных масс необходимо подходить диалектически, конкретно-исторически, учитывая специфику каждого данного этапа общественного развития. Роль народных масс не есть понятие равнозначно применимое к любым формациям и цивилизационным волнам: здесь прослеживается резкая «амплитуда колебаний» — от организованной и идеологически оформленной борьбы (например, пролетариата) до стихийных, «представительных», по оценке К.Маркса, выступлений (например, рабов).

Решающая роль народных масс проявляется прежде всего в главной, определяющей сфере жизни общества — *в сфере производства материальных благ*. Трудящиеся массы выступают в качестве важнейшего элемента производительных сил. Об этой роли народных масс превосходно сказал Л.Н.Толстой при чтении «Истории России» С.М.Соловьева: «...читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и желе-

¹Ницше Ф. Ecce homo. — М., 1911. — С. 108.

зо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары?»¹.

Трудящиеся не только приводят орудия производства в движение, но и каждодневно (если это соответствует их интересам) их совершенствуют, стремясь повысить эффективность своего труда. История свидетельствует, что именно эти, как правило, незаметные, исподволь накапливающиеся изменения подготавливали революции в технологическом способе производства, а затем и во всем общественном строе. Кстати, и ныне очень большая доля изобретений и открытий в области техники приходится на долю непрофессиональных ученых.

Исключительно велика роль народных масс *в сфере общественно-политической жизни*. Начать с того, что господствующие классы на всех этапах развития данного строя вынуждены учитывать отношение народа к своей политике. Это находит свое выражение в известных уступках требованиям трудящихся, на которые приходится время от времени идти господствующим классам под натиском масс. Так, каждая демократическая свобода либо учреждение, которыми по праву гордятся развитые страны Запада, появились в свое время под напором борьбы народных масс.

Но особенно ошутима решающая роль народных масс в эпохи социальных революций. Такая оценка относится не только к позитивному, но и к негативному вкладу масс в революции. Если, с одной стороны, кардинальное переустройство общества невозможно без активного вмешательства масс, то, с другой стороны, цена преобразований во многом определяется уровнем культуры масс, в том числе их политической культурой.

Идеологи буржуазии, ее историки и социологи немало сделали для того, чтобы доказать, будто народные массы в революциях способны играть только разрушительную, деструктивную роль. Например, представителей народных низов, которые штурмовали Бастилию в 1789 г., чьему героизму и самоотверженности французские революции конца XVIII в., 1830 и 1848 г., обязаны были своим успехом, реакционные историки (Э.Бёрк, И.Тэн и др.) называют не иначе как «канальи», «бандиты», «воры» и «разбойники»². И опять же забывают сказать, что буржуазия, использовав низы в качестве тарана для разрушения феодализма, тут же сделала все, что

¹Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. — М., 1952. — Т. 48. — С. 124.

²См.: Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730—1848. — М., 1984. — С. 7.

бы отстранить их от созидания нового общественного порядка.

На первый взгляд может показаться, что исключением из общего правила, когда речь заходит о роли народных масс в историческом процессе, является *сфера духовной жизни*. Это связано с тем, что история духовного производства предстает перед нами наиболее персонифицированной. Достижения философии, науки, искусства всегда связаны с конкретными именами. Нет материализма анонимного, а есть материализм Демокрита, Бэкона, Дидро, Фейербаха, Маркса и Энгельса; нет науки анонимной, деперсонифицированной, а есть научные теории и открытия Коперника и Ньютона, Эйнштейна и Винера, Дарвина и Павлова. Также обстоит дело и в искусстве. И тем не менее широким народным массам принадлежит первостепенная роль и в развитии духовной культуры.

Во-первых, народ является создателем и хранителем языка — первоосновы духовной культуры, главным субъектом морали и нравственности, задающих смыслы духовной культуры.

Во-вторых, народное искусство подготовило появление профессионального и по сей день питает его своими сюжетами, своей мудростью, своими изобразительными средствами. Горький мог с полным правом сказать: «Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹.

В-третьих, все великие создатели искусства, науки, философии были неразрывно связаны с народом, и лишь те духовные творения переживали своих творцов и оказывались бессмертными, в которых прямо или опосредованно выражались чаяния народа, потребности его прогрессивного экономического, социального, нравственного и умственного развития.

В-четвертых, даже в условиях жесточайшей эксплуатации, беспощадного подавления всех творческих потенций трудящихся масс из среды народа вышли Ломоносов, Ползунов, братья Черепановы, Фарадей, Фультон, Щепкин, Шевченко, Берлиоз, Гайдн, Бетховен, Шопен, Горький и многие другие.

¹Горький М. О литературе. — М., 1961. — С. 20.

2. Классы и нации как субъекты социального развития

Не так уж часто народ выступает в своем историческом действии как нечто единое, целостное: его составляющими являются классы, нации и т.д., и каждая из составляющих вносит свой вклад даже в единое общенародное действие, не говоря уже о случаях резкого противостояния интересов внутри народа. Это вызывает необходимость дифференцированного рассмотрения классов и наций как главных составляющих больших современных народов.

**Классовая
борьба
как движущая
сила**

Классовая борьба порождается спецификой положения классов в обществе при наличии противоречий их интересов. При этом классовый интерес определяется объективным положением и ролью данного класса в системе общественного производства и существует независимо от того, сознает это класс или не сознает. Классовые интересы, в свою очередь, могут быть подразделены на коренные и насущные, с одной стороны, и временные, частичные — с другой. Так, коренной интерес буржуазии как класса с самого начала заключался в ликвидации (или недопущении) тех форм собственности и основанных на них производственных отношений, которые препятствуют превращению капиталистического уклада во всеохватывающий экономический способ производства. Исторически речь шла, прежде всего, о ликвидации феодализма, хотя насущные и временные интересы иногда и толкали буржуазию на союз с феодалами, в особенности перед лицом угрозы со стороны молодого, быстро растущего пролетариата. Вспомним, к примеру, колебания немецкой буржуазии, ее двурушничество и склонность к компромиссам в эпоху вызревания буржуазной революции в Германии.

Вообще принципиальное расхождение коренных интересов антагонистических классов отнюдь не исключает временных соглашений и совместных действий по тем или иным конкретным вопросам. Так не раз бывало в истории в периоды борьбы той или иной страны за сохранение своей независимости. Но при этом каждый класс продолжает действовать сообразно своим классовым интересам, которые не исчезают, а только отходят на второй план.

Большое место во взаимоотношениях классов занимает борьба за удовлетворение их насущных, повседневных интересов

(за повышение заработной платы, против массовых увольнений, за совершенствование социального обеспечения и т.д.).

Таким образом, классовая борьба представляет собой не аномалию, не что-то привносимое во взаимоотношения классов извне. Она — закон развития антагонистических формаций, поскольку в последних существуют и действуют большие социальные группы с противоположными интересами.

В ходе исторического развития выкристаллизовались три основных и относительно самостоятельных формы классовой борьбы: экономическая, политическая, идеологическая. (Мы их перечислили в той последовательности, в какой они возникали в процессе межклассового противоборства.)

Экономическая борьба представляет собой борьбу класса за улучшение своего существования в пределах данного общественного строя. Тем самым обнаруживается ее ограниченность: вопрос о выходе за рамки существующего способа производства еще не ставится. Подчеркивая эту ограниченность, Г.В. Плеханов называл экономическую борьбу «борьбой за пятак на рубль». И все же экономическая борьба является необходимой и весьма важной формой классовых взаимоотношений. Во-первых, она позволяет классу удовлетворять свои повседневные, частичные интересы. Во-вторых, она является подготовительным этапом к более высоким формам борьбы — политической и идеологической. Будучи самой элементарной из трех основных форм, экономическая борьба обнаруживается уже в стихийных протестах рабов против рабовладельцев.

Политическая борьба есть борьба классов по вопросам властных отношений, в том числе государственного устройства и государственной власти. Только до конца последовательная политическая борьба приводит к отстранению реакционного класса от власти, что позволяет противоборствующему классу удовлетворить свои коренные экономические интересы. Таким образом, исторически политическая борьба является вторичной, ибо она подготавливается экономической и происходит из нее, а по своей значимости она обладает первенством над экономической.

Если субъектом экономической борьбы могут выступать отдельные отряды угнетенного класса, вплоть до небольших групп и отдельных индивидов, то в политической борьбе антагонистические силы противостоят друг другу уже как *классы в целом*. Такая консолидация, разумеется, была недоступна рабам, поэтому политическая борьба в Древнем Риме происходила лишь

внутри привилегированного меньшинства, между свободными и бедными, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным материалом для этих борцов. Впервые политические организации угнетенных появляются в буржуазных революциях, причем основная масса угнетенных — крестьянство — и здесь не способна к самостоятельной консолидации в борющийся класс и выступает под политическим руководством буржуазии. Из всех угнетенных классов только рабочий класс оказался впоследствии способным к политической консолидации в национальном и даже международном масштабе.

Идеологическая борьба есть борьба классов на уровне взглядов и теорий. Идеология того или иного класса в осознанном теоретическом виде выражает его коренные интересы.

Роль классовой борьбы как движущей силы исторического прогресса в антагонистических формациях, конечно, ярче всего и полнее проявляется в переломные эпохи общественного развития — при переходе от одной общественно-экономической формации к другой. Но было бы неверно ограничивать прогрессивную роль классовой борьбы только этими временными рамками. Таковую роль классовая борьба играет на протяжении всей данной антагонистической формации — и тогда, когда классы ведут явную борьбу между собой, и тогда, когда эта борьба носит скрытый характер. При этом классовая борьба как движущая сила прогресса проявляет себя не только в сфере политической, но и в экономике и духовной жизни общества.

Поясним это на нескольких примерах, начав с экономики. В феодальном обществе господствовала рентная система эксплуатации (в отработочной, натуральной или денежной форме). Допустим, феодал устанавливал полную норму ренты, т.е. требовал от крестьян отдавать ему половину всего урожая. Крестьянин, чтобы обеспечить себе и своей семье лучшие условия существования, старался сделать весомей весь урожай, а следовательно, и свою половину. Для этого он совершенствовал орудия труда, породы животных и сорта растений, агро- и зоокультуру. Феодал, заметив, что крестьянину средств существования вполне хватает, урезал его долю до $1/3$, что заставляло крестьянина вновь задуматься над совершенствованием всех элементов производства, повышением его эффективности. Обнаружив, что крестьянин и теперь обеспечивает себе необходимый продукт, феодал вновь урезал его долю. Борьба между феодалами и крестьянами по поводу размеров ренты есть классовая борьба в

ее экономической форме, и как таковая она стимулировала прогресс сельскохозяйственного производства. Классовая борьба оказывает серьезное влияние на развитие производительных сил и при капитализме. Сопrotивление пролетариев удлинению рабочего дня заставляло капиталистов в целях увеличения прибылей совершенствовать технику. Боясь организованных выступлений рабочих, буржуазия нередко применяла машины и в тех случаях, когда они и не давали роста прибыли, но позволяли уменьшить численность работников, в которых хозяева видели потенциальных «дезорганизаторов» и «смутьянов».

Классовая борьба движет вперед и духовную жизнь общества. Достаточно вспомнить невиданный взлет русской культуры XIX в. — философской и общественно-политической мысли, литературы, живописи, музыки. Страна, отстававшая от Западной Европы и Америки на столетия по уровню производительных сил и характеру производственных отношений, вышла на передовые рубежи в развитии мировой духовной культуры, и этот взлет был стимулирован острой борьбой крестьянства против феодалов, кризисом крепостнической системы.

Признание классовой борьбы в качестве движущей силы развития антагонистических обществ не означает, будто она является первопричиной этого развития, а тем более творцом законов общественного развития. Классовая структура и вытекающая из нее классовая борьба сами определяются объективными социальными факторами и прежде всего степенью развития производительных сил и производственных отношений. Классовая борьба выступает в качестве *реализатора* пробивающих себе дорогу объективных законов; при отсутствии же классовой борьбы или при ее недостаточной масштабности, зрелости, накале эти законы так и остаются только в виде тенденций.

**Национальные
движения
и общественный
прогресс**

Есть еще одна большая социальная группа, воздействие которой в качестве субъекта общественного развития стало особенно активным с последней трети XIX в. Мы имеем в виду *нации*.

Национальные движения, как и движения классов, отнюдь не являются однонаправленными, т.е. имеющими своим обязательным результатом прогрессивное изменение общества. В истории известны случаи и реакционных национальных движений.

Первостепенным индикатором, позволяющим определить характер того или иного национального движения, служит степень совпадения его целей и задач с интересами подавляющего большинства нации. Заметим сразу, что речь идет, естественно, об интересах подлинных, а не мнимых. Так, задача создания суверенного государства в целом может отвечать истинным интересам нации, ибо позволяет добиться политической и экономической независимости и обеспечить лучшие условия для сохранения и развития своей самобытной культуры. Но когда при этом переходят через разумный предел и создание суверенного государства сопровождается разрушением традиционных народнохозяйственных связей (как это мы видим сегодня на экономико-политическом пространстве бывшего СССР), интерес подлинный сменяется интересом мнимым, и соответственно претерпевает метаморфозы первоначальная направленность национального движения: из прогрессивного оно превращается в реакционное, поскольку отбрасывает тот или иной народ далеко назад по уровню экономического развития, материального благосостояния граждан и нравственному состоянию общества.

Да к тому же неверно было бы предполагать, что сама по себе задача суверенного государства обязательно соответствует истинным интересам этноса. Соответствие или несоответствие в каждом отдельном случае зависит от конкретно-исторических условий, в которых данный этнос существует, взаимодействует с другими этносами, борется. Нередко встречаются ситуации, когда в истинных интересах этноса (в особенности, когда это касается малых народов) не отделение, а создание своей культурно-национальной автономии в рамках того двунационального или многонационального государства, в которое оно входит. В условиях же сложной географической мозаики в расселении этносов такое решение вопроса подчас является единственно разумным и прогрессивным. Иначе непрерывно будут возникать новые Карабахи, новые Боснии и Герцоговины.

И здесь мы подходим к проблеме внутренней противоречивости национальных движений, связанной с неоднородностью участвующих в нем сил. Оставляя пока в стороне классовое расслоение этих сил (поскольку национальные движения происходят и при отсутствии такового, на патриархально-племенной основе), обратим внимание на особые интересы и особую роль того слоя, который очень часто захватывает руководящие позиции в движении. Во имя достижения своих узкокорыстных целей политики, давно жаждущие ранга руководителей само-

стоятельного государства со всеми вытекающими из этого почестями и благами, часть творческой интеллигенции, для которой национальная «самостийность» есть лишь поле для демонстрации собственной исключительности и т.п., готовы поступиться интересами народа в целом. А ведь нередко эти интересы требуют сохранения единства многонационального государства, традиционных для населяющих его народов хозяйственных, семейно-родственных, культурных связей. Выделяя этот, выражаясь современным языком, номенклатурный строй, мы отнюдь не пытаемся бросить тень на всех лидеров прошлых и современных национально-освободительных движений. Достаточно вспомнить такие фигуры подлинных рыцарей без страха и упрека, как Джузеппе Гарибальди в Италии, Людвиг Кошут в Венгрии, Христо Ботев в Болгарии.

Существует органическая связь между социально-классовым и социально-этническим развитием общества, между классовыми и национальными движениями. С одной стороны, формирование наций, как мы уже выяснили, является результатом развития класса буржуазии, создающего все экономические предпосылки для консолидации народа в нацию. С другой стороны, отсутствие национальной независимости очень часто тормозит не только решение, но даже постановку важных для данного общества внутренних проблем. Вот почему социальные революции в таких случаях принимают форму национально-освободительных (война за независимость в Северной Америке, освобождение Болгарии от турецкого ига в 1878—1879 гг.). Конечно, каждый из классов, вовлеченных историческим водоворотом в такую революцию, выступает со своей программой, и цели, которые преследует, например, компрадорская буржуазия, явно отличаются от тех целей, за которые борются массы.

В то же время, связь между классовым и национальным движениями не следует абсолютизировать, тем более превращать отношение к борьбе классов в критерий прогрессивности или реакционности рассматриваемого национального движения. Такую абсолютизацию мы обнаруживаем, например, в работах К. Маркса, посвященных анализу европейских революций 1848—1849 гг., где те или другие нации объявляются прогрессивными (немцы, поляки, венгры) либо реакционными (все славяне, румыны) только в зависимости от того как они относятся к происходящим революционным событиям¹.

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 6. — С. 178, 184.

3. Роль личности в истории

Решающая роль народных масс, классов, этносов в истории отнюдь не означает отрицания или принижения роли отдельных личностей. Раз история делается людьми, то деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Заметим, что говоря об «отдельных личностях», мы имеем в виду не только особо выдающихся личностей, но и каждого индивида, занимающего активную жизненную позицию и вносящего своим трудом, борьбой, теоретическими поисками и т.д. определенный вклад в развитие той или иной сферы общественной жизни, а через нее в исторический процесс в целом.

Такая позиция принципиально отличается от субъективно-идеалистического, анархистского преувеличения роли личности. А ведь еще в XVIII в. огромное большинство мыслителей смотрело на историю именно так. Габриель Мабли, например, уверял, что Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а Ликург оказал подобную же услугу Спарте. Если спартанцы «презирали» материальное богатство, то этим они обязаны были именно Ликургу, который «спустился, так сказать, на дно сердца своих сограждан и подавил там зародыш любви к богатствам». А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики». Как заметил по этому поводу Г.В.Плеханов, исследования, написанные с точки зрения такого взгляда, имели очень мало общего с наукой и писались как проповеди, только ради будто бы вытекающих из них нравственных «уроков».

Но после потрясших Европу (и не только ее) событий конца XVIII в. уже решительно невозможно было думать, что история есть дело более или менее выдающихся и более или менее благородных и просвещенных личностей, по своему произволу внушающих непросвещенной, но послушной массе те или иные чувства и понятия. В двадцатых годах XIX столетия в исторической науке возникло направление, которое объявило важнейшими факторами социального развития общественные учреждения и экономические условия (Гизо, Минье, О.Тьерри, а впоследствии — Токвилль). Это направление при всех своих несомненных заслугах отдало дань фаталистическому представлению об истории как заранее пре-

допределенном процессе, который никакие личности ни в чем изменить не могут. Таким образом, антитеза (т.е. концепция упомянутых французских историков) пожертвовала тезой (т.е. полностью отбросила взгляды своих предшественников), в то время как, по справедливому замечанию Г.В.Плеханова, правильная точка зрения должна объединять в синтезе моменты истины, заключенные в каждой из этих концепций¹.

Отметим сразу, что синтез этот является логическим следствием из признания решающей роли народных масс в истории. Ведь сами-то народные массы играют тем более значительную роль, чем больше и основательнее превращаются они из толпы в силу сознательную и организованную, в совокупность личностей.

Появление данного типа личности и соответствующих выдающихся личностей вызывается определенными историческими условиями (которые подготавливаются деятельностью масс) и историческими потребностями (которые, в конечном счете, оказываются потребностями народных масс). «То обстоятельство, — писал Ф.Энгельс, — что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится — более или менее удачная, но с течением времени находится... Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие должно было быть сделано»².

Развивая эту концепцию синтеза, Г.В.Плеханов писал о двух условиях, наличие которых позволяет выдающейся личности оказать большое влияние на общественно-политическое, научно-техническое и художественное развитие общества.

Во-первых, талант должен сделать данного человека более других соответствующих общественным потребностям данной эпохи, «Великий человек... — герой, — писал Г.В.Плеханов. — Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятель-

¹См.: Плеханов Г.В. Избр. философ. произв. — М. 1956. — Т. 2. — С. 311.

²Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 39. — С. 175—176.

ность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода»¹.

Это субъективное по своей природе условие может быть правильно понято только в контексте со следующими комментариями. Нередко, предупреждает Г.В.Плеханов, при рассмотрении исторического процесса возникает ошибка «оптического обмана»: как правило, в обществе всегда есть целая плеяда выдающихся личностей, способных стать во главе движения либо удовлетворить какую-то духовную потребность. Но поскольку лидер требуется только один и научное открытие дважды повторять тоже ни к чему, то на авансцене истории оказывается какая-то одна личность, остальные отходят на задний план, в результате создается впечатление об уникальности и незаменимости данной личности. К тому же эта личность, затмившая собой все остальные, далеко не всегда оказывается наиболее выдающейся... История знает, скажем, немало бездарных полководцев и посредственных политических деятелей, волею случайных (по отношению к исторической закономерности) обстоятельств всплывших на поверхность общественной жизни. Маркс в свое время убедительно показал это на примере ничтожества Луи Наполеона — «племянника своего дяди». Но в подобных случаях за такими деятелями стоят определенные классовые, социальные слои, которым они «удобны», пускай даже в ущерб прогрессу.

Во-вторых, существующий общественный строй не должен преграждать дорогу личности с ее способностями. Если бы старые, феодальные порядки во Франции продержались лишних семьдесят лет, то тогда не могли бы проявиться военные таланты у целой группы людей во главе с Наполеоном, некоторые из которых были в прошлом актерами, наборщиками, парикмахерами, красильщиками, юристами. И вот здесь-то можно говорить еще об одной иллюзии. Когда та или иная выдающаяся личность оказывается на авансцене исторических событий, зачастую она заслоняет собой не только другие личности, но и те массовые общественные силы, которые ее выдвинули и поддерживают, благодаря которым и во имя которых она может вершить свои дела. Так рождается «культ личности».

¹Плеханов Г.В. Избр. философ. произв. — Т. 2. — С. 333.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что представляет собой такая социальная общность, как народ?
2. Правомерно ли рассматривать классы и нации в качестве субъектов социального развития?
3. При каких условиях выдающаяся личность может оказать заметное воздействие на ход общественного развития?

Глава четырнадцатая

КУЛЬТУРА

1. Проблема культуры в современной философии

Исходное
представление
о культуре

Понятие «культура» принадлежит к категориям общеисторическим и общепhilosophическим, т.е. к таким, которые имеют силу для всех эпох.

У В.Даля мы находим следующее толкование слова «культура»: «...обработка и уход, возделывание, возделка; образование, умственное и нравственное...»¹. Такое толкование полностью соответствует первоначальному латинскому употреблению слова *cultura*, ведущего свое происхождение от *colo, colere* — возвращать, возделывать землю, заниматься земледелием: Катон старший назвал свой труд о земледелии «Агрикола». Но чуть позднее у Цицерона мы встречаем и более расширительное применение этого термина в связи с выдвинутой им задачей философской обработки, философского возделывания человеческого ума. И все же в нынешнем понимании слово «культура» известно в Европе лишь с XVIII в., с эпохи Просвещения. Более ранние аналогии ему встречаются в китайской («жэнь») и индийской («джарма») философии, а также у греков («пайдейя»).

Если верно представление о том, что каждое новое понятие есть своеобразный узелок на нескончаемой нити человеческого познания, свидетельствующий о его очередном успехе, то понятием «культура» обозначился узелок чрезвычайно важный. Впервые было осознано, что обнаруживаемое в человеке и — следовательно — в обществе не может быть сведено без остатка к природному началу либо к началу божественному: есть еще и то, что детерминировано собственной деятельностью общественного человека. Так был открыт мир культуры — мир от начала до конца создаваемый самим человеком, а те самым от-

¹Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М. 1979. — Т. 2. — С. 217.

крыта и зависимость человека *от самого себя*, от своей собственной деятельности, способной преобразовывать окружающую нас действительность.

Между прочим, кристаллизация понятия «культура» в общественном сознании не случайно совпала во времени с всплеском субъективного идеализма (Д. Беркли, Д. Юм). Вообще последовательность появления каждого из основных направлений в философии (материализма и идеализма) и вариантов внутри них производна от логики познания человеком окружающего мира. Вначале человек открывает для себя, что мир объективен, независим от него и он должен к нему приспособляться. Так в голове нашего предка, который отнюдь не был профессиональным философом, возникает по сути дела такое решение, которое впоследствии будет названо материалистическим решением основного вопроса философии. И тут же перед человеком встал другой вопрос: «Если этот мир независим от меня, то от кого же он зависим?». Допустить, что «мир никем не создан, ни из людей и ни из богов», как это сделает потом Гераклит, совершенно беспомощный еще перед лицом природы первобытный человек не мог. В этих условиях неизбежно рождалось решение в духе идеализма объективного, причем в его упрощенном, религиозном виде. И только через много веков, по мере того как под воздействием физических и духовных усилий человека зримо изменился окружающий мир, созрел вывод о человеке как *субъекте* истории. Оторванный от признания объективности этого мира и возведенный в абсолют этот вывод лег в основу субъективно-идеалистического решения основного вопроса философии.

Таким образом, у процесса выделения понятия «культура» и у субъективного идеализма обнаруживаются одни и те же гносеологические корни: признание активности человека, в том числе и активной роли его сознания. Впрочем, на этом сходство не кончается. Подобно тому как Беркли и Юм абсолютизировали роль сознания и за собственными ощущениями перестали видеть отражающийся в них объективный мир, Вольтер, Тюрго, Кондорсе сводили содержание культурно-исторического процесса к развитию человеческого разума.

**Три подхода
к пониманию
культуры**

В дальнейшем для истории социальной философии становится характерной попытка выйти за пределы такого узкого понимания культуры. Результат — наличие в культурологической литературе не менее двухсот определений предмета своего исследования. Такое обилие определе-

ний вряд ли может быть объяснено лишь субъективизмом их авторов, хотя субъективизм во многих случаях действительно присутствует. Главную же причину сложившейся познавательной ситуации, очевидно, можно понять только с учетом чрезвычайной сложности самого познаваемого объекта — феномена культуры. Каждый из авторов, будучи не в силах охватить объект в целом, фиксирует свое внимание на каких-то отдельных существенных его сторонах. Одни связывают культуру с традициями, рассматривают ее как социальное наследие общества; другие подчеркивают нормативный характер культуры и трактуют ее как свод правил, определяющих образ жизни данного общества; третьи на передний план выдвигают приспособительную функцию культуры, позволяющую человеку приспособиться к конкретным условиям социального окружения и природной среды и т.д. Каждое из этих определений при всей своей односторонности верно схватывает какую-то важную сторону в сущности культуры.

И все же положение с определением культуры не так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. Если попытаться классифицировать те сотни определений, о которых сейчас шла речь, то довольно четко вырисовываются три основных подхода.

1. *Эмпирический, описательный подход*, представляющий культуру как сумму, результат всей деятельности человека, т.е. как совокупность предметов и ценностей, из которых складывается этот результат. Отметим определенные недостатки такого подхода. Во-первых, культура предстает в этой концепции в статичном состоянии — в виде набора застывших продуктов деятельности человека. Во-вторых, жестко разводятся материальная и духовная области культуры. Такое разведение нередко из социальной философии проникает в историческую науку. Можно вспомнить, что академический Институт археологии в свое время назывался Институтом истории материальной культуры, что заведомо неверно, ибо археология по добываемым предметам исследует и историю духовной жизни общества.

Деление на материальную и духовную культуру, разумеется, условно и относительно. В действительности эти области единой системы культуры не только тесно взаимосвязаны, но и взаимопроникают друг в друга. Особенно отчетливо это выявляется в условиях научно-технической революции, ведущей ко все большей интеграции материальной и духовной культур. С одной стороны, непрерывно возрастает роль и значение ма-

териальной стороны духовной культуры (техники средств массовой информации — печати, радио, телевидения, кино, «домашних» средств потребления культуры — телевизора, магнитофона, радиоприемника, электронных игр и учебных тренажеров), а с другой — в материальной культуре возрастает роль ее духовной стороны («онаучивание» производства, возрастание роли производственной эстетики и т.д.). На стыке материальной и духовной культур возникают такие общественные явления, которые нельзя отнести только к одной из них (например, дизайн). Все это свидетельствует о целостности культуры как общественного явления, но присущий в связи с этим культуре атрибут системности как раз и не фиксируется эмпирическим, описательным подходом: ведь сумма еще отнюдь не есть система.

2. *Оценочный (аксиологический) подход*, при котором «культурность» и «некультурность», равно как и степень культурности, определяются путем соотнесения оцениваемого с тем, что избрано в качестве эталона. Вполне понятно, что такой подход носит в значительной степени произвольный и относительный характер. Так, с точки зрения европоцентризма мерой культурности всех остальных исторических регионов оказывается степень их приближенности к европейской культуре. При этом игнорируется приспособительная функция культуры: ведь то, что с европейской колокольни представляется «недоразвитостью» культуры, в действительности сплошь и рядом оказывается необходимым и достаточным для приспособления к конкретной среде, социальной и природной.

Сказанное сейчас о недостатках оценочного подхода вовсе не является призывом к его отбрасыванию. Ведь так или иначе историку приходится сравнивать и оценивать исторические эпохи по разным параметрам, в том числе и по уровню культурного развития, а посему и понятие «культура» по необходимости должно включать в себя оценочный момент.

3. *Деятельностный подход*, рассматривающий культуру как внебиологический, специфически человеческий способ деятельности. Термин «внебиологический» в данном случае имеет целью выразить средства и механизмы, потенциально не заданные биологическим типом организации, а не сам материал их воплощения, который в принципе может иметь сугубо биологическую природу (например одомашненные животные).

Знакомясь с деятельностным подходом к культуре, важно понять главное: культура — это не сама деятельность, а тот *способ*,

которым она осуществляется. Например, само по себе добывание пищи, ее прием и усвоение могут быть процессом, не имеющим отношения к культуре (животные тоже этот процесс осуществляют). Элементы культуры в него вносятся в процессе развития человека и общества — меняются способы добывания, внедряется предварительная термическая обработка, входят в обиход ножи, ложки и вилки (кстати, еще во времена Шекспира даже во дворе английского короля не пользовались вилок), применяются разнообразные добавки, способствующие улучшению аппетита и лучшему усвоению пищи (соль, соусы, приправы) и т.д.

Именно деятельностный подход к пониманию культуры начинает сегодня преобладать в научной литературе. И это не в последнюю очередь связано с тем, что деятельностный подход отверг два других — описательный и оценочный, а вобрал в себя («снял») их рациональное содержание.

Действительно, не данный от природы, но благоприобретенный *способ* человеческой деятельности равен по объему *результатам* этой деятельности. Принципиально новый результат позволяет и принципиально изменить наш способ деятельности в той или иной сфере, а некоторые из этих результатов по своей объективной роли становятся способом, благодаря которому меняется стратегия функционирования социума, он поднимается на новую ступень. Так, научно-техническая революция, связанная с созданием и массовым внедрением информационно-компьютерных систем, оказывается *способной* вслед за кардинальным изменением технологического базиса цивилизации (и на основе этого изменения) внести принципиальные изменения буквально во все важнейшие структурные элементы социума, начиная с производственных отношений и кончая психологией общества. Сравнивая же между собой способы человеческой деятельности в разные исторические эпохи, в разных регионах, в разных сферах, мы, по сути дела, используем рациональный момент, содержащийся в оценочном подходе к культуре.

Функции культуры

Будучи сверхсложной системой, культура — и это вполне естественно — многофункциональна, т.е. выполняет ряд важных, жизненно необходимых для общества социальных функций. Об одной из этих функций — *приспособительной* — у нас уже был повод высказаться. Обозначим некоторые другие функции культуры.

Функция познавательная, заключающаяся в том, что многие достижения культуры выступают в качестве новых способов дальнейшего познания окружающего мира и использования этого знания в человеческой практике (обуздание стихийных сил природы, оптимизация социальных отношений и т.д.). Возможности культуры в этом отношении зависят от того, насколько полно она осуществляет синтез всех форм общественного сознания, предоставляя тем самым в распоряжение познающего субъекта целостную картину познания и освоения мира. В то же время — в порядке обратной связи — сама культура, ее уровень и состояние служат индикатором, позволяющим безошибочно судить об успехах человека в «очеловечении» природы и самого себя.

Функция информативная, связанная с накоплением и трансляцией социального опыта. Речь идет о трансляции по разным адресам: от одного поколения к другому, внутри одной страны в пределах жизни одного поколения, от одного народа к другому. Подчеркнем, что другого, помимо культуры, механизма передачи «социальной наследственности» общество не имеет. Сама же культура для реализации этой функции должна представлять собой сложную и все более усложняющуюся по мере количественных и качественных изменений социального опыта знаковую систему. Такими знаками являются слова и понятия, математические символы, формулы науки, язык музыки и живописи, орудия производства и предметы потребления. В своей информативной функции культура выступает как «память» человечества.

Функция коммуникативная, позволяющая людям вступать в общение друг с другом. Нетрудно догадаться, как генетически связаны между собой коммуникативная и информативная функции: мы можем вступать в общение между собой только благодаря тем знаковым системам, которые предоставляют в наше распоряжение культура, и прежде всего благодаря естественным и искусственным языкам. Важное значение для налаживания и поддержания массовых коммуникаций имеет техническая культура общества. Даже невооруженным глазом заметно, как с помощью технических средств все большее значение приобретает косвенное общение, причем применение спутниковой связи позволяет сделать его масштабы воистину планетарными.

Функция нормативная, регулирующая поведение отдельных индивидов и целых социальных групп. «Цензура» культуры распространяется буквально на все, что делают люди — на их труд и быт, на сферу межгрупповых и межличностных отношений. При этом возникают довольно существенные противоречия ме-

жду требованиями культуры и индивидуальными особенностями, наклонностями, потребностями людей. О том, какие коллизии могут возникать при этом, хорошо сказано у З.Фрейда, видевшего в прессинге, осуществляемом «цензурой» культуры, главную причину невротических заболеваний. Между прочим, об уровне культуры общества надо, наверно, судить и по тому, насколько оно, с одной стороны, и индивид, с другой, способны гасить эти противоречия, не доводя их до стадии антагонизма. В этом отношении первостепенной является роль морали и права — главных регуляторов в системе культуры.

Функция цивилизационная, гуманистическая, выступающая в качестве главной, системообразующей функции культуры. Мы рассматриваем ее последней «по счету», ибо ее истинная роль может быть понята только после того, как охарактеризованы все ее другие функции. Приспособительная, познавательная, информативная, коммуникативная, нормативная функции культуры подчинены гуманистической (цивилизационной) и фактически выступают ее модификациями. И.Гердер писал: «Гуманность — это сокровище и награда за все труды человеческие... Воспитание гуманности есть дело, которым следует заниматься непрестанно; в противном случае мы все... возвратимся к животному состоянию, к скотской грубости»¹. Гуманистическая направленность культуры выполнит роль специфического селектора, призванного выводить за пределы системы культуры все безнадежно устаревшее, а потому реакционное, возвращающее нас к нецивилизированному состоянию, равно как и попытки возродить подобные архаизмы. К сожалению, как мы увидим, эта селекторная роль не всегда эффективно реализуется.

2. История как социокультурный процесс

**Культура
как детерминанта
развития
общества**

«Культура, — писал Ж.П.Сартр, — никого и ничего не спасает и не оправдывает. Но она дело рук человека — в ней он ищет свое отражение, в ней он узнает себя, только в этом критическом зеркале он и может увидеть свое лицо». Что имеет в виду Сартр, и во всем ли с ним можно согласиться?

¹Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М. 1977. — С. 111.

Сартр совершенно прав, когда рассматривает культуру в качестве критического зеркала, в котором только и может человек увидеть свое лицо. Много это или мало? Очевидно, мало, если человек просто удовлетворится тем, что удалось посмотретья в «зеркало». И в то же время много, если он, всмотревшись, сумеет сделать практический вывод: способен он или не способен по своему культурному облику на свершение задуманного? Сказанное применимо и к обществу в целом. Следовательно, тот же Сартр не прав, когда уверяет, что культура никого и ничего не спасает. Спасает — и тогда, когда она способна помочь человеку в его исторических действиях; и тогда, когда, критически оценив себя (что несомненно тоже является актом высокой культуры), общество воздерживается от утопичных и бессмысленных в данных социокультурных условиях действий.

Итак, культура, с одной стороны, есть результат предшествующей деятельности человека (общества), но, с другой стороны, она выступает как одна из детерминант их дальнейших успехов. В «Критике Готской программы» К.Маркс писал: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹. И хотя культура в этом высказывании определенным образом «экономизирована» по своему происхождению, она ставится Марксом в один ряд с экономикой среди детерминант общественного развития. Экстраполируя сказанное Марксом применительно к праву на общественное развитие в целом, мы несколько не грешим против истины: ведь именно право выступает регулятором нашей деятельности во всех сферах — начиная с распределения материальных благ и кончая участием масс в управлении делами общества.

Детерминантный статус культуры особо зримо обнаруживается в эпохи революционно-реформаторских изменений в обществе. Как и куда выведет революция общество, в определяющей степени зависит от культурного уровня борющихся сил. Вот и сегодня мы вынуждены задумываться не только над тем, от чего должно отказаться во имя успеха реформ, но и над тем, от чего мы не в силах отказаться по уровню своей культуры, в частности, по складу своего национального характера.

Учитывая детерминантный статус культуры, следует внести уточнение в понимание общества, определив последнее как *социокультурное образование*.

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 19. — С. 19.

Неразработанность истории культуры

Несмотря на детерминантный, как мы выяснили, статус культуры, ее история продолжает оставаться малоисследованной. Это замечание относится и к страноведческому, и — тем более — к региональному аспекту истории культуры. И это приходится констатировать спустя не менее 200 лет после появления работ Гоббса, Вико, Гердера.

Такое положение дел легко обнаруживается при знакомстве с учебниками по истории, независимо от того, идет ли речь о древнем Востоке или европейской античности, Средневековье или Новом времени. Изложение истории культуры выглядит в них довеском к истории той или иной эпохи, к тому же сюжетом соответствующих параграфов является не культура в ее целостности: краткого обзора удаиваются, как правило, лишь технический, художественный и научный компоненты культуры, и остаются в тени моральная, политическая, правовая культура общества. При таком подходе к культуре у читателя никоим образом не может сложиться представление об истинном месте и роли культуры в системе общества.

Еще хуже обстоит дело с всемирной историей культуры, которой посвящено лишь несколько основательных исследований (В. и А.Дюранты, Р.Мунье).

Как отмечалось в литературе, даже история отечественной культуры не освоена ни фундаментально, ни целостно¹. Такая ситуация во многом объясняется довольно своеобразной логикой развития исторической науки у нас. Читатель помнит, очевидно, те страницы книги, где говорилось о периоде господства идеалистического понимания истории в русской историографии (в частности, о засилье так называемой государственно-правовой школы). Реакцией на такое понимание истории было появление «школы М.Н.Покровского», в трудах которого место выдающихся личностей (в том числе и в сфере культуры) заняли рента, ссудный и промышленный капитал, торговля, развитие ремесла и промышленности. Разумеется, каждый из перечисленных сейчас феноменов сам по себе есть важный элемент материальной, а конкретней — экономической культуры общества, как это великолепно показал Ф.Бродель в своем упоминавшемся уже исследовании². Но школа Покровского выброси-

¹См.: Культура, человек и картина мира. — М. 1987. — С. 76.

²См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. — М., 1986—1992. — Т. 1—3.

ла за борт многие другие элементы культуры, и, таким образом, о целостном восприятии культуры и ее социального статуса речи опять не могло быть. И хотя школа Покровского давно сошла с историографической арены, хроническое отставание в области исследований истории культуры не преодолено по сей день. При этом сложилось парадоксальное положение: с одной стороны, есть исследователи, имена которых составляют гордость всей нашей науки (Н.И. Конрад, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Б.Ф. Рыбаков и др.), но они — одиночки, за ними нет школ, продолжающих их дело и осуществляющих фундаментальные и системные исследования в области мировой и отечественной культуры¹.

**Исторический
подход
к культуре**

Принцип историзма в полной мере должен быть распространен и на наш подход к культуре.

Это значит, прежде всего, что при анализе и оценке той или иной локальной (национальной, региональной) культуры мы не можем игнорировать конкретно-исторические условия ее формирования. Только при полном учете этих условий наша оценка получает соответствующее объективное основание.

Вне исторического подхода не может быть понята и противоречивость современной культуры, в которой диалектика единичного, особенного и всеобщего проявляется в своеобразной форме — в переплетении элементов общечеловеческих, национальных и классовых. Историзм выражается, очевидно, в том, чтобы, с одной стороны, не игнорировать те национальные и классовые нюансы, которые действительно присущи культуре на протяжении многих веков. У угнетенных классов, например, формируется своя система идеалов, норм, ценностных ориентаций, принципов поведения. С другой стороны, эти нюансы не следует абсолютизировать и говорить о «двух культурах» в каждой национальной культуре или возводить «китайскую стену» между культурами национальными.

Необходимость исторического подхода обнаруживается и при решении проблемы периодизации истории культуры. К сожалению, в марксистской литературе десятилетиями складывалась

¹Вышедшие за последнее десятилетие такие заметные труды, как «История византийской культуры» под ред. З.В. Удальцовой (М., 1984—1989, Ч. 1—2.), «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича (М., 1984) и «История культуры стран Европы и Америки» А.Е. Кертмана (М., 1987) отнюдь не меняют положения дел.

традиция, в соответствии с которой крупномасштабное членение культурно-исторического процесса осуществлялось по полной аналогии с членением исторического процесса в целом, т.е. поформационно. Разумеется, формационный аспект накладывает свой отпечаток на культуру, особенно в условиях классовых формаций. Но еще больший отпечаток накладывается технологическим способом производства и, если более общо, определенной ступенью развития цивилизации. Во всяком случае, о выделении культур земледельческого, индустриального и информационно-компьютерного общества можно говорить с большим основанием, чем о выделении, как это сделано в социологии Фриче, культур рабовладельческой, феодальной, буржуазной и социалистической.

И все же у периодизации культурно-исторического процесса, при всей его органической включенности в экономическую и гражданскую историю человечества, своя, «особенная статья». Интересно, что традиция, которая выше была названа марксистской, исходит не из Маркса: последний неоднократно подчеркивал специфику культурного развития. Так, рассматривая социальную детерминацию искусства, Маркс пишет: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»¹.

Сегодня предпринимаются попытки выйти на концепции, адекватно отражающие объективные закономерности смены культурных эпох и самого темпа культурного развития. Но до истины, как нам представляется, еще далеко. Сошлемся на одну из гипотез, исходящей из того, что главными моментами гражданской истории являются коренные реформы, войны и, наконец, революции. Дальнейшая логика рассуждений такова: в периоды войн, коренных реформ и революций течение культурной жизни нарушается, а то и прерывается вообще, зато в мирные периоды развития общество как бы наверстывает утраченное взлетом культурного творчества. Эта гипотеза не учитывает ряда обстоятельств. Во-первых, утверждение о коренных реформах, войнах и революциях как главных моментах гражданской истории явно преувеличивает роль этих общественных явлений; во-вторых, концепция выводит за пределы культуры такие ее важные элементы, как политическая и правовая куль-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 12. — С. 736.

туры. А ведь эпохи кардинальных прогрессивных изменений характеризуются как раз принципиальными подвижками именно в этих подсистемах культуры. В-третьих, не подтверждается историческим опытом и вывод о прерывании культурной жизни общества в эпохи резкого обострения социальных отношений. Вспомним хотя бы невиданный всплеск поэзии, драматургии, музыки (от песен до симфоний) в годы Великой Отечественной войны. Да и движение в эти же годы культуры вспять, скажем, в сфере интимных отношений — это тоже культурная жизнь, но с определенным — отрицательным — знаком. В-четвертых, мирные периоды развития общества далеко не всегда связаны с застоем. Достаточно этих контраргументов, чтобы понять, какое большое поле для дальнейших изысканий открывается здесь будущим философам и историкам.

Есть еще одна малоизученная проблема — проблема *преемственности* в развитии культуры. Здесь от исследователя требуется повышенная осторожность и взвешенность, поскольку, с одной стороны, надо избегать примитивно-анархистского,

Преемственность и взаимодействие культур

нигилистического отношения к культурному наследию, а с другой стороны, опасно абсолютизировать и изменчивость культуры, ссылаясь на пресловутые «филиацию идей», «саморазвитие культуры», «единый поток». Ведь в последнем случае развитию культуры придается абсолютно самостийный, не зависящий он фундаментальных социально-экономических условий характер; культура превращается в своеобразную «кошку, гуляющую сама по себе» (Р.Киплинг). Адекватно отражающий истинное положение вещей ответ должен звучать, очевидно, так: в развитии культуры закон преемственности играет чрезвычайно важную роль, но его действие носит не абсолютно, а относительно самостоятельный характер — преемственность и новация дополняют друг друга.

Нужно различать преемственность *непрерывную* и *прерывную*. Практически непрерывной выглядит преемственность в развитии культуры быта, особенно в так называемых традиционных, не затрагиваемых коренными преобразованиями обществах (хотя и здесь не обходится в отдельных конкретных случаях без прерывов). Примером непрерывной преемственности является развитие языка, который сам, в свою очередь, является необходимым и важнейшим средством, обеспечивающим преемственность в развитии всей культуры, а значит и общества в целом. Вряд ли можно по этому поводу сказать лучше великого рус-

ского педагога К.Д.Ушинского: «В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое»¹.

Типичным явлением, связанным с прерывом постепенности, выступает западноевропейское Возрождение. Даже чисто этимологический подход показывает, что речь идет не о простом продолжении каких-то (в данном случае — античных) социокультурных традиций, а именно о возрождении их после более или менее продолжительной полосы забвения. Разумеется, речь идет не об абсолютном забвении, ибо из ничего, как заметил еще Лукреций Кар, и не рождается ничего.

Следует различать также преамбленность *непосредственную* и *опосредованную*. Упоминавшееся сейчас западноевропейское Возрождение представляло собой первый из этих вариантов: возрождалось наследие, являвшееся результатом исторического развития непосредственно данного региона. Но ведь во многих своих существенных чертах Возрождение произошло и у народов более молодых, произошло как своеобразный отклик на культурную революцию у более древних соседей. Здесь явно присутствует и доминирует элемент опосредованности. Такова Реформация как северное крыло Возрождения.

По сути дела, мы вторглись здесь в еще одну важную проблему — проблему взаимодействия культур, которое можно и должно рассматривать тоже как преамбленность, относящуюся уже к процессу развития не одной из культур, а двух или нескольких. Проиллюстрируем это на примере взаимодействия египетской, еврейской (древнеизраильской) и европейской культур. Общеизвестно, что самой читаемой в мире книгой по сей день остается Библия. Если к этому добавить, что в истории мирового искусства неоспоримо прослеживается приоритет библейских сюжетов и мотивов², а десять знаменитых моральных

¹Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. — М., 1945. — С. 206.

²Ветхозаветные сюжеты и мотивы мы встречаем в творчестве Б.Микеланджело и Т.Гоббса, В.Шекспира и Х.Рембрандта, В.Гюго и Т.Манна, А.С.Пушкина и А.И.Куприна, Н.Гумилева и А.Ахматовой, у многих других выдающихся писателей, художников, композиторов.

моисеевых заповедей лежат в основе современной нравственности, то степень воздействия древнееврейской культуры на европейскую станет рельефно осязаемой. Но выясняется, что в истоках самой библейской культуры есть много моментов, свидетельствующих о восприятии ею всего лучшего, что было в культуре соседних народов — древнеегипетской, вавилонской, шумерской. В этой связи можно отослать читателя к интересным рассуждениям Зигмунда Фрейда о своеобразном синтезе египетского и иудейского в мировоззрении и действиях Моисея и в монотеистической религии евреев¹. Итак, цепочка замыкается: Египет — Иудея и Израиль — Европа. Разумеется, мы взяли лишь одну линию развития европейской культуры — внешнюю, оставив в стороне не менее важную — внутреннюю, о которой уже было немного сказано в связи с Возрождением. Очень велико и обратное воздействие. В результате многовекового расселения евреев по всему миру сегодняшняя израильская культура оказывается в значительной степени европеизированной, арабизированной и т.п. В частности, в связи с тем, что поток репатриантов из России является наиболее массовым и образованным, можно слышать не лишнее резона мнение о современной культуре Израиля как культуре русской по своим корням и ряду важных черт.

**Запад, Восток,
Россия
в диалоге
культур**

В исторической и философской литературе, в публицистике вот уже полтора века оживленно обсуждается вопрос о характере русской культуры и русского менталитета в контексте их взаимодействия с культурами Запада и Востока.

Вспомним славянофилов и западников, обратим внимание на аналогичные им идеологические группировки сегодня и мы без труда поймем, что спорящие стороны, как правило, не стремятся ограничить себя узкими рамками теории: их концепции устремляются в политику и находят свое прямое отражение в стратегии и тактике авторов и сторонников очередных реформ, нацеленных на догоняющее развитие России, равно как и в деятельности их противников. Отсюда — повышенная актуальность данной проблемы в современных российских условиях.

«Запад» и «Восток», противопоставляемые России и сопоставляемые с ней, выступают в этих спорах не как географиче-

¹См.: Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. — М., 1993.

ские регионы, а как два особых типа цивилизационного и культурного развития. Под Западом имеется в виду техногенная цивилизация, сложившаяся первоначально в Европе (XV—XVII вв.) и распространившаяся позднее на Северную Америку, Австралию, а с конца прошлого века — и на Японию. Для западного типа цивилизационного и культурного развития характерны безудержное стремление к овладению силами и богатствами природы, влекущее за собой ускоряющиеся прогрессивные изменения технико-технологического базиса общества и связанных с ним наук, непрерывное изменение социальных связей и отношений. Восток — это так называемые традиционные общества и традиционные культуры, характеризующиеся позицией невмешательства в протекание природных процессов; установкой на адаптацию индивида к сложившейся социальной среде, а не на ее преобразование; коллективистским менталитетом в противовес индивидуалистической доминанте на Западе.

Что же представляет собой русская культура, русский менталитет (и, следовательно, к какому типу цивилизационного развития тяготеет Россия)?

Если иметь в виду славянофилов и западников, то вырисовываются вроде бы две альтернативных концепции. Первая утверждала, что Россия идет совершенно самобытным путем; узловые точки ее культуры, менталитета, исторического поведения не имеют ничего общего ни с западным, ни с восточным вариантами. Поэтическое выражение эта концепция нашла в знаменитом четверостишии Ф.Тютчева:

Умом Россию не понять.
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

Обнаружив несомненную самобытность отечественной культуры и менталитета, эта концепция бескомпромиссно абсолютизировала их «русскость».

Вторая концепция указывала на то, что Россия по своим социокультурным истокам и своему менталитету безусловно тяготеет к Западу и должна ориентироваться только на него, когда речь заходит о попытках модернизации, о догоняющем развитии страны. Историческая приобщенность России ко многим духовным ценностям западной цивилизации и культуры не подлежит сомнению. С Запада в Россию пришло христианство (правда, в его восточном, византийском варианте); в течение веков

мыслящая Россия впитывала в себя элементы западного рационализма, просветительства, романтизма, социального утопизма, авангардизма и пр.; со времен Петра I было перенято западное уважение к научной рациональности. Однако в концепции западников, как и у славянофилов, тоже заметна абсолютизация. Во-первых, она сказывается в стремлении к всеохватывающему, в том числе и к механическому, «дурному» заимствованию западного опыта, что мы наблюдаем сегодня и в экономике, и в искусстве, и в других сферах жизни, когда наряду с целесообразным, высокодуховным перенимается устаревшее в социально-экономическом плане, безнравственное в плане духовном и т.п. Во-вторых, сбрасывается со счетов колоссальное обратное воздействие русской культуры на Запад (художественной литературы, музыки, балета, политических и нравственных концепций, системы образования). В-третьих, игнорируются восточные моменты и мотивы в русской культуре.

Как реакция на категоричность славянофильства и западничества вполне логично должна была родиться еще одна концепция. И она появилась. Сторонники этой точки зрения утверждали, что Россия представляет собой специфический тип культуры — *евразийский*, связанный с ее географическим местоположением; историческими перипетиями судьбы, взаимодействием с восточными и западными соседями. Евразийство как особая концепция социокультурного места России возникло в начале 20-х годов нашего века в среде русской эмиграции, пытавшейся разобраться, с одной стороны, в истоках и смысле происшедших потрясений, и, с другой — в перспективах дальнейшего развития родной страны. В отличие от западников евразийцы не хотели, по их словам, смотреть на Россию как на культурную провинцию Запада, с запозданием повторяющую ее «зады». Более того, по их мнению, «богиня культуры», чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов европейского Запада, перемещается на Восток¹. В то же время в отличие от славянофилов евразийцы учитывали воздействие на русскую культуру и западной, и южной (по преимуществу византийской), и восточной культур. На разных этапах исторического развития России на авансцену выступала одна из трех линий социокультурной ориентации: в период Киевской Руси — византийская, в столетия монголо-татарского ига — восточная, со времен Петра I — западная. При этом русская культура не про-

¹См.: Евразийский искус // Философские науки. — 1991. — № 12. — С. 105.

сто впитывала все эти элементы. Но синтезировала их в целостность.

Особое место в культурно-историческом развитии России евразийцы отводят роли «азиатского элемента» — «степной стихии», дающей мироощущение «континента — океана». Азиатское воздействие глубоко вошло в ткань русской политической культуры, впитавшей в себя централистско-деспотическую организацию государства, подчинение общества государству, стремление к экспансии. Широко повлияли на Россию и бытовой уклад степного Востока (разумеется, не только монгольского, но и скифо-сарматского), психологическая установка на коллективность.

Несомненно, в концепции евразийства многое звучит убедительно, что необходимо учитывать, размышляя над происходящим сегодня в России, а тем более осуществляя ее практическое реформирование. Однако следует указать на самую жесткую критику этой доктрины даже со стороны бывших ее сторонников. Все это указывает на остроту проблемы и на то, что и в данном случае не следует гнаться за каким-то радикальным рецептом, разом решающим все проблемы.

3. Культура в ее исторической перспективе

Может ли в этом противоречивом и переменчивом мире быть непротиворечивой и стабильной культура? Разумеется, нет. Тревогам и надеждам, связанным с состоянием современной культуры и посвящен этот параграф.

Вандализация культуры как глобальная опасность

Вынесенная в подзаголовок проблема действительно глобальна, ибо опасность вандализма (вандализация культуры) нависла сегодня и над развитыми странами (причем генерируется эта опасность во многом именно отсюда), и над «третьим миром», и — в силу ряда внутренних и внешних причин — все явственнее прорисовывается и у нас. Проблема эта является одной из важнейших среди глобальных, поскольку вандализация культуры ведет к разрушению (по крайней мере, к деградации) личности.

Анализируемая опасность является глобальной не только по своей распространяемости: она — звено в той зловещей цепочке «взрывоопасных» проблем, преднамеренное или случайное

детонирование любого звена в которой положит конец земной цивилизации. И в то же время вандализация культуры сама выступает в качестве одного из потенциальных детонаторов, серьезного препятствия на пути выработки основными социальными силами современности нового политического мышления. Вандализация культуры и новое политическое мышление — процессы-антиподы, они диаметрально противоположны по своей направленности, если учесть, что новое политическое мышление призвано придать большую цивилизованность и международным отношениям, и формам классовых отношений внутри каждой из стран, и характеру межнациональных отношений.

В качестве одной из общих причин вандализации культуры следует указать на технизацию (в ущерб гуманитаризации) общественной жизни человечества и нарушение того оптимума в системе «цивилизация — культура», который относительно выдерживался на предшествующих цивилизационных стадиях («волнах»).

Вандализация культуры, дегуманизация личности происходят не только за счет объективно складывающихся социальных условий. В этом же направлении действует пропагандистская машина любого эксплуататорского общества, любого тоталитарного режима.

В свою очередь, указанное выше нарушение оптимума «цивилизация — культура» в основательной степени связано с выходом в конце XIX в. и, особенно, в XX в. на авансцену истории радикально настроенных, но недостаточно культурных масс. Разумеется, речь идет не об отрицании прогрессивного (в целом) характера деятельности масс. Во-первых, вторжение широких масс в сферу активного исторического творчества не есть причина разыгравшихся в двадцатом веке трагедий: сам этот выход был следствием неприемлемого для масс, антигуманного хода общественного развития. Следовательно, между этими трагедиями (две мировые войны, кровопролитные революции) и невиданной доселе активностью масс связь не причинно-следственная, а функциональная. Во-вторых, выход масс в сферу активного исторического творчества представляет собой явление в целом прогрессивное, хотя и сопровождающееся значительными и долгосрочными социокультурными издержками.

Внешние по отношению к нашей стране вандализационные факторы воздействовали на советскую культуру и образ жизни в той степени и в тех формах, в каких это допускало внутреннее состояние нашего общества. Внешнее воздействие накладыва-

лось на культурный уровень страны, которая до начала революционных преобразований была крайне отсталой в этой отношении. Вандализации культуры способствовали деформационные процессы, которые, возникнув в политической надстройке, перекинулись в первичные сферы общественной жизни — экономическую и социальную. Отсюда — общая социальная коррозия, негативно сказавшаяся на культуре общества, на его духовном облике и настрое. Небывалый для нашей страны рост преступности, являясь следствием вандализации культуры, выступает в то же время как стимулятор и мультипликатор дальнейшей вандализации. Под воздействием миллионов, получивших «воспитание» и «довоспитание» в репрессивных учреждениях, наша культура все более становится лагерной, происходит смешение криминальной и обычной зон жизни, криминальным становится наше мышление, а язык — «блатным», вульгарным, ненормативным. «Остаточный подход» к культурной сфере — тоже не что иное, как симптом вандализации.

Если вспомнить, что производство и воспроизводство общественной жизни есть производство и воспроизводство материальных и духовных благ, производство и воспроизводство общественных отношений, производство и воспроизводство самого человека, то обнаруживается, что вандализация культуры оказывает пагубное воздействие на каждую из этих сторон общественной жизни. Ее нельзя свести только к уничтожению материальных и духовных ценностей в узком, прямом смысле слова. Происходит вандализация культуры отношений — межличностных (например, «внеуставные отношения» в армии), сексуальных (растущая половая распущенность), межнациональных (национальная неприязнь) и т.д. Происходит и вандализация самого человека: в одних случаях неувоение, в других — подтачивание высоких нравственных ценностей.

**Культура
и будущее
человечества**

И все же не хотелось бы главу о культуре кончать на столь пессимистической ноте. Но что может вселять оптимизм в этой отнюдь не радостной ситуации?

И мы снова, в который раз, возвращаемся к двум извечным (по крайней мере для российской общественной мысли) вопросам: «Кто виноват?» и «Что делать?». А в поисках ответа на эти вопросы придется обратиться к сущности самой культуры, к ее внутренней структурированности.

Начиная с античности в философии сложилось четкое представление о трех ликах культуры: Истине, Добре и Красоте,

образующих триединство и обуславливающих друг друга. Так, подлинная истинность всегда облекается в эстетические формы и призвана служить добру¹. Эти стороны культуры нашли воплощение в различных сферах человеческой деятельности — в науке, философии, искусстве. Но со временем их стали противопоставлять друг другу, а в определенных исторических условиях дело дошло до фатального разрыва между ними, который О.Шпенглер и его последователи зафиксировали как разрыв между культурой и цивилизацией. Позднее этот разрыв более точно определен Чарльзом П.Сноу как разрыв единого организма культуры на традиционную гуманитарную (условно, Красота + Добро) и новую, так называемую научную культуру, производную от научно-технического прогресса XX в.² В какой-то степени об этом разрыве уже говорилось на предыдущих страницах.

В результате рассматриваемого разрыва образуются два полюса: на одном из них — масса людей, невежественных в научном отношении, на другом — нравственно и эстетически неграмотных. Вполне понятно, что в обоих случаях речь идет не об абсолютно неграмотной массе, но о людях односторонне «грамотных». Кстати, и страшна прежде всего не абсолютно неграмотная масса, ибо ее воспитание, как это ни парадоксально звучит, проходит в естественно-исторических условиях своей среды более или менее гармонично: традиции и навыки, связанные со всеми тремя ликами культуры передаются стабильно из поколения в поколение — агрокультура, нормы межличностных (в том числе семейных отношений), эстетика быта и т.п. Страшна полукультурная масса, заикленная, в лучшем случае, на научно-познавательной, технической узкоспециализированной деятельности, но не освоившая заложенных в культуре многовековых пластов моральных и художественно-эстетических традиций. Как заметил однажды А.Твардовский, страшен не тот, кто за всю жизнь не прочитал ни одной книги, а тот, кто прочитал лишь одну.

А теперь о том, «что делать?». Когда-то Чехов мечтал о синтезе таких ипостасей культуры, как искусство и наука. «Я подумал, — встречаем мы у него, — что чутье художника стоит иногда мозгов ученого, что то и другое имеют одни цели, одну природу и что, быть может, со временем, при совершенстве

¹См.: Волков Г.Н. Три лика культуры. — М. 1986.

²См.: Сноу Чарльз П. Две культуры. — М., 1973. — С. 17—39.

методов, им суждено слиться вместе в гигантскую чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себе...». Может быть, синтез этот произойдет в отдаленные от нас времена, может быть, ожидание его, учитывая тенденции развития общественного сознания, страдает определенной утопичностью, но о другого рода синтезе трех ипостасей культуры — о необходимом и возможном синтезе на *микроуровне*, на уровне индивида, мы можем говорить с достаточными основаниями.

Процесс подобного синтеза, а следовательно и гармоничного развития личности, не может происходить стихийно. Ведь человека сегодня в значительной степени создает образование, и оно-то и должно быть перестроено соответствующим образом. Речь идет о *гуманитаризации образования* и школьного, и вузовского.

На синтез трех ипостасей в культуре индивида должны работать все вузовские курсы и среди них, не в последнюю очередь, разумеется, философия. Имеется в виду не философия в том усеченном виде, в каком она преподносилась десятилетиями¹, а в духе лучших классических традиций (в том числе марксистских), когда философов — Аристотеля и Канта, французских энциклопедистов и Гегеля, русских революционных демократов и Маркса — в равной степени интересовали и законы развития природного мира, и императивы человеческого поведения, и роль прекрасного в реализации этих императивов.

Резюме:
культура
и социум

Из какого определения культуры ни исходить, как ни группировать эти определения, ясно одно: культура несводима к какой-то одной стороне социума, ибо все внебиологическое, сверхприродное в нем, все выработанное человеком и есть культура. С одной стороны, все компоненты социума — от технико-технологического базиса до политической и идеологической надстройки — суть *результаты* специфически человеческой деятельности, с другой стороны, они же выступают как *способ* продолжения и совершенствования этой деятельности. Сказанное полностью относится и к социуму в целом, поскольку он является *единственным* способом существования и воспроизводства общественного человека. В общем, логически объемы «социума» и «культуры» совпадают за вычетом, как может показаться

¹«Усеченная» философия порождала многообразный студенческий юмор типа: «Материя первична,/ сознание вторично.../ Ну, а мне-то лично/ это безразлично».

на первый взгляд, того природного, что сохраняется в жизнедеятельности индивида и совокупного человека, хотя, разумеется, тоже в специфически человеческом, социализированном, окультуренном виде. Вот почему, с учетом сделанной сейчас оговорки, и оба «фланговых» составляющих фундамента социума — природная среда общества и его этнические особенности — тоже вписываются в габариты как социума, так и культуры.

Если представить социум (а следовательно и культуру) в виде параллелепипеда, то предлагаемый рис. 20 выражает структуру того и другого. Техничко-технологическому базису соответствует определенная культура материального производства (совокупность технических средств, технологическая культура, культура индивидуального труда); экономическому базису — культура производственных отношений в узком смысле слова, культура распределения, культура обмена, культура потребления; политической надстройке — совокупность наработанных обществом соответствующих институтов и учреждений, культура межклассовых и межпартийных отношений и т.д.

К У Л Ь Т У Р А				К У Л Ь Т У Р А	
Общественная психология третьего уровня					
Политическая и духовная надстройка					
Общественная психология второго уровня					
Тип и форма семьи	Экологические отношения	Экономический базис			Социально-этническая общность
		Форма организации общественного хозяйства			
Общественная психология первого уровня					
Природные, в т.ч. демографические особенности данного общества	Техничко-технологический базис цивилизации		Этнические и вообще исторические особенности		

Рис. 20

Для сравнения приведем схему, отражающую структуру социума в традиционном марксистском понимании (рис. 21). О традиционности ее можно говорить хотя бы потому, что в течение десятилетий она переключивалась из одного учебника в другой, обогатившись только одним компонентом — общественной психологией¹.

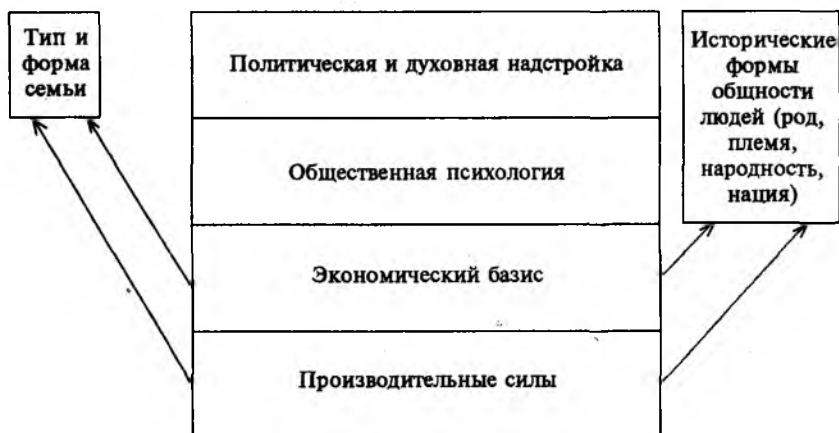

Рис. 21

Иногда высказывают мнение, что предлагаемая нами схема (рис. 20) менее гуманистична по сравнению с традиционной (рис. 21), поскольку в фундаменте последней — производительные силы общества, а следовательно и человек как главная компонента этих сил. Новая же схема, по мнению оппонентов, элиминирует человека и по сути является техницистской. С этим нельзя согласиться.

Во-первых, схемы сами по себе не могут быть гуманистичны или негуманистичны. Но если уж давать им подобную оценку то более гуманистичны те из них, которые ближе к истине, адекватней отражают объект и способны, в силу этого, облегчить поиски путей гуманизации общественных отношений.

Во-вторых, и предлагаемая схема, и традиционная характеризует не отдельного индивида (структуру его природы, сущно-

¹Для сравнения см.: Основы марксистской философии. — М., 1958. — С. 352; 2-е изд. — М., 1962. — С. 301; Основы марксистско-ленинской философии. Учебник. — М., 1971. — С. 273; Введение в философию. Учебник для высших учебных заведений. — М., 1989. — Ч. 2. — С. 459; Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 475.

сти, например): они призваны отразить структуру социального организма (социума), т.е. совокупного общественного человека. Вот почему аргументация к человеку при сравнении этих схем теряет смысл (как практический, так и идеологический).

Мы привели для сравнения две схемы структуры социума с целью не просто вскрыть ограниченность одной и преимущества другой, но и высветить все то рациональное из социологического наследия, что может быть использовано при переходе к многомерному видению истории.

Глава пятнадцатая

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

**Истоки
специфичности**

Словосочетание «социальное познание» само по себе двусмысленно. В одних работах под «социальным познанием» имеют в виду познание *обществом* всего окружающего нас мира, в том числе природного, в других — познание *общества*. Мы будем говорить о социальном познании во втором смысле.

Учитывая, что общие основы теории познания читателю уже известны, сосредоточим свое внимание на том, что отличает познание социума от познания других объектов.

1. Социум является самым сложным из объектов познания, ибо представляет собой высшую форму движения материи. В силу этого сущность социальных явлений и процессов, закономерные связи между ними обнаруживаются гораздо труднее, чем это происходит при исследовании неорганической и органической природы. В общественной жизни все события и явления настолько сложны и многообразны, настолько непохожи друг на друга и так причудливо переплетаются, что обнаружить в ней определенные закономерности гораздо труднее.

2. В социальном познании мы имеем дело с исследованием не только материальных (как в естествознании), но и идеальных, духовных отношений. Эти отношения не просто включены, «вмонтированы» в конструкцию материальной жизни общества, но и сами по себе значительно сложнее, многообразнее и противоречивее, чем связи в природе.

3. В социальном познании общество выступает и как объект, и как субъект познания: люди творят свою собственную историю, и они же познают ее. Такое тождество объекта и субъекта не может быть оценено однозначно. С одной стороны, оно имеет положительное значение, поскольку процессы, протекающие в обществе, наиболее близки познающему субъекту по его непосредственному и опосредованному жизненному опыту, что способствует глубокому осмыслению и правильному познанию этих процессов. Но, с другой стороны, в совокупном субъекте по-

знания представлены разные, порой диаметрально противоположные, воли, интересы, цели. В результате и в сами исторические процессы и в их познание привносится изрядный элемент субъективизма. Вспомним по этому поводу известный афоризм: «Если бы теоремы Пифагора затрагивали кровные интересы людей, они давно были бы опровергнуты».

Говоря о специфике социального познания, следует избегать крайностей. Одна из них представляет собой полный перенос естественнонаучного подхода на изучение общественных явлений (концепция «действия» Т.Парсона, социометрические идеи Дж.Морено и т.д.). В плане психологическом такая ориентация во многом связана с растущим авторитетом физики, химии, биологии, кибернетики. Так, сегодня мы встречаем попытки посредством прямой редукции к физическому, с использованием, в частности, теории относительности Эйнштейна, объяснить причины исторического отставания России: Россия-де в течение веков использовала иной, чем в Европе, тип энергетического развития — пространственный (а поглощение пространства замедляет течение времени), теперь же предстоит переход на преобладающий в истории тип развития — временной. Но ведь никакого прироста знания — ни концептуального, ни просто содержательного — такое объяснение не дает. Отрицательное воздействие пространственного расширения России на ход ее исторического развития прекрасно осознавали многие русские мыслители еще в девятнадцатом веке, заведомо не знакомые с возникшей гораздо позднее теорией относительности. Так, П.Я. Чаадаев писал в «Апологии сумасшедшего»: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия и истинной причиной нашего умственного бессилия: это — фактор географический»¹.

Ошибочно впадать и в другую крайность, настаивая на непригодности для обществоведения буквально всех тех методов, которыми исследуется природа. Конкретные методики действительно существенно отличаются друг от друга. Так, например, методика исторического исследования включает в себя та-

¹Цит. по: Русская идея. — М., 1992. — С. 48.

кие уникальные компоненты, как методика датировки и локализации исторических фактов, методика идентификации личности и т.д.¹ Но разумеется, специфику конкретных методик нельзя возводить в абсолют: существует взаимопроникновение частных методик. Биология традиционно использует наряду со специфически своими химические и физические методы исследования; социология — методы психологии; социальная антропология — биологические методы. И, наконец, все науки (и естествознание, и обществознание) сходятся в едином философском методе — независимо от того сознательно или неосознанно применяется он исследователем. Таким образом, перед нами типичный пример диалектики общего, особенного и единичного (специфического).

1. Эмпирический уровень социального познания

Огромные успехи теоретического знания, восхождение ко все более высоким уровням абстракции несколько не умалили значимость и необходимость исходного эмпирического знания. Так обстоит дело и в обществоведении.

Наблюдение в обществознании

Первичным и элементарным познавательным процессом эмпирического уровня социального познания, как и научного познания вообще, остается наблюдение. А любое научное наблюдение, в отличие от ненаучного, связано с решением определенной научной проблемы или задачи.

Специфика наблюдения в обществознании дает себя знать уже в так называемом *невключенном наблюдении*. Подобное наблюдение широко распространено и в естественных науках. В чем же суть различия? Следует вспомнить, что в обществознании речь идет о познании, касающемся одушевленных, наделенных сознанием объектов. И если, например, звезды даже при многолетнем наблюдении за ними остаются совершенно невозмутимыми по отношению к наблюдателю и его намерениям, то в общественной жизни дело обстоит иначе. Как правило, обнаруживается обратная реакция со стороны изучаемого объекта, что либо делает наблюдение с самого начала невозможным, либо

¹См.: *Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методика исторического исследования. — М., 1986.

прерывает его где-то посередине, либо вносит в него такие поправки, которые существенно искажают результаты исследования.

Вот почему с большим доверием в социологии, истории, социальной психологии относятся к *включенному наблюдению*, которое осуществляется не со стороны, не извне по отношению к изучаемому объекту (скажем, малой или большой социальной группе), а изнутри ее. При этом следует различать активное и пассивное включенное наблюдение. В первом случае наблюдатель (как правило) внедряется инкогнито в интересующий его социальный коллектив — религиозную общину, бригаду рабочих и т.п. — в качестве ничем не отличающегося от других члена коллектива. При такой включенности вероятность возмущения со стороны объекта исследования сводится к нулю. Пассивная легальная включенность, для того чтобы привести к достоверным результатам, требует большого взаимопонимания между субъектом и объектом, уверенности исследуемых, что наблюдение не будет использовано во вред им.

Несколько слов о наблюдении, которое условно можно назвать *статистическим*. Как правило, оно носит опосредованный характер, т.е. исследователь, будучи не в силах лично измерять интересующие его параметры и индикаторы общественной жизни, вынужден обращаться к официальным статистическим справочникам, либо к свидетельствам журналистики. И в том, и в другом случае требуется повышенная осторожность. Издавна известен афоризм: «Есть три вида лжи: просто ложь, гнусная ложь и статистика». Разумеется, в нем высмеивается не статистика как наука и не статистическое наблюдение, а тот способ, которым нередко в истории обращались с ними официальные круги различных стран. Наглядным примером в этом отношении могут служить статистические справочники, ежегодно выходившие в бывшем СССР. В целях дезориентации общественного мнения те или иные экономические и социальные показатели не только искажались (либо умалчивались), но и нередко преподносились в непригодном для сопоставления виде. Если, скажем, итоги прошлого года по каким-то позициям давались в абсолютных величинах, то в следующем году они преподносились уже в процентах, что, естественно, затрудняло, а в некоторых случаях делало невозможным сопоставление и достоверные выводы. Можно привести множество примеров статистических фальсификаций в публицистике. Так, несколько лет назад одно из наших центральных изданий, желая доказать, как хорошо жили рабочие России до революции, привело

диаграммы, из которых следовало, что реальные доходы последних не так уж и отличались от реальных доходов их английских коллег. Но что сделал автор публикации? В одном случае он взял усредненные данные, касающиеся английского рабочего класса в целом, а во втором прибегнул к итогам обследования на одном заводе — Сормовском в Н.Новгороде. Но ведь Сормовский завод был и остается заводом металлообрабатывающим, машиностроительным, а металлисты в силу своей высокой квалификации относились в России к числу самых высокооплачиваемых рабочих.

Социальный эксперимент

При всей своей значимости и необходимости наблюдение в общественно-научной демонстрации демонстрирует те же самые принципиальные недостатки, что и в других науках. Оставаясь в границах наблюдения, мы не можем изменить объект в интересующем нас направлении, регулировать условия и ход изучаемого процесса, воспроизводить его настолько многократно, насколько это требуется для завершенности наблюдения. Существенные недостатки наблюдения в значительной степени преодолеваются в эксперименте.

Если наблюдение является по своему существу созерцающим, то в эксперименте рельефно вырисовывается его активный, преобразующий характер. В эксперименте мы вмешиваемся в естественный ход событий. Воспользуемся тем определением эксперимента, которое предложено В.А.Штоффом: «эксперимент есть вид деятельности, предпринимаемой в целях научного познания, открытия объективных закономерностей и состоящей в воздействии на изучаемый объект (процесс) посредством специальных инструментов и приборов, благодаря чему удается: 1) изолировать исследуемый объект от влияния побочных, несущественных и затемняющих его сущность явлений и изучать его в “чистом” виде; 2) многократно воспроизводить ход процесса в строго фиксированных, поддающихся контролю и учету условиях; 3) планомерно изменять, варьировать, комбинировать различные условия в целях получения искомого результата»¹.

Отвечая данному определению в целом, социальный эксперимент обладает в то же время некоторыми существенными особенностями.

¹Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. — М., 1978. — С. 84—85.

1. *Социальный эксперимент носит конкретно-исторический характер.* Эксперименты в области физики, химии, биологии могут быть повторены в различные эпохи, в различных странах, ибо законы развития природы не зависят ни от формы и типа производственных отношений, ни от национальных и исторических особенностей. Социальные же эксперименты, нацеленные на преобразование экономики, национально-государственного устройства, системы воспитания и образования и т.д., могут давать в различные исторические эпохи, в различных странах не только разные, но и прямо противоположные результаты.

2. *Объект социального эксперимента* (так называемая экспериментальная группа) *обладает гораздо меньшей степенью изоляции* от остающихся вне эксперимента подобных объектов (так называемой контрольной группы) и всех воздействий данного социума в целом. Здесь невозможны такие надежные изолирующие устройства, как вакуумные насосы, защитные экраны и т.п., применяемые в процессе физического эксперимента. А это значит, что социальный эксперимент по сути дела не может быть осуществлен с достаточной степенью приближения к, выражаясь языком науковедения, «чистым условиям». С этими обстоятельствами связана причина неудач многих социальных экспериментов, например, опытов Ш.Фурье и его сторонников по созданию фаланг — своеобразных первичных ячеек нового, идеального и гармоничного (по мысли экспериментаторов) общества; опытов Р.Оуэна по образованию кооперативов и коммун в Англии и Америке; нашего отечественного опыта начала шестидесятых годов по массовому созданию школ-интернатов, замышлявшихся в качестве инкубаторов по выращиванию личностей коммунистического типа. Во всех этих случаях общая объективная социальная обстановка, нравственно-психологическая атмосфера скрадывали и, в конечном счете, сводили на нет предполагавшиеся и даже вроде бы уже в какой-то степени проглядывавшие результаты эксперимента.

3. *Социальный эксперимент предъявляет повышенные требования к соблюдению «техники безопасности» в процессе его проведения* по сравнению с естественнонаучными экспериментами, где допустимы даже эксперименты, совершаемые методом проб и ошибок. И хотя сегодня эта грань между экспериментом социальным и экспериментами в ряде отраслей естествознания (в генетике и биоинженерии, в атомной физике) стала менее резкой, в принципе она сохраняется. Речь идет об особой дели-

катности социального эксперимента, который в любой точке своего протекания, каждодневно и ежечасно оказывает непосредственное воздействие на самочувствие, благосостояние, физическое и психическое здоровье людей, вовлеченных в «экспериментальную группу». Недооценка любой детали, любой сбой в ходе эксперимента может оказать пагубное воздействие на людей, и никакими благими намерениями его организаторов оправдать это невозможно. Гуманистичность должна быть заложена в самую конструкцию исследовательского проекта и тщательно выверена еще до того, как начнется осуществление эксперимента. Отсюда еще одно требование к социальному эксперименту, точнее — запрет, налагаемый на него.

4. *Социальный эксперимент не вправе проводиться в целях получения непосредственно теоретического знания.* Для понимания сущности этого запрета необходимо учитывать, что вообще-то эксперимент имеет две функции — познавательную и прагматическую (прикладную). Скажем, когда академик И.П.Павлов и его ученики проводили свои знаменитые опыты на обезьянах и собаках, их непосредственной целью было нахождение физиологических закономерностей высшей нервной деятельности и создание соответствующей теории, хотя, разумеется, результаты экспериментов могли тут же использоваться и в прикладных целях. Иначе обстоит дело в обществознании. Ставить опыты (эксперименты) на людях антигуманно во имя любой теории, какой бы респектабельной и многообещающей она не представлялась. Главная задача социального эксперимента — совершенствование общественной практики. Как же в таком случае он соотносится с теорией? Во-первых, социальный эксперимент должен иметь солидное теоретическое обоснование, в противном случае он перестает быть научным. А во-вторых, его результаты обязательно учитываются различными отраслями обществознания и стыковых с ним наук (медициной, архитектурой и т.д.). Но при этом, повторим, подтверждение, опровержение или совершенствование теории ни в коей мере не превращается в самоцель эксперимента.

Отношение к фактам

Главной задачей эмпирического уровня науки является накопление фактов. В латинском языке *fact* (от глагола *facere* — делать) означает «сделанное», «совершенное». В порядке рабочего определения можно сказать, что *факт есть фрагмент уже состоявшейся действительности.*

В науке термин «факт» употребляется в двух значениях: 1) факт как объективно существующее (или существовавшее) явление; 2) описание факта в контексте той или иной концепции. В свете этой двусзначимости сразу же можно внести дополнение к только что данному рабочему определению. Сам по себе «сырой» факт (факт — событие), как правило, быстротечен и уходит в историческое прошлое. Его сохранение и включение в содержание науки происходит при помощи языка в так называемых фактофиксирующих предложениях. В связи с этим факт должен рассматриваться не просто как фрагмент действительности, а как такой фрагмент, который установлен человеком и хотя бы в общих чертах познан им.

Таким образом, в научной фиксации факта обнаруживается сплав объективного и субъективного, чем и должно определяться наше отношение к источникам, описывающим те или иные факты. С одной стороны, необходимо учитывать элемент субъективности в этих описаниях, связанный с политическими, религиозными, классовыми симпатиями исследователя, с общей атмосферой эпохи. Но, с другой стороны, этот субъективный аспект не должен скрывать от нас объективного содержания описанного факта, ибо в противном случае мы невольно приходим к выводу, что исторический факт просто создается человеческим воображением.

В отечественной методологии истории такая трактовка факта в свое время получила заметное распространение с легкой руки Р.Ю. Виппера, который утверждал, что «факты представляют наши мысленные опыты, а не реальные отношения самих вещей»¹. В развернутом виде эта мысль звучала так: «Сознание известного прошлого есть результат прежде всего нашей способности, нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке, в известном сцеплении, связи. Факты появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах. Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого»².

В действительности же, факты существуют объективно, они не исчезают по чьему-либо желанию и мы на каждом шагу убеждаемся, что «факты — упрямая вещь». Правда, сам этот афоризм должен быть правильно понят. Есть факты и фактики.

¹ *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. — СПб. — 1900. — № 53. — С. 470.

² Там же.

Когда мы в угоду своим политическим, идеологическим и прочим симпатиям либо в защиту своей концепции вырываем из цельной картины исследуемого процесса отдельные, работающие на нас факты, последние перестают быть «упрямой вещью» и превращаются в фактики. В интересах достижения истины должна исследоваться вся система фактов, характеризующих существо данной эпохи (если исследуется историческая эпоха), данного общественно-экономического строя, деятельности данного исторического лица и т.д. Таким образом, факты должны браться в системе, и сама систематизация фактов выступает как первый шаг к построению научной теории.

Спецификой исторических фактов является их уникальность, неповторимость. Если физик, химик, биолог могут репродуцировать заинтересовавший их факт, многократно воспроизвести его, то историк лишен такой возможности — он вынужден реконструировать прошлое в большинстве случаев по данным, полученным в результате источниковедческого анализа (в качестве «меньшинства» случаев выступают данные непосредственно проведенных авторами археологических раскопок или социологических обследований). Отсюда чрезвычайно важная для исторической науки проблема отношения к источнику, которая отнюдь не сводится к установлению его подлинности и к пониманию его языка: необходимо установить достоверность фактов, описываемых в источнике.

Из уникальности, неповторимости исторического факта вытекает еще одно чрезвычайно важное требование к исследованиям в обществоведении. Исторический факт должен быть точно датирован и также точно должно быть установлено место его совершения. Факт, лишенный пространственно-временных координат, вырванный тем самым из своих структурно-генетических связей, теряет исторический характер и упрощает сложную картину исторического процесса¹.

2. Теоретический уровень социального познания

Как известно, эмпирический уровень научного познания сам по себе недостаточен для проникновения в сущность вещей, в том числе в закономерности функционирования и развития об-

¹Подробно об этой проблеме см.: *Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования...

щества. На определенном этапе, когда накоплено уже более или менее солидное, с точки зрения исследователя, количество фактов, встает, как мы видели, задача их классификации и систематизации. Тем самым обозначается и переход к теоретическому уровню познания.

Сказанное отнюдь не означает, что эмпирическое всегда безусловно предшествует теоретическому. Исторически это было, конечно, так. Наш первобытный предок мог начинать только с нуля. Никаких теорий, даже в виде первоначальных предположений, впереди его эмпирического опыта не было. Однако с появлением науки образуется самонаращивающаяся многозвенная цепочка, в которой теоретическое и эмпирическое постоянно меняются местами: новый эмпирический материал является причиной возникновения научных проблем и пытающихся их разрешить гипотез, а накопленный теоретический материал (в том числе синтезированные из него методологические принципы) определяют направление дальнейших эмпирических исследований, подходы к методике их проведения и к интерпретации полученных результатов.

Так обстоит дело и в обществоведении, в котором применяются практически все общенаучные методы познания (системно-структурный, сравнительно-исторический, моделирование, математизация, формализация, экстраполяция и т.д.). В то же время каждый из этих методов в социальных науках существенным образом модифицируется. Следует особо рассмотреть наиболее важные стороны такой модификации. Напомним, что ряд общенаучных методов (в том числе системный) уже освещался в связи с анализом конкретных проблем.

Исторический и логический методы

Целый ряд наук изучает не просто сложные и сверхсложные системы, но системы к тому же исторически развивающиеся. Таковы геология, биология, астрономия и, конечно, науки об обществе.

Знание истории изучаемого объекта не только придает любым научным выводам академическую солидность и достоверность, но и позволяет понять тенденции дальнейшего развития, заглянуть в будущее. Короче говоря, пользуясь историческим методом, мы восстанавливаем «генеалогическое древо» объекта, добираясь до его корней. Как писал В.О.Ключевский, «изучая предков, узнаем самих себя». Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем

пришли в мир, как и для чего живем, как и к чему мы должны стремиться...»¹.

Для всех наук, изучающих исторически развивающиеся системы (эволюционная биология, историческая геология, история общества, языкознание и т.д.) в связи с этим ничем не заменимым оказывается *исторический метод* исследования, т.е. такой метод, который отражает реальную историю объекта в ее конкретном многообразии, выявляет значимые исторические факты и стадии развития, что позволяет в итоге создать теорию объекта, раскрыть логику и закономерности его развития.

Необходимо различать исторический метод и *принцип историзма*, хотя они между собой неразрывно связаны и представляют по существу гносеологический и онтологический аспекты одних и тех же понятий: метод показывает пути изучения, а принципы представляют собой выводы об объективных характеристиках объекта, следующие из этого изучения. В свою очередь, уже «добытые» принципы выступают в качестве предпосылок дальнейшего познания.

Одной из таких предпосылок исторического познания и выступает принцип историзма. Он включает в себя, с одной стороны, понимание развития как смены ряда этапов, каждый из которых рассматривается относительно завершенным, устойчивым и сопоставимым с другими этапами развития. С другой стороны, сами эти этапы рассматриваются как смена различных состояний одной и той же системы, и это сохранение элементов общности и преемственности позволяет выявить целостность изучаемого явления.

Таким образом, уже в принципе историзма, равно как и в историческом методе в целом, заложена потребность и возможность перехода к теоретическому, логическому осмыслению изучаемого процесса. Действительно, вряд ли кто будет настаивать, что история общества сводится к перечислению того, что, где и когда возникло и произошло. Выясняя «что? где? когда?», историк неизбежно задумывается над логикой обнаруженного, начинает понимать недостаточность исторического метода при всей его необходимости. Историческое должно дополниться логическим, найти в нем свое теоретическое завершение. Этому служит *логический метод*, который в сущности своей является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайно-

¹Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. — М., 1990. — Т. 9. — С. 375.

стей, т.е. отражением исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме.

В связи с проблемой соотношения между историческим и логическим методами хотелось бы предостеречь от ее возможного упрощения, а, следовательно, и огрубления. Иногда считают, что теория может быть только абстрактной, а история — только конкретной. Тем самым фактически отождествляют исторический метод с эмпирическим описанием и только логическому методу приписывают статус теории. В действительности же они взаимопроникают друг в друга, в связи с чем возникает возможность и целесообразность формирования такой «стыковой» научной дисциплины, как *теоретическая история*, противостоящей по своему смыслу эмпирической, фактографической истории. Если подойти к теоретической истории с точки зрения ее внутренней структуры и формы изложения, то обнаруживается, что теоретическая история в принципе не отличается от общепринятой в исторической науке хронологической последовательности. Что же касается формы, то она предстает уже не конкретно-эмпирической, а более или менее обобщающей, абстрактно-теоретической. Основная задача такого исследования — показать реальную историческую нить развития какого-либо социального института, общественной группы и т.д. (например, семьи, общины) в ее закономерности, начиная с генезиса и прослеживая все более поздние формы и ступени. При этом исследователя не интересуют конкретные зигзаги и отступления истории: он реконструирует историю объекта в ее наиболее существенных моментах¹.

Под моделированием в философской литературе понимают такой метод научного познания, при котором исследование осуществляется не на самом интересующем нас объекте (оригинале), а на его заместителе (аналоге), сходным с ним в определенных отношениях. Как и в других отраслях научного знания, моделирование в обществоведении применяется тогда, когда сам предмет недоступен для непосредственного изучения (скажем, вообще еще не существует — например, в прогностических исследованиях), либо это непосредственное изучение требует колоссальных затрат, либо оно невозможно в силу этических соображений.

¹См. об этом подробно: *Добрянов В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания.* — М., 1968. — С. 148—159.

И также как в других науках, модели, применяемые в процессе социального познания, бывают двух основных типов: материальные и идеальные (мысленные). Материальные модели в общественном познании принимают форму реально-эмпирических. Такое название подчеркивает, во-первых, реальное существование объекта, избираемого в качестве модели; во-вторых, его функциональную принадлежность, использование как средства наблюдения и эксперимента в научном познании конкретных процессов социальной действительности¹.

Примером такой модели в конкретных социологических исследованиях является так называемая *выборочная совокупность*, взятая в ее отношении к генеральной совокупности, т.е. ко всему множеству социальных объектов, которые составляют предмет изучения. Изучать непосредственно все это множество (скажем, население миллионного и даже стотысячного города) невыносимо и нецелесообразно — нужно огромное количество анкетеров, большие финансовые средства и организационная подготовка, затягивающая исследование во времени. В таких случаях изучение проводится на выборочной совокупности объектов, которая должна отвечать всем требованиям, предъявляемым к моделям, и прежде всего — быть репрезентативной, т.е. адекватно воспроизводить структуру генеральной совокупности с точки зрения тех ее характеристик, которые изучаются в исследовании.

Однако подавляющее число моделей в общественных науках составляют модели второго типа — идеальные, мысленные, среди которых, в свою очередь, выделяются две больших группы: знаковые модели и модели-образы. К знаковым моделям относятся все модели, построенные с помощью формализованных средств, и прежде всего — мысленные математические модели. В последние десятилетия математика прочно вошла в методику социально-гуманитарных исследований, соответственно получило права гражданства и математическое моделирование².

В качестве модели-образа в социальных исследованиях часто выступает уже имеющийся *исторический опыт*, многие черты которого являются типичными и способны реализоваться в других условиях. При этом имеется в виду совпадение в модели и

¹См.: Каракозова Э.В. Моделирование в общественных науках. — М., 1986. — С. 8.

²О применении математического моделирования в исторической науке см.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях / Под ред. И.Д.Ковальченко. — М., 1977; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. — М., 1985.

объекте исследования не только общих закономерностей функционирования и развития, но и основного механизма их осуществления. Вместе с тем модель вбирает в себя не только общие закономерности, но и особенности, присущие данной подгруппе внутри группы однородных явлений. В то же время модель в отличие от исторического опыта той или иной страны не включает в себя единичного. Именно такими предстают перед нами модели, воплощающие исторический опыт буржуазных революций, с одной стороны, в Англии, с другой — в Болгарии. Обе они означали переход от феодализма к капитализму, и таким образом тождество исходных и конечных точек налицо. Но их конкретно-историческое осуществление протекало по-разному. В Англии к середине XVII в. сформировался развитый и массовидный капиталистический уклад, и возникшей политической власти буржуазии предстояло только закрепить и упрочить это развитие. В Болгарии же к семидесятым годам прошлого века капиталистический уклад существовал только в зародыше, ибо турецкий гнет не просто препятствовал, но во многих случаях сводил к нулю развитие капитализма. Вот почему буржуазная революция в Болгарии начиналась с создания новой политической надстройки, которая приняла затем самое активное участие в формировании нового, капиталистического базиса. Эта («болгарская») модель буржуазной революции оказывается и сегодня предпочтительной для многих развивающихся стран.

Метод исторических параллелей

Специфичным для обществознания является использование метода исторических параллелей. В определенной степени этот метод представляет собой модификацию общенаучного метода аналогии, но модификацию, как мы увидим, весьма существенную.

В формальной логике аналогией называется такой вид умозаключения, когда на основе сходства в ряде существенных признаков между двумя или несколькими предметами делается вывод о наличии у интересующего нас предмета признака, характерного для других сравниваемых предметов. Умозаключение по аналогии имеет следующую форму:

Предмет А имеет признаки а, б, в, г, д, е
Предмет Б имеет признаки а, б, в, г, д...

Следовательно: предмет Б, возможно, имеет признак «е».

В чем же состоят особенности применения этого метода в общественных науках?

Во-первых, аналог изучаемых природных явлений может быть моделирован в физической форме, а при исследовании социальных процессов и феноменов аналог может уже не существовать и даже не может быть воспроизведен. В связи с этим аналогом изучаемого явления выступают часто знания о сходных прошлых событиях.

Во-вторых, в историческом процессе нет полной повторяемости событий и явлений. В лекциях по философии истории Гегель отмечал: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминания о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего»¹.

В-третьих, исторические аналогии более условны, их вероятностный характер усугубляется тем, что общественные события совершаются сознательной деятельностью людей, которая далеко не всегда может быть аналогичной деятельности, имевшей место в прошлом.

В силу этих особенностей аналогии в обществознании принимают форму исторических параллелей. Уже сам термин «исторические параллели» как бы протестует против представления о полном совпадении, абсолютном повторении общественных явлений. События, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно различным результатам. Вот почему использование метода исторических параллелей предполагает предварительную разработку важнейших принципов типизации общественных явлений. И хотя задача эта в нашей философской и историко-методологической литературе еще далеко не решена, однако некоторые аспекты ее уже выявлены. Это прежде всего — наличие у сравниваемых явлений однотипной социально-экономической или технико-технологической почвы, а если речь идет о

¹Гегель Г. Философия истории. Соч. — М., 1935. — Т. 8. — С. 7—8.

разных формациях или разных ступенях цивилизации — их принадлежность к однопорядковым эпохам (скажем, к эпохе становления/новой формации). Можно указать и на принцип сходства политической обстановки и размежевания общественных сил¹.

Метод исторический параллелей — это метод, применяемый, прежде всего, при обобщении прежнего исторического опыта в его сопоставлении с сегодняшним. Он помогает нам в познании «вертикальных стволов» истории, но он недостаточен для полного и всестороннего познания разветвленной системы ее «горизонтальных стволов», т.е. общего и особенного в развитии различных государств и народов на данном историческом этапе. Достоверная картина исторического прошлого и настоящего предстает перед нами только при одновременном использовании всей системы методов социального познания.

3. Социальное предвидение

В своей целеполагающей деятельности, из которой складывается история, человек всегда стремился постичь будущее. Его не могут не волновать судьбы своей страны, своего народа, своя собственная судьба. Особенно обострился интерес к будущему в современную эпоху в связи со становлением информационно-компьютерного общества, в связи с теми глобальными проблемами, которые ставят под вопрос само существование человечества. Обострение же этого интереса привело к настоящему футурологическому взрыву. Философы, социологи, экономисты, историки пытаются охватить будущее во всем его широком диапазоне — от проблемы «вызова 2000 года» до проблемы существования человечества в течение «следующего миллиона лет», как об этом писал Чарлз Гальтон Дарвин — правнук великого биолога.

**Сущность
научного
предвидения**

Что же представляет собой предвидение (речь пойдет, разумеется, о предвидении научном, в отличие от астрологического, хиромантического и т.д.)? Какова его природа и сущность?

Нередко предвидение связывают с «опережающим отражением действительности», открытым в свое время одним из круп-

¹О проблеме типизации общественных явлений см.: *Крапивенский С.Э.* К анализу категории «социальная революция». Волгоград, — 1971. — С. 7—17.

нейших физиологов XX в. П.К.Анохиным. Между тем, у П.К.Анохина речь идет об «опережающем возбуждении», присущем всему биологическому миру — не только животному, но и растительному. Попытка прямого выведения из этого свойства способности человека и общества в целом к прогнозированию представляют собой, на наш взгляд, наглядный пример упрощающей редукции, механического сведения социального к биологическому. Живой организм способен «предвидеть» результат развертывания такой цепочки событий, которая реализовывалась уже неоднократно (так, например, дерево, «предвидя» наступление морозов, сбрасывает листья). Человек же в процессе предвидения имеет дело не только с объектами, которые не существуют или не наблюдаемы в данный момент, но и с такими, с которыми он вообще еще никогда не встречался.

Таким образом, с объяснением природы социального предвидения все обстоит гораздо сложнее. Даже рассматривая предвидение как свойство человеческого сознания, развившееся в процессе общественной практики, мы еще не до конца расставляем все точки над «i». Наверно, надо сказать более определенно: предвидение (тем паче научное) есть функция не индивидуального, а общественного сознания. Даже в индивидуальном предвидении, основанном, казалось бы, на чисто личном опыте, человек не может быть свободным от фактологической и генерализующей информации, заложенной в сознании общественном.

Общественная природа предвидения особенно рельефно предстает перед нами в научном предвидении, предпосылками которого являются такие продукты общественного духовного производства, как гипотезы, законы, теории. В научном предвидении нет чего-либо мистического, оно представляет собой такое знание о неизвестном, которое основывается на уже известном знании о сущности интересующих нас явлений и процессов и о тенденциях их дальнейшего развития.

Следует подчеркнуть принципиальные отличия научного предвидения от пророчества и утопизма.

Прогноз, как мы уже выяснили, опирается на знание реальных взаимосвязей (прежде всего закономерностей), а для прорицаний характерным является опора на откровения, видения, фантастические взаимосвязи, равно как для утопий (претендующих на научность и нередко действительно воплощающих в себе определенный элемент научного) характерно восполнение недостающих реальных знаний вымышленными конструкциями.

ми и деталями. При этом автор утопии исходит из субъективных желаний и оценок, из моральных требований, экстраполируя все это на будущую действительность.

Научное предвидение никоим образом не претендует на абсолютно точное и полное знание будущего, на свою обязательную достоверность: даже тщательно выверенные и взвешенные прогнозы оправдываются лишь с определенной степенью достоверности. И если прорицания, как и утопии, пытаются дать, как правило, готовую, статическую, застывшую, изолированную картину прорицаемых или фантазируемых обстоятельств, то для прогноза характерна картина динамическая, развивающаяся, не претендующая на завершенность.

Прорицания и утопии, как правило, невозможно опровергнуть научными аргументами и соображениями, ибо они не опираются на взаимосвязи, поддающиеся проверке. Прогнозы же могут быть проверены при помощи научно-теоретических суждений, они вполне отвечают выдвинутому К.Поппером принципу фальсифицируемости как критерию демаркации науки от ненауки. Это означает, что они могут быть как подтверждены, так и опровергнуты.

Научное предвидение, как следует из всего сказанного, есть вероятностное знание. Степень его достоверности зависит от ряда факторов.

Во-первых, степень достоверности прогностического знания зависит от того, какое будущее подвергается предвидению — *непосредственное* (отделенное от нас, скажем, 20—30 годами), *обозримое* (охватывающее собой большую часть следующего столетия) или *отдаленное* (за указанными пределами). Нетрудно догадаться, в каком направлении будет убывать степень достоверности знания. В первом случае возможны весьма достоверные прогнозы; во втором — преобладают знания правдоподобные, основанные на весьма неполной индукции; в третьем — мы имеем дело с сугубо гипотетическими предположениями.

Во-вторых, степень достоверности предвидения зависит от того, насколько оно обосновано знанием соответствующих закономерностей. При этом ненадежность прогноза, как правило, тем больше, чем больше приходится прибегать к гипотезам о законах вместо самих законов.

В-третьих, степень достоверности предвидения зависит от того, насколько оно системно, насколько оно учитывает всю сложность прогнозируемого состояния общества или отдельного его компонента.

Все эти детерминанты достоверности социального прогноза должны особо скрупулезно учитываться сегодня при решении вопроса о перспективах современной цивилизации.

**Человечество
перед лицом
глобальных
проблем**

Этот вопрос в различных его аспектах был уже поставлен в предшествующих главах книги (в связи с относительной самостоятельностью в развитии техники, экологическим кризисом и путями выхода из него, глобальной опасностью вандализации культуры, проблемой «пределов роста», ролью науки в современном мире). Сейчас же попытаемся его рассмотреть в более обобщенном виде, исходя из системной взаимосвязи всех глобальных проблем, вставших перед человечеством на рубеже столетий.

Что же представляет собой эта система? Обычно, говоря о ней, выделяют следующие основные структурные элементы: угроза мировой термоядерной войны; нарастающие «ножницы» в уровне экономического и культурного развития стран, составляющих «мировой город» и стран, составляющих «мировую деревню»; истощение природных ресурсов; катастрофические аномалии в сфере демографической (в виде «взрыва» рождаемости в одних случаях и намечающейся депопуляции в других); загрязнение природной среды, подводящее человечество к черте небытия; набирающая темп и разнообразящаяся регионально вандализация культуры. Впрочем, последняя проблема включается в анализируемую систему далеко не всегда, что в определенной степени свидетельствует о недооценке ее серьезности. За бортом системного анализа глобальных проблем остаются острейшие проблемы здравоохранения (наркомании, алкоголизма, распространения гепатита, СПИДа). С точки зрения сегодняшней статистики такая элиминация вполне объяснима: эти проблемы оцениваются как принципиально менее опасные по сравнению с угрозой термоядерной войны, экологическим кризисом и т.д. Но если брать глобальные проблемы в их динамике, то вполне понятно, что элиминируемые сегодня из анализа проблемы завтра могут выйти на передний план не только по причине своего собственного саморазвития, но и в связи с полным или частичным разрешением других, более приоритетных ныне проблем, а так же из-за косвенной связи с ними.

Взаимосвязь и взаимообусловленность всех глобальных проблем современности не подлежит сомнению, и мы о ней уже в определенной степени говорили в связи со сложившейся эко-

логической ситуацией (глава седьмая). Но, как известно, сама по себе взаимосвязь и взаимообусловленность каких-либо явлений еще отнюдь не свидетельствует о их принадлежности к единой системе. Совокупность взаимосвязанных явлений превращается в целостность только тогда, когда среди них наличествует системообразующий фактор. Тщательно перебрав и взвесив только что перечисленные глобальные проблемы, мы приходим к выводу, что ни одна из них не может быть признана системообразующей. Следовательно, за пределами структурного анализа осталось нечто весьма важное, без чего нельзя представить совокупность глобальных проблем в качестве системы.

Этим «весьма важным» оказывается *проблема стихийности и неравномерности развития человечества*, т.е. проблема социальных свойств, выступавших в качестве атрибутивных не только в предцивилизационный период истории, но и на обеих предыдущих ступенях цивилизации. Могут возразить по небезызвестной формуле «или-или»: либо стихийность и неравномерность есть *причина* так называемых глобальных проблем — либо они (стихийность и неравномерность) выступают в роли одного из структурных элементов самой системы глобальных проблем. Но в том-то и дело, что истина и здесь оказывается на стороне диалектической формулы «и — и». Перефразировав Спинозовское «*natura est causa sui*», можно сказать, что система есть причина самой себя в том смысле, что системообразующий фактор выступает основной внутрисистемной причиной.

Стихийность и неравномерность развития оказывали свое неоднозначное воздействие и на предыдущих этапах исторического процесса. Противоречивость этого воздействия наглядно демонстрирует закон неравномерности развития, возьмем ли мы международный или внутренний планы его реализации. В плане внутреннем речь идет о неравномерности развития различных сфер жизнедеятельности внутри данного социума — города и деревни, технического базиса и культуры и т.д. Под международным планом имеется в виду неравномерность развития стран, регионов, континентов, их противоположность. И как всякая социальная противоположность, неравномерность означает эксплуатацию, угнетение одних общественных коллективов другими. Однако негативные последствия стихийного и неравномерного развития человечества в прошлом более или менее локализовывались и, несмотря на их «повсеместность», не принимали глобального характера.

Ситуация принципиально изменилась во второй половине XX в., когда научно-техническая революция, подведение под цивилизацию информационно-компьютерного технологического базиса и логика геополитического и экономического развития сделали наш раздираемый противоречиями мир до предела взаимозависимым. Теперь не только исторический процесс в своей тенденции, но и историческая действительность как сегодняшнее, уже достигнутое состояние этого процесса стали поистине мировыми, всемирными. Каждый отчетливо представляет, что на земном шаре нет такой точки, куда бы не долетела баллистическая ракета. Каждый отчетливо представляет, что значит закрыть заслонку на транснациональном газопроводе или прекратить поставки нефти по традиционным обязательствам. Каждый отчетливо представляет, какую опасность для всего мирового сообщества таит в себе нарастающее отставание афроазиатского региона.

Какую бы отдельную проблему из системы глобальных мы не взяли, она не может быть решена без предварительного преодоления стихийности в развитии земной цивилизации, без перехода к согласованным и планомерным действиям в общепланетарном масштабе. Такие согласованные и планомерные действия, как подчеркивается в футурологической литературе последних десятилетий, могут и должны спасти и общество, и его природную среду. В сложившихся к концу XX в. условиях ни первая, ни вторая система уже не могут продолжать функционировать стихийно без риска катастрофы для каждой из них. Единственный выход — в переходе от саморегулирующейся к управляемой эволюции планетарного сообщества и его природной среды¹.

Необходимость планетарного сознания

В этих условиях решающее значение приобретает *единое планетарное сознание*, которое стихийно формируется на психологическом уровне как первичное отражение новых для человечества характеристик социального бытия, но требует больших усилий для своего становления на более осознанном и (в этом смысле) идеологическом уровне.

Идея формирования единого планетарного сознания очень долго и болезненно пробивала себе дорогу в отечественном общественном сознании. Многие годы даже сама мысль о возмож-

¹См., например: *Кууси П.* Этот человеческий мир. — М., 1988.

ности и целесообразности такового воспринималась как крамольная, как своего рода идеологическая диверсия со стороны оппонентов из противостоящего социализму лагеря. Хотя, казалось бы, в возникновении планетарного сознания есть своя железная логика: как наличие важных национальных проблем находит свое отражение в национальном самосознании, так и система глобальных проблем конца XX в. с неизбежностью порождает самосознание общепланетарное.

Каковы же наиболее существенные черты планетарного сознания?

Во-первых, *доминантой планетарного сознания является приоритет общечеловеческих ценностей над более частными* (региональными, национальными, классовыми). Стоит этой доминантой пренебречь, и планетарное сознание теряет свой смысл. Данная закономерность обусловлена тем, что, даже выработав планетарное сознание, мировое сообщество продолжает оставаться разношерстным и противоречивым. Сохраняются неополитические и экономические коллизии между так называемыми великими державами; острые, грозящие вылиться в опаснейшие конфликты, противоречия между Севером и Югом; не исчезла межклассовая и межэтническая напряженность во многих странах и регионах. Планетарное самосознание не способно ликвидировать эти объективные противоречия — его задача заключается в том, чтобы отвести их на задний план и обеспечить конструктивное сотрудничество всех стран и народов в деле разрешения глобальных проблем, нависших над человечеством. Принцип «пусть погибнет весь мир, но восторжествует справедливость!» всегда был лишен гуманистического смысла, но сегодня, когда мир действительно повис над пропастью, следование этому принципу превращается в преступление. Мир сначала должен быть спасен таким, какой он есть — справедливым и не очень, прекрасным в одних проявлениях и безобразным в других. Именно эта великая задача вызвала к жизни планетарное сознание, или, как его часто называли недавно, новое политическое мышление. Если вспомнить, что на международной арене любой вопрос взаимоотношений (экономический, экологический и т.д.) превращается по сути дела в политический, то употребление этого синонима вполне допустимо. И все же термин «планетарное сознание» точнее, ибо подразумевает его необходимую массовидность, а не принадлежность только профессионалам-политикам.

Во-вторых (и это вытекает из сказанного), *планетарное сознание вызывает существенную коррекцию в общественном сознании отдельных народов и стран, а также в индивидуальном сознании*. Космополитическая ментальность, ощущение себя гражданином мира, которые раньше нередко подвергались осмеянию и даже остракизму, сегодня превращаются в органический элемент политической культуры. В связи с этим происходят принципиальные подвижки в соотношении индивидуализма и коллективизма как социокультурных ценностей, которыми человек и общество руководствуются в своей практической деятельности. При этом приоритет все больше сдвигается в сторону планетарного коллективизма в противовес господствовавшему веками индивидуализму государств и народов. Иначе и быть не может: чтобы спасти мир, планетарная солидарность из факта сознания должна превратиться в общечеловеческую практику. Кстати, как отмечалось на XIX Всемирном философском конгрессе (Москва, 1993), заметные подвижки в пользу коллективизма ощущаются сегодня в развитых странах Запада и в связи с продвижением к новой ступени цивилизации и процессом социализации общественных отношений. Нетрудно заметить, что подвижки эти и в своем международном, и в своем внутреннем варианте однонаправленны. Причем речь идет, конечно же, не о новой форме подавления индивида коллективом. Об этом следует говорить особо, ибо опасения на сей счет высказываются общественным мнением. Тейяр де Шарден зафиксировал их следующим образом: «Сосредоточиться на себе, быть в состоянии сказать «я» — это в конечном счете рассматривается нами как привилегия (или скорее недостаток) индивида в той мере, в какой он, замыкаясь от остального, становится антиподом целого. Двигаясь в обратном направлении, к коллективу и универсуму, т.е. к тому, что наиболее реально и прочно в мире, «Его», думается нам, идет на убыль и аннулируется»¹. В действительности же, как показал де Шарден, налицо продвижение к «дифференцированному единству», в котором индивидуальность не теряется и не смешивается, а еще более совершенствуется. Отметим вскользь, что в русской философии это называлось «соборностью».

В-третьих, *планетарное сознание характеризуется высшей степенью онаученности*, что связано с невозможностью решения глобальных проблем просто при помощи «здравого смысла», в

¹Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1987. — С. 204.

обход новейших достижений естественных, технических, гуманитарных и философских наук. Сложный комплекс глобальных проблем может быть решен только на основе использования всего комплекса научного знания, которое сегодня концентрируется прежде всего в так называемых стыковых отраслях. В частности, планетарное сознание призвано вобрать в себя важнейшие выводы синергетики. Сошлемся лишь на некоторые из них. А. Сложноорганизованным системам (таковой является и система «общество—природа») нельзя навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать реализации их собственных тенденций, как выводить системы на оптимальные пути. Б. Для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития, следовательно, распознав их и отвергнув апокалипсический вариант, есть возможность осознанно, с использованием достижений того же научно-технического прогресса, найти такой вариант дальнейшего развития, который устраивал бы человека и вместе с тем не являлся бы разрушительным для природы. В. Для оптимального оперирования со сложными системами и управления ими главное не сила, а правильно по своей архитектуре выстроенная цепочка воздействия: наиболее эффективными оказываются малые, но правильно организованные — *резонансные* — воздействия на сложные системы¹. Нетрудно заметить, насколько синергетика и философия в этих выводах взаимопроникают друг в друга.

Будущее как философская проблема

Будущее человечества всегда было значительной мировоззренческой и методологической проблемой, а социальный прогноз всегда выступал как мысленная модель предстоящего развития, т.е. как философское осмысление будущего. Если верно, что философия не может закончиться, пока продолжают социальные изменения, то не менее верно и другое: сами эти социальные изменения нуждаются в солидном философском обосновании. Подчеркнем — в обосновании специфически философском, не стремящемся превратиться в политические решения и технологические рецепты. Ведь философия, как подчеркивал в свое время А.Шопенгауэр, «по существу своему только размышляет и исследует, а не предписывает. Становить-

¹См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. — 1992. — № 12. — С. 4—5.

ся же практической, руководить поведением, перевоспитывать характер — это ее старые притязания, от которых она теперь, созрев в своих взглядах, должна бы, наконец, отказаться»¹.

В чем же тогда может и должна проявиться активная роль философии в этой «пограничной» для всего человечества ситуации?

Философия призвана осуществить методологический и мировоззренческий синтез современного научного знания и дать философское обоснование его включения в культуру, обеспечить науку конца XX в. новым категориальным аппаратом.

От социальной философии общественная практика ждет всесторонних исследований научно-технического прогресса и его последствий, глубокого осмысления сложившихся противоречий между научно-техническим и социальным прогрессом, критического анализа традиционных для техногенной цивилизации и во многом уже устаревающих ценностей.

Требуется философское обоснование как самой необходимости планетарного сознания, так и его важнейших характеристик, присущих ему общечеловеческих ценностей. Исполнение этого «социального заказа», посильное и в то же время не претенциозное участие философии в становлении планетарного сознания, призванного спасти мир, отвечает подлинному смыслу самой философии и ее целительным способностям.

Перед лицом опаснейших глобальных проблем человек ждет от философии ничем не заменимой духовной поддержки. Ведь с будущим связывает он все свои желания и надежды и отнюдь не ради любопытства хочет знать, насколько его чаяния «вписываются» в реальные перспективы будущего.

«Смотрите на жизнь философски», — советуем мы своим друзьям и близким в трудные для них минуты, имея в виду внутренне присущий философии оптимистический характер. «Отличительный признак мудрости, — подчеркивал М. Монтень, — это неизменно радостное восприятие жизни»². И хотя современная, явно драматическая ситуация не дает поводов для бездумной жизнерадостности и бодрячества, максима Монтеня позволяет философии оставаться на позициях взвешенного, мужественного оптимизма: будущее человечества не безальтернативно, сегодняшний кризис цивилизации может смениться более светлой полосой.

¹ Шпенглер А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии: В 4 т. — М., 1971. — Т. 3. — С. 694.

² Монтень М. Опыты. — М.; Л., 1954. — Кн. 1. — С. 208.

Вселяя в Человека подобный оптимизм, философия с честью выполняет свою важнейшую — гуманистическую — функцию. /

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Чем определяется специфичность социального познания?
2. Насколько правомерны и возможны социальные эксперименты?
3. Что дает метод исторических параллелей для познания общественных явлений и процессов?
4. Почему именно сейчас человечество столкнулось с необходимостью выработки планетарного сознания?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: НАУЧНЫЙ СТАТУС, ФУНКЦИИ, СМЫСЛ	3
1. <i>Общественно-научный срез философии</i>	—
Генезис философии	—
Научный статус социальной философии	5
Мировоззренческая функция	6
Методологическая функция	7
Гуманистическая функция	10
Общекультурная функция	11
2. <i>Место социальной философии в системе гуманитарного и всего научного знания</i>	12
Социальная философия и социология	13
Социальная философия и история	14
Социальная философия и негуманитарное знание	16
3. <i>Логика развития социальной философии</i>	17
Социологический идеализм	—
Географический детерминизм	19
Предпосылки и сущность исторического материализма	20
Биологический детерминизм	23
Психологическое направление	25
Техницистское направление	26
К синтезу социально-философского знания	27
Глава вторая. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	31
1. <i>Человек и история</i>	—
Человек как предпосылка истории	—
Общественная практика	35
Человек как результат истории	36
2. <i>Биологическое и социальное в человеке</i>	38
Случайность или закономерный итог развития вселенной?	—
Homo sapiens — вид биологический	40
Несводимость социального к биологическому	42
Индивидуальное и социальное	44
3. <i>Проблема смысла жизни</i>	45
Установка «иметь»	46
Установка «быть»	48
Выбор и ответственность	50
4. <i>Объективные законы общественного развития и сознательная деятельность людей</i>	53

Специфика социологических законов	53
О так называемых «исторических законах»	54
Субъективный фактор в истории	55
Волонтаризм	56
Фатализм	58
Роль случайности в истории	59
Глава третья. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА	62
1. <i>Общественные отношения</i>	—
К вопросу о «клеточке» социума	—
Природа общественных отношений	63
Отношения материальные и духовные	65
Межличностные отношения	68
2. <i>Социальные системы: структурно-компонентный анализ</i>	70
Трудный путь к системному подходу	—
Социальная система и ее характерные черты	72
Компоненты социальных систем	75
3. <i>Социальные системы: функциональный анализ</i>	78
Социальная система и ее среда	—
Основные функции социальной системы	80
Глава четвертая. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА	83
1. <i>Материальное производство</i>	—
Место в социуме и структура	—
Материальное производство как объект исторического исследования	85
2. <i>Технологический способ производства</i>	87
Концепции технологического детерминизма	—
Относительная самостоятельность техники	89
Технические революции	91
Технологические отношения	93
3. <i>Экономический способ производства</i>	94
Производительные силы	95
Структура производственных отношений	96
Основное и исходное производственные отношения	98
4. <i>Законы общественного развития, генерируемые материальным производством</i>	102
Закон соответствия производственных отношений характеру, уровню и потребностям развития производительных сил	—
Закон активного обратного воздействия производственных отношений	106
Основной социологический закон	109
Глава пятая. СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА	113
Понятие социальной структуры	—
1. <i>Этническая структура общества</i>	114
Род и племя	115

Народность	116
Нация	117
2. Демографическая структура общества	119
Народонаселение и экономика	120
Народонаселение и надстройка	123
Законы народонаселения: биологичны или социальные?	125
3. Поселенческая структура общества	127
Город	128
Город и деревня в их взаимоотношениях	130
Урбанизация или рурализация?	132
4. Классы и классовые отношения	134
Классы и экономические отношения	—
Возникновение классов	—
Определение классов	136
Межклассовые и внутриклассовые отношения	138
Устарел ли классовый подход?	139
5. Социальная стратификация	140
Страты в нашем обществе	142
Сословия и касты	144
6. Профессионально-образовательная структура	145
Воспроизводственная роль образования	146
Интеллигенция	148

Глава шестая. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМЫ КРУПНОМАСШТАБНОГО ЧЛЕНЕНИЯ	151
К истории вопроса	—
1. <i>Формационный срез истории</i>	152
Общественно-экономическая формация	—
Основные элементы формации	153
Существует ли «чистая» формация?	156
Единство и многообразие истории человечества	157
Современные споры вокруг «пятичленки»	160
2. <i>Цивилизационный срез истории</i>	163
Что такое цивилизация?	—
Сущность цивилизационного подхода	167
Хроническое отставание марксизма	168
3. <i>К многомерному видению истории</i>	170
Сопряжение формационного и цивилизационного	171
Технико-технологический базис и другие элементы социума	174

Глава седьмая. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА	177
1. <i>«Географическая основа всемирной истории»</i>	—
Понятие географической среды общества	—
Воздействие геосреды: основные направления	178
2. <i>Экологический компонент исторического процесса</i>	181
Экологическая деятельность	—

Социально-экологические отношения	182
Экологическое противоречие	183
Экологический кризис	184
3. <i>Современная экологическая ситуация</i>	185
Сущность современной экологической ситуации	—
Пути выхода из кризиса	187
Глава восьмая. ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЫТИЕ ОБЩЕСТВА	191
1. <i>Государство: формационный смысл</i>	—
Происхождение государства	—
Формационная функция государства	193
2. <i>Государство: цивилизационный смысл</i>	196
В защиту теории «общественного договора»	—
Цивилизационные функции государства	198
3. <i>Экономика и политика</i>	200
К вопросу об этакратических формациях	201
Частная собственность и демократия	203
4. <i>Государство и гражданское общество</i>	205
Закрытые и открытые общества в их отношении к гражданам	—
«Непреодолимая парадоксия»	207
Структура гражданского общества	208
Бюрократия и гражданское общество	209
Политические партии	211
Глава девятая. ДУХОВНОЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	215
1. <i>Духовная жизнь как подсистема социума</i>	—
Духовные потребности	—
Духовная деятельность	217
Духовное потребление	218
2. <i>Общественное сознание и его структура</i>	219
Идеальное	—
Относительная самостоятельность общественного сознания	220
Общественная психология и идеология	224
Менталитет	227
Общественное и индивидуальное сознание	228
3. <i>Формы духовно-практического освоения социальной действительности</i>	231
Почему многообразие? Почему единство?	—
Об историческом сознании	232
Моральное сознание	233
Происхождение и сущность морали	—
Общечеловеческое в морали	234
Профессиональная этика	235
♦ <i>Политическое сознание</i>	236
Специфика политического сознания	—
Идеологические принципы и политическая практика	238

<i>Правосознание</i>	240
Формационное и цивилизационное в праве	—
Правосознание как психология	241
Правосознание как идеология	242
4. <i>Формы духовного освоения окружающего мира</i>	244
<i>Эстетическое сознание</i>	—
Искусство и действительность	245
Специфика художественного отражения действительности	246
<i>Религиозное сознание</i>	248
Специфика религии как формы общественного сознания	—
Социальные функции и роль религии	251
<i>Философское сознание</i>	253
Является ли философия наукой?	254
Связь философии с бытием	255
Высший уровень абстракции	256
Глава десятая. НАУКА	258
1. <i>Наука как форма общественного сознания</i>	259
Наука и эмпирическое знание	—
Специфика научного познания	262
Дифференциация и интеграция научного знания	263
2. <i>Наука как отрасль духовного производства</i>	264
Проблема	265
Гипотеза	267
Теория	268
Роль творческого воображения в научном познании	269
3. <i>Наука как социальный институт</i>	271
Структура науки	—
Этнические и социокультурные ценности науки	272
Роль научной рациональности в развитии общества	274
4. <i>Наука как непосредственная производительная сила общества</i>	277
Определяющая зависимость науки от производства	—
Относительная самостоятельность развития науки	277
Новый этап взаимодействия науки и производства	279
Глава одиннадцатая. ЛИЧНОСТЬ	282
1. <i>Человек, индивид, личность</i>	—
Человек. Индивид	—
Личность	283
2. <i>Личность и общество</i>	284
Импульсы развития личности	—
Три социальных типа личности	286
Свобода и ответственность личности	290
Проблема отчуждения	292
3. <i>Социальные роли личности</i>	295
Личность как труженик	—

Личность как собственник	296
Личность как потребитель	298
Личность как гражданин	299
Личность как семьянин	300
Глава двенадцатая. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	304
1. <i>Типы социальной динамики</i>	—
Циклический тип социальной динамики	305
Линейный тип социальной динамики	308
Спиралевидный тип социальной динамики	310
2. <i>Революционное и эволюционное в историческом процессе</i>	313
Скачки «взрывные» и «постепенные»	—
Социальные революции: закономерность, системность, кардинальность	315
Социальные революции: всеобщность и поступательность	318
«Эволюционные» революции в прошлом и настоящем	320
3. <i>Социальная мобильность</i>	323
Типология социальных перемещений	—
Каналы вертикальной мобильности	325
4. <i>Общественный прогресс</i>	327
«Пределы роста»	329
Критерии общественного прогресса	331
Глава тринадцатая. СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	335
1. <i>Народ</i>	336
Толпа	340
Решающая сила общественного развития	342
2. <i>Классы и нации как субъекты социального развития</i>	346
Классовая борьба как движущая сила	—
Национальные движения и общественный прогресс	349
3. <i>Роль личности в истории</i>	352
Глава четырнадцатая. КУЛЬТУРА	356
1. <i>Проблема культуры в современной философии</i>	—
Исходное представление о культуре	—
Три подхода к пониманию культуры	357
Функция культуры	360
2. <i>История как социокультурный процесс</i>	362
Культура как детерминанта развития общества	—
Неразработанность истории культуры	364
Исторический подход к культуре	365
Преемственность и взаимодействие культур	367
Запад, Восток, Россия в диалоге культур	369
3. <i>Культура в ее исторической перспективе</i>	372
Вандализация культуры как глобальная опасность	—
Культура и будущее человечества	374

Резюме: культура и социум	376
Глава пятнадцатая. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ	380
Истоки специфичности	—
1. <i>Эмпирический уровень социального познания</i>	382
Наблюдение в общественности	—
Социальный эксперимент	384
Отношение к фактам	386
2. <i>Теоретический уровень социального познания</i>	388
Исторический и логический методы	389
Моделирование	391
Метод исторических параллелей	393
3. <i>Социальное предвидение</i>	395
Сущность научного предвидения	—
Человечество перед лицом глобальных проблем	398
Необходимость планетарного сознания	400
Будущее как философская проблема	403

Учебное издание

Крапивенский Соломон Элиазарович
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Зав. редакцией *Т.А. Савчук*
Редактор *О.В. Кирьязов*
Художник обложки *В.А. Федоров*
Компьютерная верстка *А.И. Попов*
Корректор *Л.К. Никитина*

Изд. лиц. № 064380 от 04.01.96.

Сдано в набор 16.04.97. Подписано в печать 23.02.98.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,00.

Тираж 20 000 экз. (1 завод — 10 000 экз.).

Зак. № 1094.

ISBN 5-691-00053-5

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

117571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет,
тел./факс 932-56-19, тел. 437-99-98, 430-04-92, 437-25-52.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени
полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

«ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС»

Предлагает широкий выбор учебных и методических пособий, справочной литературы по всем отраслям знаний для детских садов, школ, лицеев, гимназий, колледжей и вузов,
школьные учебники к новому учебному году.

* * *

Приглашаем к сотрудничеству
учреждения образования, учебные заведения,
книготорговые организации и оптовых покупателей.

* * *

У нас всегда можно подобрать ассортимент из более чем 800 наименований новейшей учебной литературы нашего и других издательств.

* * *

Наши менеджеры оперативно обработают Ваш заказ, помогут подобрать ассортимент учебной литературы, необходимой для Вашего региона, ознакомят с перспективами издательства на ближайший квартал.

* * *

Отправляем ж/д контейнеры во все регионы России.

* * *

Хорошее обслуживание, гибкая система скидок, советы профессионалов по подбору литературы — это все в нашем издательстве!

МЫ РАДЫ ВАМ ВСЕГДА!

Адрес Гуманитарного издательского центра ВЛАДОС:
117571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет, а/я 19.

Телефоны: 437-99-98, 430-04-92, 437-25-52.

Телефон/факс: 932-56-19.

Проезд: м. Юго-западная

В «Гуманитарном издательском центре ВЛАДОС»

вышел в свет

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ФИЛОСОФИИ

под редакцией В.Л. КАЛАШНИКОВА – доктора философских наук, профессора, основателя и первого ректора Московского института национальных и региональных отношений.

Научный редактор – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Международной Славянской Академии *Е.Ф. Солопов.*

В книге содержатся материалы о дохристианской Руси, о русской цивилизации и ряд других тем, не имеющих аналогов.

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ФИЛОСОФИИ

можно приобрести по адресу:

117571, Москва, просп. Вернадского, 88.

Московский педагогический государственный университет,

тел. 437-99-98, 430-04-92, 437-25-52,

тел./факс: 932-56-19.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

В «Гуманитарном издательском центре ВЛАДОС» вышла

книга **В.Г. Горбачева**

«ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ».

Издание предназначено для студентов педагогических вузов, колледжей и училищ, иных учебных заведений гуманитарного профиля.

В лекциях активно использованы межпредметные связи, что значительно облегчает изложение и усвоение материала. Автор сделал акцент на всестороннее раскрытие бытия человека в окружающем его мире, что определило структуру курса.

Учебное пособие можно приобрести по адресу:

117571, Москва, просп. Вернадского, 88.

Московский педагогический

государственный университет,

тел. 437-99-98, 430-04-92, 437-25-52,

тел./факс: 932-56-19.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

СОЛОМОН ЭЛИАЗАРОВИЧ КРАПИВЕНСКИЙ – доктор философии, победитель конкурса на учебники нового поколения по гуманитарным наукам.

Возникновение философии как науки относится к тому этапу человеческой истории, когда обнаружилась явная недостаточность эмпирических знаний для приспособления к социальной и биологической среде.

Автор раскрывает в учебнике место социальной философии в системе гуманитарного и всего научного знания. Анализирует взаимоотношение ее с социологией.

Учебник адресован студентам, аспирантам и преподавателям высшей школы.

